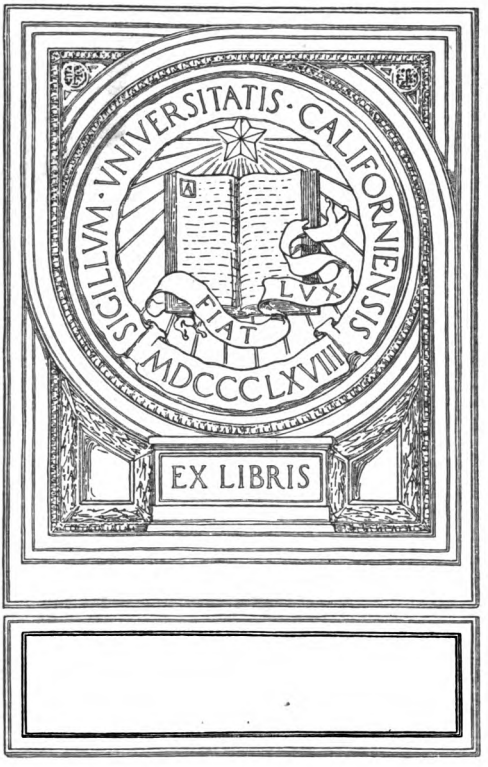
UC-NRLF
$B 598 654

Бобру
Публичная Б
№ 60
имени А. С. Пушк



Т-во И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина.

Приступая къ изданію **научныхъ и научно-популярныхъ книгъ**, Товарищество И. Д. Сытина поручило общее завѣдываніе новымъ отдѣломъ **Н. А. РУБАКИНУ**. Новый отдѣлъ заключаетъ слѣдующія серіи:

I. Библіотека классическихъ авторовъ.

Собранія сочиненій выдающихся мыслителей и ученыхъ разныхъ вѣковъ и народовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на первые четыре выпуска «Библіотеки», заключающіе въ себѣ первую половину

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ слѣдующія сочиненія Спенсера: Т. I—II. **Основанія психологіи.** Т. III—IV. **Основанія соціологіи.** Первое русское изданіе этихъ переводовъ было сдѣлано И. И. Билибинымъ.

Подписная цѣна на всѣ 4 тома 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., при полученіи I, II и III томовъ по 1 р. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ **Т-ва И. Д. Сытина** (Москва, С.-Петербургъ, Варшава), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (С.-Петербургъ, уголъ Б. Садовой и Б. Подъяческой), въ книжн. магаз «Издатель» (Спб., Невскій пр., у Аничкина моста).

Гг. учащіе и учащіеся, обращающіеся непосредственно къ издателю или редактору, пользуются 10% скидки съ подписной цѣны.

Томъ I выйдетъ въ началѣ мая 1897 г. Все изданіе будетъ окончено къ 1 января 1898 г. По выходѣ IV т. цѣна будетъ **значительно повышена.**

Подготовляется вторая (послѣдняя) серія «Собранія сочиненій Г. Спенсера». О подпискѣ на эту серію будетъ объявлено особо.

II. Историко-культурная библіотека.

1. **ГЕЙССЕРЪ, Л. Исторія французской революціи.** Пер. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., допущ. въ библіотеки средне-учебныхъ заведеній и нар. читальни. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 2. **ШТАЛЬБЕРГЪ. Очерки изъ исторіи гуманности.** (Приготовляется къ печати).

III. Политико-экономическая библіотека.

1. **ДЕМЕНТЬЕВЪ, Е. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ.** Изд. 2-е, пересмотр. и допол. Съ прилож. библіографич. указателя по русской фабрично-заводской промышленности въ связи съ сельскохозяйственной. Спб. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. 2. **КОНРАДЪ. Краткій очеркъ политической экономіи.** Переводъ подъ ред. Туганъ-Барановскаго. (Приготовлено къ печати).

IV. Библіотека естественныхъ наукъ.

1. **АУЭРСВАЛЬДЪ и РОССМЕСЛЕРЪ. Ботаническія бесѣды.** Пер. академика А. Н. Бекетова. Новое изданіе, дополн. и перед. Со множествомъ хромо-литографій и рис. (Готов. къ печати). 2. **ТИНДАЛЬ, Д. Звукъ.** Новый переводъ съ англ. Н. С. Дрентельна. (Готовится къ печати).

V. Библіотека для дѣтей и юношества.

1. **ЗАСОДИМСКІЙ, П. Задушевные разсказы.** Изд. 3-е. Допущено въ библіотеки народн. училищъ и народныя читальни. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к. 2. **Среди цвѣтовъ. Ботаническій атласъ для дѣтей.** Текстъ Н. А. Рубакина. (Печатается).

VI. Изданія для народа.

1. **БЕРЕНЪ, М. В. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой.** Со многими рисунк. М. 1897 г Цѣна 30 коп.

2. **БЕКЕТОВА, Е. Два міра.** Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. Съ рис. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., допущ. въ библіотеки начальныхъ училищъ и нар. читальни. М. 1897 г. Ц. 35 к.

3. **Рубакинъ, Н. Чудо на морѣ или приключенія на волнахъ и подъ волнами.** Съ рисунк. М. 1897 г. Ц. 10 к.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ

АНАТОМІИ И ФИЗІОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА.

Проф. **М. Дюваля** въ Парижѣ и **П. Константена** въ Реннѣ. Переводъ съ французскаго прив.-доц. Петербургскаго университета **В. Фаусека.** Съ 368 рис. въ текстѣ. Спб. Изданіе **И. А. Ефрона.** 1893 г.

Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній.

Выписывающіе непосредственно отъ издателя (**И. А. Ефронъ.** Прачешный, 6. Спб.) за пересылку не платятъ.

НОВЫЯ КНИГИ

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВСХОДЫ

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

1) **Міръ животныхъ** — въ очеркахъ и картинахъ, сост. по Брэму, Фогту и др. Э. Пименовой. Ц. 1 р. 25 к.

2) **Клегъ Келли** — романъ С. Р. Крокетъ, въ перед. для дѣтей А. Н. Анненской. Ц. 75 к.

3) **Исторія одного мальчика. Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго**—въ перед. для дѣтей. Альфонса Доде. Ц. 75 к.

4) **Воспоминанія одного американскаго школьника**—Т. Белея Олдрича. Ц. 50 к.

5) **Голодовка у сѣвернаго полюса** — по Фонвіеллю сост. Э. Пименовой. Ц. 50 к.

6) **За правое дѣло**—разсказъ изъ средневѣковой жизни—Коломба. Ц. 50 к.

7) **Въ странѣ чудесъ**—путешествіе по Индіи. Ц. 50 к.

8) **Вымершія чудовища** — по Хетчинсону сост. Л. Давыдовой. Ц. 50 к.

Всѣ книги въ коленкоровомъ переплетѣ. Книжнымъ магазинамъ уступка 25%. Складъ изданій Спб. Лиговка, 25, редакція журнала „Міръ Божій“.

Годъ VI-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Й

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 26-го апрѣля 1897 года. С.-Петербургъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

AP50
M47
1897:5
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ВЪ КУХНѢ. Разсказъ. **С. Елпатьевскаго**. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. РАЗБИТОЕ КРЫЛО. Изъ **М. Гюйо**. **Вл. Ладыженскаго**. 16
3. ГЕНЕЗИСЪ ИДЕЙ. **Людвика Крживицкаго**. 17
4. ДАНАИДЫ. Новелла **Эрнста фонъ-Вильденбруха**. (Переводъ съ нѣмецкаго). 44
5. ОСУЖДЕННАЯ КНИГА. (Эпизодъ изъ исторіи русской литературы). **С. Ашевскаго**. 77
6. ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. **Ж. Гюйо**. (Пер. съ французскаго подъ редакц. **Л. Е. Оболенскаго**). (Окончаніе). 98
7. ЖИВАЯ ЖИЗНЬ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко**. 113
8. НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ КУРСЫ ВЪ АВСТРІИ. **М. Кроля**. 137
9. ПЕРЕЛОМЪ. Романъ **Эммы Брукъ**. Переводъ съ англійскаго **Л. Давыдовой**. (Продолженіе). 148
10. ДИЛЕММА. По поводу книги Давида Штрауса **Ульрихъ фонъ-Гуттенъ**. **Ив. Иванова**. 169
11. ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА НА ЗАПАДѢ ВЪ XVI ВѢКѢ. Профессора **Р. Виппера**. (Продолженіе). . . . 212
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * *. **Allegro**. 228

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Ростъ культуры въ русской глуши. — Новый видъ крестьянской общественности.—«Рогожные люди».—Постановка врачебнаго дѣла въ Одессѣ.—Къ характеристикѣ врачебной этики. — «Гигіенической абсурдъ» или томская хирургическая клиника.—Общество помощи погибшимъ женщинамъ въ Казани.—Общество борьбы съ заразными болѣзнями.—Книга въ сибирскомъ захолустьѣ. 1

884287

стр.

14. **За границей.** Дуэль въ германскихъ университетахъ.—Гренландская литература. — Грецiя и Турцiя. — Предстоящiя экспедицiи къ южному полюсу.—Послѣдніе дни Байрона.—Во что обошлась Франціи война 1870 года 13
15. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue Bleue».—«North American Review».—«Review of Reviews».. 25
16. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Основныя начала современной бактеріологіи. — Робертъ Кохъ и его новый методъ лѣченія чахотки.—Дѣйствительность этого метода и его несомнѣнная польза.—Чудо ребенокъ.—«Атлантида». 28
17. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Русскія и переводныя книги: Публицистика. — Русская исторія. — Политическая экономія и финансы.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Иностранная литература. 45
18. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Одинъ изъ пророковъ нашего времени. **Ив. Иванова** 71
19. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 87

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

20. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Продолженіе) 121
21. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Въ отрывкахъ изъ подлинныхъ работъ. Д-ра **Фридриха Даннеманна.** Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и дополненіями прив.-доц. С.-Петербургскаго университета **М. Ю. Гольдштейна.** (Продолженіе) 97
22. ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКАГО МІРА. (Prehistoric man and beast). **Хётчинсона.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** 49

ВЪ КУХНѢ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Пролетка вымыта и вся свѣтится, рыжая спина Варвары блеститъ, самъ Фролъ безукоризненно корректенъ въ своемъ вычищенномъ кафтанѣ съ аккуратно лежащими складками. Его безусое и безбородое лицо, немного напоминающее дѣвицу на выданьи, важно и сурово, какъ только можетъ быть важно лицо двадцати-двухълѣтняго парня, недавно попавшаго на высокій и отвѣтственный постъ кучера, и притомъ хорошо понимающаго, что только исключительные таланты могутъ создавать подобныя блестящія карьеры.

У Фрола была еще причина быть серьезнымъ. Въ кухнѣ случилось крупное происшествіе, — пропалъ Тамерланъ, съ которымъ Фролъ былъ связанъ узами симпатіи и взаимнаго пониманія. Его исчезновеніе сопровождалось нѣкоторыми скандальными подробностями, возбуждавшими у Фрола тревогу и опасѣнія за будущее Тамерлана: кухарка Орина, побывавшая утромъ въ горницахъ, подтвердила эти опасенія, сообщивши, что баринъ очень сердитъ и грозится прогнать Тамерлана.

Этимъ и объясняется, почему Фролъ, оставаясь суровымъ и холодно величественнымъ, тѣмъ не менѣе тревожно поглядывалъ на дверь подъѣзда.

Баринъ, дѣйствительно, вышелъ изъ двери сердитый. Онъ строго осмотрѣлъ сбрую на Варварѣ, пролетку и самого Фрола и, такъ какъ все оказалось въ порядкѣ и придраться было не къ чему, строго спросилъ:

— Почему Варвара заложилъ? Вчера ѣздили!

— Бычокъ подкову переломилъ, нельзя закладывать.

— Хочешь загонять Варвара? — продолжалъ сердито спрашивать баринъ.

Фролъ еще утромъ перековалъ Бычка, но онъ зналъ, что баринъ любитъ Варвара и всегда дѣлается веселъ, когда ѣздитъ на немъ.

— Загоняешь его...—Фролъ ударилъ Варвара возжей, отчего тотъ вздрогнулъ и сталъ нетерпѣливо перебирать ногами, а Фролъ говорилъ равнодушнымъ и даже презрительнымъ тономъ.

— Загоняешь! Онъ и не знаетъ, какой такой устатокъ на свѣтѣ есть! Его гоняй цѣлый день,—дыхнетъ два раза—и опять хоть на цѣлый день!

Реплика Фрола произвела свое дѣйствіе, но баринъ продолжалъ привязываться.

— За овсомъ ходилъ?

— Такъ точно. Только не стоитъ, баринъ, у Пузанова брать, все три двадцать кладетъ, а Ѳедоръ казначеевъ сказывалъ, снизу на баркахъ привезли—два шесть гривенъ. Я бѣгалъ,—овесъ чистый, шесть пудовъ.

Барину ничего не оставалось дѣлать, какъ сѣсть въ пролетку, но Фролъ, очевидно, хотѣлъ донять его и, немного проѣхавши, оборотился съ козелъ и заговорилъ своимъ суровымъ, дѣловымъ тономъ.

— На счетъ вотъ шарабана тоже... Кучинъ меньше тридцати не беретъ, говоритъ, возиться не стоитъ. Я такъ полагаю, баринъ, нечего ему отдавать, я тутъ къ Кузовлеву бѣгалъ, за восемнадцать берется, да и покраситъ въ ту же цѣну.

— Отдашь еще какому-нибудь мошеннику, положитъ заплатку на недѣлю, а тамъ опять чини.

— Никакъ нѣтъ. Своя мастерская... Московскій онъ, главнымъ мастеромъ у Кучина-то былъ. На Брюханова работаетъ, Лексѣю Лексѣичу. Архіерею карету чинилъ.

Фролъ давно зналъ про овесъ, но ему все не удосуживалось сходить на берегъ; давно набивался къ нему и Кузовлевъ, и Фролъ только тянулъ время для сохраненія престижа начальника отдѣльной части; теперь онъ все устроилъ и выкладывалъ равнодушнымъ тономъ незаинтересованнаго и только дѣлающаго одолженіе человѣка.

Баринъ это чувствовалъ и молчалъ.

Пофыркивая и подбрасывая задомъ, Варваръ весело бѣжалъ своей красивой, возбужденной рысью. Онъ чувствовалъ себя недурно. Онъ всегда держался того мнѣнія, что главное въ овсѣ не цѣна, а вкусъ, и его пищевареніе за по-

слѣднее время находилось въ превосходномъ состояніи, онъ имѣлъ много противъ городского самоуправленія, но находилъ мостовую на главной улицѣ весьма сносной; въ это утро онъ всталъ правой ногой, и яркое солнце и весенній воздухъ будили въ немъ нѣкоторыя юношескія воспоминанія и, наконецъ, неудачная, какъ всегда, попытка брюхановскаго рысака обогнать его взвинтила ему нервы и наполнила его чувствомъ пріятнаго торжества.

Баринъ любезно раскланивался съ знакомыми и успѣлъ крикнуть встрѣтившемуся доктору на счетъ винта. Фролъ, растопыривши локти въ высшемъ стилѣ, густѣйшимъ басомъ кричалъ: „держи лѣвѣй!“

Все шло прекрасно и Фролъ, выѣхавши на городской бульваръ и разчитавши, что рысь „Варвара“ успѣла оказать на барина свое благотворное дѣйствіе, заговорилъ, ни къ кому не обращаясь и пристально разсматривая собиравшіяся распуститься деревья:

— Большое въ ёмъ дарованіе...

Баринъ молчалъ, Фролъ повторилъ.

— Я говорю, Тамерлонъ... Большое, говорю, въ ёмъ дарованіе.

Такъ какъ баринъ продолжалъ демонстративно молчать, Фролъ менѣе увѣренно выговорилъ:

— И усердіе имѣетъ...

— Вотъ я за усердіе-то прогоню твоего Тамерлана,— сердитымъ голосомъ заговорилъ баринъ.—Бондарь приходилъ, опять Тамерланъ у него кочета помялъ! Говоритъ, ты учишь...

Фролъ сердито хлопнулъ возжей начавшаго было предаваться философскимъ размышленіямъ Варвара, отчего онъ подобрался и прибавилъ рыси.

— А онъ не ходи, куда не показано,—говорилъ Фролъ.— Гуляй по двору, Тамерлонъ ни въ жизнь не тронетъ, ну, а пошелъ въ сарай—не прогнѣвайся. Онъ, кочетъ-то, зачѣмъ въ сарай ходитъ? Да еще куръ скличетъ, а у меня тамъ овесъ, сами знаете...

— Бондарь пять рублей требуетъ, говоритъ, хотѣлъ кочета на бои пускать.

На дворѣ жилъ бондарь, страстный любитель пѣтушиныхъ боевъ и вѣчный врагъ Тамерлана и Фрола.

— На бои! — Фролъ презрительно скривилъ губы и съ прежнимъ убѣжденіемъ обратился къ деревьямъ.

*

— И съ курами-то путемъ управляться не умѣетъ,—тоже боецъ! Пять цѣлковыхъ!.. Они и съ хозяиномъ-то вмѣстѣ такихъ денегъ не стоятъ. И много ли потревожилъ! Такъ, крыло маленько...

Варваръ фыркалъ и подпрыгивалъ и косился на кучера своимъ чернымъ блестящимъ глазомъ, словно хотѣлъ сказать: „баринъ съ кучеромъ ругаются, а у меня спина болитъ“; а Фролъ все сердито говорилъ.

— И не отрекаюсь, я научилъ. Теща-то его, бондаря, какую манеру взяла,—какъ меня нѣтъ дома, сейчасъ въ сарай и кидаетъ оттуда овесъ да куръ скликаетъ. Хоть у Орины спросите: Ну, Тамерлонъ и отучаетъ, это точно... Мнѣ что, не мое добро!

Такъ какъ баринъ все молчалъ. Фролъ заговорилъ еще сердитѣе.

— А только безъ Тамерлона мнѣ никакъ невозможно... Сами знаете, иной разъ пріѣдемъ—перекладывай Бычка. А безъ выводки нельзя, кто же его выводить станетъ?

— Что же, твой Тамерланъ, что ли?

— Завсегда онъ. Дамъ ему въ зубы поводъ, онъ и выводитъ, пока я перекладываю.

Баринъ выдалъ голосомъ нѣкоторое любопытство.

— Что же, и слушается Бычокъ?

— Слушается...—Фролъ обернулся и улыбнулся съ нѣкоторою пріятностью.—Въ дружбѣ они съ Тамерлономъ. Почтенная лошадь, французская, образованная...

— А Варваръ?

Фролъ улыбнулся еще съ бо́льшей пріятностью.

— Развѣ съ Варваромъ сговоришь! Варваръ такъ онъ варваръ и есть. Не лады у нихъ съ Тамерлономъ. Озорной онъ, Варваръ-то! Обижается, что собака водитъ,—норовитъ копытомъ.

Варваръ внимательно прислушивался къ тому, что говорили о немъ и убавилъ ходу. Онъ могъ бы сдѣлать нѣкоторыя редакціонныя поправки, но въ общемъ былъ согласенъ съ характеристикой Фрола, въ знакъ чего и кивалъ головой благодушно и доброжелательно. Онъ шелъ шагомъ, раздумчиво поглядывая по сторонамъ, захватилъ-было клокъ сѣна изъ ѣхавшаго впереди воза, но сѣна не одобрилъ и выбросилъ изо рта, мимоходомъ обнюхался съ встрѣтившейся не молодыхъ ужъ лѣтъ, но хорошо еще сохранившейся бѣлой кобылой, и вообще чувствовалъ себя непринужденно и весело.

А въ экипажѣ шла пріятная бесѣда.

— Еще артикулу выучилъ... Скажешь ему: разсыпься въ кусты, онъ сейчасъ за бочку или за дрова и приляжетъ.

Лицо Фрола продолжало сохранять суровое выраженіе, но говорилъ онъ пѣвучимъ, ласковымъ теноркомъ.

— Ловко дѣлаетъ? Какъ это ты, разсыпься...

— Разсыпься молодцы за камни, за кусты, по два въ рядъ...

Въ глубинѣ души баринъ былъ неравнодушенъ къ артикуламъ Тамерлана и заинтересовался.

— Словно самъ на службѣ былъ! Фельдфебель заходилъ, видѣлъ, что смѣху положилъ! Говоритъ, военная косточка...

Пріятная бесѣда продолжалась и вопросъ объ изгнаніи Тамерлана, въ виду его хозяйственныхъ талантовъ и военныхъ заслугъ, остался открытымъ.

Въ это время вверху въ горницахъ шелъ также разговоръ. Барыня перебирала въ корзинѣ принесенную съ базара провизію; передъ ней стояла Орина въ темномъ платьѣ съ низко спущеннымъ на лобъ платкомъ—вся какая-то темная съ своими застывшими морщинами и не мѣняющимся, напряженно слушающимъ выраженіемъ на неподвижномъ, старомъ лицѣ,

— Потроха-то купили?—спрашиваетъ барыня.

— Плохи поросята на возахъ-то, барыня. Придется, видно, въ лавкѣ взять.

— Я говорю, потроха, потроха...—повышаетъ голосъ барыня.

Орина пристально всматривается, какъ шевелятся губы барыни, напряженное выраженіе лица становится еще напряженнѣе, и она увѣренно говоритъ:

— Какіе ужъ теперь рябчики, барыня! Весенніе...

Барыня сердится и громко кричитъ.

— Я васъ спрашиваю про потроха! Гусиныхъ потроховъ велѣла вамъ купить.

Орина сконфужена и выраженіе вины ложится на ея лицо.

— Ужъ извините, барыня, не дослышала. Были потроха, да не показались мнѣ,—волглые.

Барыня смотритъ на удрученное сознаніемъ вины старое морщинистое лицо и невольно смѣется. Осторожно, углами рта улыбается и Орина.

— На счетъ творогу вотъ, барыня...

Орина степенно разсказываетъ, что она узнала наконецъ,

что въ слободкѣ у кузнечихи есть свѣжій творогъ и сливки, и сметана, и яица, по дешевымъ цѣнамъ и заказала ужъ принести. Барыня довольна и, наклонившись къ уху Орины, громко, раздѣляя слова, на что Орина киваетъ головой, отдаетъ распоряженія насчетъ пасхи и куличей.

— Смотрите, Орина,—заканчиваетъ она,—у насъ гости будутъ. Въ часъ вернемся мы изъ церкви. Чтобы столъ готовъ былъ.

Орина беретъ корзинку и уходитъ, но, подойдя къ двери, оставляетъ корзину и возвращается.

— Барыня, платье хотѣли вы къ празднику мнѣ подарить...—робко говоритъ она.

— Будетъ, будетъ, Орина!

— Я не про то, барыня... Деньгами нельзя-ли? Мое дѣло старое, какія мнѣ платья!

— Мнѣ все равно,—успокаиваетъ ее барыня,—вотъ Иванъ Степанычъ пріѣдетъ—возьму денегъ.

Барыня мѣшаетъ ложечкой сахаръ въ стаканѣ и, поглощенная предпасхальными заботами, задумывается. Орина не уходитъ, виноватое лицо становится еще виноватѣе, морщины сбираются какъ-то книзу, а глуховатый голосъ съ усиліемъ выговариваетъ.

— Барыня!.. Тамерлона-то все нѣту...

— И очень рада,—сердито откликается барыня.—Надоѣлъ онъ мнѣ,—вѣчныя исторіи изъ-за него.

Орина осторожно обошла уголъ стола, чтобы видѣть лицо барыни, и снова заговорила:

— Попросите барина, чтобы не прогонялъ Тамерлона... Насчетъ денегъ не безпокойтесь, барыня,—я ужъ слажусь съ бондаремъ. Какъ мнѣ, барыня, безъ Тамерлона-то быть?—съ большей энергіей заговорила она.—Сами знаете, сколько народу въ кухню-то ходитъ... И нищіе, и къ барину кто, и сусѣди. А я въ погребъ ушла, или еще куда,—скажешь Тамерлону: „сиди“, онъ и стережетъ.—Орина помолчала.—Жалко ужъ больно мнѣ его, барыня!..

Виноватое и напряженно слушающее лицо Орины кажется барынѣ такимъ печальнымъ и жалкимъ и она торопливо отвѣчаетъ:

— Ладно, Орина, ладно... Я скажу барину. Идите, Орина...

Орина уходитъ, а барыня остается одна и въ десятый разъ раздумываетъ, разчитать ли ей Орину, или оставить. Ей надоѣла вѣчная путаница, которая выходитъ изъ-за глухоты

Орины, надоѣлъ звѣринецъ, который устроила она у себя въ кухнѣ,—всѣ эти „Оринины сироты“, какъ выражался Фролъ. Въ темной каморкѣ Орины всегда были какіе-то искалѣченные щенки, или птицы съ подбитыми крыльями, старыя голодныя кошки, которыхъ она отхаживала и вскармливала, а потомъ выпускала на волю или раздавала деревенскимъ пріятельницамъ, привозившимъ въ городъ молоко, яйца, грибы, ягоды. Своихъ инвалидовъ она подбирала на улицѣ, приносила изъ городскихъ канавъ, на свои деньги выкупала у озорныхъ уличныхъ мальчишекъ, знавшихъ Оринину слабость и нарочно ходившихъ предъ кухней съ какимъ-нибудь слѣпымъ щенкомъ или выпавшимъ изъ гнѣзда воробышкомъ. Все это вспоминала теперь барыня, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминала и то, что она, не считая, кладетъ деньги, приносимыя Ориной съ базара, что она на цѣлое лѣто оставляла квартиру на Орину и была спокойна, что Орина одна-одинешенька и къ ней никто не ходитъ, что, наконецъ, баринъ всегда хвалитъ Оринины щи и жаркое, а въ особенности вспоминала это жалкое и грустное лицо и то выраженіе вины неизвѣстно предъ кѣмъ и неизвѣстно за что, которое не сходило съ ея лица,—и въ десятый разъ рѣшила оставить Орину у себя.

II.

Неизвѣстно, были ли причиной угрызенія совѣсти, или нѣкоторый страхъ за будущее, просто ли необузданная страсть къ приключеніямъ, только Тамерланъ не являлся ни въ этотъ, ни на другой день, и какъ въ воду канулъ.

Не смотря на все болѣе выяснявшееся благопріятное отношеніе горницъ къ Тамерлану, настроеніе кухни было подавленное и унылое. Суровость и важность не позволяли Фролу экспансивно выражать свою тревогу, но онъ обѣгалъ полгорода, всѣ улицы, гдѣ у Тамерлана, были заведены болѣе или менѣе прочныя знакомства, и даже сбѣгалъ въ слободку, въ кузницу, гдѣ жила молодая лэди изящнаго тѣлосложенія и изысканныхъ манеръ,—предметъ давнихъ ухаживаній Тамерлана, но и тамъ его не оказалось, хотя лэди была дома. Вслѣдствіе нарушеннаго равновѣсія духа у Фрола даже произошли недоразумѣнія съ Варваромъ, что случалось очень рѣдко. Когда, во время чистки, Варваръ, въ знакъ пріятнаго настроенія духа и желанія завести сердечный разговоръ, забралъ въ губы рукавъ Фрола, онъ вмѣсто обычнаго ласковаго

отвѣта ткнулъ Варвара ногой въ брюхо, вслѣдствіе чего новая красная рубаха Фрола оказалась разорванною.

Орина же ходила, какъ въ воду опущенная. Она тоже не одинъ разъ бѣгала на собачій дворъ, и къ тому двугривенному, который всегда платила за выручку Тамерлана, обѣщала прибавить еще такую же сумму, ходила къ сестрицѣ барыни, дѣтямъ которой Тамерланъ время отъ времени дѣлалъ визиты, и въ концѣ концовъ съ глубокимъ негодованіемъ рѣшила, что причиной всему та безстыжая молочница изъ подгородной деревни, которая, какъ вспомнила Орина, путемъ систематическихъ подкуповъ склоняла Тамерлана на измѣну. Орина разыскала знакомаго извозчика, уѣзжавшаго на Пасху въ ту деревню, и дала ему соотвѣтствующія инструкціи. Красную пасху пришлось передѣлывать, а насчетъ будущности куличей у барыни явились самыя мрачныя предчувствія.

Единственной, относительно равнодушной къ участи Тамерлана, оставалась горничная Фелицата. Она недавно пріѣхала изъ слободки, ей было „шашнадцать“ лѣтъ, у ней былъ задорно поднятый кверху носъ, не закрывавшійся отъ смѣха ротъ, выдающійся талантъ бить посуду и пожирающее влеченіе къ жакеткамъ. Не смотря на значительное сходство характеровъ и міровозрѣнія, Тамерланъ и Фелицата были только добрыми товарищами и относились другъ къ другу довольно равнодушно. Она драла его за уши и кричала „Тамерлошка—дуракъ!“ а онъ трепалъ ее за подолъ и оба хохотали, всякій по своему. Но такъ какъ, кромѣ жакетокъ, Фелицата имѣла влеченіе и къ Фролу, а Фролъ, съ высоты своего кучерскаго величія вообще относившійся довольно пренебрежительно къ женскому сословію, въ эти дни совсѣмъ не замѣчалъ ея, то исчезновеніе Тамерлана отразилось и на ней, вслѣдствіе чего она била посуду сверхъ положенной нормы.

Тамерланъ былъ стройный молодой песъ съ мягкой, волнистой черной шерстью, ласковыми льстивыми глазами, влажными и блестящими, и великолѣпнымъ пушистымъ хвостомъ, вообще, обладалъ наружностью, производившею неотразимое впечатлѣніе на уличныхъ дамъ. По матери онъ происходилъ отъ почтеннаго хорошаго рода серьезныхъ и благомысленныхъ пуделей, но, къ сожалѣнію, характеръ матери не отразился сколько-нибудь замѣтно на физіономіи Тамерлана и, вѣроятно, отъ отца, затерявшагося во мракѣ

уличной неизвѣстности, онъ унаслѣдовалъ присущее ему влеченіе къ улицѣ и ту необузданную страсть къ авантюрамъ, за которую онъ такъ много платился и которая такъ часто повергала въ скорбь Орину. Тамерланъ уже не первый разъ исчезалъ изъ дому, и былъ даже случай, когда кратковременная страсть увлекла его далеко за предѣлы города. Разыскивать его въ подобныхъ случаяхъ было тѣмъ труднѣе, что у него былъ очень обширный кругъ знакомства, что объяснялось нѣкоторыми индивидуальными особенностями характера Тамерлана и упрощенной, ему одному принадлежавшей манерой заводить знакомства. Онъ налеталъ на новую встрѣчную собаку; если та оказывалась слабѣе его, онъ останавливался и съ любопытствомъ разглядывалъ катавшагося въ пыли новаго знакомаго; если новый знакомый оказывался сильнѣе и оскаливалъ зубы, онъ обворожительно вертѣлъ хвостомъ, давая понять, что, кромѣ желанія представиться, онъ не имѣлъ другихъ видовъ, чѣмъ и обезоруживалъ самыхъ злобныхъ псовъ.

Въ результатѣ получились обширныя знакомства, и въ самыхъ дальнихъ улицахъ города при видѣ Тамерлана обыватели спрашивали другъ друга: къ кому это нашъ „міровой“ ѣдетъ?

Въ немъ не было ни суровости, ни величія; онъ совершенно не оправдывалъ своего имени, которое получилъ случайно только потому, что хозяйской дочкѣ понравилось, какъ актеръ кричалъ „Тамерланъ“ въ драмѣ „Волки и овцы“. Это былъ вполнѣ современный типъ уличнаго фланера и бонъ-вивана съ смутнымъ понятіемъ о долгѣ, безъ законченнаго собачьяго міровоззрѣнія, съ неукротимой жаждой наслажденій и таковымъ же легкомысліемъ.

Это легкомысліе и удалило его изъ горницъ, гдѣ онъ получилъ первоначальное воспитаніе,—онъ принималъ слишкомъ горячее участіе въ семейныхъ преніяхъ, а сброшенная со стола лампа была послѣднимъ подвигомъ его недолгой культурной жизни; но, по странной психологіи,—быть можетъ, справедливо, что противоположности сходятся,—именно это легкомысліе и нравилось степенной Оринѣ, которую даже неистовый бондарь называлъ не иначе, какъ Орина Тимоѳеевна. Своихъ „сиротъ“ она только жалѣла, а Тамерлана любила, и старое сморщенное лицо разглаживалось и прояснялось, когда вечеромъ послѣ трудового дня она разглаживала волнистую блестящую шерсть Тамерлана и смо-

трѣла въ его ласковые, льстивые глаза. Единственнымъ наказаніемъ за многочисленныя преступленія Тамерлана было слово „жуликъ“, которое Орина выговаривала очень строго и которое выслушивалось Тамерланомъ съ его обычнымъ легкомысліемъ.

Къ сожалѣнію, онъ не платилъ Оринѣ той же монетой и, какъ часто случается въ жизни, только позволялъ ей любить себя, а самъ любилъ Фрола, что вызывало у Орины ревность и доставляло ей много горькихъ минутъ. Этихъ минутъ случалось тѣмъ больше, что Фролу было лестно показывать свою власть.

Онъ только что возвратился со службы ратникомъ ополченія, очень гордился выслуженнымъ чиномъ унтеръ-офицера и былъ полонъ героическими воспоминаніями.

— Фельдфебель идетъ!

Тамерланъ, съ аппетитомъ уписывавшій свое любимое блюдо—вареную печенку—со всѣхъ ногъ бросался подъ лавку и смотрѣлъ оттуда вороватыми, испуганными глазами, а Орина принималась ругать Фрола.

Желая выработать въ легкомысленномъ Тамерланѣ должныя суровыя воинскія свойства, Фролъ любилъ проявлять свою власть именно тогда, когда Тамерланъ „лизался“ съ Ориной.

— Тамерлонъ на службу!

Тогда ничто не могло остановить Тамерлана: онъ летѣлъ на дворъ и съ свойственной ему экспансивностью предавался всяческимъ военнымъ экзерциціямъ, къ которымъ чувствовалъ большую склонность. Онъ стоялъ на часахъ—самый трудный для него маневръ, „разсыпался“ въ кусты, шелъ въ атаку на врага, а умиралъ такъ художественно, что даже Орина, не одобрявшая Фроловой муштры, выходила въ сѣни и, чтобы не выдать своего любопытства, смотрѣла въ щелку дверей. Таковы глубины собачьей души! — жесткая корка чернаго хлѣба, которую въ такихъ случаяхъ Фролъ давалъ въ награду, казалась Тамерлану слаще и онъ съѣдалъ ее съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самые изысканные деликатессы, которыми угощала его Орина.

А Фролъ, въ свою очередь, только позволялъ Тамерлану и Фелицатѣ любить себя, самъ же любилъ Варвара и именно за то, что онъ озорной и только болѣе или менѣе благосклонно принималъ любовь Фрола.

III.

Приближалась полночь, звонили къ утрени. Фелицата, весь день бывшая не въ себѣ изъ-за жакетки, которую шила для нея бондарева племянница, дѣлала за перегородкой послѣдній смотръ своему костюму и завивала предъ маленькимъ зеркаломъ чолку. Фролъ давно управился съ лошадьми и въ голубой шерстяной рубашкѣ съ серебряной цѣпочкой, спускавшейся ниже жилетки, и въ высокихъ блестѣвшихъ сапогахъ съ безчисленными складками—точь въ точь, какъ у фельдфебеля—сидѣлъ молчаливый и величественный. Орина возилась у стола и, отворотивши корку дымящагося окорока, втыкала въ сало головки гвоздики.

Фролъ и Фелицата ушли въ церковь. Орина сняла съ себя засаленный передникъ, одѣлась въ свое праздничное темное шерстяное платье, накрыла столъ бѣлой, чистой скатертью, зажгла въ переднемъ углу лампаду и долго молилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбу и всматриваясь въ темное лицо иконы своими напряженными глазами.

Гудѣли колокола, огнями свѣтились церкви.

Орина долго смотрѣла въ еле поднимавшееся надъ уровнемъ улицы окно, изъ котораго были видны кусокъ мощенаго кирпичемъ тротуара, выкрашенная въ черную краску тумба, чугунный столбъ подъѣзда и занимавшая всю улицу лужа, въ которую капали, расплываясь широкими кругами, крупныя и рѣдкія капли весенняго дождя.

Мимо окна непрерывной толпой шли веселыя праздничныя ноги, шли свѣтлыя брюки, ярко вычищенные сапоги, новыя резиновыя галоши, бѣлыя крахмальныя юбки.

Прошло много знакомыхъ.

Вотъ прошмыгнули высокіе каблучки и шолковые полосатые чулки и кружевной подолъ юбки Брюхановской племянницы, медленно проползли обшитые кожей, громадные валеные ботики съ распухшими отъ водянки ногами Матвѣя Матвѣича, углового лавочника, у котораго Орина забирала на книжку, проковыляла деревянная нога стараго капитана Полидорова, базарнаго пріятеля Орины, съ которымъ вотъ уже пять лѣтъ чуть не каждый день она встрѣчается на базарѣ и который очень цѣнитъ мнѣнія Орины насчетъ яицъ, битой дичи, мерзлой рыбы. Быстро промелкнули маленькія дѣтскія ножки въ новенькихъ башмачкахъ барыниныхъ племянниковъ, и тротуаръ опустѣлъ, и все стало тихо.

Тихо и пусто было въ кухнѣ. Орина сидѣла на лавкѣ, опустивши голову и положивши руки на колѣна, и обычный, никогда не умолкавшій шумъ, словно гулъ дальняго лѣса, смутный говоръ уходящихъ людей, поднимался въ ея ушахъ. Съ двѣнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она опамятовалась отъ той сыпной болѣзни, отъ которой умерли два брата ея, а у ней, какъ объяснилъ матери фельдшеръ, что-то лопнуло въ ушахъ,—этотъ шумъ не покидалъ ея и особенно поднимался вечеромъ, когда она оставалась одна и кругомъ было тихо. Днемъ въ этотъ шумъ врывался внѣшній міръ и больно бился въ ея уши съ своими сердитыми окриками, злыми насмѣшками, строгими вопросами, требовавшими отъ нея отвѣта и вниманія, тогда ея лицо принимало виноватое и приниженное выраженіе и напряженные глаза упорно всматрились, чего хотятъ отъ нея люди.

Теперь внѣшній міръ ушелъ отъ нея, и ровный шумъ тихо несся издалека, морщины разгладились, исчезло виноватое выраженіе и наклонившееся лицо сдѣлалось тихимъ, унылымъ и печальнымъ.

Она давно примирилась съ своей глухотой и выучилась по губамъ узнавать, чего хотятъ отъ нея люди, а насмѣшки и попытки дразнить не волновали ея. Она и не слыша знала, что за перегородкой громко цѣлуются, — что же имъ и дѣлать, молодымъ-то паренькамъ да дѣвушкамъ, какъ не цѣловаться?

Во всѣхъ кухняхъ, гдѣ она жила, было все тоже; видно, міръ ужъ такъ устроенъ, знать, Богъ такъ положилъ. Много смѣху и издѣвки видѣла она надъ собой... Что же! Должно быть, людямъ любо, глядя на больныхъ, видѣть свое здоровье, знать, весело слушать, какъ глухой не дослышитъ, какъ весело, видно, этимъ уличнымъ мальчишкамъ скакать на одной ногѣ вслѣдъ за деревянной ногой стараго капитана Полидорова...

Божье изволеніе,—Онъ видитъ, что кому!

Изъ-за печки, на выбѣленную стѣну вылѣзъ рыжій тараканъ,—послѣдній могиканъ великаго, недавно погибшаго племени,—слабый, еще не оправившійся отъ тяжкой болѣзни; онъ тихо шевелилъ своими усиками и съ упрекомъ смотрѣлъ на Орину. Изъ темной каморки вышла желтая, съ клочьями облѣзлой шерсти, старая кошка, лѣниво вытянулась, утомленными жизнью глазами посмотрѣла кругомъ и улеглась у печки на тепломъ желѣзномъ листѣ, единственномъ мѣстѣ,

изъ за котораго, по ея мнѣнію, еще стоило жить на свѣтѣ. Въ припрыжку выскочила молоденькая галка, сдѣлала нѣсколько туровъ по комнатѣ, попробовала свое сломанное крыло, поправила клювомъ нѣсколько перышковъ, неизящно лежавшихъ, и усѣлась предъ Ориной, поворачивая голову и съ любопытствомъ посматривая на Орину своими черными, блестящими глазками.

Ярко вычищенный самоваръ блестѣлъ въ темномъ углу, задумчиво качался маятникъ на бѣлой стѣнѣ, краснымъ сіяніемъ свѣтилась лампада предъ иконой. Двѣ пасхи и блюдо съ крашеными яйцами стояли на столѣ, на лавкѣ на подушкахъ отдыхали куличи, пахло печенымъ сдобнымъ хлѣбомъ, ветчиной, пряностями.

Орина вынула изъ-за образа тщательно сложенное письмо, полученное утромъ изъ Петербурга отъ ея племянницы, и снова стала перечитывать, медленно вглядываясь въ буквы.

„Какъ пишете вы, милая тетинька", разбирала она, „бросать мнѣ мѣсто и ѣхать къ вамъ и билетъ стоитъ четырнадцать съ полтиной и что я накопила, уйдетъ, а будетъ ли у васъ мѣсто Богъ вѣсть, и барыня говоритъ, что я нѣжная, отъ тяжелой работы отвыкла, они держатъ меня только при дѣтяхъ и за столомъ не служу, съ собой сажаютъ. А изъ воли вашей милая тетинька я не выйду вы одна у меня вмѣсто маминьки, что скажете то и будетъ. А про человѣка того я и забыла совсѣмъ. Безпокоитесь вы милая тетинька о моемъ здоровьѣ понапрасну только душа у меня болитъ а больше ничего нѣту. Милая тетинька помолитесь за меня Богу, моя молитва видно не доходитъ, можетъ Богъ вашу услышитъ. Молебенъ отслужите и подайте бумажку за здравіе. Милая тетинька ужъ такъ-ли мнѣ горько, такъ-ли мнѣ тяжко".

Орина окончила письмо и долго держала въ рукахъ вложенную въ письмо полоску бѣлой бумаги, на которой крупными шатающимися буквами было написано: „О здравіи скорбящей Елизаветы".

— Да, забудешь ихъ!—думаетъ Орина,—пять десятковъ скоро, а она все помнитъ.

Еще ниже опустила Орина голову. Все идетъ шумъ и изъ дальняго говора, изъ за лѣсного гула до нея доносится:

— Жди меня, Оринушка!...

Постояли они у калитки въ ту ночь, подержались за руки, поплакали, поцѣловалъ онъ ее и разошлись. Больше

ничего и не было. Кинулся онъ на низъ, въ море, на промысла рыбные,—думалъ, денегъ привезетъ, отъ отца отдѣлится, своимъ домомъ заживутъ. Не сердилась она на родныхъ его,—кому охота глухую-то невѣстку въ домъ принимать! Тоже огородники были, какъ и онѣ съ матерью... На базарѣ торговать, по домамъ ходить, лукъ-морковь продавать, огурцы, капусту, съ людьми разговаривать,—какая она торговка!...

И осталась она въ своемъ Алатырѣ-городѣ слезы лить, горе горевать. Божья воля, Ему виднѣе... Вотъ сестрица Настенька за приказчика вышла, люди говорили ни вѣсть что, думали—судьбу нашла, а два годика пожила и за нимъ, за кандальнымъ, въ Сибирь пошла... Маменька въ ту пору кончилась, сряжала она Настеньку, домишко продала, все, что выручила, ей въ юбку зашила и до ближняго этапа проводила. И не было больше объ ней вѣсточки, гдѣ она тамъ, жива ли, мертва ли...

Осталась она одна съ Настиной Лизынькой—году была, хотѣли потомъ въ Сибирь выписать—и пошла она по бѣлу-свѣту по постоялымъ дворамъ, по пристанямъ на тяжелую работу, на горькое житье... Кто глухую работницу, да еще съ маленькой дѣвчонкой долго держать будетъ? Кабы не Елизаръ Мосѣичъ, можетъ, не надолго бы и вѣку ея хватило. Пожалѣлъ ее сироту, царство ему небесное! пріютилъ, привѣтилъ...

Орина подняла голову къ иконѣ и перекрестилась.

Тоже и самъ—какъ перстъ былъ... Изъ крѣпостныхъ еще, изъ дальней вотчины въ молодыхъ годахъ былъ вывезенъ, такъ и доживалъ вѣкъ въ поварахъ у стараго барина, куда она судомойкой поступила. Все, бывало, съ Лизынькой нянчился, словно внучку любилъ, а ее къ поварскому дѣлу пріучалъ,—искусникъ былъ покойный... Она ему и глаза закрыла, и въ гробъ обряжала и надъ могилой поплакала, а въ поминанье слѣдующимъ за отцомъ съ матерью записала. Царство тебѣ небесное, дѣдушка Елизаръ!

Съ его руки по городамъ пошла, по хорошимъ господамъ, и жалованье настоящее стали люди класть. А Лизынька въ возрастъ приходила,—гдѣ нянюшкой, гдѣ такъ при дѣтяхъ, для игры...

„Жди меня, Оринушка“... Она и ждала, да не дождалась. У доктора тогда жила, у военнаго, а деньщикъ астраханскій былъ, вмѣстѣ они тамъ съ Ларивономъ въ больницѣ

лежали... Предъ смертью Ларивонъ все по своимъ мѣстамъ тосковалъ, да Оринушку поминалъ...

А все не забыла... Только со здравія въ поминанье записала рядомъ съ дѣдушкой Елизаромъ и за упокой души поминать стала.

Долго у доктора прожила, хорошіе господа были. Лизынька выровнялась, барыня по воскресеньямъ въ школу отпускала, грамотѣ Лизынька выучилась въ лучшемъ видѣ и ее, Орину, обучала. Съ господами и въ Питеръ уѣхала,— упросили.

И ей не задача видно... худенькая тѣльцемъ, хлипкая, вся въ сестрицу Настеньку—долго-ли ее обидѣть. „Ужъ такъ ли мнѣ горько“... Какъ не горько, Лизынька!..

Дверь шумно распахнулась, въ кухню вбѣжалъ похудѣвшій и помятый Тамерланъ. Онъ шнырялъ по кухнѣ, обратилъ вниманіе на таракана, обнюхалъ спавшую кошку, спугнулъ галку, пристально разглядывалъ потолокъ и стѣны и не видѣлъ только Орины,—у него было именно то выраженіе, за которое Орина называла его „жуликъ“.

Глаза Орины расширились и руки поднялись съ колѣнъ...

Отъ края до края, переливаясь волнами, носились надъ городомъ радостные звуки пасхальныхъ колоколовъ.

Дождь пересталъ и въ неподвижной водѣ лужи синѣлъ кусокъ неба, свѣтилась одинокая звѣзда. По улицѣ медленно двигались зажженныя свѣчки и не гасли, мимо окна торопливо шли веселыя ноги.

Баринъ долго звонилъ у подъѣзда и сердитый—окна вверху не были освѣщены и, очевидно, ничего не приготовлено—обошелъ со двора и заглянулъ въ кухню.

Вытянувшись во весь ростъ и положивъ лапы на плечи Орины, Тамерланъ лизалъ лицо, ея волосы, а она, крѣпко охвативши руками шею и прижимаясь щекой къ волнистой головѣ Тамерлана, жалобно причитала:

— Тамерлонушка... Дѣтушко ты мое, красавецъ мой писаный! Покинулъ ты меня, Тамерлонушка...

Сердитый баринъ осторожно затворилъ дверь и, тихо крадучись, словно боясь кого-то разбудить, началъ подниматься вверхъ по черной лѣстницѣ.

С. Елпатьевскій.

РАЗБИТОЕ КРЫЛО.

Изъ Ж. М. Гюйо.

Надъ свѣтлымъ ручейкомъ разбитаго крыла
Перо уносится холодною волною;
Кровавой капли тѣнь, дрожа, на немъ легла,
Но съ пѣной волнъ оно поспоритъ бѣлизною.

Кто потерялъ тебя съ небесной высоты?
Отвѣта нѣтъ. Смѣясь, лазурная пустыня
Молчитъ. И въ сердцѣ скорбномъ—тяжесть пустоты:
Ужъ не еще ли имъ утрачена святыня?

Умчалося перо холодною волной...
Исчезните жъ и вы, мои мечты святыя,
Вы—крылья, у меня разбитыя судьбой,
И сны любви, которымъ я платилъ слезой,—
Печали прошлой годы роковые!

Вл. Ладыженскій.

ГЕНЕЗИСЪ ИДЕЙ.

I.

Подъ вліяніемъ какихъ факторовъ появляются новыя идеи въ обществѣ и при какихъ условіяхъ онѣ воплощаются въ учрежденіяхъ и осуществляются?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы остановимся надъ реформой избирательнаго права въ Англіи въ 1832 г.,—реформой, которая уничтожила привилегіи «гнилыхъ мѣстечекъ» и нанесла рѣшительный ударъ господству поземельной аристократіи въ палатѣ общинъ.

Манчестеръ, Бирмингамъ и другіе торгово-промышленные центры Англіи первой четверти нашего столѣтія не существовали двѣсти лѣтъ тому назадъ или были тогда поселками безъ значенія, напр., въ Манчестрѣ въ 1750 г. было всего 19 жителей. Развитіе этихъ мѣстностей происходило стихійно, вслѣдствіе чисто личной иниціативы, не задающейся никакими общественными вопросами: кто-то основываетъ фабрику или принимается торговать, строитъ домъ, занимается посредничествомъ. Возростающій городъ привлекаетъ все новыхъ и новыхъ жителей на заработки и барыши, и всякій пришелецъ способствовалъ дальнѣйшему увеличенію благосостоянія и размѣровъ его. Образовывались въ странѣ новые центры жизни, дѣятельные и зажиточные. Между тѣмъ старые города и городишки, нѣкогда вліятельные и богатые, бѣднѣли подъ вліяніемъ того же фактора, т. е. стихійнаго давленія частныхъ интересовъ. Перемѣна происходила мало-по-малу во всей странѣ: появлялись новыя дороги; размѣщеніе жителей и поселковъ, богатства и промышленности, т. е. всего того, что во всей совокупности мы будемъ называть *производительными силами*, принимало совершенно другой видъ и центръ тяжести общественной жизни передвигался на другое мѣсто. Развитіе это идетъ стихійно, механически—въ томъ значеніи, что дѣйствующія поколѣнія не обдумываютъ послѣдствій, про-

истекающихъ изъ ихъ дѣятельности для общества,—послѣдствій, которыя непремѣнно появятся, вызванныя въ жизни новымъ размѣщеніемъ матеріальныхъ условій быта и вообще новыхъ производительныхъ силъ, достигшихъ извѣстной величины. Поступками людей не руководятъ никакія общественныя стремленія. Только частный интересъ и частное сознаніе, обращенныя на увеличеніе заработковъ, составляютъ единственную пружину ихъ дѣйствій.

Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ такихъ факторовъ произошла въ физіономіи Англіи полнѣйшая перемѣна. Еще въ XVI и даже XVII вѣкахъ, страна была населена равномѣрно. Существовали тогда города, но, за исключеніемъ Лондона, они были небольшихъ размѣровъ. Вѣкъ XVIII раздѣляетъ Англію на промышленные и сельскіе округа и даетъ начало большимъ городамъ. Какъ послѣдствіе возникшихъ перемѣнъ, появляется въ общественной жизни Англіи диссонансъ. Измѣненія чисто матеріальныя, происшедшія въ вещественныхъ условіяхъ соціальнаго быта, вызываютъ къ жизни новыя потребности и новыя стремленія. Не будемъ останавливаться надъ ихъ совокупностью, такъ какъ тогда намъ пришлось бы начертить слишкомъ широкую картину, и ограничимся лишь реформой избирательнаго права.

Политическій строй Англіи опирается на началѣ народнаго представительства, но Манчестеръ и другіе большіе, торговые и промышленные города не высылали своихъ представителей въ парламентъ, въ самомъ же лучшемъ случаѣ пользовались избирательнымъ правомъ въ очень незначительныхъ размѣрахъ сравнительно со своимъ значеніемъ. Такое положеніе объясняется самымъ простымъ образомъ. Избирательный уставъ возникъ въ то время, когда производительныя силы Англіи были размѣщены совершенно иначе. Начиная съ 1677 г., никакія перемѣны не произошли въ избирательномъ правѣ городовъ, то же самое мы видимъ и относительно избирательнаго права отдѣльныхъ графствъ. Нѣкогда этотъ уставъ соотвѣтствовалъ современному строю матеріальныхъ условій. По крайней мѣрѣ, мы не замѣчаемъ въ то время разлада между размѣщеніемъ населенія и богатства—и политическими правами жителей. Но общество, въ извѣстный моментъ своего существованія, высказавъ въ избирательномъ уставѣ свои потребности, развивалось все дальше и дальше, пока между нѣкоторыми группами его членовъ и буквой закона не возникъ разладъ. Зажиточные центры торговли и промышленности часто не имѣютъ своихъ представителей въ парламентѣ, между тѣмъ гнилыя мѣстечки пользуются такимъ правомъ: напр., Ольдъ Сарэмъ, хотя состоитъ изъ пяти хижинъ, высылаетъ двухъ депутатовъ.

Существовалъ даже городокъ, который очутился подъ волнами моря, но все-таки владѣтель ближайшаго берега въ лодкѣ продолжалъ избирать представителя въ парламентъ.

Большинство такихъ *rotten boroughs* находилось въ рукахъ лордовъ, которые такимъ образомъ обратили парламентъ въ классовой комитетъ. Новыя производительныя силы, сосредоточенныя въ большихъ городахъ, не обладали правомъ участія въ законодательной дѣятельности, что крайне пагубно вліяло на матеріальное благосостояніе центровъ промышленности: бремя податей падало на капиталистовъ; благодаря существованію хлѣбныхъ пошлинъ, рабочая плата была высока номинально, но въ сущности низка; интересы манчестерскихъ предпринимателей не пользовались надлежащимъ поощреніемъ со стороны государственнаго механизма.

Между существующимъ избирательнымъ правомъ и интересами представителей новыхъ производительныхъ силъ возникаетъ вражда, которая становится все сильнѣе, по мѣрѣ развитія новыхъ матеріальныхъ условій. Наконецъ, дѣло доходитъ до рѣшительной борьбы. Требованія большихъ городовъ имѣютъ строго опредѣленное содержаніе, которое обусловливается природой вещественныхъ отношеній. Жители Манчестера и Бирмингама домогаются реформы избирательнаго права согласно съ «духомъ жизни», т. е. требуютъ уничтоженія привилегій «гнилыхъ мѣстечекъ» и расширенія правъ для новыхъ торгово-промышленныхъ центровъ. На такомъ фактѣ возникаетъ соотвѣтствующая *идея—реформы избирательнаго права.*

Идея эта формулируетъ потребности лишь извѣстной группы въ обществѣ и выражаетъ требованія новыхъ производительныхъ силъ.

Пока развитіе ограничивалось лишь одной сферой незначительныхъ измѣненій матеріальныхъ условій быта, до тѣхъ поръ оно происходило стихійно, безъ участія сознанія, ставившаго общественныя задачи. Чисто личныя, частныя стремленія опредѣляли дѣятельность людей. Тѣ люди, которые съ теченіемъ времени произвели такой переворотъ въ матеріальныхъ условіяхъ, даже не догадывались, что, вслѣдствіе ихъ частныхъ стремленій, воплотятся въ общественной жизни отношенія, создавшія идею реформы избирательнаго права. Общественный процессъ происходилъ механически, человѣкъ участвовалъ въ немъ, не задаваясь общественными вопросами. Но мелкія количественныя измѣненія, достигнувъ извѣстной степени, произвели новыя политическія стремленія. На смѣну стихійной дѣятельности выступаетъ сознательная—съ общественной точки зрѣнія. Идея реформы, высказанная кѣмъ-то,

становится сильнѣйшимъ двигателемъ дальнѣйшаго развитія и руководитъ борьбой противъ существующихъ учрежденій. Она способствуетъ распространенію сознательнаго отношенія данной общественной группы къ ея политическимъ интересамъ, существовавшимъ уже, но не сознававшимъ еще ея. Она—идея—организуетъ общественную армію, т. е. «партію», которая поведетъ данную группу противъ устарѣвшаго избирательнаго права. Возникаетъ агитація, задающаяся цѣлью распространить идею и сгруппировать заинтересованныхъ. Идея пользуется каждымъ факторомъ: она обращается къ классовому эгоизму, эксплоатируетъ нравственные инстинкты, призываетъ на помощь чувство справедливости и логику.

Весь процессъ развитія мы можемъ представить слѣдующимъ образомъ.

1) Въ обществѣ, подъ прикрытіемъ существующаго строя, возникаютъ стихійно и механически новыя матеріальныя условія общественнаго быта. Люди участвуютъ въ процессѣ развитія, не задумываясь надъ послѣдствіями возникающихъ измѣненій.

2) На извѣстной ступени развитія новые появившіеся въ обществѣ частные интересы, въ своихъ стремленіяхъ къ благосостоянію, встрѣчаютъ препятствіе въ существующемъ режимѣ правовыхъ отношеній. Возникаетъ безсознательный антагонизмъ чувствъ, который въ дальнѣйшемъ процессѣ доведетъ до возникновенія новой идеи, заканчивающей извѣстный періодъ діалектическаго развитія общества. Идея эта составляетъ *вторичное*, производное явленіе, т. е. она возникаетъ уже вслѣдствіе образованія новыхъ вещественныхъ отношеній. Съ такой точки зрѣнія жизнь въ своемъ стихійномъ развитіи представляетъ *первичный*, творческій факторъ, идея же лишь выражаетъ существующія уже стремленія жизни. Не идея вызываетъ общественное движеніе,— она лишь организируетъ соотвѣтственные элементы, которые существуютъ уже до ея появленія.

3) Съ появленіемъ идеи стихійность общественнаго развитія уступаетъ мѣсто сознательной дѣятельности. Соотвѣтствующая группа въ обществѣ начинаетъ сознавать, въ чемъ именно заключаются необходимыя условія для ея благосостоянія. Въ этомъ періодѣ развитія идея становится важнѣйшимъ факторомъ исторіи: стихійнымъ звукамъ инстинктовъ и ненависти, интересовъ и потребностей, она придаетъ форму членораздѣльную и сознательную.

Теперь мы перейдемъ къ анализу нѣкоторыхъ сторонъ исторіи средневѣковой Европы.

II.

Города начинаютъ возникать въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ, возвѣщая своимъ появленіемъ совершенно новый строй производительныхъ силъ. Они способствуютъ отдѣленію ремесленнаго труда отъ земледѣльческаго, вызываютъ спеціализацію и усовершенствованіе способовъ обработки, наконецъ, увеличиваютъ продуктивность труда. Развитіе городовъ подвигается медленно, но безостановочно. «По примѣру природы, исторія не вѣдаетъ скачковъ, пока ея теченіе не встрѣтитъ препятствій,—говоритъ Мауреръ въ введеніи къ *Исторіи городскихъ учрежденій*.—Въ природѣ все развивается самородно изъ даннаго зародыша. Города возникали по тому же самому шаблону, т. е. самостоятельно и стихійно».

Этимъ зародышемъ была земледѣльческая община, отличающаяся отъ великорусской нѣкоторыми своими особенностями, но все-таки родственная ей. Поля находились въ индивидуальномъ пользованіи, но земледѣлецъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ относительно обрабатываемой земли. Онъ не могъ продавать своего поля безъ согласія сосѣдей или самовольно воздѣлывать его, такъ какъ община послѣ жатвы обращала всѣ пашни на выгоны для скота и требовала, чтобы всѣ хозяева одновременно пахали и одновременно снимали хлѣбъ. (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовалъ обычай періодическаго передѣла земли, или урѣзыванія у однихъ и отдачи другимъ). Пастбища, луга и лѣса находились въ общинномъ владѣніи. Даже право продажи продуктовъ было ограничено. Еще въ послѣдующей эпохѣ, когда возникъ уже широкій рынокъ, не дозволялось членамъ общины вывозить, безъ согласія общинниковъ, уголь, дрова, сѣно и солому, рыбу и т. п. Производитель долженъ былъ выставлять въ деревнѣ на продажу свои продукты, напр., плуги, масло, веревки, горшки, и только когда не было мѣстнаго потребителя, осмѣливался вывозить ихъ изъ предѣловъ общины. Но тогда какой-нибудь сосѣдъ могъ догнать покупщика и, возвративъ уплаченную сумму, потребовать отдачи предмета. Такой экономическій строй, покоившійся на общемъ правѣ на землю и даже трудъ отдѣльнаго члена, долженъ былъ вызвать къ жизни существованіе организаціи, которая бы опредѣляла пользованіе землей, лугами и лѣсами, назначала время выгона, уборки хлѣба, нанимала сельскихъ пастуховъ и т. д. Сельскій міръ руководилъ этими дѣлами, выбирая иногда изъ своей среды постоянныхъ сельскихъ уполномоченныхъ.

Изъ такого-то зародыша возникали города. Бывшія языческія городища дѣлались столицей епископовъ или мѣстомъ по-

стройки монастырей, и мало-по-малу переходили въ города. Города возникали еще вблизи постоянныхъ стоянокъ войска или ихъ княжескихъ усадебъ. Также села, расположенныя на перекрестѣ естественныхъ путей сообщенія, со временемъ получали городскую стѣну. Это развитіе подвигается; общинныя же учрежденія служатъ для него исходной точкой. Община создала міръ, завѣдующій дѣлами ея жителей, исполняющій обязанности полицейскія, административныя и отчасти судебныя. По мѣрѣ того, какъ образуется городъ, городскія нужды увеличиваются численно, и сообразно съ этимъ функціи существующихъ органовъ становятся разнообразнѣе и многочисленнѣе. Завѣдываніе всѣмъ этимъ по необходимости достается той организаціи, которую засталъ возникающій городъ, т. е. получилъ въ наслѣдство отъ общины. И не могло быть иначе.

Но нѣкогда полноправнымъ гражданиномъ общины могъ быть только тотъ, кто съ дѣда-прадѣда принадлежалъ къ общинѣ, пришелецъ же считался чужеземцемъ, т. е. человѣкомъ, не входящимъ въ составъ общинной корпораціи.

Поселяясь на чужбинѣ, такой пришелецъ нуждался въ правовой опекѣ и дѣлался кліентомъ того земледѣльца, на землѣ котораго находилъ пріютъ. Все это происходило въ тѣ времена, когда обычай продажи и покупки земель еще не существовалъ, пришельцы были малочисленны и бѣдны, городскія учрежденія не разсчитаны на ихъ пріемъ. Лишь въ позднѣйшее время, когда пришельцы начали составлять значительный процентъ среди населенія, положеніе дѣлъ измѣняется и личная зависимость исчезаетъ. Но и тогда «чужеземцы» не получали еще гражданства. Такой моментъ наступаетъ лишь тогда, когда пришельцы сдѣлаются сословіемъ зажиточнымъ и пріобрѣтутъ сознаніе своего соціальнаго интереса, т.-е. когда изъ немногочисленной и невліятельной группы, какой была она въ началѣ, сдѣлаются представителяли господствующихъ въ городѣ производительныхъ силъ.

По мѣрѣ возрастанія такихъ приходящихъ извнѣ элементовъ, на ряду съ первоначальной земледѣльческой общиной, переходящей со временемъ въ муниципальную организацію, возникаютъ другія организаціи (цехи) въ началѣ частнаго характера. На этой ступени развитія появляется антагонизмъ между древними родами земледѣльцевъ, теперь же обратившихся въ патриціатъ, которому принадлежитъ завѣдываніе городскими дѣлами,—и плебеями, т. е. ремесленниками, ведущими свое начало отъ пришельцевъ. Политическія привилегіи родовъ составляли явленіе вполнѣ нормальное, пока источникомъ существованія города было еще земледѣліе, и земледѣльческій

родовой элементъ численно преобладалъ среди населенія. Но когда центръ богатства и промышленной дѣятельности перешелъ къ цехамъ, положеніе дѣлъ измѣняется совершенно. То, что нѣкогда считалось чѣмъ-то естественнымъ, теперь преобразуется и становится величайшей несправедливостью. Граждане, происходящіе отъ прежнихъ земледѣльцевъ, были свободны отъ городскихъ пошлинъ и повинностей, обращались свысока съ плебеями, расходовали городскія деньги, продавали судебные приговоры. «Нѣтъ конца податямъ,—жалуются цехи,—неизвѣстно, куда дѣвается золото изъ казны, такъ какъ городскіе долги не только не уменьшаются, но еще возрастаютъ».

Антагонизмъ увеличивается. Глухая, скрытая ненависть начинаетъ распространяться среди плебеевъ. Наконецъ, накопившіяся обиды даютъ начало сознательно высказаннымъ политическимъ стремленіямъ. Ихъ характеръ мы можемъ предвидѣть впередъ. Во время крестовыхъ походовъ драки между патриціями и плебеями составляютъ въ прирейнскихъ городахъ повседневное зрѣлище. Какой-нибудь родъ оскорбилъ кого-то изъ «черни» своей выходкой, судъ рѣшилъ дѣло несправедливо, и въ отвѣтъ на это вооруженные цехи осаждаютъ ратушу. Ремесленникъ, предки котораго были рады тому, что нашли убѣжище въ городѣ, требуетъ реформы муниципальнаго устава въ болѣе демократическомъ духѣ.

Исторія итальянскихъ городовъ съ ихъ гвельфами и гибелинами, съ династіями Медичи и другими, равно какъ германскихъ и фландрскихъ городовъ и т. д. представляетъ вездѣ ту же борьбу.

Вездѣ дѣйствовали однѣ и тѣ же общественныя силы, хотя результатъ въ каждомъ городѣ получается другой, въ зависимости отъ взаимнаго отношенія борющихся группъ, сознанія участниковъ и прочихъ историческихъ условій борьбы. Въ нѣкоторыхъ городахъ роды патриціевъ эмигрировали или вполнѣ слились съ плебеями. Въ другихъ патриціатъ удержалъ власть въ своихъ рукахъ, раздѣляя ее съ плебеями въ различной степени и между прочимъ вводя двѣ думы: высшую изъ патриціевъ и низшую изъ цеховъ. Иногда роды становятся отдѣльнымъ, въ высшей степени своеобразнымъ цехомъ богачей, домовладѣльцевъ и т. д., который наравнѣ съ другими цехами имѣетъ своихъ представителей въ муниципальныхъ учрежденіяхъ. Анализъ этихъ различныхъ результатовъ очень любопытенъ. Изслѣдуя этотъ вопросъ, мы убѣждаемся, что вездѣ тѣ же идеи появляются изъ тѣхъ же фактовъ, т. е. матеріальныхъ условій, но что развязка зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія многихъ факторовъ.

* * *

Развитіе ремесла и торговли повліяло не только на то, кому должно принадлежать завѣдываніе городскими дѣлами, но то же произвело полнѣйшій переворотъ во всей соціальной сферѣ городской жизни, доказывая, что правовыя и другія учрежденія являются лишь соціальной *надстройкой*, измѣняющейся подъ вліяніемъ матеріальныхъ факторовъ, т. е. переворота производительныхъ силъ.

Мы уже говорили, въ чемъ состояло обычное право общины по отношенію къ владѣнію и продажѣ предметовъ. Начала свободной купли-продажи, которыя появляются среди городскихъ стѣнъ, были ему вполнѣ чужды. Но, по мѣрѣ развитія торговли и промышленности, медленно происходитъ существеннѣйшій переворотъ въ правахъ и обычаяхъ общественнаго порядка. Городъ, который нѣкогда былъ германской корпораціей, признающей лишь рожденныхъ отъ нея членовъ, переходитъ въ свободную корпорацію, т.-е. такую, членомъ которой можно сдѣлаться, записавъ свою фамилію въ муниципальномъ учрежденіи. Наши теперешнія правовыя учрежденія и юридическіе взгляды, даже нѣкоторыя воззрѣнія нравственныя и эстетическія появились въ средневѣковыхъ городахъ дахъ подъ вліяніемъ возникающихъ тамъ производительныхъ силъ. «Мы должны,—резонно говоритъ Мауреръ,—смотрѣть на города, какъ на предвѣстники теперешняго строя жизни».

Когда-то о свободной торговлѣ не было даже рѣчи. Германская община, ни замокъ барона не были знакомы съ ней, и вообще не понимали, что́ такое личная свобода. Каждый долженъ былъ находиться въ зависимости отъ кого-то дальнѣйшаго, если не желалъ имѣть всѣхъ противъ себя. Торги, возникающіе въ городахъ, представляютъ въ своемъ родѣ реторту, въ которой мало-по-малу образуются понятія о свободной личной дѣятельности. Продавецъ и покупщикъ должны пользоваться полнѣйшей свободой своихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ товарамъ. По мѣрѣ возрастанія городовъ, все болѣе и болѣе многочисленныя группы, подъ вліяніемъ городской торговли и заработковъ, домогаются той же свободы движеній и поступковъ и расширяютъ свои требованія на все дальнѣйшія сферы жизни. Одновременно появляется имущество, представляющее продуктъ личной дѣятельности, и тѣ, которые накопили богатство собственнымъ умомъ, начинаютъ распоряжаться своимъ имѣніемъ не такъ, какъ въ общинѣ, въ которой земля, единственное имущество, достается потомкамъ сообразно съ обычаемъ предковъ и началомъ общиннаго владѣнія. Купечество хлопочетъ у представителей феодальной власти о правѣ составлять завѣщанія, право же это современемъ становится достояніемъ всѣхъ горожанъ. Тѣ же купцы, въ большинствѣ случаевъ свободные люди, подлежатъ

вѣдомству имперскихъсудовъ. Потомъ эта привилегія была распространена на весь городъ во время торговъ и ярмарокъ, пока, наконецъ, имперскіе суды не сдѣлались въ городѣ постояннымъ учрежденіемъ. Городъ въ началѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга корпорацій, изъ которыхъ каждая имѣла свое собственное вѣдомство: свободные члены общины находились подъ земскимъ и народнымъ правомъ, ремесленники подлежали замковой юрисдикціи, служебные замковой и служебной, всѣ же общинной. Имперскіе суды, которыми пользуются лишь купцы во время торговъ, медленно замѣняютъ всѣ эти вѣдомства и даютъ начало дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Уничтоженіе замковой полиціи и необходимость блюсти порядокъ въ городѣ вызываютъ къ жизни сводъ новыхъ распоряженій, который по мѣрѣ развитія становится все больше и больше, и ведетъ къ совершенствованію процедуры. Ордаліи исчезаютъ и появляются новыя учрежденія, предвѣстники нашихъ судебныхъ обычаевъ.

Свобода, возникающая подъ вліяніемъ торговъ, встрѣчаетъ многія препятствія: обычное право общины, институтъ всеобщей зависимости, родовая общность имуществъ,—все это задерживаетъ ходъ прогрессивнаго развитія. Но по мѣрѣ того, какъ торговля увеличивается и «купеческое право» становится правомъ всѣхъ гражданъ города (что означаетъ, что всѣ граждане начинаютъ принимать участіе въ свободной куплѣ-продажи), обычаи старины исчезаютъ. Появляется полнѣйшая свобода продавать землю и тѣмъ паче продукты собственнаго труда, нарождается личная свобода, отличная отъ привилегій феодальной и родовой аристократіи, дѣвушки получаютъ часть наслѣдства послѣ родителей, возникаетъ супружеская общность имущества вмѣсто первоначальнаго отчужденія. Эта атмосфера новыхъ понятій и обычаевъ образуется медленно. Города въ созиданіи этихъ новыхъ учрежденій руководятся эмпирическимъ опытомъ и слѣдуютъ указаніямъ будничной практики. Они формулируютъ эти свои правовыя потребности и получаютъ ихъ подтвержденіе отъ монарховъ и князей.

Такія грамоты уже въ XII и XIII вѣкахъ служатъ опорой для городской жизни противъ притязаній общинныхъ уставовъ. Онѣ признаютъ свободную продажу, право составлять завѣщанія и свободу супружескихъ союзовъ. Развитіе создаетъ постоянные раздоры между древнимъ обычаемъ и «духомъ времени». Появляется сначала грубое и неловкое, затѣмъ все болѣе и болѣе утонченное умѣніе оперировать понятіями о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, добытомъ собственнымъ трудомъ или по наслѣдству, возникаетъ учрежденіе опеки надъ несовершеннолѣтними

и права женщинъ на наслѣдство. Совершенствуется право личное и новое семейное, вещественное и наслѣдственное. Открытіе римскаго свода законовъ (и болѣе близкое знакомство съ нимъ) способствуетъ сильно окончательной побѣдѣ новыхъ понятій и новыхъ стремленій. Это-то обстоятельство даетъ намъ объясненіе такого скораго распространенія римскаго права,—оно обдумало уже, обработало и высказало тѣ требованія, которыя нарождались въ общественной жизни Европы подъ вліяніемъ стихійной эмпиріи. Римскій кодексъ, своимъ авторитетомъ вѣковой премудрости, уничтожалъ препятствія, которыя противоставляли бы старый общинный и натуральный режимъ господству правовыхъ понятій, рожденныхъ въ городѣ подъ вліяніемъ свободной торговли.

И не только новыя юридическія воззрѣнія возникаютъ въ городахъ. Появляются тамъ также новыя этическія понятія.

Торговля создаетъ обычаи, для которыхъ не было мѣста въ атмосферѣ общиннаго духа и взаимной солидарности, свойственной варварамъ. Общественный строй варваровъ осуждалъ ростовщичество. Между тѣмъ, въ городской средѣ, умѣнье получать проценты становится постояннымъ, всеобщимъ и вполнѣ «нравственнымъ» учрежденіемъ, такъ что позднѣйшіе мѣщанскіе философы смогутъ въ этомъ обычаѣ признать явленіе, вполнѣ согласное съ требованіями абсолютной справедливости. Напротивъ, грабежъ, этотъ источникъ богатства и славы въ эпохѣ варварства, первый разъ встрѣчаетъ осужденіе. Горожане противоставляютъ ему имущество, добытое собственнымъ трудомъ и бережливостью. Такъ, подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ и какъ отраженіе вещественныхъ отношеній, мало-по-малу возникъ весь кодексъ мѣщанской этики: индивидуальный утилитаризмъ, заповѣди экономической самопомощи и бережливости, а также взаимной конкурренціи.

Даже увеселенія и эстетическія чувства не составляютъ исключенія. Здѣсь не мѣсто распространяться подробно объ этомъ вопросѣ. Сдѣлаю лишь замѣчаніе, что горожане начинаютъ чувствовать отвращеніе къ военнымъ доблестямъ рыцарства, къ турнирамъ, конной скачкѣ. Напротивъ, книжники, т. е. люди умственнаго труда, и юристы, т. е. люди продажнаго языка, какъ товара на рынкѣ, начинаютъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ согражданъ. Гибкость ума, эластичность обращенія считается высшими духовными качествами. Что эпоха возрожденія началась въ итальянскихъ городахъ, этотъ фактъ является не случайностью, но просто исторической необходимостью.

Въ нашемъ анализѣ мы показали, какъ развитіе городовъ, т. е. извѣстной группировки производительныхъ силъ, повліяло

на различныя сферы права, этики и эстетики, какъ подъ давленіемъ извѣстнаго строя матеріальныхъ условій возникаютъ новые антагонизмы и политическія стремленія. Мы могли бы изложить событія еще болѣе подробнымъ образомъ, но всѣ эти мелочи не придали бы нашей картинѣ новыхъ сторонъ. Все-таки мы еще должны пополнить наши выводы указаніемъ, какія перемѣны вызвало во всемъ феодальномъ обществѣ появленіе и развитіе городовъ.

III.

Разсматривая городъ какъ нѣчто цѣлое, замкнутое, мы оставляли въ сторонѣ его отношенія къ феодализму. Мы занимались общественными процессами, происходящими внутри городской стѣны, антагонизмами, которые тамъ возникали, идеями, которыя нарождались подъ вліяніемъ купли-продажи.

Но города это только начальныя точки большой сѣти торговыхъ отношеній, покрывающей медленно всю страну. Послѣ паденія западной римской имперіи исчезли слѣды культуры даже въ мѣстностяхъ, достигшихъ довольно высокаго уровня цивилизаціи. Началась эпоха раздробленія и растасовки человѣческихъ стремленій, мѣстной автономіи, постоянныхъ смутъ и междоусобій, произвола и родовой мести. Населеніе было разбросано среди непрерывныхъ дебрей и лѣсовъ, натуральное хозяйство господствовало. Лишь въ замкахъ князей и сановниковъ, встрѣчались продукты, происходящіе изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

При такихъ обстоятельствахъ появляются первые зародыши торговыхъ отношеній.

Въ началѣ, пока города возникали и не было еще дорогъ, ведущихъ къ нимъ, пока не существовали еще ярмарки, привлекающія купцовъ изъ болѣе отдаленныхъ странъ, до тѣхъ поръ горожане мало заботились о томъ, что нѣтъ достаточно сильной центральной власти, могущей водворять порядокъ въ странѣ. Но съ теченіемъ времени положеніе дѣлъ измѣняется. Недостатокъ государственной централизаціи начинаетъ задерживать прогрессивный ходъ производительныхъ силъ, нашедшихъ убѣжище въ городѣ и зависящихъ, между прочимъ, отъ возможности торговать внѣ родного бурга. По дорогамъ не только разбойники, но даже князья занимаются грабежемъ, такъ какъ нѣтъ въ странѣ власти, которая могла-бы ихъ удержать. Рыцарское сословіе смотритъ на такое занятіе, какъ на свою привилегію. Смуты и войны составляютъ повседневное явленіе; если же нѣтъ войны, то войска, распадаясь на банды, грабятъ своихъ и чужихъ.

Такъ или иначе, борьба между городами и феодализмомъ была необходима.

Въ началѣ обѣ стороны борются въ разсыпную, что не могло быть иначе при недостаткѣ взаимной связи между сосѣдними мѣстностями. Каждый городъ старается смягчить отрицательныя стороны феодальнаго строя, въ большинствѣ случаевъ дѣйствуя въ одиночку и только въ позднѣйшее время входя въ союзъ съ другими бургами. Но все это относится уже къ позднѣйшей эпохѣ. Раньше же города ищутъ покровителей. Монархи даютъ имъ «мировую», т. е. берутъ подъ свою личную опеку купцовъ, отправляющихся на ярмарку въ опредѣленные сроки. Уже Карлъ Великій удѣляетъ торговцамъ изъ Страссбурга такой *Marktfrieden* да еще свободу торговать по всей монархіи и право содержать вооруженную дружину. Этому примѣру слѣдуютъ князья и епископы: они надѣляютъ «мировою» сперва только отдѣльные купеческіе роды, потомъ же такая опека становится достояніемъ всего купечества, и, наконецъ, всѣхъ горожанъ. Но такія привилегіи мало значатъ тамъ, гдѣ королевская власть не располагаетъ средствами внушать повиновеніе для своихъ грамотъ. Церковь оказывается гораздо вліятельнѣе. Города покупаютъ «мировую св. Петра», синоды охраняютъ купцовъ въ нѣкоторые дни года и т. д. Есть рыцари и даже князья, которые содержатъ дружину и нанимаются провожать купеческія караваны.

Всѣ эти учрежденія, возникающія по мѣрѣ развитія городовъ, доказываютъ, что безопасность и порядокъ необходимы для ихъ благоденствія. Между тѣмъ представители феодализма не могутъ разстаться съ междоусобіями и смутами. Подъ охраной «мировыхъ», бурги становятся центрами богатства и силы. Они нанимаютъ войска и начинаютъ даже воевать съ сосѣдними баронами.

Мало-по-малу, по мѣрѣ возростанія производительныхъ силъ, сгруппированныхъ въ городахъ, нарождаются тамъ же новые замыслы и стремленія. Подъ давленіемъ стихійнаго развитія, города начинаютъ мечтать объ уничтоженіи замковыхъ дружинъ и распространеніи авторитета королей, о возникновеніи сильной центральной власти, которая исполняла бы функціи полиціи и суда на всемъ пространствѣ данной страны. Бурги и города не только жаждутъ такого порядка, но и создаютъ матеріальныя условія воплощенія его въ жизни. Симпатіи ихъ находятся на сторонѣ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые стремятся къ укрощенію бароновъ, опираясь на правовыхъ понятіяхъ самаго феодальнаго строя,—т. е. на сторонѣ королевской власти. Теоретически, король считается источникомъ всѣхъ феодальныхъ правъ. Но это начало, проистекающее изъ по-

литической структуры монархіи Карла Великаго, на практикѣ остается мертвой буквой. Авторитетъ монарха, исчезнувшій вслѣдствіе разбросаннаго состоянія вещественныхъ условія была VIII—XIV вѣковъ, находитъ все болѣе многочисленныхъ союзниковъ по мѣрѣ развитія городской жизни, торговли и путей сообщенія.

Города представляютъ авангардъ борцовъ за права центральной власти: какъ центры производительныхъ силъ, объединяющихъ страну, и какъ источникъ матеріальныхъ и духовныхъ средствъ, необходимыхъ для подавленія феодальныхъ шалостей. Вмѣстѣ съ королями онѣ конспирируютъ противъ удѣльныхъ князей, доставляютъ юристовъ, которые своей казуистикой уничтожаютъ правовыя препятствія, снабжаютъ представителей центральнаго авторитета денежными средствами, создаютъ новую военную силу,—пѣхоту, которая особенно послѣ избрѣтенія пороха способствуетъ уничтоженію военнаго значенія рыцарскаго строя.

Въ предъидущей части мы, главнымъ образомъ, заимствовали примѣры изъ Германіи, теперь же почти единственно останавливались надъ общественнымъ развитіемъ Франціи, такъ какъ тамъ эти стремленія проявляются въ самой чистой формѣ. Теперешняя государственная централизація и функціи государства это только послѣднія звенья той цѣпи измѣненій, которыя начались отдѣленіемъ ремесла отъ земледѣлія, концентраціей промышленности въ городахъ и возникновеніемъ торговли между центрами обособившагося ремесла. «Мировая» Карла I перешла въ общую безопасность жителей всей страны, въ «правовое» и «полицейское» государство (*Rechtsstaat* и *Polizeistaat*) теоретиковъ государственнаго права.

IV.

Существованіе правильной и оживленной торговли между городами невозможно безъ соотвѣтственныхъ путей сообщенія, общественной безопасности и укрощенія бароновъ. Такая торговля, появившись, ведетъ за собой дальнѣйшія послѣдствія и мало-помалу разрушаетъ политическій и юридическій режимъ, который созрѣлъ во время первоначальной исторіи городовъ. Къ безопасности и увеличенному движенію товаровъ и людей присоединяется еще новый факторъ, именно болѣе густое населеніе. То, что нѣкогда служило прогрессу, современемъ начинаетъ задерживать дальнѣйшее развитіе. Не будемъ заниматься подробнымъ анализомъ этого переворота. Мы остановимся только надъ послѣднимъ его моментомъ, да къ тому лишь въ одной странѣ, Франціи XVIII вѣка, когда вездѣ въ городахъ и въ деревняхъ, подъ вліяніемъ но-

ваго строя производительныхъ силъ, появляются новыя идеи, находящіяся въ разладѣ съ учрежденіями стараго режима, но соотвѣтствующія требованіямъ новыхъ элементовъ общественной жизни.

* * *

Основы ремесленной организаціи были очень просты. Существовалъ рядъ ступеней, обусловливаемый тѣмъ фактомъ, что нужно было пріобрѣсти искусство и тайну ремесла, что̀ давалось не сразу. Ученикъ дѣлался подмастерьемъ, тотъ получалъ званіе мастера, становился членомъ цеха и получалъ право принимать самостоятельно заказы. Цехъ, первоначально организація взаимной помощи и отчасти боевая дружина плебеевъ, со временемъ, когда появились другія задачи, обратился въ корпорацію, регулирующую рынокъ и защищавшую своихъ членовъ противъ взаимной конкурренціи. Въ началѣ среднихъ вѣковъ рынокъ былъ ограниченъ городской стѣной. Недостатокъ путей сообщенія предохранялъ его отъ привоза товаровъ изъ другихъ городовъ. Цехи своей сѣтью покрыли совершенно небольшой рынокъ родного бурга и исполняли тамъ тѣ же функціи, о какихъ теперь мечтаютъ синдикаты и картели по отношенію къ національному и даже международному рынку. Они стремились надѣлить каждаго изъ своихъ членовъ одинаковыми шансами продажи продуктовъ. Ремесленникъ могъ пользоваться трудомъ ограниченнаго числа учениковъ, долженъ былъ выдѣлывать строго опредѣленные продукты и продавать ихъ по означенной цѣнѣ и т. д.

Цеховая корпорація, принявъ строй, соотвѣтствующій интересамъ ея членовъ, держится его упорно, не смотря на то, что жизнь подвигается все дальше и дальше, и, между прочимъ, создаетъ національный рынокъ. Одновременно, по мѣрѣ прироста населенія, званіе мастера дѣлается привилегіей, въ нѣкоторыхъ городахъ даже наслѣдственной, и цехи начинаютъ стремиться къ ограниченію числа самостоятельныхъ ремесленниковъ. Но, важнѣе всего, цеховая корпорація отличается крайней неспособностью организовать производство на болѣе широкихъ началахъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ національнаго рынка. Пока рынокъ ограничивался нѣсколькими тысячами жителей бурга, до тѣхъ поръ размѣры производства должны были быть незначительны. Съ появленіемъ національной торговли, возникаетъ возможность соединить большее число рабочихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, ввести раздѣленіе труда и т. д. Но цеховой уставъ, обособляющій очень старательно одно ремесло отъ другого, ограничивающій число помощниковъ и количество продукта, доводитъ дѣло до того, что, напр., въ Англіи мануфактуры развились не въ историческихъ городахъ, но

въ деревняхъ, центры цеховой промышленности стали гнилыми мѣстечками, а поселки разрослись въ Манчестеры и Бирмингамы. Изъ прогрессивной организаціи, какой цехи были въ вѣкахъ XII—XV, они становятся тормазомъ прогресса и средствомъ наглой эксплоатаціи. Свойственный имъ уставъ препятствуетъ введенію раздѣленія труда и, кромѣ того, накладываетъ на товаръ монопольныя цѣны, хотя въ обществѣ возникла уже возможность получать продукты по болѣе дешевой цѣнѣ, наконецъ, не дозволяетъ бѣднымъ, но энергичнымъ личностямъ создавать себѣ карьеру. По мѣрѣ того, какъ торговля образуетъ все болѣе и болѣе широкіе рынки и вмѣстѣ съ тѣмъ поощряетъ раздѣленіе труда въ большихъ размѣрахъ, цехи становятся все болѣе устарѣлымъ учрежденіямъ.

Защитники новыхъ производительныхъ силъ требуютъ уничтоженія цеховыхъ ограниченій. Прельщенные возможностью покупать дешевый товаръ, они домогаются свободной конкурренціи. Рабочіе, для которыхъ нѣтъ мѣста въ цехѣ, ропщутъ противъ замкнутаго характера этой корпораціи. Въ обществѣ раздается окликъ: *laissez faire, laissez passer!!* Въ настоящее время даже самый отчаянный филистеръ считаетъ своимъ долгомъ выказать критическое отношеніе къ дѣлу и сказать нѣсколько колкостей по адресу этого требованія, появившагося въ исторіи, какъ послѣдствіе новыхъ производительныхъ силъ, слишкомъ могущественныхъ, чтобы онѣ могли ужиться въ узкой цеховой организаціи. Эта идея была когда-то предвѣстникомъ освобожденія человѣка отъ ограниченныхъ матеріальныхъ условій и отъ узкихъ умственныхъ горизонтовъ, которые возникли въ небольшомъ средневѣковомъ бургѣ и соотвѣтствовали тогдашней жизни.

* * *

Возникновеніе общественной безопасности и болѣе густого населенія, упадокъ натуральнаго хозяйства и распространеніе обмѣна способствовали появленію такого же неудовольствія среди крестьянъ. Мы не будемъ останавливаться надъ генезисомъ крѣпостничества, замѣтимъ только, что иногда оно представляло результатъ невольничества, иногда возникало вслѣдствіе добровольнаго договора, который принялъ со временемъ другой характеръ. Но какимъ бы образомъ это учрежденіе ни появилось, оно было въ извѣстный періодъ исторіи вполнѣ раціонально, т. е. сами заинтересованные считали его чѣмъ-то нравственнымъ, законнымъ, необходимымъ и полезнымъ. Во времена Каролинговъ свободные крестьяне массами отдаются въ зависимость католической церкви, которая такимъ образомъ охраняетъ ихъ авторитетомъ своего

имени отъ послѣдствій междоусобій. Поселянинъ смотрѣлъ на свое зависимое положеніе, какъ на взаимный обмѣнъ услугъ: феодалъ защищалъ его отъ грабежа и хищныхъ животныхъ, исполнялъ функціи полиціи, земледѣлецъ же за то отдавалъ оброкъ и продукты своего труда и воздѣлывалъ барскую пашню. Каждая изъ многочисленныхъ повинностей крѣпостничества обладала нѣкогда вразумительнымъ и яснымъ значеніемъ для крестьянина. Она была въ большинствѣ случаевъ выраженіемъ какого-нибудь вещественнаго отношенія, которое возникло подъ вліяніемъ совокупнаго дѣйствія понятій, потребностей и обычаевъ и съ согласія обѣихъ сторонъ. И, только благодаря незнанію прошлаго у защитниковъ крѣпостничества и подтасовкѣ фактовъ представителями либерализма, историки начали искать начала для крѣпостничества единственно въ насиліи. Разумѣется, право сильнѣйшаго съиграло очень большую роль въ возникновеніи феодальнаго строя и крѣпостничества. Но нужно помнить, что въ IX и X вѣкахъ, т. е. тогда, когда крѣпостныя отношенія начали появляться, рыцарь не отличался еще своимъ вооруженіемъ отъ простолюдина и одна сторона была еще въ состояніи отвѣтить возстаніемъ противъ злоупотребленій другой. Зависимое положеніе, на сколько мы не будемъ говорить о невольникахъ и «чужеземцахъ», находящихся внѣ племенной организаціи, возникало среди свободныхъ людей съ ихъ согласія.

Во времена Тацита, когда германцы вели полу-осѣдлый образъ жизни, племя распадалось на воиновъ, которые отправлялись на войну, и земледѣльцевъ, остающихся дома. На слѣдующій годъ земледѣльцы шли на войну, воины пахали землю. Во времена феодализма это вполнѣ естественное и необходимое раздѣленіе труда сохраняется, основываясь на аристократическомъ началѣ, крестьянинъ же считаетъ это вполнѣ справедливымъ.

Вообще, каждый добровольный договоръ и всякая временная зависимость въ средѣ натуральнаго хозяйства становится постоянной, вещественной зависимостью. И когда въ позднѣйшую эпоху рыцари начали нагло эксплоатировать подданныхъ, тѣ же отвѣчаютъ на притѣсненія возстаніями,—даже тогда въ умѣ угнетенныхъ рѣдко появлялась идея о совершенномъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Въ большинствѣ же случаевъ всѣ требованія сводились къ требованіямъ «болѣе справедливыхъ и божескихъ» отношеній. И лишь тогда, когда общественная безопасность подъ защитой усиливающейся государственной власти возрасла, когда были уничтожены замковыя дружины, исполняющія, не смотря на все, функціи защитниковъ крестьянства, когда госу-

дарство завело суды на всемъ пространствѣ страны, — только тогда наступила эпоха упадка власти крѣпостниковъ.

Привилегіи дворянства становятся для крестьянина тогда чѣмъ-то непонятнымъ, лишеннымъ раціональнаго начала. Благодаря вліянію религіи и традиціи онѣ считаются еще неприкосновенными, но не полезными. Барскія права, нѣкогда раціональныя, теперь приносятъ одинъ вредъ, что вызываетъ среди крестьянства толки и жалобы. Ежедневныя «обиды» и «притѣсненія»—мы помѣщаемъ эти слова въ кавычкахъ, чтобы показать ихъ относительный, историческій характеръ—вызываютъ всеобщее негодованіе. Ненависть, въ началѣ глухая и стихійная, начинаетъ разрушать авторитетъ, которымъ крѣпостничество пользуется среди крестьянъ. Со временемъ становится она все шире и глубже. Дѣло доходитъ до мятежей, страшныхъ и дикихъ. Наконецъ, «критическая мысль» выступаетъ на выручку: стихійному и безсознательному натиску инстинктовъ она придаетъ членораздѣльное выраженіе, сознаваемыя притѣсненія формулируетъ въ новую идею—личной свободы, неотчуждаемаго права на продукты собственнаго труда, уничтоженія барскихъ привилегій.

* * *

Прогрессъ обмѣна въ извѣстный періодъ своего развитія создалъ города и вызвалъ къ жизни ихъ политическую автономію. Но, по мѣрѣ своего дальнѣйшаго хода, тотъ же факторъ разрушаетъ свое собственное твореніе и даже уничтожаетъ политическую самостоятельность провинцій.

Въ эпоху натуральнаго хозяйства каждое село и, тѣмъ паче, каждая мѣстность удовлетворяли мѣстнымъ потребностямъ собственными продуктами. Отдѣльныя части страны были совершенно независимы экономически другъ отъ друга и сообразно съ этимъ каждая провинція управляется собственнымъ обычнымъ правомъ, ограждаетъ себя отъ другихъ пошлинами и платежами, употребляетъ другія мѣры вѣсовъ. Пока торговля была слаба и незначительна, до тѣхъ поръ такое разнообразіе было безразлично для жителей данной провинціи, особенно же для тѣхъ группъ, которыя держались началъ натуральнаго хозяйства. Но это историческое наслѣдство начинаетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ вліять совсѣмъ иначе—задерживать прогрессивный ходъ его. Количество товаровъ и торговыхъ оборотовъ увеличивается, благосостояніе все болѣе и болѣе многочисленныхъ группъ общества находится все въ болѣе и болѣе тѣсной зависимости отъ удобства транспорта. Но разнообразіе общественныхъ условій задерживаетъ развитіе индивидуальныхъ разсчетовъ и стремленій.

Частные интересы, встрѣчая такую преграду, доходятъ до формулировки новой идеи—административнаго и правоваго объединенія страны. И эта идея, какъ выраженіе стихійнаго давленія интересовъ, появляется среди группъ, которыхъ благосостоянію болѣе всего препятствуетъ раздробленіе Франціи на самостоятельныя провинціи. Такую группу представляетъ купечество. Оно чаще всего имѣетъ дѣло съ жителями отдѣльныхъ частей края. Благодаря этому, оно освобождается мало-по-малу отъ мѣстныхъ предразсудковъ и легче другихъ можетъ понять идею объ одной нераздѣльной національности, въ предѣлахъ которой всѣ обычаи, учрежденія и тѣмъ паче мѣры и вѣсы были бы одинаковы.

* * *

Мы остановились только надъ нѣкоторыми сторонами исторіи, болѣе удобными для анализа. Но вездѣ, во всѣхъ сферахъ общественной жизни, подъ вліяніемъ измѣненій, возникшихъ въ вещественныхъ условіяхъ быта стихійно и механически вслѣдствіе сознанія, обращеннаго на частныя цѣли, появляются новыя потребности. Существующій правовой и политическій строй слишкомъ узокъ для нихъ—въ томъ значеніи, что всѣ учрежденія: и цехи и монополіи, барская юрисдикція и автономія провинцій, произволъ центральной власти и привилегіи родовой аристократіи, препятствуютъ дальнѣйшему благосостоянію — матеріальному и умственному—группъ, которыя теперь являются защитниками новыхъ стремленій. Эти учрежденія нѣкогда воплотились въ жизни, какъ послѣдствіе матеріальныхъ потребностей и стремленій своихъ современниковъ, но въ восемнадцатомъ вѣкѣ онѣ сдѣлались тормазомъ дальнѣйшаго прогрессивнаго хода. На извѣстной ступени своего развитія, появившіяся потребности даютъ начало новымъ идеямъ, тѣ же распространяются все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ возрастанія соотвѣтственныхъ матеріальныхъ условій.

Условія же эти возрастаютъ и даже не могутъ не возрастать, такъ какъ въ нѣдрахъ общества существуетъ факторъ, принуждающій торговлю все распространяться, хотя самъ онъ—ея созданіе. Факторъ этотъ — раздѣленіе труда: разнообразный трудъ ремесленника распался на рядъ дополняющихъ другъ друга однообразныхъ занятій, благодаря чему его производительность увеличилась, товаръ подешевѣлъ. Подоспѣло время изобрѣтенія машины.

Историческія условія выдѣляютъ этимъ новымъ методамъ производства даже особыя мѣста—внѣ историческихъ городовъ, въ которыхъ обязываетъ цеховый уставъ. И другіе люди, свободные отъ традицій ремесла, повели это дѣло — какъ и почему,

намъ нечего останавливаться здѣсь надъ этимъ вопросомъ. Продуктъ, вышедшій изъ мануфактуры, вслѣдствіе своей сравнительной дешевизны, проникаетъ повсюду, побѣждаетъ конкурренцію со стороны ремесленниковъ, ускоряетъ пульсъ торговыхъ оборотовъ и, расширяя рынокъ, поощряетъ дальнѣйшее развитіе новыхъ производительныхъ силъ, съ ними же новыхъ вещественныхъ условій общественнаго быта. Мануфактура и возникшая изъ нея фабрика—это рычаги безостановочнаго переворота, который со временемъ соединитъ отдаленные материки телеграфическими сѣтями, усовершенствуетъ средства транспорта, создастъ промышленную централизацію въ предѣлахъ національнаго и даже международнаго рынка, сдѣлаетъ науку сознательной руководительницей жизни. Новыя методы производства (и обмѣна) положили начало новому сословію, до сихъ поръ не существующему и отличающемуся отъ мѣщанства средневѣковыхъ бурговъ: буржуазіи. Принадлежитъ къ нему промышленникъ, жалующійся на цеховую регламентацію, и купецъ, продающій продукты новыхъ способовъ производства, и рентьеръ, желающій дешево удовлетворять своимъ потребностямъ, и представитель свободныхъ профессій, соединенный съ ними узами происхожденія и лишенный политическихъ правъ. Это сословіе соединяетъ въ своихъ рукахъ богатство и знаніе страны. Сознавая свою силу и значеніе, поощряемое повседневными интересами, чуткое къ новымъ запросамъ жизни (т. е. къ условіямъ своего матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго и умственнаго самоудовлетворенія), оно выступаетъ съ новыми идеями. Эти идеи и стремленія воплотятся со временемъ *въ Декларацію правъ человѣка*—точнѣе не въ декларацiи правъ какого-то абстрактнаго человѣка, но человѣка извѣстной исторической эпохи.

Въ стремленіяхъ буржуазіи получаютъ формулировку интересы всѣхъ сословій, кромѣ цеховъ и аристократіи. Идея, появившись такимъ реалистическимъ образомъ и высказывающая лишь то, что уже созрѣло для воплощенія въ жизни, распространяется вдоль и поперекъ страны, развиваетъ классовое сознаніе среди соотвѣтственныхъ группъ общества, организуетъ громадную соціальную армію—третье сословіе. Правду сказать, въ его нѣдрахъ кроются антагонизмы, но они молчатъ въ виду общаго врага и обнаружатся лишь послѣ побѣды. Крестьяне, удовлетворенные въ своихъ стремленіяхъ, первые перестаютъ принимать дѣятельное участіе въ развязкѣ созрѣвшей задачи. Начнется второй актъ исторической драмы, борьба санкюлотовъ съ буржуазіей,—актъ, преисполненный сильныхъ страстей и оригинальныхъ харак-

теровъ. Но и тамъ въ глубинѣ дѣйствуютъ соціальные антагонизмы, и пользуются страстями и даже индивидуальными мелочами, какъ орудіями борьбы.

V.

Въ нашемъ анализѣ факторовъ развитія Европы, мы за исходную точку взяли общественный строй, водворенный на развалинахъ Римской имперіи родовой организаціей варваровъ. Принятіе христіанства германцами создало извѣстную всеобщую атмосферу, о значеніи которой нельзя умолчать. Атмосфера эта обнаруживаетъ все свое вліяніе тогда, когда обмѣнъ изъ мѣстнаго явленія становится международнымъ учрежденіемъ.

Завоеваніе Рима даетъ начало, съ одной стороны, подданству (и крѣпостничеству), съ другой—феодальной зависимости. По мѣрѣ перехода варваровъ къ осѣдлому образу жизни, разрушаются прежняя племенная связь и солидарность и образуется мѣстная автономія, этотъ источникъ вассальныхъ отношеній и подданства. Для насъ въ данномъ случаѣ этотъ первоначальный строй, изъ котораго со временемъ появятся дальнѣйшія общественныя формаціи, довольно безразличенъ. Мы указали только на его существованіе, какъ исходной точки, и перешли къ анализу послѣдовательныхъ звеньевъ соціальной эволюціи, возникающихъ съ теченіемъ вѣковъ. Посреди такихъ отношеній, т. е. среди завоеванной страны, распадающейся на автономные удѣлы, появляются города, центръ новыхъ производительныхъ силъ, именно ремесла и обмѣна. Замки князей, дворцы епископовъ и монастыри составляютъ основу, вокругъ которой возникаетъ новая группировка вещественныхъ условій общественнаго быта, создающая со временемъ новыя побужденія и идеи, предразсудки, стремленія и, наконецъ, учрежденія. Еще позже города становятся исходными точками обмѣна: изъ бурговъ куплю-продажа распространяется все дальше и дальше и соединяетъ ихъ постоянными путями сообщенія. И снова возникаетъ новое размѣщеніе производительныхъ силъ (въ томъ числѣ богатства и населенія), образуются новыя учрежденія, и все это является результатомъ мелкихъ, но вѣковыхъ измѣненій въ вещественныхъ условіяхъ быта. Появляются новые антагонизмы, которые мало-по-малу получаютъ развязку посредствомъ приспособленія политическаго и правоваго строя согласно съ потребностями, народившимися подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Возникаетъ государство, опирающееся на регламентаціи промышленности, привилегіяхъ дворянства и барщинѣ и покоющееся на

изреченіи Людовика XIV: *l'état c'est moi* (по крайней мѣрѣ, такъ было во Франціи; въ другихъ странахъ развитіе подвигалось другимъ путемъ, историческіе элементы были тамъ тѣ же, но ихъ взаимныя отношенія разнились).

Но обмѣнъ продуктовъ, расширяясь, благопріятствуетъ появленію новыхъ методовъ производства и соединяетъ путями сообщенія и взаимной экономической зависимостью все болѣе отдаленныя мѣстности. Вліяетъ то же густота населенія. Подъ дѣйствіемъ этихъ факторовъ рождается новый разладъ между потребностями прогрессивной жизни и правовымъ строемъ стараго режима. Появляется мѣщанскій строй. Но и въ его нѣдрахъ дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ идетъ стихійно и механически, подъ давленіемъ частныхъ интересовъ всѣхъ членовъ общества. И защитники мѣщанскаго строя, и ихъ противники трудятся солидарно въ пользу новыхъ производительныхъ силъ. Одинъ изъ софистовъ XIX вѣка, проф. Гумпловичъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій старается показать, что европейскій рабочій, стремясь покупать дешевый товаръ, понижаетъ размѣры собственной платы и принуждаетъ фабрикантовъ вводить новые способы эксплуатаціи. Это желаніе покупать дешево, такъ по іезуитски примѣненное Гумпловичемъ, составляетъ пружину, создающую измѣненія въ методахъ производства (пособы производства обнаруживаются не только въ техникѣ самаго производства, но и въ размѣщеніи фабрикъ на пространствѣ страны,— одни исчезаютъ, именно тѣ, которыя производятъ данный продуктъ дороже, другія же, прогрессивныя, распространяются въ обществѣ). Мы, удовлетворяя покупкой своимъ повседневнымъ потребностямъ, даже не догадываемся, что изо дня въ день мы способствуемъ стихійно, но систематически концентраціи производительныхъ силъ и упадку ремесла, возникновенію фабричныхъ бригадъ и расширенію городскихъ элементовъ, болѣе оживленнымъ оборотамъ всякаго рода и т. д., словомъ, возростанію матеріальнаго фундамента для появленія новыхъ стремленій, которыхъ тотъ или другой изъ насъ— положительный противникъ. Мелкія, стихійныя, будничныя дѣйствія, не выходящія изъ предѣловъ частнаго интереса, уничтожаютъ своими послѣдствіями иногда нашу сознательную работу, сознательную по отношенію къ общественнымъ вопросамъ. Въ этомъ кроется моментъ той необходимости, съ какой въ исторіи появляются, на смѣну стараго режима, новыя стремленія.

Измѣненія, происходящія за весь изслѣдованный нами періодъ исторіи, укладываются въ прогрессивную цѣпь.

Вездѣ въ переходѣ отъ соединеннаго съ земледѣліемъ обрабатывающаго производства до обособленнаго въ городахъ ре-

месла, отъ мѣстнаго небольшого и замкнутаго рынка бурга до національнаго, отъ крѣпостническаго труда до свободнаго, отъ ремесленнаго способа продукціи до раздѣленія труда, отъ нея же до машины, наконецъ, отъ индивидуальной и небольшой фабрики до синдикатовъ и трустовъ и громадной централизаціи условій производства, вездѣ въ этой цѣпи измѣненій мы имѣемъ дѣло съ все болѣе и болѣе усовершенствованными производительными силами, причемъ послѣдующее звено возникаетъ изъ предыдущаго подъ вліяніемъ стихійнаго давленія сознанія, задающагося лишь личными цѣлями. Все большее и большее количество продукта вознаграждаетъ человѣка за потраченный трудъ.

Этотъ прогрессъ идетъ стихійно и механически, и даже не можетъ подвигаться другимъ образомъ.

Естественныя силы и богатство, оставшееся послѣ прошлыхъ поколѣній, находятся въ распоряженіи независимыхъ другъ отъ друга отдѣльныхъ личностей и только благодаря индивидуальному почину могутъ быть употреблены производительнымъ образомъ. Совершенствованіе методовъ производства и вообще всѣ измѣненія въ структурѣ вещественныхъ условій быта наступаютъ вслѣдствіе частной дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ общества, желающихъ, разумѣется, извлечь какъ можно больше пользы. Внутри общества возникаетъ зародышъ новыхъ матеріальныхъ условій, возростающій со временемъ, съ нимъ же появляются новыя требованія и нужды, новыя идеи и учрежденія. Благодаря частной собственности, экономическія измѣненія исходятъ изъ новаго пункта, напр., не ремесленникъ основывалъ мануфактуры и не цеховой бургъ становится центромъ развитія современной индустріи. Новыя производительныя силы возникаютъ только въ нѣкоторыхъ пунктахъ территоріи, обнимаютъ лишь нѣкоторыя группы общества и переобразуютъ вещественныя условія ихъ быта, выдѣляютъ ихъ изъ остального общества, создаютъ среди нихъ новыя потребности, впослѣдствіи же новыя идеи и, наконецъ, противопоставляютъ ихъ существующему правовому режиму, задерживающему ихъ развитіе. Новое сословіе побѣждаетъ, если вещественныя условія достигнутъ соотвѣтственной интенсивности, и воплощаетъ въ учрежденіяхъ свои идеи вполнѣ, или, смотря по обстоятельствамъ, отчасти. Соціальная эволюція, такимъ образомъ, происходитъ при посредствѣ антагонизмовъ, принимающихъ форму сознательныхъ общественныхъ стремленій послѣ періода органическаго, безсознательнаго (съ общественной точки зрѣнія) созрѣванія. Тамъ, въ глубинѣ развитія, всегда существуетъ возможность историческихъ катаклизмовъ и «прыжковъ», оканчивающихъ органическую эпоху сти-

хійнаго возникновенія новыхъ вещественныхъ условій—возможность, которая, впрочемъ, не отличается еще характеромъ необходимости. Катаклизмъ можетъ размѣняться на грошевую монету мелкихъ реформъ и взаимныхъ компромиссовъ. Какъ послѣдствіе частной, стихійной, но органической будничной дѣятельности, появляются въ жизни общества новыя задачи. Соціальная жизнь въ своемъ діалектическомъ развитіи выдвигаетъ все новыя задачи и,—иными словами, мы говоримъ то же самое,—организуетъ соціальную армію и соціальныя условія, необходимыя для разрѣшенія выдвинутой задачи.

Но такое пониманіе историческаго процесса далеко отъ фатализма, какъ могло бы показаться поверхностному критику. Нѣтъ въ немъ мѣста для исторической пассивности или воззрѣнія, что можно сидѣть съ сложенными руками у моря и ждать погоды. Человѣкъ, создавая стихійно общественную задачу, можетъ ее разрѣшить только путемъ сознательной исторической дѣятельности. Быть можетъ, не смотря на существованіе самыхъ благопріятныхъ условій для ея разрѣшенія, онъ не съумѣетъ надлежащимъ образомъ формулировать своихъ нуждъ, тѣмъ паче дѣйствовать умно и энергично. Идущее механически развитіе ставитъ лишь задачу и приготовляетъ элементы ея разрѣшенія, но разрѣшаетъ ихъ *только сознательно дѣйствующій человѣкъ*. Такой генезисъ идей уживается самымъ лучшимъ образомъ съ идейной дѣятельностью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Еще одно.

Идея возникаетъ въ обществѣ, какъ продуктъ измѣнившихся матеріальныхъ условій общественнаго быта. Она—вторичное, производное явленіе въ историческомъ развитіи. Вещественныя условія, появляющіяся безъ участія мысли, задающейся сознательно общественными цѣлями, должны возникнуть раньше, чѣмъ найдутъ формулировку въ новой идеѣ. «Матерія» господствуетъ надъ сознаніемъ, представляетъ первичный факторъ, лучше сказать, изъ нея исходитъ историческій переворотъ. Разумѣется, подчеркивая такой вторичный характеръ идеи, мы вовсе не намѣрены отказывать ей во вліяніи. Мы только ищемъ ея начала и происхожденія. Напротивъ, значеніе ея въ историческомъ процессѣ громадно: овладѣвъ умами членовъ общества, она создаетъ армію, воплощающую данные идеалы въ реальныхъ учрежденіяхъ. Наше пониманіе исторіи лишь утверждаетъ, что идея не родится въ человѣческомъ умѣ безъ оплодотворенія со стороны внѣшнихъ условій, но что она—продуктъ матеріальныхъ условій данной эпохи и что ея дѣйствіе ограничено той общественной группой, которой благо-

состояніе связано съ дальнѣйшимъ развитіемъ данныхъ вещественныхъ отношеній. Оно старается доказать, что появленіе идеи связано съ извѣстной эпохой и даннымъ мѣстомъ, что составъ общественной арміи не своеволенъ, но опирается на тѣхъ, которые въ своей будничной сферѣ находятъ условія для воспріятія идеи и въ собственномъ интересѣ—пружину исторической дѣятельности.

Признавая за сформулированнымъ стремленіемъ большое историческое значеніе, мы все-таки отрицаемъ, чтобы идея была внѣ зависимости отъ мѣста и времени и чтобы «герой», «критическія личности» могли соціальному организму придать своевольную форму. Да, существуютъ въ исторіи великіе люди и толпа, руководители и инициаторы, геніи и дураки. Ихъ обиліе или недостатокъ ускоряютъ или замедляютъ ходъ историческихъ задачъ и ихъ разрѣшенія, но не создаютъ ихъ, такъ какъ идейная формулировка фактовъ жизни далека отъ произвольнаго создаванія ихъ.

VI.

Вышеизложенные выводы относятся лишь къ эпохѣ VIII—XVIII вѣковъ и касаются только развитія Западной Европы. Мы могли бы распространить нашъ анализъ на другія эпохи или другія страны, но такъ какъ наши воззрѣнія и безъ того достаточно ясны, мы оставимъ это въ сторонѣ. Впрочемъ, есть еще и другое обстоятельство, удерживающее насъ отъ этой попытки — наше недостаточное знакомство съ совокупностью историческихъ силъ, дѣйствующихъ въ другихъ странахъ. Изложенное пониманіе не есть готовая схема, въ каторую можно было бы помѣстить все по одному плану. Мы указывали на это постоянно въ нашемъ изложеніи, говоря, что тѣ же силы, смотря по взаимному ихъ соотношенію и историческому прошлому, вызывали другую развязку и приводили къ другому результату. Достаточно тутъ припомнить исторію средневѣковыхъ городовъ или сравнить нѣкоторые моменты исторіи Франціи и Германіи.

Любопытно было бы изложить съ этой точки зрѣнія и исторію Рима. Сначала внутренняя жизнь этого города представляетъ ту же борьбу общинниковъ землевладѣльцевъ съ пришельцами, какъ средневѣковые бурги. Но пружины развитія тамъ другія: постоянныя войны,—т. е. легализированный разбой, какъ источникъ богатства,—составляютъ тамъ главный историческій факторъ развитія. И исходная точка другая. Развитіе Европы начинается актомъ завоеванія, вызывающимъ къ жизни феодальный строй, и происходитъ на общемъ фундаментѣ христіанской религіи, объединяющей

народы. Исторія Рима исходитъ изъ обособляющаго культа предковъ, родовыхъ и племенныхъ, который не уживается съ культомъ сосѣдей.

Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, свободные римскіе крестьяне бѣднѣютъ; эта судьба, по очереди, постигаетъ тоже крестьянъ сосѣднихъ племенъ. Выжитые изъ земельной собственности, они собираются въ городѣ, образуя сословіе плебеевъ. Начинается классовая борьба, въ которой плебеи стараются расширить свои политическія права и возвратиться къ землѣ. Но среди постояннаго военнаго разгара нѣтъ мѣста для мелкой земледѣльческой усадьбы. Въ рукахъ патриціевъ возникаетъ зародышъ позднѣйшихъ *lafifundia*, особенно съ тѣхъ поръ, когда изъ военныхъ плѣнниковъ образуется постоянный классъ рабовъ.

Рабскій трудъ вызываетъ дальнѣйшія измѣненія.

Свободный гражданинъ считаетъ безчестьемъ заниматься какимъ-либо заработкомъ—это дѣло рабской черни. Плебей, вмѣсто прежняго стремленія къ землѣ, смотритъ на свои политическія права, какъ на средство наживы и заработка, и такимъ путемъ забираетъ у патриціевъ часть доходовъ, получаемыхъ отъ эксплоатаціи рабовъ.

Политическая деморализація увеличивается. Патриціи, благодаря войнамъ, владѣютъ громаднѣйшими богатствами. Появляется вооруженная и постоянная сила, набираемая изъ элементовъ, которымъ чужды преданія Рима. Наступаетъ періодъ, когда вельможи пробуютъ сдѣлаться повелителями Рима. Дѣло доходитъ до провозглашенія имперіи, исчезновенія родовой аристократіи, превращенія плебеевъ въ городскую чернь — *Lumpenpretariat*, сказали бы германскіе теоретики. Дальнѣйшія измѣненія доходятъ до того, что въ Римѣ образуется медленно новая группа—вооруженные преторіанцы и императоръ въ ихъ рукахъ только средство эксплоатаціи населенія. Начинается эпоха упадка и германскіе народы своимъ нашествіемъ ускоряютъ развязку. Италія, оскудѣвшая во времена рабскаго труда, переходитъ отъ большихъ фермъ въ колонату, т. е. распадается на мелкія крестьянскія усадьбы, для которыхъ водоемы, дороги и другія произведенія высшей культуры—излишны.

Послѣдующія звенья этой эволюціи возникаютъ изъ предъидущихъ путемъ стихійнаго развитія. Какъ результатъ малозначительныхъ измѣненій, образовывается новый строй матеріальныхъ отношеній, создающій новыя чувства, воззрѣнія и учрежденія. Земледѣліе, опирающееся на непосредственномъ трудѣ согражданъ, переходъ земель въ руки патриціевъ и обѣдненіе крестьянъ, наплывъ

обездоленныхъ поселянъ изъ сосѣднихъ побѣжденныхъ племенъ и борьба плебеевъ за политическія права, рабскія латифундіи, нравственный упадокъ плебеевъ, обратившихъ политическія права въ источникъ заработка, взаимная конкурренція патриціевъ, увеличеніе значенія арміи и провозглашеніе имперіи, оскудѣніе почвы и переходъ въ колонату,—вотъ послѣдовательныя фазы исторіи Рима. Въ Западной Европѣ развитіе обмѣна уничтожаетъ старые устои жизни, въ Римѣ—война.

Но я не осмѣливаюсь утверждать, чтобы это развитіе Рима было послѣдовательнымъ чередованіемъ все болѣе продуктивныхъ производительныхъ силъ. Исключеніе составляетъ переходъ латифундій въ колонату—тутъ такой характеръ переворота несомнѣненъ.

VII.

Въ нашей статьѣ мы занимались анализомъ, откуда въ исторической жизни народа возникаютъ новыя идеи, притомъ, такія идеи, которыя не прошли безслѣдно, но оставили послѣ себя слѣдъ на страницахъ исторіи. Мы тутъ должны сдѣлать замѣчаніе, что существуютъ еще другія идеи, представляющія только произведеніе взбалмошенной фантазіи, безъ корней въ реальной жизни, или появляющіяся какъ грубое предчувствіе антагонизмовъ и задачъ, находящихся еще въ зародышѣ, и въ данную эпоху осужденныя на безплодіе.

И ихъ появленіе вовсе не случайно, но анализъ ихъ въ данномъ случаѣ для насъ лишнее дѣло, такъ какъ онѣ не служатъ историческимъ ферментомъ, разлагающимъ старые устои и очищающемъ мѣсто для новыхъ учрежденій. Для насъ важно было изслѣдовать генезисъ идей, которыя становятся историческимъ факторомъ и, появившись однажды въ общественной жизни, не исчезаютъ, но дѣлаются достояніемъ цѣлыхъ группъ общества и даже лозунгомъ исторической борьбы. Мы еще болѣе съузили нашу задачу, такъ какъ занимались исключительно тѣми идеями, которыя побѣдили, т. е. воплотились въ реальныя учрежденія.

По отношенію къ такимъ идеямъ, т. е. къ идеямъ вполнѣ историческимъ, наше пониманіе дѣла сводится къ слѣдующему:

1. Подъ вліяніемъ частной дѣятельности мало-по-малу возникаютъ въ обществѣ новыя матеріальныя условія—новыя «производительныя силы». Съ *общественной* точки зрѣнія, онѣ развиваются стихійно и механически, т. е. развитіемъ руководятъ не общественныя, но личныя цѣли и сознаніе. Все дѣло сводится тамъ къ удовлетворенію частныхъ интересовъ. Никто не задумывается надъ послѣдствіями своей частной дѣятельности для общества.

2. Новыя матеріальныя условія, развиваясь органически, эволюціонно, при посредствѣ незначительныхъ количественныхъ измѣненій, современемъ создаютъ среди соотвѣтственныхъ группъ населенія новыя потребности, причемъ послѣднія являются факторомъ дальнѣйшаго развитія тѣхъ же матеріальныхъ условій. Мы скажемъ это еще другимъ образомъ, именно, что благосостояніе соотвѣтственной группы связано съ дальнѣйшимъ развитіемъ порождающихъ ее вещественныхъ отношеній.

3. На извѣстной ступени развитія возникаетъ антогонизмъ между потребностями, генезисъ которыхъ мы изслѣдовали, и существующими правовыми отношеніями. Среди заинтересованныхъ появляются стихійно направленныя чувства зависти и ненависти, полусознательныя стремленія и даже стихійныя проявленія возбужденныхъ страстей. Наконецъ, новыя потребности получаютъ окончательную сознательную формулировку въ новой идеѣ, которая, распространяясь, организуетъ общественную армію изъ соотвѣтствующихъ элементовъ. Идея, значитъ, появляется въ общественной жизни какъ вторичное, производное явленіе, она—произведеніе фактовъ и ихъ отраженіе въ человѣческомъ умѣ. На этой ступени развитія, антагонизмы обнаруживаются вполнѣ; развитіе, до сихъ поръ эволюціонное и органическое, принимаетъ совершенно другой характеръ, обществу угрожаетъ всегда опасность катаклизмовъ.

4. Высказанная такимъ образомъ идея формулируетъ задачу, которую общественная жизнь подготовляла стихійно. Идея эта одновременно указываетъ дорогу, по которой заинтересованныя группы постараются разрѣшить данную задачу, т. е. какія учрежденія соотвѣтствуютъ лучше всего новымъ потребностямъ. Общественное развитіе же не только создаетъ задачу, но накопляетъ тоже средства ея разрѣшенія. Средства эти воплощены въ группѣ, возникающей вмѣстѣ съ развитіемъ данныхъ вещественныхъ отношеній. Идея придаетъ безсознательнымъ стремленіямъ сознательный характеръ, разбросанныя силы соединяетъ въ одно цѣлое, указываетъ цѣли. Въ этотъ періодъ *сознаніе* становится *важнѣйшимъ* факторомъ общественной эволюціи и люди вводятъ въ исторію сознательный психическій факторъ.

Людвикъ Крживицкій.

ДАНАИДЫ.

Новелла Эрнста фонъ-Вильденбруха.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Въ январѣ 1871 г. генералъ Фейдгербъ, главнокомандующій сѣверной французской арміей, долженъ былъ отступить и очистить нѣмцамъ поле сраженія. Напрасно пытался онъ пробить брешь въ стѣнѣ, которая въ видѣ двухъ прусскихъ армейскихъ корпусовъ встала между нимъ и Парижемъ. Наконецъ, онъ рѣшился на послѣднюю отчаянную попытку, но былъ разбитъ на голову при Сэнъ-Кентенѣ послѣ семичасового ожесточеннаго боя и отступилъ къ Камбре.

Вся страна между Сеной и Соммой, на сѣверѣ Франціи, была очищена отъ французскихъ войскъ и перешла въ руки нѣмцевъ. Но въ краѣ было не спокойно: въ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ остались жители, не рѣшавшіеся покинуть свои жилища. Прибытія пруссаковъ они ждали съ глубокой и глухой ненавистью.

Каждый разъ, когда съ восточной стороны поднимался ревъ канонады, они высыпали изъ домовъ на улицу и шепотомъ передавали другъ другу:

— Это наши; сегодня зададутъ они проклятымъ пруссакамъ.

И всякій разъ, когда кончался ужасный короткій день и опускалась зимняя ночь, они печально расходились по домамъ.

— Опять изъ этого ничего не вышло,—говорили они и снова оставляла ихъ надежда на успѣхъ.

И вотъ когда случилось роковое пораженіе при Ст.-Кентенѣ и возвѣстило имъ, что нѣтъ больше никакой надежды, глубокое отчаяніе овладѣло ими и они рѣшились мстить на смерть.

Теперь нѣмцы были окружены какъ бы роемъ пчелъ, глухое жужжаніе которыхъ ежечасно напоминало имъ о близкой опасности. Если нѣмцы проходили черезъ поле, внезапно въ лѣсу раздавался выстрѣлъ, и пока прислушивались къ его замирающему раскату,

не зная, въ кого онъ направленъ, раздавался другой и съ жалобнымъ жужжаніемъ пуля шлепалась о мерзлую, жесткую землю. Принимались за поиски въ кустахъ, начиналась травля по полямъ; иногда французовъ находили и избивали на мѣстѣ. Зловѣщее жужжанье на время прекращалось, но на мѣсто выбывшихъ являлись другіе и снова начиналась глухая борьба.

Гдѣ находили пріютъ эти стрѣлки—найти было не трудно: каждый изъ этихъ мрачныхъ каменныхъ домовъ, изъ которыхъ состояла деревня, представлялъ готовое убѣжище. Между этими деревнями была одна, которая пользовалась особенно дурной славой и среди нѣмецкихъ солдатъ считалась настоящимъ разбойничьимъ гнѣздомъ. Это была большая деревня въ отдаленномъ уголку Пикардіи.

Такъ какъ не имѣлось достовѣрныхъ доказательствъ, что деревня оправдывала свою дурную славу, рѣшено было навести точныя справки, и если молва окажется справедливой, уничтожить это разбойничье гнѣздо. Для испытанія одинъ батальонъ пѣхоты былъ расположенъ въ деревнѣ и ему была предписана величайшая осторожность. Впрочемъ, не было необходимости предупреждать солдатъ, потому что они сами знали отъ своихъ товарищей, въ какое опасное мѣсто они теперь попали, и все время были на сторожѣ. Всѣ дома, въ которыхъ имъ былъ отведенъ постой, они обыскали сверху до низу, но не нашли тамъ ни спрятаннаго оружія, ни вообще чего-либо подозрительнаго, зато въ погребахъ оказалось много хорошаго вина. Правда, вино могло быть отравлено и солдаты не безъ колебанія рѣшились его попробовать, но страхъ этотъ скоро прошелъ. Напитокъ былъ превосходенъ и нравился съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Тѣмъ не менѣе, бдительность ихъ не уменьшалась и довѣрія къ этой «смертоносной дырѣ» не было. Нѣкоторыя странныя явленія невольно заставляли ихъ задумываться.

Во всей деревнѣ не оказалось ни одного молодого крестьянина. Остались только женщины да старики. Женщины съ непріязненнымъ страхомъ прятались въ домахъ, а старики угрюмо молчали. Тишина и спокойствіе царили въ деревнѣ. Невольно напрашивался вопросъ, куда дѣвалась вся молодежь? Наконецъ, нашелся одинъ, кто разрѣшилъ загадку. Это былъ старый, состоявшій на пенсіи, лѣсничій, ежедневно выпивавшій свою рюмку абсента въ той же кофейнѣ, гдѣ собирались нѣмецкіе офицеры. Онъ былъ весельчакъ и балагуръ, съ чисто французскими бѣлокурыми усами и веселыми, живыми глазами. Только онъ одинъ во всей деревнѣ и сходился съ нѣмцами подъ одной кровлей.

Случилось такъ, что офицеры предложили ему раздѣлить съ ними стаканъ вина и скоро между ними завязался разговоръ.

— Куда дѣвалась вся ваша молодежь?—спросилъ одинъ офицеръ, подливая лѣсничему вина.

— Боже мой,—улыбнулся старикъ во весь ротъ,—если бы теперь посмотрѣть по вашимъ деревнямъ, господа пруссаки, то вѣдь тоже пришлось бы спросить: гдѣ ваши молодцы? Разумѣется, всѣ ушли на войну: одинъ—здѣсь, другой—тамъ, а бѣдныя жены сидятъ въ одиночку да горюютъ.

— Мы готовы были бы утѣшать вашихъ скучающихъ дамъ,—смѣясь, отозвались офицеры,—да онѣ заперли свои двери такъ же крѣпко, какъ и сердца.

— Ну да,—сказалъ лѣсничій, лукаво подмигнувъ,—были бы только бабы, а ужъ господа офицеры узнали бы, какъ лѣсничій умѣетъ ихъ утѣшать. Года только теперь не тѣ.

— Конечно, если бы вы были моложе,—замѣтилъ одинъ капитанъ, пристально смотря черезъ столъ въ глаза веселому старику,—вы тоже дѣлали бы что-нибудь другое, а не сидѣли бы здѣсь, въ деревнѣ? Не правда ли?

При этомъ капитанъ смотрѣлъ такъ пронзительно и голосъ его звучалъ такъ рѣзко, что, повидимому, то и другое не очень понравилось лѣсничему.

— Что же сталъ бы я дѣлать, по мнѣнію господина капитана?—спросилъ лѣсничій, не глядя въ лицо капитану.

— Вы бы ушли вмѣстѣ съ другими молодыми парнями деревни и дѣлали бы то же, что они—прятались бы за кустами, залегали бы на пашняхъ и стрѣляли бы въ пруссаковъ.

— Значитъ, господинъ капитанъ полагаетъ, что я сдѣлался бы вольнымъ стрѣлкомъ?—и старикъ даже подскочилъ на стулѣ и замоталъ головой при такомъ забавномъ предположеніи.

— Эй, Рудольфъ!—обратился онъ къ хозяину кофейни, стоявшему за прилавкомъ, заложивъ руки въ карманы,—ты слышалъ? мы—вольные стрѣлки! ты и я! хорошимъ бы стрѣлкомъ былъ ты, нечего сказать... Ха-ха! Ты, который тысячу разъ въ день посылаешь всѣхъ вольныхъ стрѣлковъ ко всѣмъ чертямъ! Если бы не они, кончилась бы эта проклятая война, и тебѣ не пришлось бы раззоряться!

Хозяинъ кофейни былъ чернобородый, съ мрачнымъ взглядомъ, французъ. Цѣлыми днями онъ стоялъ за прилавкомъ въ молчаливомъ раздумьи. При словахъ стараго лѣсничаго лицо его приняло невыразимо странное выраженіе. Онъ вытаращилъ глаза и пристально смотрѣлъ на говорящаго тупымъ вопросительнымъ взгля-

домъ, потомъ открылъ ротъ, какъ будто что-то хотѣлъ сказать, но не произнесъ ни слова и такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ.

— За это давай еще абсента,—крикнулъ лѣсничій, ударяя ладонью по прилавку. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ хозяиномъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Внезапно по чертамъ хозяина пробѣжала какая-то судорога, онъ вынулъ руки изъ кармана, налилъ стаканъ и крикнулъ во все горло:

— Къ чорту вольныхъ стрѣлковъ!

— Ха-ха, господинъ капитанъ,—засмѣялся старикъ, обращаясь къ капитану,—цѣлую недѣлю Рудольфъ не раскрывалъ рта и вотъ его первыя слова: къ чорту вольныхъ стрѣлковъ!—И старикъ просто помиралъ со смѣху.

Но на капитана эта веселость не произвела, повидимому, особаго впечатлѣнія.

— О васъ обоихъ я не говорю,—продолжалъ онъ,—но другіе! Я не могу себѣ представить, чтобы все мужское населеніе отъ 30 до 60 лѣтъ находилось въ войскахъ,—вѣдь у васъ не было призвано ополченіе.

Вдругъ за прилавкомъ раздался глухой и злобный голосъ, больше похожій на ворчанье:

— Если господа хотятъ знать, гдѣ наши мужчины, то пусть будутъ такъ добры поискать ихъ подъ землей, тамъ они ихъ найдутъ убитыми, раздавленными вашими же руками.

Это говорилъ хозяинъ. Онъ опять заложилъ руки въ карманы и смотрѣлъ передъ собой, опустивъ голову, какъ разъяренный быкъ.

Между офицерами наступило молчаніе. Они безмолвно обмѣнялись взглядами. Эти слова шли прямо изъ сердца. Очевидно, г. Рудольфъ не былъ другомъ пруссаковъ.

Молчаніе внезапно было прервано голосомъ, который обращался къ хозяину изъ внутренней, расположенной за прилавкомъ, комнаты. Среди наступившей тишины слова эти прозвучали особенно отчетливо. Голосъ былъ женскій, красивый и глубокій.

— А, madame la Reine!—крикнулъ лѣсничій. Онъ подошелъ къ прилавку и заговорилъ съ кѣмъ-то въ сосѣдней комнатѣ.

— Войдите же, Рудольфъ занятъ и не можетъ выйти. Насъ вамъ нечего бояться.—Онъ повернулъ голову къ нѣмецкимъ офицерамъ и хитро имъ подмигнулъ.

— Конечно, дамамъ мы ничего не сдѣлаемъ,—весело подтвердили офицеры.

Замѣтно было, что хозяиномъ овладѣло скрытое безпокойство. Онъ хотѣлъ выйти съ очевиднымъ намѣреніемъ помѣшать женщинѣ войти. Но лѣсничій крѣпко ухватилъ его за руку и что-то

шепнулъ ему на ухо. Слова были сказаны такъ тихо, что только видно было движеніе губъ, но, очевидно, они произвели свое дѣйствіе на хозяина, онъ остановился и, повернувшись къ двери, сказалъ:

— Ну, что жъ вы не выходите, madame Гюйо?

Черезъ порогъ переступила женщина лѣтъ тридцати. Ничего особеннаго въ ней не было, но женщины появлялись среди нѣмцевъ такъ рѣдко, что взоры всѣхъ офицеровъ обратились на нее и всѣ пристально разсматривали вошедшую.

Почувствовавъ на себѣ эти взгляды, она невольнымъ движеніемъ плотнѣе закуталась платкомъ, покрывавшимъ ей плечи и всю фигуру. На ея сильныхъ, но красивыхъ чертахъ выступилъ густой румянецъ и въ то время, какъ она тихо разговаривала съ хозяиномъ, она старалась незамѣтно повернуться къ офицерамъ спиной. По всему чувствовалось, какъ непріятно ей было это вниманіе.

— Желаете вы, чтобы я послалъ вамъ это на домъ?—вполголоса спрашивалъ хозяинъ, ставя голову сахара на прилавокъ.— Вы знаете, стоитъ вамъ только приказать...

— Нѣтъ, благодарю,—коротко отвѣтила она и положила деньги на столъ. Хозяинъ испустилъ какое-то ворчаніе и сдѣлалъ видъ, что не хочетъ брать денегъ.

— Вы знаете, madame Гюйо, — недовольно замѣтилъ онъ, — что этого совсѣмъ не надо. Во всякомъ случаѣ нечего съ этимъ спѣшить.

— А вы знаете, что я такъ хочу,—возразила она быстро и горячо, гордо поднявъ голову. Она выпрямилась и казалась выше хозяина. Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ другу въ глаза, причемъ въ ея глазахъ мелькнуло презрительное выраженіе. Потомъ, взявъ покупку, она торопливо вышла, такъ же какъ вошла, ни на кого не глядя, молча и безъ поклона.

Рудольфъ, не скрывая своего неудовольствія, громко захлопнулъ крышку ящика и опять угрюмо замолчалъ.

— Madame la Reine, говорите вы,—обратился одинъ изъ офицеровъ къ старому лѣсничему,—значитъ, она королева?

— Хе-хе, — засмѣялся старикъ, — не правда ли, въ ней есть что-то такое? Она изъ Нормандіи, а тамъ всѣ онѣ въ этомъ родѣ. На самомъ же дѣлѣ она просто вдова Рейнъ Гюйо. Вотъ надъ этимъ-то именемъ и острятъ у насъ.

— Она вдова?—переспросилъ офицеръ.

— Да, мужъ ея, старый мастеръ Гюйо, черезъ два года послѣ свадьбы умеръ, и очень хорошо сдѣлалъ, сказать по правдѣ. Послѣ его смерти выплыли на свѣтъ Божій разныя его дѣлишки.

Онъ былъ очень богатъ и притомъ страшно скупъ. Домъ, который вы видите тамъ,—онъ указалъ на одноэтажный домъ, стоявшій противъ кофейни,—старый скряга оставилъ ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе и ужасъ ко всѣмъ мужчинамъ. Бѣдняжка испытала много горя со старой развалиной, оттого она стала такой гордой, сидитъ одиноко въ своемъ домѣ, ни съ кѣмъ не водится и сама смотритъ за своимъ хозяйствомъ. И до сихъ поръ еще ни одинъ мужчина не добился чести вступить съ ней въ разговоръ.

При этихъ словахъ онъ подмигнулъ однимъ глазомъ на Рудольфа, который, мурлыкая себѣ подъ носъ, старательно хлопоталъ около стакановъ и графиновъ, казалось, ничего не видя и не слыша. Лѣсничій снова подмигнулъ на Рудольфа, причемъ сдѣлалъ такую смѣшную гримасу, что всѣ офицеры покатились со смѣху.

По истинѣ это былъ веселый старикъ!

Въ это мгновеніе вошелъ адъютантъ и принесъ извѣстіе, вызвавшее нѣкоторое волненіе: баталіонъ долженъ выступать. Такъ какъ свободнаго стула не было, то лѣсничій поднялся со своего мѣста и предложилъ его адъютанту, а самъ подошелъ къ прилавку, облокотился на столъ и вступилъ съ хозяиномъ въ разговоръ. Рудольфъ смотрѣлъ мрачно и угрюмо.

— Я не понимаю тебя,—возбужденно шепталъ онъ старику,—какъ можешь ты посвящать въ наши дѣла проклятыхъ нѣмцевъ.

— Тише, глупая голова! — прошипѣлъ сквозь зубы лѣсничій. Онъ незамѣтно кивнулъ головой въ сторону нѣмцевъ. Его черты приняли выраженіе напряженнаго вниманія. Въ разговорѣ офицеровъ онъ уловилъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ понялъ, что рѣчь шла объ уланахъ.

Рудольфъ замолчалъ. Тонъ, съ которымъ обратился къ нему старикъ, испугалъ его.

— Набей мнѣ трубку,—сказалъ громко лѣсничій и, передавая трубку, тихо прибавилъ:—Раскрой, наконецъ, ротъ и говори хоть что-нибудь, чтобы пруссаки чего не подумали. Только не говори громко, а то мнѣ не слышно, о чемъ они говорятъ. Къ намъ на постой придутъ уланы—вотъ что я разобралъ.

— Чортъ возьми,—проворчалъ Рудольфъ, набивая трубку.

— Одинъ эскадронъ,—продолжалъ лѣсничій,—это немного, что ты думаешь? Мы могли бы ихъ прикончить?

Онъ держалъ трубку во рту, Рудольфъ подалъ ему огня и оба пристально посмотрѣли другъ другу въ глаза.

Если бы нѣмцы могли ихъ видѣть въ этотъ моментъ, они не узнали бы своего веселаго собутыльника. Густыя брови его были сдвинуты, глаза метали искры и ноздри расширились, точно чуяли

кровь. Если бы лѣсничій стоялъ теперь въ лѣсу и ему попался бы нѣмецкій солдатъ,—навѣрно послѣдній никогда не вернулся бы домой.

Но вотъ офицеры поднялись со своихъ мѣстъ и потребовали счетъ. Пока Рудольфъ считалъ деньги, одинъ изъ нихъ ударилъ лѣсничаго по плечу.

— Еще одинъ стаканчикъ на прощанье, мой милый,—сказалъ онъ.—Приходится намъ съ вами разстаться.—Старикъ потянулъ себя за усъ и сдѣлалъ изумленное лицо.

— Какъ? Господа покидаютъ насъ? Бѣдный Рудольфъ, какая потеря для тебя!

Офицеры засмѣялись.

— Да здравствуетъ война! — сказали они, чокаясь съ нимъ. Лѣсникъ грустно покачалъ головой.

— Ахъ, господа офицеры, пусть это несчастье скорѣй кончится!

— Во всякомъ случаѣ, г. Рудольфъ можетъ быть спокоенъ,— продолжалъ офицеръ,—послѣ насъ придутъ уланы, и мы расхвалимъ имъ его абсентъ и кофе.

— Уланы?—спросилъ лѣсничій,—но вѣдь это ужасно.

Этотъ страхъ снова возбудилъ веселость офицеровъ.

— Они вовсе не такъ страшны, эти уланы,—раздалось съ ихъ стороны,—надо только знать людей, тогда всѣ страхи пропадутъ. О вашей деревнѣ мы тоже имѣли совсѣмъ другое представленіе. Сперва, когда мы пришли, мы думали здѣсь найти вольныхъ стрѣлковъ, охотниковъ за людьми, а въ сущности вы добрые ребята.

— Вѣдь вы это скажете уланамъ?—спросилъ насмѣшливо старикъ.—Когда приходятъ они?

— Завтра утромъ.

— Тоже батальонъ?

Офицеровъ забавляло незнаніе лѣсничаго въ военномъ дѣлѣ.

— Уланы не имѣютъ батальоновъ, только эскадроны; одинъ эскадронъ придетъ сюда.

Лѣсничій покачалъ головой.

— Все равно,—сказалъ онъ,—жаль, что вы, господа, уходите. Мнѣ это очень грустно.

Онъ пожалъ руки всѣмъ офицерамъ, и черезъ часъ подъ звуки трубъ батальонъ выступилъ изъ деревни, направляясь на западъ къ мѣсту новаго назначенія. На пригоркѣ, гдѣ деревенская улица выходитъ въ чистое поле, уже стоялъ лѣсничій и пропустилъ мимо себя весь батальонъ. Всякій разъ, какъ онъ замѣчалъ офицера, онъ снималъ съ головы кепи и низко кланялся, на что офицеры

весело ему кивали. Потомъ вернулся въ деревню, обошелъ всѣ дома, чтобы удостовѣриться, не осталось ли чего-нибудь, но нѣмцы все унесли, оставивъ только стѣны.

Спустя полчаса какая-то фигура вышла изъ деревни и скорымъ шагомъ направилась черезъ поле къ лѣсу, который черной лентой разстилался вдали. Это былъ лѣсничій. По временамъ онъ останавливался, чтобы сбить съ каблуковъ налипшій снѣгъ, и потомъ еще быстрѣе продолжалъ свой путь и вскорѣ скрылся въ чащѣ лѣса.

Настала ночь, но не принесла обычной тишины. Слышался какой-то глухой шумъ и топотъ ногъ по дорогамъ и тропинкамъ деревни. Откуда то приходили люди то по одиночкѣ, то группами. Когда они вступали въ полосу свѣта, широко теперь лившагося изъ оконъ всѣхъ домовъ, сразу можно было видѣть по ихъ спутаннымъ бородамъ, покрытымъ грязью одеждамъ и сапогамъ, что они цѣлые дни, а можетъ быть, и недѣли провели подъ открытымъ небомъ.

Если бы нѣмцы, которые ушли сегодня, могли вернуться въ деревню, они поняли бы теперь, куда дѣвалось все мужское населеніе мѣстечка.

Женщины выходили изъ домовъ и здоровались со своими мужьями, отцами и сыновьями. Повсюду слышались веселыя восклицанія и смѣхъ. Но большинство тихо перешептывалось между собою. Вокругъ раздались голоса: «Къ Рудольфу», и имя это, передаваясь изъ устъ въ уста, всѣмъ указывало сборный пунктъ.

Большая зала кафе представляла обширный четырехугольникъ, едва вмѣщавшій всю массу мужчинъ и женщинъ, расположившихся въ ней. Тусклыя, спускавшіяся съ потолка керосиновыя лампы, скудно освѣщали группы вооруженныхъ мужчинъ, размѣстившихся вокругъ столовъ и гнѣвно и горячо жестикулировавшихъ. Сдвинувъ на затылокъ шляпы, открывшія ихъ дикія лица, они разсказывали о своихъ кровавыхъ подвигахъ. Слушатели внимали имъ, затаивъ дыханіе. Удушливая жара, табачный дымъ и запахъ водки наполняли воздухъ, казалось, весь залъ былъ напоенъ яростью, ненавистью и жаждой крови.

— Смерть собакамъ-пруссакамъ!—заревѣлъ одинъ парень съ воловьей шеей, грозно стукнувъ стаканомъ по столу. Громкій вопль ярости раздался со всѣхъ концовъ зала. Слова эти, видимо, произвели зажигающее дѣйствіе.

— Пусть у меня отсохнутъ руки, — продолжалъ стрѣлокъ,— если завтра выпущу живымъ хоть одного улана!

— Я то же самое говорю,—закричалъ другой молодой крестьянинъ, сидѣвшій напротивъ,—насъ 50 вооруженныхъ человѣкъ, мы

*

размѣстимся у оконъ по домамъ и всѣхъ ихъ выбьемъ изъ сѣдла одного за другимъ.

— Хорошо придумано, молодчики, хорошо!—хвалилъ лѣсничій, переходя отъ стола къ столу, со всѣми вступая въ разговоръ и внимательно все слушая.—Хорошо придумано, а только такъ дѣлать не годится.

— Почему не годится?—кричали кругомъ.

— Потому что улановъ болѣе ста человѣкъ; при первомъ же выстрѣлѣ они повернутъ вспять и хотя бы вы перестрѣляли девяносто человѣкъ, десять все-таки вернутся къ своимъ мѣстамъ и на слѣдующій день нашу деревню сотрутъ съ лица земли.

— Но они должны умереть, чортъ меня возьми!—крикнулъ опять черный великанъ, стуча своимъ стаканомъ по столу, точно онъ хотѣлъ его раздробить.

— Кто дрожитъ за свою жизнь, тотъ измѣнникъ!—закричалъ сидѣвшій напротивъ.

— Долой измѣнниковъ! Долой!—поднялся неистовый крикъ по всему залу.

Слово «измѣнникъ» наэлектризовало толпу. Мужчины оглядывались кровожадными глазами, голоса женщинъ звенѣли рѣзко, какъ трубы, и все собраніе бушевало и неистовствовало въ безумной и безпредметной яроости.

Отрывисто и звучно надъ всѣмъ этимъ адскимъ шумомъ пронесся голосъ стараго лѣсничаго.

— Такъ слушайте же!—кричалъ онъ, вставъ у всѣхъ на виду посреди залы.—Не только вы должны принять улановъ, но еще доставлять имъ всѣ удобства, кормить ихъ какъ можно лучше и завтраками и ужинами, словомъ, чѣмъ только можно.

— Ты ихъ хочешь откормить для насъ?

— Да, я хочу этого, а о перцѣ и соли я самъ позабочусь.

— Браво, старый браконьеръ!—засмѣялись всѣ кругомъ, одобрительно смотря на лѣсничаго.—На чердакѣ стараго плута всегда найдется хорошая мысль.

— Мы сотремъ улановъ, какъ пыль,—продолжалъ лѣсничій,—но сдѣлаемъ это такъ тихо, что никто объ этомъ не узнаетъ. Поняли вы, о чемъ я говорю?

Глаза всѣхъ смотрѣли на него съ нѣмымъ вопросомъ и удивленіемъ. Очевидно, лѣсничаго еще не понимали.

— Мы ихъ впустимъ въ деревню такъ же, какъ и ушедшій сегодня батальонъ. Прежде всего нужно успокоить ихъ подозрительность, что теперь не трудно, потому что пруссаки принимаютъ насъ за «добрыхъ ребятъ». Ты вѣдь слышалъ это, Рудольфъ?

Такимъ образомъ, въ одну темную ночь, мы должны позаботиться, чтобы всѣ офицеры собрались у Рудольфа, а солдатъ мы постараемся напоить днемъ хорошимъ виномъ, отъ котораго эти нищіе съ ногъ валятся. Хорошее-то вино имъ не въ привычку. Вотъ тогда-то вы, мои молодчики, тихонько прокрадетесь сюда. Пусть человѣкъ двѣнадцать самыхъ ловкихъ и опытныхъ вломится черезъ окно и двери и вступитъ съ пруссаками въ разговоръ — вы понимаете—не стрѣляя, а тихонько съ ножомъ въ рукѣ; и когда каждый изъ васъ пригвоздитъ къ полу своего офицера навсегда, мы пойдемъ дальше по квартирамъ, каждый въ свой домъ, а эти дамы ужъ позаботятся, чтобы двери, за которыми храпятъ нѣмцы, были открыты, такъ что мы нанесемъ имъ визитъ безъ всякаго шума. А на слѣдующее утро всѣ пруссаки будутъ пить кофе или у старика Петра, или у сатаны.

Глубокая тишина наступила послѣ этихъ словъ. Самые неугомонные крикуны замолчали раньше всѣхъ, какъ это всегда бываетъ, когда забіяки должны приступить къ дѣлу. Казалось, какая-то темная, ужасная фигура вошла неслышными шагами и сѣла между ними, принеся съ собою холодъ смерти. Теперь шла рѣчь не о подстрѣливаніи одиночныхъ солдатъ, а объ убійствѣ цѣлой массы людей по заранѣе составленному плану. Всѣ почувствовали тайный ужасъ, и только лѣсничій былъ по прежнему спокоенъ и увѣренъ въ себѣ.

— Понимаете ли вы теперь, что я хотѣлъ этимъ сказать,— продолжалъ лѣсничій, причемъ губы его сложились въ ужасную улыбку, — что мы должны ихъ стереть, какъ пыль? Какъ скоро мы покончимъ съ ними, мы закопаемъ ихъ вмѣстѣ съ лошадьми, которыхъ раньше зарѣжемъ, съ оружіемъ и обозомъ. Они должны быть стерты съ лица земли, исчезнуть, чтобы ни малѣйшаго слѣда отъ нихъ не осталось. А когда пруссаки придутъ опять и будутъ спрашивать про тѣхъ—ба!—мы о нихъ ничего не знаемъ, никогда не видѣли уланъ, никто къ намъ и не приходилъ. Можетъ быть, они сбились съ пути, можетъ быть, повернули въ сосѣднюю деревню— пожалуйста, обыщите, господа, ха-ха-ха!

Онъ рѣзко захохоталъ и стукнулъ стуломъ объ полъ такъ, что тотъ хрустнулъ. Этотъ смѣхъ сразу привелъ въ себя всѣхъ присутствующихъ.

— Это идея! Дьявольская идея!—закричалъ черный парень, все время въ упоръ смотрѣвшій на лѣсничаго.—Это идея!—какъ эхо раздавалось по всему залу.

— Но ты знаешь,—сказалъ Рудольфъ, вернувшійся опять за прилавокъ и снова наполнявшій стаканы,—какъ осторожны и по-

дозрительны проклятые пруссаки; когда трое спятъ, четверо стоятъ на часахъ.

— Развѣ я не говорилъ,—возразилъ лѣсничій, подставляя свой стаканъ, — что мы должны усыпить ихъ подозрительность? Въ этомъ должны помочь намъ наши дамы.

Услыхавъ, что рѣчь идетъ о нихъ, женщины переглянулись и столпились тѣснѣе.

— Да, да, мои красавицы! — говорилъ старикъ. — Пока вы держитесь въ сторонѣ, ничего нѣтъ удивительнаго, что пруссаки на насъ косятся. Вы должны быть съ ними немножко поласковѣе, сообщительнѣе.

— Тысяча чертей! — онѣ должны любезничать съ этими собаками нѣмцами?—Глухой ропотъ между мужчинами показывалъ, что это предложеніе не встрѣтило большого сочувствія.

— Онъ правъ,—сказалъ черный, ударивъ кулакомъ по столу,— мы какъ волки кинемся на нихъ и наши удары имъ будутъ не сладки.

— Къ тому-же, это для отечества,—послышалось кругомъ.

— Да, женщины должны намъ помочь, —рѣшилъ вдругъ общій голосъ,—онѣ должны завлечь пруссаковъ въ сѣти.

До сихъ поръ женщины лукаво подталкивали другъ друга, прислушиваясь къ этимъ совѣщаніямъ, но теперь онѣ молчали— дѣло становилось серьезно.

— Желали бы мы знать точнѣе, что намъ надо дѣлать?— сказала одна красивая, стройная женщина, съ смѣлымъ улыбающимся лицомъ.

— Француженка—и спрашиваетъ, что ей надо дѣлать, чтобы быть любезной! — удивился лѣсничій, лукаво взглянувъ на говорившую.—Богъ мой, да это очень просто—встрѣчаютъ пруссаковъ, радуются, что, наконецъ, удалось увидѣть вблизи знаменитыхъ улановъ. При этомъ добавляютъ, что хотя сперва ихъ страшно боялись, ужасно боялись, но теперь видятъ, что они очень любезны, право, гораздо любезнѣе пѣхотинцевъ, бывшихъ передъ ними.

Старикъ сопровождалъ свои слова такими забавными гримасами, что его слушательницы разразились веселымъ смѣхомъ и захлопали въ ладоши. На мрачныхъ лицахъ мужчинъ показалась улыбка и внезапно всѣми овладѣла жажда веселья.

— Танцовать, будемъ танцовать!—раздавалось вокругъ.

Въ то время, какъ сдвигали столы и стулья, чтобы очистить пространство, опять раздался властный голосъ лѣсничаго:

— Еще одну минутку, дѣтушки, еще одну минутку! Это слово

навело меня на хорошую мысль: пруссаки и именно офицеры никогда не ходятъ безъ сабель и револьверовъ; это могло бы представить неудобства для васъ, когда вы ворветесь. Мы такъ устроимъ, чтобы вечеромъ, когда они соберутся у Рудольфа, были танцы; при этомъ они должны будутъ снять оружіе и работа наша на половину сдѣлана.

— Съ кѣмъ они будутъ танцовать?—спросилъ Рудольфъ.

— Конечно, не съ твоими стульями, а съ дамами,—отвѣчалъ лѣсничій.—Дамы будутъ такъ добры, что придутъ сюда, не всѣ, а около дюжины. Пусть онѣ понарядн̀ѣе одѣнутся и постараются быть остроумными и любезными, потомъ какъ бы между собой будутъ жаловаться, что нѣтъ кавалеровъ для танцевъ, а потомъ— потомъ будутъ танцовать съ пруссаками.

— Но вѣдь имъ сразу бросится въ глаза, если мы безъ всякаго повода и причины здѣсь явимся,—сказала стройная красавица. Очевидно, она взялась говорить отъ лица всѣхъ женщинъ.

— Правильное замѣчаніе, моя раскравица,—одобрилъ лѣсничій.—Поэтому мы разскажемъ нѣмцамъ, что празднуемъ торжество, домашній праздникъ у Рудольфа... напримѣръ, онъ дѣлалъ видъ, что размышлялъ,—ну, напримѣръ, его помолвку.

— Богъ мой!—сказалъ, громко смѣясь, Рудольфъ,—ты меня женишь, старый дятелъ? Ты ужъ и невѣсту также нашелъ?

Лѣсничій обвелъ глазами вокругъ и, схвативъ стоявшаго рядомъ хозяина за руку, сказалъ хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Что ты мнѣ дашь, если я тебѣ ее добуду?

— Кого?—спросилъ тотъ. Старикъ безмолвно качнулъ головой на противоположный уголъ залы.

Рудольфъ широко осклабился. Глаза всѣхъ обратились на указанное мѣсто и слова «Рейнъ Гюйо» облетѣли залу.

Рейнъ Гюйо все время внимательно слушала, не смѣшиваясь съ толпой и сидя за отдѣльнымъ столомъ. Но какъ только раздалось ея имя, она поднялась, какъ бы объятая страхомъ, и направилась къ дверямъ.

Тогда поднялся дикій вопль и крикъ.

— Оттуда не уходятъ, гдѣ совѣщаются патріоты! — кричали мужчины.

— Вѣдь, не королева въ самомъ дѣлѣ, а такая же, какъ и всѣ,—насмѣшливо заявили женщины.

Общій говоръ принялъ такой угрожающій тонъ, что женщина невольно остановилась. Лицо ея было мертвенно блѣдно и большіе, темные глаза испуганно смотрѣли вокругъ.

— Граждане не могутъ считать меня плохой патріоткой,—

тихо сказала она, пытаясь улыбнуться, — за то, что я должна смотрѣть за хозяйствомъ.

— Ахъ, что хозяйство, — грубо отвѣтилъ черный забіяка,— теперь дѣло не въ немъ, а въ отечествѣ! Развѣ у всѣхъ насъ нѣтъ хозяйства? Развѣ мы не ушли въ лѣсъ, не забросили все!

— Конечно, конечно,—подхватили всѣ.

— Друзья мои, къ чему такое волненіе?—успокоительно обратился лѣсничій къ собранію, вставъ между толпою и Рейнъ Гюйо.— Madame Гюйо умная женщина и хорошая патріотка, это я знаю лучше всѣхъ, потому что я старѣе васъ всѣхъ, и она пойметъ, что немного отъ нея требуется. Въ продолженіе одного вечера она въ глазахъ пруссаковъ будетъ невѣстой нашего браваго Рудольфа. Не правда ли, m-me Гюйо?

Съ опущенной головой Гюйо выслушала эти ласковыя слова. Грудь ея высоко поднималась и опускалась.

— Отъ чего же непремѣнно я?—тихо простонала она.

— Отъ того, что желательно, чтобы пруссаки получили бы хорошее мнѣніе о вкусѣ Рудольфа,—отвѣчалъ лѣсничій, потянувъ себя за усы.

— И потому, что не съ сегодняшняго дня извѣстно, что нельзя довѣрять всему, что выходитъ изъ Нормандіи, — злобно сказала стройная красавица, самая энергичная противница Гюйо,—и если ее не держать на глазахъ, то въ одинъ прекрасный вечеръ она всѣхъ насъ продастъ пруссакамъ.

Рейнъ Гюйо мрачнымъ,- презрительнымъ взглядомъ измѣрила противницу.

Рудольфъ подошелъ къ ней и съ неуклюжей любезностью положилъ свою руку ей на плечо.

— Вѣдь, вы знаете, m-me Гюйо,—сказалъ онъ.

Рейнъ Гюйо вздрогнула отъ отвращенія, почувствовавъ его прикосновеніе.

— Не прикасайтесь ко мнѣ!—отшатнулась она и невольно сдѣлала шагъ въ сторону. Рудольфъ стоялъ съ глупымъ озадаченнымъ лицомъ; снова поднялся ропотъ, но еще грознѣе, чѣмъ прежде.

— Какъ? она корчитъ недотрогу? Потому, вѣроятно, что ея старый скряга оставилъ ей мѣшокъ съ деньгами? Она хочетъ противиться волѣ народа? Измѣнница! Измѣнница!

Все чаще, все грознѣе повторялось роковое слово, и Рейнъ Гюйо съ ужасомъ замѣчала, какъ все населеніе деревни враждебно относилось къ ней. Ей не оставалось выхода, она должна была покориться. Чтобы утишить бурю, она подняла руку.

— Я не говорю, что я не хочу, только одно я бы желала

спросить: все это только такъ, для виду? И на слѣдующій день все будетъ по старому?

— Да, вѣдь, мы вамъ сказали,—отвѣчалъ лѣсничій,—на слѣдующее утро вы опять свободны, въ случаѣ, если Рудольфъ не побѣдитъ вашего суроваго сердца.

Рейнъ Гюйо сжала блѣдныя губы.

— Хорошо,—сказала она,—пусть будетъ такъ.

— Вотъ это дѣло! Это вѣрно!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Покорное согласіе гордой вдовы было встрѣчено одобрительно.

Какъ только начались танцы, Рейнъ Гюйо безмолвно покинула залу.

Хмурыя облака пасмурной завѣсой покрывали сырое зимнее небо, когда Рейнъ Гюйо, послѣ безсонной ночи, подошла къ окну и взглянула на безлюдную деревенскую улицу. Какой пустынный видъ! Сегодня въ первый разъ она замѣтила это, хотя ей давно была знакома эта печальная картина. Сегодня въ первый разъ почувствовала она себя одинокой, хотя уже много лѣтъ была одинока. Что ее не любили въ деревнѣ, она давно догадывалась, но что ее такъ ненавидѣли, это она впервые узнала вчера вечеромъ. Она еще раньше думала продать имущество и покинуть деревню, хотя не знала, куда потомъ идти. Но теперь этого нельзя было привести въ исполненіе. Сперва нужно было исполнить то, что на нее возложили вчера, но при мысли о предстоящемъ, ея сердце болѣзненно сжималось, и она чувствовала холодную дрожь. Она пошла въ кухню и занялась приготовленіемъ завтрака, но, сдѣлавъ его, она къ нему не притронулась. Молча сѣла она у очага и долго пристально смотрѣла передъ собой. Гнетущее чувство близкой бѣды, сознаніе глубокаго одиночества и безпомощности давили ее и она неслышно заплакала, не пытаясь даже удержать текущія слезы. И долго такъ сидѣла она неподвижно, какъ каменное изваяніе.

Вдругъ до ея слуха донесся съ улицы шумъ, лошадиный топотъ и бряцаніе оружія. Холодная дрожь пробѣжала у ней по спинѣ—уланы! Сначала она хотѣла остаться на мѣстѣ, ничего не желая слышать и видѣть, всецѣло отдавшись на волю судьбы. Но любопытство побѣдило страхъ, она вышла изъ кухни и подошла къ окну, выходившему на улицу.

Передъ самымъ ея домомъ стояла группа женщинъ. Повидимому, онѣ собрались здѣсь не случайно, потому что въ самое то мгновенье, какъ Рейнъ Гюйо показалась у окна, всѣ повернулись къ ней и поклонились, насмѣшливо присѣдая. Она отошла отъ окна, но сейчасъ же всѣ стали стучать въ него. Волей неволей она должна была открыть окно.

— Доброе утро, madame la Reine!—закричали женщины.—Мы только хотѣли засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и представиться вамъ, какъ подружки на вашей помолвкѣ съ Рудольфомъ.

Безучастно смотрѣла на болтушекъ Рейнъ Гюйо, но раздавшееся хихиканье пробудило ее. Она поспѣшно захлопнула окно и ушла въ глубь комнаты. Ломая руки, безъ устали ходила она взадъ и впередъ; она чувствовала, что ей нѣтъ никакого выхода, что на каждомъ шагу она окружена неумолимыми шпіонами — озлобленными женщинами.

— Что я имъ сдѣлала? — говорила она, тихо жалуясь самой себѣ.—Что я имъ сдѣлала?—Она чувствовала, какъ эта незаслуженная обида начинаетъ внушать ей ненависть къ ея преслѣдователямъ.

Между тѣмъ, эскадронъ приближался и изъ своей комнаты Рейнъ Гюйо почти въ упоръ смотрѣла въ лица уланъ.Она видѣла ихъ загорѣлыя черты, увѣренные, веселые глаза, кидавшіе смѣлые взоры по обѣимъ сторонамъ домовъ, и хотя она содрогнулась отъ ужаса при видѣ блестѣвшихъ копій, хотя она себѣ представляла, что эти ужасныя копья проливали французскую кровь, она чувствовала себя пригвожденной къ мѣсту какой-то властной силой. Она не могла отвести взора отъ этой, медленно двигавшейся воинственной толпы и слѣдила за ней до тѣхъ поръ, пока могла. Невольно передъ ея глазами встали другіе образы, которые она мысленно представляла себѣ рядомъ съ этими спокойными молчаливыми людьми, тѣ, которыхъ она видѣла вчера вечеромъ: съ искаженными лицами, съ хриплыми голосами, и когда она сравнила ихъ съ этими, Р. Гюйо провела рукой по лбу и съ ужасомъ оглянулась кругомъ. Но она была одна. Всѣ женщины давно уже убѣжали за уланами, но вдругъ ей почему-то послышалось вчерашнее роковое слово: измѣнница!

Черезъ четверть часа раздался стукъ у ея дверей. Выйдя въ въ сѣни, она остановилась какъ вкопанная: передъ ней стоялъ прусскій уланъ. Одной рукой онъ держался за ручку двери, а другой держалъ лошадь въ поводу. Рейнъ Гюйо пристально смотрѣла на него широко открытыми глазами. Цвѣтущее, свѣжее, зарумянившееся, отъ зимняго воздуха, юношеское лицо прямо глядѣло на нее.

— Не бойтесь, сударыня,—сказалъ уланъ,—я очень сожалѣю, что долженъ васъ побезпокоить, но постараюсь, какъ можно меньше васъ стѣснять. Будьте такъ добры сказать мнѣ, куда я могу поставить свою лошадь?

Онъ говорилъ бѣгло по французски, и еслибъ она была болѣе

знакома съ военными отличіями, то по цвѣтному шнуру на погонахъ шинели она поняла бы, что передъ ней стоялъ вольноопредѣляющійся.

Не въ состояніи произнести ни одного слова, она молча наклонила голову, вышла первая изъ дверей, кивнувъ ему головой, чтобы онъ слѣдовалъ за ней. Въ стѣнѣ, примыкавшей къ жилому дому, находились деревянныя ворота, заложенныя деревяннымъ же засовомъ. Напрасно она старалась отнять засовъ: дерево забухло отъ сырости и холода и не поддавалось ея усиліямъ.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ уланъ, видя ея напрасныя усилія. Онъ попробовалъ вытащить, но засовъ засѣлъ такъ крѣпко, что онъ долженъ былъ схватиться обѣими руками.

— Будьте такъ любезны, подержите на минуту мою лошадь,— попросилъ онъ.

Она взяла поводъ изъ его рукъ, лошадь стала медленно ее обнюхивать. Это было красивое и стройное животное, собственный конь улана. Рейнъ Гюйо посмотрѣла въ красивые и довѣрчивые глаза вѣрнаго животнаго и невольно погладила его стройную шею, но въ то же мгновеніе отдернула руку, точно обжегшись—вѣдь это была лошадь пруссака!

— Наконецъ-то!—сказалъ уланъ, вытаскивая засовъ. — Если позволите, я смажу желѣзо, оно немного заржавѣло. Онъ толкнулъ одну половинку воротъ и взялъ поводья отъ своей молчаливой хозяйки.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ онъ сердечно,—это конюшня, не правда ли?

Она кивнула головой.

— Иди, «Эгмонтъ»,—сказалъ уланъ, трепля по шеѣ своего рыжаго,—такой славной конюшни ты давно уже не видалъ, старый плутъ.

Пока онъ разсѣдлывалъ лошадь, Рейнъ Гюйо, облокотясь на косякъ двери, разсматривала юнаго воина. Онъ снялъ шинель и киверъ, его стройная, гибкая фигура двигалась ловко и быстро. Густые бѣлокурые, слегка вьющіеся волосы обрамляли его лобъ.

— Это огромная деревня, сударыня,—болталъ онъ, занимаясь своимъ дѣломъ,—мы размѣстились по-царски, почти для каждаго отдѣльный домъ. Это очень пріятно, когда по недѣлямъ не видишь крыши надъ головой. Впрочемъ, я думаю,—продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта,—мы не долго будемъ злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ. Скоро будетъ миръ, мы вернемся по домамъ и вы будете свободны отъ пруссаковъ.

Онъ посмотрѣлъ черезъ коня на безмолвную собесѣдницу и, засмѣявшись, прибавилъ:

— Это вамъ не причинитъ большого горя, не правда ли?

Рейнъ Гюйо отвернулась въ сторону.

— Господинъ желаетъ чего-нибудь закусить? — спросила она.

— О, если вы будете такъ добры...

— Это моя обязанность,—сказала она отрывисто и жестко.

Теперь наступило молчаніе съ другой стороны, и когда она бросила взглядъ на юношу, лицо его было красно до корня волосъ. Онъ совсѣмъ наклонился къ своей лошади, шутилъ съ ней, называлъ ее ласковыми именами, сыпалъ кормъ въ ясли и благородное животное отвѣчало тихимъ ржаніемъ на ласки своего хозяина.

Рейнъ Гюйо вышла изъ конюшни, но по серединѣ двора остановилась и оглянулась назадъ.

— Если господинъ...—она остановилась,—если господинъ желаетъ видѣть свою комнату...

— Я буду имѣть честь послѣ навѣстить васъ, сударыня.—Онъ старался повѣсить уздечку на гвоздь, вбитый въ косякъ.

— У васъ есть какое-нибудь горе? — вдругъ спросилъ онъ, бросивъ свое занятіе и обернувшись къ ней. Рейнъ Гюйо невольно отступила назадъ.

— Почему вы это думаете? — сказала она, глядя на него во всѣ глаза.

— О,—отвѣчалъ онъ, — я думаю это потому, что ваше лицо кажется такимъ опечаленнымъ и въ такое время...—Онъ замолчалъ и наклонился къ уздечкѣ, потомъ, взглянувъ на нее, добавилъ: Я думалъ, вы кого-нибудь потеряли?

Сперва смертельная блѣдность, потомъ яркая краска покрыли ея лицо, и эта рѣзкая перемѣна придала ей почти величественную красоту. Медленно покачала она головой.

— У меня нѣтъ въ арміи родныхъ и мнѣ некого терять.

Съ этими словами она поспѣшно повернулась и исчезла въ домѣ. Войдя къ кухню, Рейнъ Гюйо сѣла въ самый отдаленный уголъ и закрыла лицо руками. Ей нужно было на минуту ничего не видѣть, ни о чемъ не думать. Потомъ она направилась къ очагу, чтобы приготовить обѣдъ, и вдругъ вспомнила, что ворота на дворѣ не заперты. Надо ихъ закрыть. Зачѣмъ? Она сама не знала, зачѣмъ она пошла, но казалось, что она скрываетъ у себя въ домѣ какую-то тайну, которую никто не долженъ знать, особенно онѣ, эти ненавистныя сплетницы. Какъ будто дѣлая что-то нехорошее, она поспѣшно обошла кругомъ дома, заперла ворота и, удостовѣрившись, что никто ея не видѣлъ, съ облегченіемъ вздохнула. Отчего ей надо было таиться? Что скрывать?

Ничего. Случилось ли что-нибудь такое, что сама она ясно сознавала? Нѣтъ — и однако она чувствовала, что произошло что-то новое, большое, страшное и странное, чего раньше не было. Она не сознавала, что именно случилось. Родилось какое-то новое и загадочное чувство. Но еслибы кто-нибудь вздумалъ ей его растолковать, она не стала бы слушать и зажала бы себѣ уши.

Она вернулась на кухню, осмотрѣла свои кастрюли и, снова охваченная какимъ-то непонятнымъ безпокойствомъ, поднялась на лѣстницу, которая вела изъ сѣней на вышку, предназначенную улану. Мастеръ Гюйо, ея покойный мужъ, придавалъ мало значенія комфорту въ жизни и еще менѣе желалъ тратить на это деньги. Это была простая комната, содержавшая только предметы крайней необходимости: кровать, столъ, два стула Окинувъ взоромъ это убогое жилище, она замѣтила, что въ двери не было ни замка, ни задвижки. Раньше объ этомъ она никогда не думала, такъ какъ комната стояла пустой, но теперь, держась въ раздумьи за ручку двери, она вдругъ вспомнила слова, сказанныя вчера, вечеромъ: «дамы должны позаботиться, чтобы двери комнатъ, гдѣ спятъ пруссаки, были открыты». Внезапно ее охватилъ невыразимый ужасъ. Сама судьба устроила такъ, что эта комната, предназначенная улану, была такъ удобна для предстоящаго ночного «визита къ пруссакамъ».

— Я не знала этого,—тихо проговорила она, какъ бы желая оправдаться передъ собой. Но пока она раздумывала, нельзя ли помѣстить улана въ другомъ мѣстѣ, на лѣстницѣ послышались шаги и передъ ней стоялъ ея новый постоялецъ.

Смущенный, онъ молча глядѣлъ на нее, пораженный ея страннымъ видомъ: безсильно опустивъ руки, она прислонилась къ стѣнѣ и смотрѣла на него расширенными отъ ужаса глазами. Но онъ быстро оправился и, перешагнувъ послѣднія ступеньки, спросилъ указывая на комнату:

— Это комната, гдѣ я буду жить?

Она молча наклонила голову. Уланъ медлилъ входить.

— Кажется, для васъ это очень тяжело?— сказалъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Здѣсь... такъ не уютно,—сказала она, заикаясь.

— О, что до этого,—засмѣялся уланъ,—то для солдата это не имѣетъ значенія. Кровать, стулъ и столъ, на которомъ можно написать письмо. Чего больше желать?—Онъ перешагнулъ порогъ.

— Что, если онъ замѣтитъ, что дверь не запирается?—со страхомъ нечистой совѣсти спрашивала она себя. Но онъ не обратилъ на дверь никакого вниманія и перенесъ къ себѣ всѣ свои вещи.

Рейнъ Гюйо молча наблюдала за нимъ: онъ разбиралъ свои вещи спокойно, просто и весело. Очевидно, даже тѣни подозрѣнія не было у него. Еслибъ онъ могъ предчувствовать, что эта комната будетъ его могилой? Если бы она могла ему это сказать? Невольно губы ея открылись, но она съ ужасомъ сжала ихъ...«Измѣнница!» шепнулъ ей внутренній голосъ.

Наконецъ, ей стало неловко оставаться здѣсь, какъ будто подсматривая за нимъ.

— Обѣдъ скоро готовъ,—сказала она, — не пожелаетъ ли господинъ черезъ полчаса сойти внизъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ, — за одно я успѣю въ это время написать письмо.

При этихъ словахъ онъ показалъ ей съ улыбкой пакетъ, обвязанный зеленой ленточкой.

— Дорогія письма: я получилъ ихъ во время войны, — добавилъ онъ.

— Вѣроятно, изъ вашей деревни?—спросила она.

Онъ добродушно засмѣялся, видя, что она принимаетъ его за крестьянина.

— Моя родина—городъ, и письма я получаю отъ матери и маленькой сестренки.

Глаза его съ тихой радостью смотрѣли на дорогія строки.

— Знаете, madame,—продолжалъ уланъ,—эту ленточку принудила взять меня сестра, потому что зеленый цвѣтъ — цвѣтъ надежды. Конечно, это предразсудокъ, но самое странное то, что онъ оправдался. Бывали такіе дни, что вечеромъ смотришь на себя и удивляешься, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ. И, представьте себѣ, я не могу отдѣлаться отъ этого предразсудка. Впрочемъ, теперь ужъ опасность миновала. Скоро будетъ миръ.

И вздохнувъ съ облегченіемъ, онъ положилъ пакетъ на столъ. Рейнъ Гюйо все еще стояла на порогѣ, какъ прикованная. Уланъ взглянулъ на нее и его снова поразили эти глаза, смотрѣвшіе на него съ тѣмъ же выраженіемъ нѣмого ужаса. Замѣтивъ смущеніе улана, она низко опустила голову и несвязно проговорила:

— Конечно, конечно... такъ... господинъ потрудится сойти?

— Когда и куда вамъ угодно, — отвѣтилъ онъ, почтительно кланяясь.

Если бы кто видѣлъ теперь Рейнъ Гюйо на кухнѣ, ему бы показалось, что эта женщина ходитъ и двигается во снѣ. Въ ушахъ у ней стоялъ шумъ и звонъ и изъ всеобщаго гама отчетливо выдѣлялись только одни слова: «моя мать и моя маленькая сестра». И вдругъ ее поразила странная мысль: что было бы, еслибъ *она*

была его матерью? Невыразимо сладкое чувство наполнило ее при этой мысли. Передъ ней проносились чудныя картины. Наверху, на лѣстницѣ, нетерпѣливо ждетъ она сына. Ея маленькая дочь, его сестра, выбѣжала къ нему на встрѣчу къ воротамъ; вотъ уже слышны шаги и она чувствуетъ, какъ пробѣгаетъ по ней дрожь при звукѣ его шаговъ, вотъ уже въ пролетѣ видно его лицо, еще два прыжка и его голова лежитъ у ней на груди, молодое, красивое, милое лицо! И какъ жадно покрываетъ она поцѣлуями эти волосы, глаза, какъ сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ! Безсознательно Рейнъ Гюйо подняла свои руки и съ глубокимъ вздохомъ уронила ихъ опять. Вотъ онъ внимательно, съ нѣжной улыбкой всматривается ей въ глаза и говоритъ:

— У тебя горе, матушка? — совсѣмъ такъ, какъ это было сегодня утромъ.

Она прижала руки къ сердцу, въ которомъ было теперь какое-то теплое блаженное чувство, будто лучъ солнца проникъ туда и растопилъ ледъ, и это случилось въ тотъ моментъ, когда онъ ей сказалъ: «у васъ горе, сударыня?» Этотъ дружескій, сердечный голосъ проникъ ей въ душу.

Она тряхнула головой, провела рукой по лбу, какъ бы прогоняя что-то несбыточное.—«Пруссакъ», прошептала она, принимаясь за работу.

Она представляла себѣ все, что она слышала ужаснаго про улановъ, вспоминала, какъ раньше при одномъ упоминаніи о нихъ, она испытывала такое чувство, какъ будто говорили о хищныхъ звѣряхъ, а не о людяхъ. Она думала тоже, какъ спокойно слушала вчера, вечеромъ, планъ объ ихъ избіеніи. Ей казались вполнѣ естественными слова лѣсничаго—что ихъ надо «стереть съ лица земли, какъ пыль». Да, такъ онъ сказалъ, и опять неожиданно, противъ воли, воображеніе рисуетъ ей новую странную картину: она видитъ его мать, блѣдную, нѣжную женщину. Съ какимъ страхомъ поджидаетъ она своего сына. Вотъ ужъ всѣ вернулись, только его нѣтъ. Но онъ долженъ вернуться, она знаетъ это, потому что онъ не палъ въ сраженіи, не умеръ въ лазаретѣ. Если бы это случилось, ее давно бы извѣстили. Гдѣ же онъ?.. Рейнъ Гюйо покачала головой... Стертъ съ земли, исчезъ... и даже нѣтъ слѣда его могилы, какъ же его найти? Казалось, что Рейнъ Рюйо разговаривала съ незнакомкой, ея фантазія влекла ее все дальше и дальше: вотъ его мать пріѣхала сюда изъ далекой страны. Ей сказали, что въ послѣдній разъ видѣли ея сына въ этой деревнѣ, и она неустанно его вездѣ ищетъ. Рейнъ Гюйо ясно слышитъ, какъ робко и тихо постучались къ ней. Она знаетъ, кто тамъ ждетъ. Она

сѣла бы въ уголъ такъ, какъ теперь, и крикнула бы: «войдите». Она видитъ на порогѣ женщину, держащую за руку свою малепькую дочку. Обѣ въ черномъ, блѣдны и грустны. Она знаетъ, о чемъ ее спроситъ эта женщина, но дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ.

— Не можете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь о моемъ сынѣ? Не знаете ли чего-нибудь о немъ?—Ясно слышитъ она этотъ робкій дрожащій голосъ, ясно видитъ она глаза его маленькой сестры, испытующе глядящей на нее.

— Нѣтъ, мадамъ, я ничего не знаю,—вдругъ проговорила она совершенно громко, какъ въ бреду,—нѣтъ, мадамъ, ровно ничего!

Тогда его маленькая сестра начинаетъ описывать его наружность: бѣлокурые волосы, голубые глаза... но она не даетъ докончить ребенку; болѣе она не можетъ вынести. И вотъ видитъ она, какъ въ лицѣ матери выступаетъ отчаяніе, какъ горькія слезы катятся изъ ея глазъ, и какъ обѣ фигуры уходятъ медленно, какъ люди съ разбитыми сердцами, и какъ она изъ своей двери слѣдитъ за ними до тѣхъ поръ, пока онѣ не скроются изъ глазъ. Потомъ бросится она въ конюшню, гдѣ они сегодня разговаривали, упадетъ въ отчаяніи и будетъ цѣловать то мѣсто, гдѣ онъ сегодня стоялъ, и какъ страстно она будетъ желать увидѣть его только одинъ разъ, только тотъ день, когда онъ стоялъ передъ ней полный жизни и силы! И этого никогда, никогда больше не будетъ... Посреди двора есть могила—глубокая яма, гдѣ лежитъ онъ вдали отъ родины, матери и маленькой сестры. Подъ нимъ лежитъ его лошадь, красивое вѣрное животное, съ чудными глазами. Оба стерты съ лица земли безъ слѣда... Рейнъ Гюйо всплеснула руками и горько зарыдала. Вдругъ она услышала шаги на лѣстницѣ—Боже! вѣдь это онъ, живъ. То былъ лишь страшный сонъ... Она вскочила, отерла глаза, и когда его бѣлокурая голова показалась въ дверяхъ и онъ ласково спросилъ ее: можно войти? — ей казалось, что лучъ солнца проникъ ей въ душу.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчала она, и голосъ ея звучалъ почти радостно.—Пожалуйста, войдите туда,—и она указала рукой на слѣдующую комнату,—я сію минуту накрою.

— Какъ, въ вашей комнатѣ?—скромно спросилъ онъ.

— Почему же нѣтъ? Не могу же я заставлять васъ ѣсть на кухнѣ.

Онъ безъ возраженій вошелъ къ ней. Поспѣшно сдвинула она столъ на середину комнаты, покрыла его чистой скатертью и поставила одинъ приборъ.

— Еще одну минуточку, господинъ не откажется выпить бутылку вина изъ моего погреба?—Она исчезла и скоро вернулась съ запыленной бутылкой въ рукахъ. Отъ скорой ходьбы она рас-

краснѣлась, на головѣ у нея былъ надѣтъ свѣжій чепчикъ, и теперь передъ нимъ была настоящая француженка, прелестная, ловкая и граціозная.

Молодой человѣкъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее. Она почувствовала впечатлѣніе, произведенное ею на гостя, и наклонилась къ шкафу, гдѣ стояли стаканы, чтобы скрыть улыбку удовольствія, скользнувшую на ея лицѣ.

— Нѣтъ, m-me, нуженъ еще стаканъ,—сказалъ онъ, когда она поставила на столъ только одинъ.—У насъ въ Германіи обычай, чтобы хозяинъ чокался съ гостемъ.

— Правда? Ну, если m-r этого желаетъ...—и она поставила второй стаканъ.

— Теперь супу—вы позволите?—съ этими словами она подала ему полную тарелку и встала возлѣ его стула.

Онъ поднялся и принесъ ей другой стулъ.

— Не будете же вы стоять, когда я сижу,—сказалъ онъ.

— Но я должна вамъ прислуживать...

— Право, я потеряю аппетитъ, если вы не составите мнѣ компаніи.

Она сѣла и смотрѣла на него, пока онъ ѣлъ супъ. Ей казалось, что она не устанетъ вѣчно смотрѣть на него.

Затѣмъ она принесла второе блюдо, услуживая ему съ возроставшимъ удовольствіемъ. Замѣтивъ, что бутылка откупорена, стаканы наполнены, но не тронуты, онъ обратился къ ней со стаканомъ въ рукѣ.

— M-me, вы позволите съ вами чокнуться?

Не глядя на него, она тоже взяла стаканъ.

— За что прикажете выпить?—спросилъ онъ.

Она помолчала минуту.

— За вашу матушку,—тихо сказала она, взглянувъ ему въ лицо.

— И еще глотокъ,—прибавила она быстро,—за вашу маленькую сестру.

Лицо его вспыхнуло и вдругъ она почувствовала, что его руки сжимаютъ ея руку.

— Какъ вы добры, какъ я вамъ благодаренъ!—Голосъ его дрожалъ, въ глазахъ стояли слезы. Онъ поклонился и поцѣловалъ ей руку. Почувствовавъ на своей рукѣ его горячія губы, она упала на спинку стула.

— О, Боже!—простонала она, и бросилась вонъ изъ комнаты.

Доканчивать свой обѣдъ ему пришлось одному. Черезъ нѣсколько времени, Рейнъ Гюйо услыхала его шаги у наружной двери. Она вышла.

— Вы уходите?

— На перекличку,—отвѣчалъ онъ.—Это ненадолго, я скоро вернусь.

Почему онъ это прибавилъ, онъ самъ хорошо не зналъ, но на ея лицѣ было такое странное выраженіе, что онъ почувствовалъ необходимость успокоить ее, и, направляясь къ сборному пункту, все время думалъ объ этомъ выраженіи.

Уже было темно, когда онъ вернулся. Рейнъ Гюйо работала въ своей комнатѣ при зажженной лампѣ, но мысли ея были далеки отъ работы. Она все къ чему-то прислушивалась и при стукѣ дверей, почувствовала облегченіе.

Она слушала, какъ онъ медленно переходилъ сѣни и какъ онъ замедлилъ шаги передъ ея дверью. Очевидно, онъ видѣлъ свѣтъ и колебался войти или нѣтъ. Она сидѣла неподвижно, почти не дыша. Наконецъ, онъ поднялся къ себѣ и шаги его раздались уже наверху. Тотчасъ же она пошла къ наружной двери, заперла ее, повернувъ ключъ два раза, потомъ дернула за ручку, чтобы убѣдиться, крѣпко ли заперта дверь, задвинула желѣзный засовъ, и только тогда успокоилась.

Черезъ нѣсколько времени она опять услышала шаги на лѣстницѣ, шаги медленные и нерѣшительные. Работа выпала изъ ея рукъ. Не было сомнѣнія, онъ шелъ къ ней. Ея голосъ дрожалъ, когда на его стукъ въ дверь, она отвѣтила:

— Войдите.

— Простите, что безпокою васъ такъ поздно, но я долженъ васъ поблагодарить.

Онъ смѣялся, но это уже не была непринужденная веселость, какъ утромъ—лицо его выражало смущеніе.

Рейнъ Гюйо не поднимала глазъ.

— За что благодарить?

— Моя комната такъ хорошо натоплена и, кромѣ того, я нашелъ на столѣ ужинъ. Вы дѣлаете для меня больше, чѣмъ я смѣлъ ожидать.

— О,—прошептала она, съ усиленнымъ стараніемъ занимаясь своей работой.

Наступило долгое молчаніе, одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда или говорятъ ничего не значущія слова, или краснорѣчиво молчатъ. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе.

— Я прямо съ переклички. Наши уланы очень пріятно удивлены: по дорогѣ сюда мы встрѣтили квартировавшій здѣсь баталіонъ, и намъ сказали, что здѣшнія дамы сумрачны и не сообщительны, и вмѣсто этого... Онъ запнулся.

Рейнъ Гюйо вопросительно смотрѣла на него.

— И вмѣсто того наши люди въ восторгѣ. Нигдѣ не видѣли они столько любезности и красоты, какъ здѣсь.

— Правда?—Она уронила работу и пристально смотрѣла въ землю. Грудь ея высоко поднималась. Онъ замѣтилъ ея волненіе.

— Вамъ непріятно то, что я вамъ разсказываю?—спросилъ онъ.

— Какое мнѣ дѣло до того, каковы здѣсь женщины,—отвѣтила она и захлопнула ставни. Ея лицо омрачилось и голосъ ея звучалъ глухо.

— Я хотѣлъ вамъ только сказать комплиментъ насчетъ вашихъ соотечественницъ, — проговорилъ, какъ бы оправдываясь, уланъ.

При этихъ словахъ она остановилась, какъ вкопанная. Въ ея глазахъ явилось непередаваемое выраженіе: въ немъ были и улыбка, и удивленіе, и ужасъ, и преданность, а надъ всѣмъ этимъ лежала тѣнь глубокаго, мрачнаго горя. Она медленно обратила на него свои глаза и посмотрѣла долгимъ, глубокимъ взглядомъ.

Онъ содрогнулся. Она вдругъ преобразилась. Это уже не была простая, умная крестьянка, а величественная женщина, воплощеніе страны обольстительной и отталкивающей, гордой и сильной духомъ. Онъ близко подошелъ къ ней и тихо спросилъ:

— Вы на меня сердитесь?

Ни звука, ни движенія. Онъ наклонился ближе.

— Какъ вы хороши!—прошепталъ онъ, и вдругъ его губы коснулись ея щеки. Свѣжесть кожи опьянила его, но когда изъ ея груди вырвался глубокій стонъ, онъ смутился и отступилъ назадъ. Она оставалась неподвижна. Еще разъ наклонился онъ къ ней и въ то же мгновеніе ея руки упали къ нему на плечи, она приблизила къ нему свое лицо, но опять откинула голову, какъ бы борясь съ непреодолимой силой, потомъ голова ея склонилась и губы ея легко, какъ дыханіе, прикоснулись къ его губамъ. Но сейчасъ же она оттолкнула его, закрыла лицо рукой, а другой махнула ему—уйдите, уйдите. Онъ ушелъ.

На слѣдующій день уланъ вернулся со службы только къ обѣду, Рейнъ Гюйо онъ еще не видѣлъ. Когда онъ проходилъ мимо кухни, она ему крикнула, чтобы онъ проходилъ прямо въ ея комнату, потому что обѣдъ готовъ и столъ накрытъ.

Когда она вошла къ нему съ чашкой супа, онъ задумчиво смотрѣлъ въ окно. Услышавъ ея шаги, онъ быстро обернулся и поклонился, но поклонъ его былъ гораздо оффиціальнѣе, чѣмъ вчера, и глаза его смотрѣли вопросительно. Даже когда Рейнъ Гюйо сѣла возлѣ него, онъ задумчиво молчалъ.

Посмотрѣвъ опять въ окно, онъ кивнулъ головой по направленіи кофейни и спросилъ:

— Это кофейня господина Рудольфа?

Она внутренно вздрогнула.

— Конечно. Такъ что же изъ этого?

— Я слышалъ разговоръ офицеровъ. Они были уже у него вчера, а сегодня послѣ переклички пришелъ какой-то старый чудакъ, кажется, лѣсничій, и пригласилъ всѣхъ на вечеръ завтра къ Рудольфу.

— На завтра?—прервала она его.

— Да, я все слышалъ, что говорили. Насколько я понялъ, у Рудольфа предполагается праздникъ, будутъ дамы и... онъ смотрѣлъ въ тарелку,—также называли ваше имя.

Рейнъ Гюйо молчала. Она чувствовала, какъ все въ ней холодѣетъ.

Онъ, отвернувшись, смотрѣлъ въ сторону.

— Разсказываютъ, будто будетъ праздноваться помолвка и... и будто вы—невѣста Рудольфъ?

Опять наступило долгое молчаніе.

— А если бы и такъ?—вызывающе спросила она,—кто можетъ имѣть что-нибудь противъ?

— О... конечно, нѣтъ,—пробормоталъ уланъ. Потомъ, стараясь придать себѣ равнодушный видъ, онъ продолжалъ: — Я видѣлъ сегодня утромъ человѣка, густо обросшаго черными волосами, стоявшаго тамъ у двери... Это и есть г. Рудольфъ?

— Судя по вашему описанію, это былъ онъ.

Онъ молча взглянулъ на нее. Этого взгляда она не могла вынести. Она ясно прочла въ немъ вопросъ: «развѣ это возможно?»

Было мгновеніе, когда ей хотѣлось крикнуть ему, что все это ложь, что никогда она не могла бы быть невѣстой Рудольфа, но въ то же время она поняла, что тогда ей придется все разсказать ему и все открыть, а это было невозможно. И мучимая противоположными чувствами, она молча выбѣжала изъ комнаты, оставивъ его въ изумленіи.

Весь этотъ день они не видались, они избѣгали другъ друга. Онъ думалъ, что нашелъ разгадку всѣхъ ея странностей; она боялась его молчаливыхъ вопросительныхъ взглядовъ. Изъ его словъ она поняла, что роковой часъ приближается. Ночь, которую она провела затѣмъ, была ужасна. Спать она не могла, но измученная она впала въ полузабытье и видѣла страшную картину: она видѣла входящаго Рудольфа съ зажженной лучиной въ одной рукѣ, съ ножомъ въ другой. Густые черные волосы [па-

дали ему на лобъ, его дико освѣщенное пламенемъ лицо было искажено.

— Наверху?—хрипло спрашиваетъ онъ и какъ дикая кошка пробирается на лѣстницу.

Она видѣла, какъ осторожно открылъ онъ дверь, эту ужасную дверь безъ запора; какъ онъ остановился на порогѣ, осматриваясь кругомъ, и какъ однимъ прыжкомъ ринулся къ кровати. Она слышала глухой задавленный стонъ, видѣла, какъ Рудольфъ, поднявъ свое окровавленное лицо съ дикимъ шепотомъ: «ты его любила, любила!»—съ каждымъ словомъ погружалъ свой ножъ въ это трепещущее тѣло.

Покрытая холоднымъ потомъ, съ крикомъ ужаса вскочила она съ кровати. Мертвая тишина царила въ домѣ и на улицѣ, но сновидѣніе было такъ ужасно живо, что она дрожащими руками зажгла лампу и такъ, какъ была, съ босыми ногами вышла изъ дому, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, но на дворѣ все было тихо: ворота закрыты и засовъ задвинутъ крѣпко. Проникнуть въ домъ не было никакой возможности; но ей показалось этого мало: она поднялась по лѣстницѣ на вышку и приложила ухо къ двери. Сердце ея билось съ такой силой, что сначала она слышала только его стукъ. Немного успокоившись, она разслышала спокойное дыханіе спящаго.

— Нѣтъ еще! — прошептала она, вернувшись къ себѣ, чувствуя, какъ отъ страха у ней холодѣли руки.

Наконецъ блѣдный свѣтъ сѣраго дня проникъ въ комнату Рейнъ Гюйо и освѣтилъ ея блѣдное отъ безсонной ночи лицо.

— Сегодня,—была ея первая мысль, когда истомленная, съ лихорадочной дрожью она поднялась съ постели.—Сегодня,—шумѣло и стучало у ней въ ушахъ и черныя пятна ходили передъ ея глазами.

Въ 10 часовъ утра на лѣстницѣ раздались торопливые шаги и черезъ порогъ переступилъ лѣсничій, за нимъ стоялъ Рудольфъ.

— Мадамъ Гюйо, *сегодня вечеромъ, вы готовы*?

Широко открытыми глазами смотрѣла она на обоихъ мужчинъ, не въ силахъ произнести ни слова.

— Вы готовы? — повторилъ лѣсничій. Глаза его сверкнули, брови сдвинулись.

— Все сдѣлано,—съ мучительнымъ усиліемъ произнесла она.

— Хорошо; сегодня, когда стемнѣетъ, Рудольфъ придетъ за вами. Ты же, дружище, постарайся принарядиться,—обратился онъ къ Рудольфу,—а что касается мадамъ Гюйо, то мнѣ нечего болѣе напоминать ей — она знаетъ, что̀ стоитъ на картѣ, а съ отечествомъ шутки плохи.

Послѣднія слова онъ произнесъ тихо и угрожающе. Рейнъ Гюйо поняла смыслъ этихъ словъ и вздрогнула. Лѣсничій направился къ выходу, Рудольфъ остановилъ его и что-то шепнулъ.

— Да, да, помѣщеніе пруссака. Будьте такъ добры, мадамъ Гюйо, покажите, куда вы его помѣстили?—спросилъ лѣсничій.

Уланъ былъ на службѣ. Машинально она поднялась съ мѣста.

— Ага, на вышкѣ? Я такъ и думалъ,—замѣтилъ лѣсничій, когда она стала подниматься по лѣстницѣ. На верхней ступеньки Рейнъ Гюйо остановилась, не въ силахъ идти далѣе. Мужчины вошли въ комнату.

— Отворяется легко и безъ шуму,—сказалъ лѣсничій, нажавъ ручку двери.

— Безъ замка,—прибавилъ Рудольфъ.

— Правда,—подтвердилъ другой, поклонившись Рейнъ Гюйо.—Очень хорошо, мадамъ Гюйо!

Испытующими взорами окинули они внутренность комнаты. Лѣсничій толкнулъ Рудольфа локтемъ.

— Здѣсь намъ предстоитъ не много работы,—добавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Я думаю, о немъ позаботятся,—отвѣчалъ Рудольфъ, грубо смѣясь, и оба вышли.

Мужчины давно уже ушли, а Рейнъ Гюйо все еще стояла на лѣстницѣ, судорожно ухватившись за перила. Она хотѣла сойти, но силы ее покинули; она хотѣла что-нибудь придумать, но мысли отказывались ей служить и только одно чувство было живо въ ней—глухое чувство отчаянія и ужаса. Стрѣлка на часахъ двигалась, минуты бѣжали, а ей казалось, что она захвачена ледянымъ потокомъ и ее несетъ туда, гдѣ нѣтъ ни мысли, ни жизни, ничего, кромѣ вѣчной ночи.

Какъ и въ предыдущіе дни, она готовила ему обѣдъ, но руки ея опускались и много труда ей стоило приняться опять за работу. Ей казалось, что она готовитъ тому, кому уже ничего не надо, кто уже умеръ.

Какъ только она заслышала его шаги на лѣстницѣ, ее бросило въ холодъ. Въ страхѣ она притаилась, боясь, чтобы уланъ не заглянулъ въ кухню. Но онъ, весело насвистывая, взбѣжалъ по лѣстницѣ, какъ будто ему не предстояло сегодня умереть. Неужели предчувствіе не скажетъ ему, чьи глаза осматривали сегодня его жилище и какая драма разыграется сегодня ночью? Неужели не почувствуетъ онъ запаха крови? Нѣтъ, онъ въ великолѣпномъ настроеніи, весело поетъ пѣсню, и она слышитъ его звучный голосъ.

Когда уланъ сошелъ къ обѣду, веселость его сразу исчезла при видѣ мертвенно-блѣднаго лица хозяйки. Молча она кивнула ему головой, губы у нея запеклись, она не могла ни говорить, ни смотрѣть на него. Молча она подала ему обѣдъ, и онъ не рѣшился ее просить сѣсть съ нимъ за столъ, какъ прежде. Ему было ясно, что не своей волею идетъ она за Рудольфа замужъ, и онъ боялся своими разспросами увеличить ея страданія.

Послѣ полудня уланъ услышалъ необыкновенное движеніе и шумъ. Большая толпа нарядныхъ женщинъ наполнила болтовней и смѣхомъ безмолвный домъ. Хлопали двери, слышался шелестъ шелковыхъ платьевъ. Чтобы поближе посмотрѣть на толпу, онъ вышелъ изъ конюшни, гдѣ ухаживалъ за своей лошадью, и вошелъ въ домъ. Одна стройная женщина съ красивымъ, вызывающимъ лицомъ остановилась въ сѣняхъ передъ уланомъ, какъ бы загораживая ему дорогу.

— Нѣтъ, господинъ уланъ,—кричала она, размахивая бѣлыми шелковыми чулками,—это наши секреты и мужчины не должны ихъ знать! Послѣ, когда мы одѣнемъ и украсимъ невѣсту, мы васъ позовемъ, тогда вы должны на нее посмотрѣть.

Она смѣялась, показывая свои бѣлые острые зубы и отъ этого ея красивое лицо приняло почти дикое выраженіе.

Черезъ полчаса, когда уже стемнѣло, она появилась снова въ дверяхъ и закричала улану:

— Господинъ уланъ, теперь можно, если желаете...

— Но, можетъ быть, это непріятно мадамъ Гюйо?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Ничего подобнаго, ничего подобнаго,—раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ женщины окружили его и тащили въ комнату.

Изумленный, онъ остановился на порогѣ. Столъ сдвинули въ сторону, всѣ свѣчи были зажжены, около стола на стулѣ сидѣла Рейнъ Гюйо. Онъ ее не узналъ: вмѣсто темнаго платья, въ которомъ онъ привыкъ ее видѣть, на ней было свѣтлорозовое шелковое, плотно облегавшее ея стройный станъ. Сердоликовое ожерелье обвивало красивую шею, на лѣвой рукѣ былъ золотой браслетъ, но руки ея безсильно упали на колѣни. Она больше походила на жертву, чѣмъ на невѣсту. Когда уланъ показался въ дверяхъ, она окинула его быстрымъ взглядомъ и снова безучастно опустила глаза. Шумнымъ и веселымъ роемъ, окружили ее женщины.

— Посмотрите, господинъ уланъ!—кричали онѣ,—не правда ли, она хороша? А? Господинъ Рудольфъ долженъ быть доволенъ такой невѣстой? Ха-ха-ха. Посмотрите, какія красивыя руки!

— А какія ножки!—кричала стройная красавица, вставъ на

колѣни передъ Рейнъ Гюйо,—и эти ножки будутъ сегодня вечеромъ танцовать! танцовать! неправда ли, madame la Reine?—Она схватила ноги Рейнъ Гюйо, трясла ихъ и неудержимо смѣялась.

— Оставьте меня!—закричала измученная женщина. Она оттолкнула красавицу и встала, гнѣвными глазами смотря вокругъ.

— Пойдемте,—кричала красавица,—скажемъ Рудольфу, чтобы онъ шелъ за невѣстой!

— Къ Рудольфу!—повторили всѣ женщины, — до свиданья, мадамъ Гюйо, до свиданья! —и всѣ выбѣжали мимо безмолвнаго улана.

Онъ не зналъ, какъ объяснить себѣ эту странную сцену. Всѣ эти женщины походили на пьяныхъ. Когда онъ обернулся къ Рейнъ Гюйо, она сидѣла, облокотившись на столъ и закрывъ лицо обѣими руками. Глубокая жалость охватила его, онъ подошелъ къ ней.

— Мадамъ Гюйо, простите меня, но мнѣ кажется, вы не доброй волей согласились на эту свадьбу?

Грудь ея сдавило, руки скользнули, она обернулась къ нему и онъ долженъ былъ ее подхватить, потому что она, какъ подкошенная, упала ему на руки. Онъ чувствовалъ дрожь ея тѣла, которое прижималъ къ себѣ, и слышалъ мучительные стоны, вырывавшіеся изъ ея груди.

— Развѣ это непремѣнно должно быть? Вамъ нельзя этого избѣгнуть?—тихо спросилъ онъ.

Въ изнеможеніи взглянула она на него и едва слышно прошептала:

— Такъ нужно... необходимо...

Онъ хотѣлъ говорить, но она отрицательно покачала головой, пристально смотря ему въ лицо. Потомъ обвивъ его руками, она страстно цѣловала его глаза, волосы, губы.

— Пойдете вы сегодня вечеромъ куда-нибудь? — прошептала она.

— Нѣтъ.

— Вы не придете въ кофейню?

— Нѣтъ.

— Это хорошо, это хорошо! — шептала она,—вы закроете ставни? Слышите? Слышите?

— Если вамъ такъ хочется, я охотно это сдѣлаю,—сказалъ онъ.

Она кивнула головой. Было видно, что она боролась сама съ собой. Боязливо оглянувшись кругомъ, она наклонилась къ его уху.

— Еще одно,—прошептала она,—слушайте еще одно... сегодня вечеромъ...

Въ это мгновеніе наружная дверь громко хлопнула. Рейнъ

Гюйо отскочила назадъ, уланъ поспѣшно взбѣжалъ на лѣстницу и въ комнату опять ворвались неиствовавшія женщины съ Рудольфомъ во главѣ.

Черезъ перила лѣстницы онъ видѣлъ, какъ онѣ окружили Рейнъ Гюйо, набросили на нее мантилью и съ тріумфомъ увели. Дверь хлопнула, все затихло.

Она не договорила послѣдняго слова. Что хотѣла она сказать? Онъ долго думалъ объ этомъ, потомъ взялъ фонарь и пошелъ въ конюшню. Зимняя ночь была такъ темна, что, казалось, затемняла свѣтъ его фонаря.

Лошадь, при его входѣ, тихо заржала; онъ повѣсилъ фонарь, отыскалъ сѣдло и уздечку. Въ мертвой тишинѣ, окружавшей его, на него нашло вдругъ странное, жуткое чувство. Дикія женщины, необъяснимое поведеніе его хозяйки, все вспомнилось ему и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ осѣдлалъ и взнуздалъ лошадь, чтобы можно было во всякій моментъ вскочить на нее. Потомъ онъ вернулся въ домъ. Воздухъ въ его комнатѣ показался ему душнымъ, онъ открылъ окно и смотрѣлъ на улицу. Окна напротивъ, въ кофейнѣ, были ярко освѣщены. Ему хотѣлось узнать, что тамъ происходитъ, но улица была широка, и разсмотрѣть что-нибудь на такомъ разстояніи было невозможно. Группа уланъ, громко смѣявшихся и разговаривавшихъ, державшихся другъ за друга, направлялась къ своимъ квартирамъ. Языкъ плохо ихъ слушался— видно было, что они пьяны. Но вотъ они прошли и деревня опять погрузилась въ мертвую тишину; нигдѣ не слышно было ни звука. Онъ закрылъ окно, и вдругъ вспомнилъ объ ея просьбѣ закрыть ставни. Очевидно, она боялась, что ея гость увидитъ въ кофейнѣ что-нибудь такое, чего она не хотѣла. Тѣмъ не менѣе, уланъ исполнилъ свое обѣщаніе и закрылъ ставни. Онъ теперь какъ будто совершенно успокоился, но все-таки спать ему не хотѣлось. Вынувъ изъ ранца томикъ «Фауста», онъ присѣлъ къ столу и сталъ читать. Черезъ часъ буквы запрыгали передъ его глазами и, облокотясь на руку, онъ задремалъ.

Вдругъ... это было уже глубокой ночью; онъ пробудился отъ страшнаго шума. Ему показалось, что онъ различаетъ говоръ многихъ голосовъ. Сперва онъ думалъ, что слышитъ это во снѣ, но, придя окончательно въ себя, убѣдился, что это не сонъ. Шаги бѣгавшихъ взадъ и впередъ людей гулко раздавались по мерзлой землѣ. Очевидно внизу собралась порядочная толпа.

Только что онъ хотѣлъ открыть окно, чтобы посмотрѣть на улицу, какъ внезапно остановился: онъ услыхалъ, какъ наружная дверь съ трескомъ захлопнулась и ключъ два раза повернулся въ замкѣ съ изумительной поспѣшностью.

Сабля его лежала на столѣ; онъ опоясался, взялъ лампу и вышелъ въ сѣни.

— Кто тамъ?—закричалъ онъ.

Въ ту же минуту увидѣлъ онъ Рейнъ Гюйо. Лицо ея было пепельнаго цвѣта, глаза широко раскрыты, грудь высоко подымалась, точно она бѣжала.

— Вашу лошадь,—простонала она,—сѣдлайте вашу лошадь! и бѣгите! бѣгите! бѣгите!..

Онъ нагнулся къ ней.

— Что случилось?

— Тамъ... ваши офицеры... убиты. Вольные стрѣлки!—задыхалась она.

Онъ испустилъ глухой крикъ и пошатнулся назадъ. Обѣими руками схватила она его руки и потянула внизъ.

— Мои товарищи,—вскрикнулъ онъ и бросился къ наружной двери.

Рейнъ Гюйо повисла на немъ, какъ будто хотѣла удержать его тяжестью своего тѣла.

— Не отсюда,—умоляла она,—не отсюда, вы попадете имъ въ руки! Они избиваютъ вашихъ улановъ!

Въ это время наружная дверь задрожала подъ неистовыми ударами кулаковъ. Въ два прыжка уланъ выскочилъ на дворъ, Рейнъ Гюйо за нимъ.

Пока онъ выводилъ изъ конюшни лошадь, раздался дикій голосъ Рудольфа.

— Откройте!—ревѣлъ онъ,—откройте, m-me Рейнъ, откройте!..

Дверь не поддавалась; снаружи поднялся ужасный вой, точно стая волковъ пришла къ воротамъ. Слышно было, какъ они ломились, какъ трещали доски и, наконецъ, ворота подались и толпа ворвалась.

Уланъ вскочилъ въ сѣдло.

— Сюда,—задыхалась она, схватила поводъ и потянула лошадь къ калиткѣ, которая была въ задней стѣнѣ двора. Дверь была открыта; возбужденная лошадь не стояла на мѣстѣ.

— А вы!—наклонился онъ къ ней,—если вы попадете имъ въ руки?

Она поставила свою ногу въ стремя.

— Одинъ, ты не найдешь дороги, возьми меня съ собой,—сказала она беззвучно.

Онъ наклонился, протянулъ ей руку; въ мгновенье ока она вспрыгнула на лошадь сзади него и обхватила его руками.

— Направо,—сказала она, когда они выѣхали изъ калитки,—тамъ дорога открыта.

— Впередъ, «Эгмонтъ»!—крикнулъ онъ и лошадь понеслась. Послышались дикіе крики и топотъ бѣгущихъ ногъ.

Французы услыхали стукъ подковъ и хотѣли перерѣзать бѣглецамъ дорогу. Когда они вынеслись на главную дорогу, изъ толпы раздались выстрѣлы. Пули просвистѣли надъ ихъ головами.

— Ты не ранена?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, крѣпче прижимаясь къ нему. Отъ страха силы лошади удвоились. Они стрѣлой мчались мимо изгородей и садовъ.

— Опять направо,—слышалъ онъ ея голосъ.

Они выѣхали въ открытое поле.

— Гдѣ тополи—это шоссе, и тамъ надо взять налѣво...

По твердому мерзлому шоссе гулко раздавался галопъ коня, мчавшагося все дальше съ бѣшеною скоростью. Наконецъ, они доскакали до сосноваго лѣса.

— Стой! Кто идетъ?—раздалось имъ на встрѣчу. Они были у аванпостовъ прусской пѣхоты. Онъ остановилъ лошадь и прерывающимся голосомъ сказалъ пароль.

— Гдѣ передовой караулъ?—разспрашивалъ онъ часового,— вольные стрѣлки напали на эскадронъ уланъ и вырѣзали его...

Часовой разразился проклятіями.

Онъ указалъ улану, гдѣ найти передовой караулъ.

— Пятьдесятъ шаговъ вдоль по шоссе, потомъ направо черезъ мостъ и еще двѣсти шаговъ прямо.

Уланъ пустилъ тихо свою взмыленную лошадь.

— Кто же это сидитъ позади тебя?—крикнулъ ему часовой. Но уланъ его не слыхалъ, онъ уже выѣхалъ на лѣсную тропинку.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что лицо его спутницы прижалось къ нему и послышались тихія, горькія рыданія. Онъ схватилъ руки своей спасительницы, молча прижималъ ихъ къ своей груди, гладилъ ихъ и ласкалъ; говорить онъ не могъ.

Но вотъ деревья порѣдѣли, тускло блеснула матовая поверхность пруда и показался мостъ. Какъ только подковы лошади зазвучали по бревнамъ моста, Рейнъ Гюйо, прежде чѣмъ уланъ успѣлъ ей помѣшать, соскользнула съ коня.

— Куда ты?—вскричалъ онъ, удерживая лошадь.

Она обхватила руками перила моста, положила на нихъ голову и молча стояла, только все тѣло ея судорожно вздрагивало.

Уланъ моментально соскочилъ, обнялъ ее, но она такъ крѣпко уцѣпилась за перила, что онъ съ трудомъ оторвалъ ее и привлекъ къ себѣ.

Колѣни ея подгибались, голова упала ему на грудь, безутѣшное, полное отчаянія рыданіе вырвалось изъ ея груди.

— Ты... теперь... пойдешь къ твоимъ,—заговорила она, но слова ея прерывались рыданіями.

— Ты имъ разскажешь... все... что случилось... и что они сдѣлали... и что умертвили уланъ... и завтра твои придутъ... и отмстятъ... сожгутъ деревню... и всему... я виной... я... я... я измѣнила моей родинѣ... и я,—она прижимала свое лицо къ его груди, точно хотѣла скрыться тамъ,—моя родина, моя бѣдная родина!..

Рыданія ея перешли въ глухіе раздирающіе стоны—и вдругъ она дико вскрикнула:

— Я не могла поступить иначе! Потому что знай, я тебя любила! и люблю... о, люблю, люблю!—она страстно обняла его и покрывала безумными поцѣлуями.—Теперь ты спасенъ, невредимъ, ты вернешься къ твоей матери... поклонишься ей отъ Рейнъ Гюйо?

Слезы брызнули у него изъ глазъ.

— Да, я поклонюсь, да...

— Поцѣлуешь твою маленькую сестру за Рейнъ Гюйо?

— Тысячу разъ, тысячу разъ!—рыдалъ онъ.

— А ты, будешь ты вспоминать о ней, о бѣдной Рейнъ Гюйо? Ты будешь? Ты будешь?..

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ и цѣловалъ облитое слезами милое лицо. Вдругъ она рванулась изъ его рукъ и оттолкнула его за плечи. Невольно онъ пошатнулся, въ тоже мгновеніе она сбѣжала съ моста и исчезла въ темнотѣ. Онъ бросился за ней, но ничего не видя и не слыша, безпомощно остановился.

— Послушайте,—кричалъ онъ.—Ради Бога, послушайте меня!

Съ противоположной стороны пруда послышался всплескъ воды и жалобный стонъ. Спотыкаясь о корни деревъ, отводя руками вѣтки сосенъ, бившихъ его по лицу, бросился онъ по тому направленію, но уже все затихло. Только тростникъ тихо колебался въ мелкой зыби пруда, да вода съ легкимъ плескомъ набѣгала на берегъ.

Силы покинули его, онъ оперся о дерево. Онъ переживалъ одинъ изъ тѣхъ часовъ въ жизни, когда волосы мгновенно сѣдѣютъ, и чему никогда не бываетъ забвенія...

ОСУЖДЕННАЯ КНИГА.

(Эпизодъ изъ исторіи русской литературы).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ концѣ декабря 1846 года, въ Петербургѣ вышла книга подъ заглавіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Авторомъ этого небольшого сочиненія былъ Н. В. Гоголь, извѣстный уже и въ то время всякому мало-мальски образованному человѣку въ Россіи по своимъ прежнимъ произведеніямъ, особенно по «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ».

Чтобы представить себѣ значеніе, которымъ въ то время пользовался Гоголь въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ, достаточно вспомнить, что онъ имѣлъ горячихъ поклонниковъ и личныхъ друзей и среди западниковъ, провозгласившихъ его отцомъ новой, «натуральной», школы въ русской литературѣ, и среди славянофиловъ, усмотрѣвшихъ въ «Мертвыхъ Душахъ» нѣчто сродное гомеровскому эпосу, и среди представителей такъ-называемой оффиціальной народности; наконецъ, среди скромнаго, но вліятельнаго по своему общественному положенію и по своимъ связямъ, кружка литераторовъ, сгруппировавшихся около пушкинскаго «Современника» и считавшихъ себя друзьями великаго поэта и хранителями его литературныхъ традицій. Во всей русской журналистикѣ того времени не признавали Гоголя два-три человѣка, въ родѣ Булгарина и Сенковскаго (о Н. А. Полевомъ, умершемъ въ 1846 году, мы не говоримъ), которые считали творца «Мертвыхъ Душъ» грубымъ циникомъ и лакейскимъ писателемъ. Но мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и «Библіотеки для Чтенія» Гоголь могъ не дорожить нисколько, тѣмъ болѣе, что поклонниками его таланта были не только обыкновенные читатели, но и представители высшаго свѣта, среди котораго у «лакейскаго писателя» было не мало личныхъ друзей и покровителей. Не нужно забывать, что Гоголю покровительствовала сама верховная власть въ лицѣ императора Николая I, дозволившаго представленіе «Ревизора» и помогавшаго его автору денежными пособіями.

Понятенъ, поэтому, глубокій интересъ, съ какимъ ожидалось всякое произведеніе писателя, пользовавшагося такими симпатіями и такою извѣстностью, писателя, отъ котораго съ нетерпѣніемъ ожидали второй части «Мертвыхъ Душъ». Но нетерпѣливыхъ поклонниковъ Гоголя ждало жестокое разочарованіе. Новый трудъ знаменитаго автора былъ не *продолженіемъ*, а скорѣе *осужденіемъ* предыдущей его литературной дѣятельности.

На первой страницѣ предисловія къ новому произведенію Гоголь заявилъ, что, издавая свои письма, онъ хочетъ «искупить безполезность всего напечатаннаго» имъ до того времени, такъ какъ въ его письмахъ «находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ его сочиненіяхъ». Далѣе Гоголь выразилъ сожалѣніе, что своими «необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ огорченіе многимъ», а изъ «завѣщанія» читатели узнали, что «все, что было въ рукописяхъ, сожжено, какъ безсильное и мертвое».

«Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна». Такъ думалъ Гоголь и просилъ своихъ соотечественниковъ «прочитать его книгу нѣсколько разъ», тѣмъ болѣе, что онъ выбралъ изъ писемъ «все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество».

Какъ же разрѣшалъ знаменитый писатель насущные вопросы, волновавшіе русское общество въ сороковыхъ годахъ?

Дореформенная Россія страдала отъ взяточничества и лихоимства. По свидѣтельству самого Гоголя, «Россія несчастна отъ грабительствъ и неправды... крики на безчинства, неправды и взятки сдѣлались воплемъ всей земли... завелись такія лихоимства, которыхъ истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ» и т. д.

Гдѣ причины всѣхъ этихъ золъ? «Большая часть взятокъ происходитъ отъ расточительности женъ», отвѣчаетъ Гоголь въ первомъ письмѣ.

Дореформенная Россія была разъѣдаема язвою крѣпостничества, развращавшаго высшіе и низшіе слои русскаго общества. Лучшіе русскіе люди безъ различія направленій и самъ императоръ Николай I страстно желали уничтоженія крѣпостного права.

Какъ относится Гоголь къ этой вѣковой неправдѣ? «Не смущайся мыслями, — пишетъ онъ своему другу-помѣщику, — будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезнули навѣки. Чтобы навсегда или навѣки онѣ исчезнули, — плюнь ты на такія слова: сказать ихъ можетъ только тотъ, кто далѣе своего носа ничего не видитъ... Собери мужиковъ,—поучаетъ Гоголь далѣе, —и объясни имъ, что они, родясь подъ властью, должны

покоряться той самой власти, подъ которой родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи (!), чтобы они всѣ это видѣли до единаго... Покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано, заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано».

Русскій народъ коснѣлъ во тьмѣ невѣжества; истинныя радѣтели о его нравственномъ и матеріальномъ преуспѣяніи забо-тились о заведеніи школъ и распространеніи грамотности (въ имѣніяхъ казенныхъ крестьянъ) и доставленіи грамотному народу подходящаго матеріала для чтенія (напр., князь В. Ѳ. Одоевскій). встрѣчая въ большинствѣ случаевъ препятствія, основанныя на убѣжденіи: «племени Хамову не подобаетъ учиться».

На чью сторону сталъ творецъ «Мертвыхъ Душъ»? «Учить мужика грамотѣ,—писалъ онъ тому же самому помѣщику,—затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ».

Всѣ образованные люди сороковыхъ годовъ рѣзко раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря: славянофиловъ и западниковъ, между которыми шла ожесточенная борьба и въ литературѣ, и въ журналахъ, и въ гостиныхъ, и даже въ университетахъ. Старые друзья со слезами прекращали всякія сношенія другъ съ другомъ, вслѣдствіе различія въ убѣжденіяхъ, и впослѣдствіи готовы были вызывать своихъ противниковъ на дуэль.

Къ кому примкнулъ Гоголь, одинаково цѣнимый въ обоихъ лагеряхъ? «Съ обѣихъ сторонъ наговаривается много дичи»,— писалъ онъ по поводу споровъ между славянофилами и западниками. «Всѣ эти славянисты и европисты, или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники... мнѣ кажутся только каррикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть... Духъ гордости обуялъ обоими... Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ», но зато и «кичливости больше на сторонѣ славянистовъ: они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку».

Таково отношеніе Гоголя къ кореннымъ вопросамъ государственной и общественной жизни дореформенной Россіи.

А сколько другихъ странныхъ и даже дикихъ мыслей и взгля-

довъ было разсѣяно въ его книгѣ! «Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ похвалу... Одинъ безсмысленный капризъ красавицы бывалъ причиною переворотовъ всемірныхъ... О, какъ намъ нужны недуги!.. Русскій языкъ — полнѣйшій и богатѣйшій всѣхъ европейскихъ языковъ... Соединенные Штаты—мертвечина, человѣкъ въ нихъ выѣденнаго яйца не стоитъ... Писателя не можетъ стѣснить цензура... Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ... Во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей... Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ... Стало тѣсно отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній... Нищенство есть блаженство, котораго не раскусилъ еще свѣтъ... Діаволъ вступилъ уже безъ маски въ міръ... О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха»..! и т. д. и т. д.

Намѣренія Гоголя были, несомнѣнно, симпатичны: его сердце разрывалось отъ жалости при видѣ русской жизни; онъ считалъ обязанностью писателя «не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и сердцу»; онъ былъ убѣжденъ, что «строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ»; наконецъ, близорукіе друзья увѣрили больного писателя, что въ его письмахъ болѣе нужнаго и полезнаго, чѣмъ въ его сочиненіяхъ. И вотъ, является книга, написанная мѣстами «кровью сердца и сокомъ нервовъ», исполненная самыхъ благихъ намѣреній и въ то же время наполненная самыми странными взглядами, въ потокѣ которыхъ потонулъ страстный призывъ отдѣльнаго человѣка къ уврачеванію общественныхъ недуговъ путемъ личнаго самоусовершенствованія.

Какъ была встрѣчена эта странная книга пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? — вопросъ крайне интересный для характеристики русскаго общества сороковыхъ годовъ.

Гоголь, по свидѣтельству Сергѣя Аксакова, былъ самый монархическій писатель; но правительство, въ лицѣ цензуры, сильно урѣзало одни и совершенно запретило печатать другія письма Гоголя, даже такія, въ которыхъ превозносился до небесъ, сдѣлавшійся достояніемъ исторіи, дореформенный режимъ. Не помогли никакія ходатайства, и «Переписка» могла явиться въ полномъ своемъ видѣ только черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія. Самъ авторъ лишился прежняго благоволенія высшихъ сферъ и не только не получалъ болѣе никакихъ денежныхъ пособій, но послѣ смерти подвергся даже опалѣ. О немъ запрещено было говорить въ печати, и новое изданіе его сочиненій вышло въ свѣтъ, только

благодаря заступничеству великаго князя Константина Николаевича *).

Казалось бы, духовенство должно было въ высшей степени сочувственно отнестись къ книгѣ Гоголя, проникнутой горячимъ религіознымъ чувствомъ, къ книгѣ, въ которой почти на каждой страницѣ упоминалось имя Божіе, а относительно, напримѣръ, православной церкви было сказано, что въ лицѣ ея «мы владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ», что она «какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа», что она «одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши», что «безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россіи, минуя нашу церковь», что «въ ней кормило и руль настоящему новому порядку вещей» и т. д. На самомъ же дѣлѣ высшіе представители православнаго духовенства отнеслись къ «Перепискѣ» очень сдержанно. Митрополитъ московскій Филаретъ радовался христіанскому направленію Гоголя, но въ то же время находилъ, что онъ во многомъ заблуждается. Херсонскій архіепископъ Иннокентій также радовался перемѣнѣ, происшедшей съ Гоголемъ, но просилъ его «не парадировать набожностью». Нашлись среди духовенства и такія лица, которыя не только усмотрѣли въ книгѣ «смѣшеніе свѣта съ тьмою», но прямо назвали автора «сбившимся съ истиннаго пути пустословомъ» (калужскій епископъ Григорій). Наконецъ, извѣстный въ то время ржевскій протоіерей, о. Матвѣй Константиновскій, имѣвшій сильное вліяніе на Гоголя, написалъ ему, что «Переписка» должна произвести вредное дѣйствіе и что авторъ дастъ за нее отвѣтъ Богу **).

Прежде чѣмъ говорить, какъ встрѣтили новое произведеніе Гоголя читающая публика и журнальная критика, а также друзья и почитатели автора, нужно замѣтить, что, благодаря нескромности издателя Плетнева и цензора Никитенки, содержаніе «предисловія» и «завѣщанія» и особенно слухъ, что Гоголь отказывается отъ прежнихъ своихъ сочиненій и сжегъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ», слѣлались извѣстны задолго до выхода книги въ свѣтъ и породили самые невыгодные слухи о знаменитомъ писателѣ. Говорили, что Гоголь впалъ въ мистицизмъ, подпалъ вліянію іезуитовъ, хоронили его литературный талантъ, подозрѣвали его въ желаніи обратить на себя вниманіе надлежащихъ сферъ и попасть въ воспитатели къ сыну наслѣдника; наконецъ, объявили его сумасшедшимъ. «Говорятъ иные, что ты съ ума сошелъ...

*) «Наши государственные и общественные дѣятели», с. 179.

**) Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», т. VIII, гл. LXV.

болѣе снисходительные судьи сожалѣютъ о томъ, что ты впалъ въ мистицизмъ», — писалъ проф. Шевыревъ самому Гоголю въ концѣ октября 1846 года.

Какъ только «Переписка» вышла изъ печати, «посыпались со всѣхъ сторонъ ярыя нападенія на Гоголя, какъ справедливыя, такъ еще болѣе злорадныя и возмутительно-наглыя» (Шенрокъ). Прежде всего новое произведеніе Гоголя заставило ликовать его литературныхъ противниковъ. Сенковскій съ присущимъ ему шутовствомъ заявилъ, что «нашъ Гомеръ отрекается отъ безсмертія и признаетъ себя поэтомъ пошлости». «Сѣверная Пчела» Булгарина обрушилась на «Отечественныя Записки», которыя, будто бы, до того захвалили Гоголя, что онъ еще при жизни возмечталъ о памятникѣ, хотя ничѣмъ не заслужилъ такой чести. Что касается самой «Переписки», то въ «Библіотекѣ для Чтенія» она была названа сборникомъ безсвязныхъ статей, а въ «Сѣверной Пчелѣ» появленіе книги было объяснено такими причинами, какъ разстроенное болѣзненное воображеніе, непомѣрное самолюбіе и желаніе озадачить публику и обратить на себя вниманіе послѣ долговременнаго молчанія и пребыванія за границей.

Не менѣе рѣзко осудили новое произведеніе Гоголя и прежніе поклонники его таланта. Извѣстный поэтъ и переводчикъ «Фауста» Губеръ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» выразилъ глубокое сожалѣніе, что авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» «издаетъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ и нѣсколько странныхъ и замысловатыхъ статей» и совершаетъ своего рода «литературное ауто-да-фе». Галаховъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣстилъ статью, наполненную колкостями по адресу Гоголя. Рецензентъ «Финскаго Вѣстника» нашелъ въ «Перепискѣ» множество противорѣчій и парадоксовъ. Баронъ Розенъ заподозрилъ Гоголя даже въ искаженіи мнѣній Пушкина о талантѣ творца «Мертвыхъ Душъ».

Наиболѣе значительныя по объему и содержанію статьи противъ Гоголя были напечатаны извѣстнымъ въ то время литераторомъ Н. Ф. Павловымъ и Бѣлинскимъ. Павловъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» три открытыя письма къ Гоголю, въ которыхъ разобралъ его книгу «по косточкамъ», стараясь побивать автора его же оружіемъ. Отношеніе Павлова къ «Перепискѣ» можно видѣть изъ слѣдующаго эпиграфа, выставленнаго имъ въ началѣ перваго письма: «эта книга содержитъ въ себѣ много истиннаго и много новаго; но, къ сожалѣнію, истинное въ ней не ново, а новое не истинно». Появленіе Гоголя Павловъ объяснилъ желаніемъ «произвести небывалый эффектъ»; въ отвѣтъ на

отреченіе Гоголя отъ его прежнихъ созданій было сказано: «сочиненія ваши приносили и приносятъ пользу; мы ихъ отстоимъ, съ какимъ презрѣніемъ ни отзывайтесь вы сами о нихъ... Поученія же ваши... могутъ только ввести въ соблазнъ о самыхъ высокихъ истинахъ и лишить умъ ясности и простоты воззрѣнія на Божій міръ». Относительно пользы и умѣстности поученія со стороны Гоголя Павловъ говорилъ: «все поучаетъ человѣка, искусство, наука, жизнь, и часто всего менѣе поучаютъ поученія», потому что въ области нравственности «наши поучительныя рѣчи, книги, наши повѣсти даже и моральныя, ни что иное, какъ пустой звукъ, мертвая буква... Если всякій писатель станетъ поучать въ вашемъ смыслѣ, потому что онъ писатель, отчего не поучать богатому, потому что онъ богатъ, сильному, потому что онъ силенъ? Такимъ образомъ поученіе и превращается въ гордую забаву для поучающаго въ горькое оскорбленіе для поучаемыхъ и въ поруганіе надъ святыней нравственности и добродѣтели. Доказательствомъ этому служитъ ваше письмо къ русскому помѣщику». Относительно внутреннихъ достоинствъ «Переписки» было замѣчено: «наставленія разума и науки не наложили своихъ несносныхъ оковъ на вашу книгу».

Чтобы показать, какъ Павловъ побивалъ Гоголя его же оружіемъ, достаточно привести возраженіе по поводу третьяго пункта «завѣщанія», гдѣ знаменитый писатель просилъ не оплакивать свою смерть. «Проливать эти слезы,—говоритъ Павловъ,—призываетъ насъ Церковь. Самъ божественный Учитель прослезился надъ прахомъ Лазаря».

Письма Павлова произвели сильное впечатлѣніе на читателей и въ свое время много повредили книгѣ Гоголя. Ими восхищались, какъ «образцемъ остроумія, сарказма и ловкости»; они привели въ восторгъ самого Бѣлинскаго и были перепечатаны въ «Современникѣ», какъ «образецъ благородной полемики» *).

Бѣлинскій въ своемъ разборѣ «Переписки съ друзьями», «этой,—по его словамъ,—едва ли не самой странной и поучительной книги какая когда-либо появлялась на русскомъ языкѣ»,—съ грустью заявилъ о потерѣ Гоголя для искусства. Что касается содержанія «Переписки», то, по мнѣнію знаменитаго критика, самымъ подходящимъ эпиграфомъ къ ней было бы изреченіе: «отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ». Опровергнувъ нѣкоторые взгляды Гоголя въ предѣлахъ, дозволенныхъ тогдашней цензурой, Бѣлинскій сдѣ-

*) Въ послѣднее время письма Павлова перепечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1890 г., № 2.

лалъ слѣдующій выводъ: «горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своей дорогой, онъ ринется на чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе».

Сочувственно отнесся къ новой книгѣ Гоголя на первыхъ порахъ одинъ только Аполлонъ Григорьевъ, тогда еще начинающій критикъ. Онъ усмотрѣлъ въ произведеніи знаменитаго писателя проявленіе общей болѣзни вѣка—безволія, и призналъ фразу: «дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ», хотя и рѣзкой, но справедливой. Сочувственно отнесшись къ книгѣ въ цѣломъ, и Григорьевъ остался недоволенъ отдѣльными мѣстами, напримѣръ, тѣми страницами, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ «припадки односторонняго патріотизма».

Позже на защиту Гоголя выступили князь Вяземскій и Шевыревъ, которые были возмущены не столько разборами «Переписки», сколько «возмутительно-наглыми» нападками на личность автора. По мнѣнію Вяземскаго, книга Гоголя полезна, нужна и въ высшей степени замѣчательна, «она событіе литературное и психологическое», цѣль ея «благонамѣренная, прекрасная, братская»; отдѣльные недостатки «выкупаются общимъ достоинствомъ ея».

Шевыревъ рѣшился опровергнуть нелѣпые слухи о томъ, будто бы Гоголь небесными средствами стремился къ достиженію земныхъ цѣлей. «Мысли и начала, которыя Гоголь развиваетъ въ своей книгѣ,—писалъ Шевыревъ въ «Москвитянинѣ»,—явились въ немъ не со вчерашняго дня, а безсознательно всегда накоплялись въ его душѣ и служили тайнымъ источникомъ его вдохновеній. Теперь только сильнѣе поднялись онѣ со дна души его, сильнѣе имъ восчувствованы и сознаны».

Приведя сочувственные и несочувственные отзывы печати о книгѣ Гоголя, приходится констатировать, что почти вся пресса сороковыхъ годовъ отнеслась къ «Перепискѣ съ друзьями» съ полнымъ осужденіемъ.

Журнальная критика была стѣснена въ своихъ сужденіяхъ, съ одной стороны, строгою цензурой, съ другой—литературными приличіями. Въ частныхъ бесѣдахъ критиковали «Переписку съ друзьями» и ея автора гораздо свободнѣе, не стѣсняясь никакими задними соображеніями. Книга Гоголя вызвала не только оживленный устный обмѣнъ мыслей среди русской интеллигенціи, но и породила цѣлую рукописную литературу, составившуюся изъ писемъ о Гоголѣ и къ Гоголю по поводу его «Переписки».

Въ частныхъ письмахъ Гоголь подвергся порицаніямъ даже со стороны тѣхъ своихъ друзей, которые исповѣдывали одинаковые съ нимъ взгляды и не убоялись публично защищать его книгу.

Князь Вяземскій находилъ въ «Перепискѣ», «много странностей, излишествъ и натяжекъ» и умолялъ Гоголя уничтожить «заносчивыя выходки и неприличныя выраженія». Жуковскій выражалъ «горе и досаду», что авторъ поспѣшилъ изданіемъ своей книги, вслѣдствіе чего она явилась со «многими литературными и типографскими пятнами». Погодинъ «огорчился до слезъ, до глубины души» оскорбительными отзывами Гоголя о своей литературной и ученой дѣятельности и, прочитавъ начало его книги, записалъ въ своемъ дневникѣ: «онъ помѣшался». Шевыревъ на первыхъ порахъ собирался написать «безпощадный разборъ» «Переписки» и уличалъ Гоголя въ стремленіи «самозванно назваться избранникомъ Божіимъ и любимцемъ» и въ «неограниченномъ самолюбіи», которое въ книгѣ выразилось «колоссально, иногда чудовищно»... «Главное справедливое обвиненіе противъ тебя,—писалъ Шевыревъ своему другу позже,—слѣдующее: зачѣмъ ты оставилъ искусство и отказался отъ всего прежняго? зачѣмъ ты пренебрегъ даромъ Божіимъ?.. Талантъ данъ тебѣ былъ отъ Бога... Ты такимъ пренебреженіемъ оскорбляешь и Бога, оскорбляешь и людей... Во имя Свѣтлаго Воскресенія прошу тебя: возвратись къ искусству. Не заставь людей въ Россіи говорить, что Церковь и вѣра отнимаютъ у насъ художниковъ и поэтовъ» *).

Такъ отзывались о «Перепискѣ съ друзьями» представители пушкинскаго кружка и оффиціальной народности; къ нимъ примкнулъ и Чаадаевъ, одинъ изъ первыхъ по времени теоретиковъ западничества, но въ концѣ сороковыхъ годовъ запесенный правительствомъ въ списки славянофиловъ. «На меня находитъ невыразимая грусть,—писалъ онъ кн. Вяземскому,—когда я вижу эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, за то только, что онъ пересталъ насъ тѣшить и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется передъ нами и старается по силамъ намъ сказать доброе и поучительное слово». Но и Чаадаеву не нравился «высокомѣрный тонъ» нѣкоторыхъ писемъ Гоголя.

Что касается настоящихъ славянофиловъ и западниковъ, то ихъ негодованію не было границъ. С. Т. Аксаковъ, патріархъ московскаго славянофильства, еще 26 августа 1846 года, слѣдовательно, за четыре мѣсяца до выхода въ свѣтъ «Переписки» Гоголя, узнавъ о ея содержаніи, писалъ сыну: «религіозная восторженность убила великаго художника и сдѣлала его сумасшедшимъ». По выходѣ книги въ свѣтъ старикъ Аксаковъ отзывался еще рѣзче. «Увы!—писалъ онъ сыну о «Перепискѣ»,—она превзошла всѣ ра-

*) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г.

достныя надежды враговъ Гоголи и всѣ горестныя опасенія его друзей. Самое лучшее, что можно сказать о ней—назвать Гоголя сумасшедшимъ». «Я вижу въ Гоголѣ,—писалъ Аксаковъ въ другомъ письмѣ,—добычу сатанинской гордости, а не христіанскаго смиренія... Я не могъ читать безъ отвращенія печатное завѣщаніе человѣка живого и здороваго... Я не могъ безъ жалости слышать этотъ языкъ пошлый, сухой, вялый и безжизненный... Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью подъ личиной смиренія. Онъ льститъ женщинѣ, ея красотѣ, ея прелестямъ; онъ льститъ Жуковскому, онъ льститъ власти».

«Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите самимъ себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка»,—писалъ Аксаковъ самому Гоголю.—«Книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій».

Получивъ письмо отъ Гоголя, Аксаковъ нѣсколько смягчился, онъ убѣдился «въ полной искренности сочинителя», понялъ его душевное состояніе, но все-таки остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, что «книга его чрезвычайно вредна», что «въ ней все ложно», что письмо о значеніи женщины въ свѣтѣ «не только католическое, но языческое». Аксаковъ взялъ даже назадъ нѣкоторыя похвалы отдѣльнымъ мѣстамъ и въ февралѣ мѣсяцѣ пришелъ къ убѣжденію, что въ книгѣ «нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи, или въ зернѣ».

Достойный сынъ своего отца, И. С. Аксаковъ, служившій въ то время въ Калугѣ, сначала увлекся книгой Гоголя, которую, по его мнѣнію, «надо читать не разъ, не два, а двадцать тысячъ разъ». «Гоголь правъ,—писалъ Аксаковъ отцу,—и является въ этой книгѣ, какъ идеалъ художника-христіанина... Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многихъ». Но скоро молодой Аксаковъ измѣнилъ свое мнѣніе о «Перепискѣ» и долженъ былъ сознаться, что «въ книгѣ Гоголя много лжи и нелѣпицы много скрытой гордости и самолюбія, словомъ, умъ за разумъ зашелъ» *).

Другой сынъ Аксакова, Константинъ, еще сильнѣе отца и брата негодовалъ на Гоголя и нападалъ на него и дома и въ обществѣ съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ раньше восхищался «Мертвыми Душами». «Ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ», писалъ К. Аксаковъ автору «Переписки»: «Самыя мысли ваши ложны, вы дошли до невѣроят-

*) И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, т. I.

ныхъ положеній... Великій проступокъ вашъ—презрѣніе къ русскому простому народу, къ крестьянину» *).

Такъ отзывались о «Перепискѣ» представители московскаго славянофильства, люди, связанные съ Гоголемъ узами тѣснѣйшей дружбы. Западники судили Гоголя нисколько не снисходительнѣе своихъ литературныхъ враговъ. Герценъ укорялъ Гоголя въ отступничествѣ отъ прежнихъ убѣжденій. Боткинъ, авторъ «Писемъ объ Испаніи», объяснялъ «Переписку съ друзьями» «гордостью и невѣжествомъ» и радовался, что «всѣ журналы отозвались о ней, какъ о произведеніи больного и полупомѣшаннаго человѣка». «Этотъ фактъ,—прибавляетъ Боткинъ,—для меня имѣетъ важность: значитъ, что въ русской литературѣ есть направленіе, съ котораго не совратить ея и таланту посильнѣе Гоголя». По мнѣнію Тургенева, издатель писемъ Гоголя оказалъ бы громадную услугу автору, «еслибъ выкинулъ изъ нихъ цѣлыя двѣ трети, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которыя писаны къ свѣтскимъ дамамъ», потому что «болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона—въ литературѣ не существуетъ». Бѣлинскаго «гнусная» книга Гоголя возмутила до послѣдней степени; онъ видѣлъ въ ней не заблужденіе, а сознательную и разсчитанную подлость. «Это—Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану», писалъ онъ Боткину.

Попавши за границу и освободившись отъ «русскихъ Шпекиныхъ», Бѣлинскій написалъ Гоголю страстное посланіе, въ которомъ излилъ все свое негодованіе, возбужденное въ немъ «Перепиской съ друзьями».

«Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка. Этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины и человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель... Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое

*) «Русскій Архивъ» за 1890 г., № 1, с. 153—4.

возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши и нелитературные (Чичиковы, Ноздревы, городничіе и т. д.), и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку, для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы, и это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это отъ того, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека*; а, вѣдь, извѣстно, что ничего нѣтъ легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть, потому что въ этомъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому, вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди, довольно она слышала ихъ, а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и навозѣ; права и законы, сообразные... съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое, по возможности, ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ—не человѣкъ, страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личностей, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ чиновъ... Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, ослабленіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, стро-

гаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ *неумытыми рылами*... И это ли не должно было привести меня въ негодованіе?..

«Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ за эти позорныя строки. И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги? Нѣтъ, если бы вы, дѣйствительно, преисполнились истиною Христовой, а не дьяволовымъ ученьемъ, совсѣмъ не то написали бы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы написали бы ему, что такъ какъ его крестьяне—его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ въ отношеніи къ нимъ положеніи. А выраженіе: *ахъ, ты, неумытое рыло?* Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей?..

«Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь, вы стоите надъ бездною!.. Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ?.. Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину Своего ученія...

«Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали,

что говорили... Нѣкоторые остановились-было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ въ Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете недовольствіе своими прежними произведеніями...

...«Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь, а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, странною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія, и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически грязно выражаться не только о другихъ (что было бы только невѣжество), но о самомъ себѣ. Это уже гадко, потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени: не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги! И что за языкъ, что за фразы! Дрянь и тряпка сталъ теперь *всякъ* человѣкъ! Неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій*, значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о себѣ, какъ писатель, кто бы подумалъ, что эта неопрятная и надутая шутиха словъ и фразъ — произведеніе пера автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»?

...«И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно-великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжкій грѣхъ

ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія» *).

Перечитывая все, что было напечатано, сказано и написано о книгѣ Гоголя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что чѣмъ выше люди цѣнили Гоголя, какъ писателя, тѣмъ рѣзче отзывались они о «Перепискѣ съ друзьями». Аксаковъ и Бѣлинскій болѣе, чѣмъ кто-либо другой въ сороковыхъ годахъ превозносили Гоголя, какъ автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и никто не пришелъ въ такое негодованіе отъ новой его книги, какъ эти типичнѣйшіе представители тогдашняго славянофильства и западничества. Можно думать, что друзья Гоголя и поклонники его таланта, критикуя «Переписку», намѣренно сгущали краски и намѣренно подбирали наиболѣе рѣзкія и оскорбительныя выраженія, желая, съ одной стороны, предостеречь отъ вліянія книги неопытныхъ читателей, а съ другой—«образумить» самого автора и вернуть его къ прежней литературной дѣятельности. «Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, *мы должны публично порицать его*... Дѣло въ томъ, что хвалители и ругатели Гоголя перемѣнились мѣстами: всѣ мистики, всѣ ханжи, всѣ примиряющіеся съ подлою жизнью своей возгласами о христіанскомъ смиреніи.., утопаютъ въ слезахъ и восхищеніи. Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху... но теперь вижу, что хвалителей будетъ очень много, и Гоголь можетъ утвердиться въ своемъ сумасшествіи. Книга его можетъ быть вредна многимъ». Такъ писалъ старикъ Аксаковъ, который, по собственному его заявленію, «для спасенія Гоголя готовъ былъ сдѣлаться и презрѣннымъ орудіемъ казни, и отвратительнѣйшимъ палачемъ». Такими же самыми соображеніями руководился и Бѣлинскій, отсылая Гоголю свое страстное посланіе, вылившееся изъ груди больного человѣка, оскорбленнаго въ завѣтнѣйшихъ своихъ мечтахъ и идеалахъ.

Что касается самого Гоголя, то печатная полемика, устные толки, переданные ему услужливыми друзьями, и масса полученныхъ имъ писемъ подѣйствовали на него удручающимъ образомъ. Правда, нашлись лица, которыя превознесли книгу до небесъ, поставили ее выше всѣхъ его прежнихъ произведеній и выразили свою радость по поводу происшедшей съ авторомъ перемѣны въ душевномъ настроеніи. Плетневъ писалъ Гроту, что «со времени

*) Знаменитое письмо Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна въ настоящее время напечатано въ книгѣ Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», т. VIII, гл. LXIX.

«Переписки» станутъ вести въ Европѣ лѣтосчисленіе появленія въ мірѣ русской литературы»; Загоскинъ говоритъ, что надо ѣхать въ Неаполь и расцѣловать автора; «калужская губернаторша» А. О. Смирнова писала Гоголю, что передъ его «Перепиской» поблѣднѣли даже «Мертвыя Души»; Вигель, авторъ извѣстныхъ «Воспоминаній», не могъ описать восторговъ, вызванныхъ въ немъ «перерожденіемъ» Гоголя; Ишимова, извѣстная писательница для дѣтей, назвала «Переписку» въ письмѣ къ ея автору «святою книгою».

Но эти немногіе сочувственные отзывы мало утѣшили Гоголя; они терялись въ общей массѣ самыхъ рѣзкихъ и оскорбительныхъ посланій. «На меня разсердились *всѣ до единаго* въ Россіи», «*всѣ до единаго* возстаютъ противъ моей книги»—таковы признанія Гоголя въ письмахъ къ друзьямъ.

Узнавъ о слухахъ, циркулировавшихъ въ литературныхъ кругахъ задолго до выхода въ свѣтъ «Переписки съ друзьями», Гоголь предвидѣлъ, что на его книгу «нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ», и даже радовался возможности этихъ нападеній, считая ихъ для себя полезными; но онъ никакъ не ожидалъ, что нападенія превзойдутъ всякія границы и не удовольствуются книгой, а перейдутъ на самого автора. «Предметомъ толковъ и критикъ, — говоритъ Гоголь въ «Авторской исповѣди»,—стала не книга, но авторъ... Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ... Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецептъ отъ умственнаго разстройства... называли его лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывали ему подлыя и низкія цѣли» и т. д.

Таковъ былъ общій характеръ большинства писемъ, полученныхъ Гоголемъ по поводу «Переписки съ друзьями». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела вся эта полемика на знаменитаго писателя, еще не оправившагося отъ тяжелой болѣзни! «Душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено», писалъ Гоголь Бѣлинскому. «Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я еще не сошелъ съ ума отъ всей этой безтолковщины,—этого,—писалъ Гоголь Аксакову,—я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито, и дѣятельность моя отнялась».

Гоголь былъ глубоко оскорбленъ, какъ человѣкъ, но какое вліяніе оказали всѣ эти оскорбленія на его взгляды? Принесла ли ему пользу полученная имъ «публичная оплеуха», спасительность

которой онъ проповѣдывалъ въ своихъ письмахъ? Продолжалъ ли онъ попрежнему думать, что его книга нужна и полезна, или согласился съ тѣми, кто писалъ ему, что книга его вредна?

«Появленіе моей книги,—писалъ Гоголь Жуковскому еще до полученія письма Бѣлинскаго,—разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, что имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Одно помышленіе о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано въ ней многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда», писалъ Гоголь князю Львову. Годъ спустя по выходѣ въ свѣтъ «Переписки», авторъ ея согласился и съ тѣмъ, что своей «опрометчивой книгой показалъ какіе-то исполинскіе замыслы на что-то въ родѣ вселенскаго учительства».

Гоголь увидѣлъ «неприличіе и самоувѣренность» тона своей «опрометчивой» книги и постарался, насколько могъ, оправдать себя и передъ друзьями, и передъ публикой. Онъ обвинялъ и тѣхъ, кто «подталкивалъ» его издать письма, и Плетнева, который поторопился напечатать книгу, и, наконецъ, самого дьявола, «который раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста» *). Въ оправданіе тона своей книги онъ приводилъ и такой аргументъ: «русскаго человѣка покуда не разсердишь, не заставишь говорить». Въ отвѣтъ на обвиненія въ гордомъ самомнѣніи и корыстныхъ цѣляхъ, Гоголь заявилъ, что при изданіи книги имъ руководили только «желаніе и жажда добра». Оправдываясь передъ друзьями и публикой во возведенныхъ на него обвиненіяхъ и въ приписанныхъ ему взглядахъ и мнѣніяхъ, Гоголь разъяснилъ, что онъ вовсе не думаетъ отказываться отъ литературной дѣятельности, что перемѣна, происшедшая въ его воззрѣніяхъ, послужитъ «не во вредъ искусству, но къ возвышенію искусства».

Сколько ни доказывали Гоголю вредное вліяніе «Переписки», онъ продолжалъ считать ее полезною, если не для читателей, то, по крайней мѣрѣ, для самого себя. «Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю»; «правда Руси передъ мною теперь выступила, какъ никогда прежде»; «книга моя есть удивительный оселокъ для испробованія нынѣшняго человѣка». Таковы признанія Гоголя.

Въ концѣ концовъ, Гоголь не отказался торжественно отъ

*) Аксаковъ, «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 174.

своей «Переписки», но возбужденная ею полемика не осталась безъ всякаго вліянія на знаменитаго писателя. Онъ вернулся къ литературной дѣятельности и сталъ работать надъ продолженіемъ своего безсмертнаго труда. Къ сожалѣнію, то душевное настроеніе, въ которомъ были написаны пресловутыя письма, не оставляло автора до самой смерти: онъ умеръ, истощивъ свой слабый организмъ неумѣреннымъ аскетизмомъ, и передъ смертью бросилъ въ печь рукопись второго тома «Мертвыхъ Душъ».

Тяжелыя нравственныя мученія, которыя свели великаго писателя въ преждевременную могилу, примирили съ нимъ его прежнихъ друзей, смущенныхъ «Выбранными мѣстами изъ переписки». «Я признаю Гоголя святымъ,—писалъ С. Аксаковъ своимъ сыновьямъ,—это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени и въ то же время мученикъ христіанства» *). Въ некрологѣ, посвященномъ Гоголю и напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», С. Аксаковъ публично сознался, что ему «больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній», возбужденныхъ послѣднимъ сочиненіемъ знаменитаго покойника. Тургеневъ, смотрѣвшій на «Переписку» глазами Бѣлинскаго и привѣтствовавшій ея фіаско, какъ «одно изъ немногихъ утѣшительныхъ проявленій тогдашняго общественнаго мнѣнія», съ своей стороны, въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣстилъ сочувственныя строки по поводу смерти Гоголя, за что, какъ извѣстно, поплатился мѣсячнымъ арестомъ и ссылкой въ деревню.

Прошло пять лѣтъ, появились «Записки о жизни Гоголя» и два тома его писемъ, изданные Кулишемъ. Для всѣхъ стала ясна несправдливость обвиненій Гоголя въ лицемѣріи, корысти, подлости и отступничествѣ отъ прежнихъ убѣжденій, потому что мнѣнія, выраженныя въ «Перепискѣ», оказались и въ самыхъ раннихъ его письмахъ. Въ той самой «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ Гоголь подвергался пошлому вышучиванію со стороны Сенковскаго, новый редакторъ журнала, Дружининъ, заявилъ, что нападать на «Переписку съ друзьями», «какъ на проявленіе никому не навязываемыхъ (!) личныхъ стремленій, было недостойно, а если взять въ соображеніе болѣзненное состояніе Гоголя, даже безжалостно» **). Если бы Бѣлинскому суждено было дожить до опубликованія писемъ Гоголя, то онъ съ присущею ему откровенностью отказался бы отъ нѣкоторыхъ выраженій своего знаменитаго письма и снялъ бы съ автора «Переписки» позорное обвиненіе въ созна-

*) «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 200.

**) Соч. Дружинина, VII, 236.

тельной и разсчитанной подлости. Въ «Современникѣ» это было сдѣлано ученикомъ и послѣдователемъ знаменитаго критика, Чернышевскимъ, который сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ «Переписки» и опубликованныхъ г. Кулишемъ писемъ доказалъ, что «Гоголь если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его» *).

Не только для Гоголя, но даже и для его «Переписки» въ пятидесятыхъ годахъ настали лучшія времена. Рядомъ съ кружками молодежи, гдѣ перечитывались статьи Бѣлинскаго и зачитывались его письмомъ изъ Зальцбрунна, находились и такіе представители молодого поколѣнія, на которыхъ книга Гоголя дѣйствовала потрясающимъ образомъ и устремляла ихъ мысли къ нравственному самоусовершенствованію, доходившему до настоящаго аскетизма **). Вліяніе «Переписки» замѣтили даже въ «Вопросахъ жизни» Пирогова, въ сочиненіи, съ которымъ знаменитый хирургъ выступилъ на педагогическое поприще и въ которомъ было объявлено, что «главною основою нашего воспитанія служитъ откровеніе» и что мы должны считать настоящую жизнь приготовленіемъ къ будущей.

Высокій подъемъ *общественнаго* духа въ шестидесятые годы оказался въ высшей степени неблагопріятнымъ, какъ для Гоголя, такъ и для его книги, въ которой на первое мѣсто выдвинуты вопросы *личнаго* самоусовершенствованія. «Отцы», нападая на «Переписку съ друзьями», стремились заявить о своемъ либерализмѣ, «дѣти» же, начитавшись писемъ къ «калужской губернаторшѣ», чувствовали себя «препакостно» (Базаровъ). Правда, у Гоголя нашлись защитники и въ то кипучее время: въ 1860 г. появилась книга архимандрита Ѳеодора, гдѣ доказывалось, что «не было и нѣтъ противорѣчія между прежнею его (Гоголя) дѣятельностью и новымъ духовнымъ сознаніемъ», выразившимся въ «Перепискѣ съ друзьям». Но это сочиненіе прошло почти совершенно безслѣдно и, кажется, осталось неизвѣстно даже тѣмъ, кто въ послѣднее время снова выступилъ на защиту Гоголя. Въ шестидесятыхъ же годахъ надъ Аполлономъ Григорьевымъ, защищавшимъ «Переписку» и восторгавшимся «глубокомысленной и краснорѣчивой книгой архимандрита Ѳеодора», положительно смѣялись.

Появленіе «Переписки съ друзьями» въ полномъ видѣ въ из-

*) Критическія статьи, с. 140.

**) Сочиненія Скабичевскаго, т. I, с. 151—2.

даніи Чижова (1867 г.) нисколько не способствовало возстановленію репутаціи книги. Она по прежнему осталась «проповѣдью мистическаго аскетизма, общественнаго застоя и приниженія» (Пыпинъ), «клочками старыхъ писемъ, сунутыхъ публикѣ въ апогеѣ самомнѣнія» (Орестъ Миллеръ). И мнѣнія эти сдѣлались настолько общепринятыми, что даже въ учебникахъ исторіи русской литературы стали клеймить Гоголя названіями «изувѣра и мистика», близкаго къ окончательному помраченію разсудка (Полевой).

Можно было думать, что надъ книгой Гоголя былъ произнесенъ окончательный приговоръ, и что она навсегда была осуждена остаться печальнымъ памятникомъ великаго ума, уклонившагося на чуждый для него путь и оказавшаго «медвѣжью услугу» даже тѣмъ принципамъ, въ которыхъ авторъ видѣлъ спасеніе міра. Но времена перемѣнились... Книгу, которую пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и друзья, и враги Гоголя заклеймили названіемъ «позорной», въ которую стыдился заглянуть самъ авторъ, въ концѣ XIX вѣка объявили «оклеветанной», «поучительной», «великой» книгой, «которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ». Покойный Говоруха-Отрокъ не только усмотрѣлъ въ «Перепискѣ съ друзьями» «ключъ къ разгадкѣ Гоголя», что въ значительной степени вѣрно, но объявилъ многострадальнаго писателя «прообразомъ будущей — кающейся и возрождающейся Россіи» *). Въ Москвѣ изъ типографіи Сытина въ дешевомъ изданіи для народа вышло краткое изложеніе «Переписки» подъ заглавіемъ: «Гоголь какъ учитель жизни», гдѣ сказано: «Пройдутъ вѣка, многое погибнетъ, забудется и «отнимется». Забудется и «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» Гоголя, но никогда не забудется и не отнимется у него одно: то, за что онъ вынесъ гоненіе при жизни». Наконецъ, въ Петербургѣ появилось цѣлое сочиненіе въ защиту «Переписки» **), въ которомъ заявлено, что содержаніе книги «служитъ самымъ полновѣснымъ опроверженіемъ неистовой критики, которая ею была вызвана», что книга Гоголя «раздражила многихъ въ силу слишкомъ высокаго настроенія ея автора», что «она значительно опередила свое время» и т. д. Объясненіе взяточничества расточительностью женъ кажется г. Матвѣеву «простымъ и здравымъ освѣщеніемъ вопроса» (с. 70); въ письмѣ Гоголя подъ заглавіемъ «Русскій помѣщикъ», по его мнѣнію, «ничего позорнаго не заключается» (89), равно какъ и во всей «Перепискѣ» — «при самомъ тщательномъ розыскѣ не

*) «Сѣверный Вѣстникъ» за 1893 г. № 1, с. 170.

**) Матвѣевъ. «Н. В. Гоголь и его Переписка съ друзьями». Спб. 1894 г.

оказывается тѣхъ позорныхъ страницъ, о которыхъ такъ долго и настойчиво твердила наша критика» (136).

Такимъ образомъ, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ «Переписки съ друзьями» она продолжаетъ возбуждать еще споры. Разница только въ томъ, что полстолѣтія тому назадъ въ этихъ спорахъ принимала горячее участіе вся образованная публика, а въ настоящее время полемика ограничивается лишь нѣкоторой частью журналистики. Публика же, прочитавши въ свое время книгу Гоголя, положила ее «подъ спудъ» и забыла разъ навсегда и по прежнему стоитъ не на сторонѣ тѣхъ, кто увѣряетъ, что Гоголь опередилъ свой вѣкъ, а на сторонѣ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ «Переписка съ друзьями» своимъ выходомъ запоздала, если не на цѣлые вѣка, то, по крайней мѣрѣ, на одно столѣтіе. «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» читаются и перечитываются всею грамотною Россіею, а содержаніе «Переписки» извѣстно очень немногимъ. Рѣшительно никому также не пришло въ голову рекомендовать эту «святую» и «великую» книгу для чтенія русскому юношеству. И удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Если стать на точку зрѣнія самого Гоголя и признать выше и важнѣе то, что «внутри насъ», нежели то, что «внѣ и вокругъ насъ», то и тогда его книга, наполненная противорѣчіями, дикими и нелѣпыми взглядами, не выдержитъ самой снисходительной критики и не можетъ быть дана въ руководство къ нравственному самоусовершенствованію.

Для многихъ еще поколѣній Гоголь будетъ «учителемъ жизни», какъ авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»; что же касается такихъ произведеній, какъ «Переписка съ друзьями», то они будутъ интересны только для біографовъ, историковъ литературы и просвѣщенія, психологовъ и, пожалуй, даже психіатровъ.

С. Ашевскій.

ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Ж. ГЮЙО.

(Пер. съ французскаго подъ редакц. Л. Е. Оболенскаго).

(Окончаніе).*

XVI.

Обновленіе наукой искусства и литературы.

I. Живое основаніе искусства, которое должно всегда проявляться подъ его формами, состоитъ прежде всего изъ *идей*, затѣмъ изъ *чувствованій* и *хотѣній*.

Безъ идеи слово безсильно, какъ брилліантъ, который, какъ бы хорошо ни былъ отшлифованъ, не можетъ блестѣть въ совершенной темнотѣ безъ луча свѣта, отражаемаго его гранями; *идея, это—свѣтъ слова*. Идея необходима даже въ эмоціяхъ и ощущеніяхъ, безъ чего они окажутся банальными и избитыми. «*Эмоціи* всегда новы,—говоритъ В. Гюго,—а *слово* всегда подержано; вотъ почему невозможно выразить эмоцію». Такъ ли это? Конечно, нѣтъ, и не въ этомъ бѣда для поэта, а въ томъ, что эмоція, даже самая личная, недостаточно нова; по меньшей мѣрѣ, въ основѣ своей, она уже существовала вѣка; да и само сердце наше уже служило природѣ, какъ и солнце, и деревья, и воды, и благоуханія; любовь нашихъ дѣвушекъ существуетъ уже тысячи лѣтъ, а самая бо̀льшая юность, на какую мы можемъ надѣяться для себя или для нашихъ дѣтей, похожа на свѣжесть утра, на юность радостнаго разсвѣта, улыбка которыхъ вправлена въ темный кругъ ночи: ночь и смерть—вотъ два источника природы для вѣчнаго возвращенія юности.

Масса человѣческихъ ощущеній и простыхъ чувствованій остается замѣтно одинаковой во времени и пространствѣ. Если

---

*) См. «Міръ Божій», № , 4, апрѣль.

прожить тридцать лѣтъ въ неособенно замкнутомъ уголкѣ, и пользоваться достаточно острымъ сознаніемъ, то можно признать, что уже не испытаешь радикально новыхъ ощущеній, а только незамѣтные нюансы прежнихъ, т. е. новизны въ деталяхъ. Отсюда та скука или усталость, въ которую такъ быстро впадаютъ люди, смотрящіе на жизнь чисто дилеттантски, ищущіе въ ней только впечатлѣній, мотивовъ для эстетическихъ воспроизведеній и набросковъ. Черезъ нѣкоторое время ихъ станетъ утомлять даже живописность, которая въ концѣ концовъ повторяется, какъ и дѣлается избитой. *Eadem sunt omnia semper* *). Но за то, по мѣрѣ движенія впередъ нашей жизни, для насъ, какъ и для человѣчества вообще, постепенно возростаетъ не столько масса непосредственныхъ *ощущеній*, сколько масса идей и знаній, которыя сами воздѣйствуютъ на чувства. Наука, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, была способна къ безграничному расширенію; только благодаря ей, у насъ можетъ сохраниться надежда прибавить что-либо къ человѣческому творчеству; только благодаря ей, мы можемъ надѣяться, что не заснетъ и будетъ всегда удовлетворяться наша любознательность; наконецъ, именно съ ея помощью мы приходимъ къ убѣжденію, что живемъ не напрасно. Искусство для искусства, созерцаніе чистой формы вещей кончается всегда переходомъ къ чувству однообразной Майа **), къ зрѣлищу, не имѣющему ни конца, ни цѣли, изъ котораго не извлекается ничего. Только умъ можетъ выразить во внѣшнемъ произведеніи *суть* жизни, можетъ заставить наше пребываніе на землѣ служить чему-нибудь, можетъ дать намъ извѣстную функцію, роль, работу, хотя и очень небольшія, но результаты которыхъ имѣютъ, однако, шансы пережить текущее мгновеніе. Наука для ума то же, что любовь или милосердіе для сердца; она не позволяетъ уставать, она вѣчно будитъ и освѣжаетъ; она даетъ чувствовать, что индивидуальное существованіе и даже существованіе соціальное представляютъ не топтаніе на мѣстѣ, а постоянное восхожденіе. Скажемъ больше, любовь къ наукѣ и философское чувство, введенныя въ искусство, могутъ преобразовывать его безпрестанно, такъ какъ, чѣмъ больше раскрывается нашъ умъ, чѣмъ шире разростается наша наука, чѣмъ больше мы стараемся видѣть цѣлый міръ въ малѣйшемъ индивидуальномъ существѣ, тѣмъ менѣе возможно, чтобы мы смотрѣли на міръ однимъ и тѣмъ же

*) Вѣчно одно и тоже.

**) Одно изъ проявленій индійскаго божества, символизирующее призрачность явленій природы. *Ред.*

взглядомъ и чтобы наше сердце оставалось при этомъ однимъ и тѣмъ же.

II. Есть очень короткій и очень простой докладъ, сдѣланный австрійскому адмиралтейству капитаномъ Вольгемутомъ, прожившемъ годъ въ полярныхъ странахъ для научныхъ изслѣдованій. Читая этотъ докладъ, я не могъ удержаться, чтобы не думать о Пьерѣ Лоти: между строками доклада, по большей части сухими, мнѣ рисовались тѣ же образы, которые проходятъ въ «Pêcheurs d'Islande»; чувствуется неизлѣчимая тоска по родинѣ моряка, заставляющая его привязываться къ каждому уголку земли, въ которомъ онъ живетъ, чтобы сдѣлать изъ него родину, а потому не чувствующаго себя дома нигдѣ, даже въ родной странѣ, которую онъ разбросалъ изъ своего сердца по всей поверхности земного шара. «Отплытіе «*Pola*», оставившаго насъ здѣсь,—пишетъ Вольгемутъ,—порвало единственную нить, еще связывавшую насъ съ родиной. И вотъ, мы одни на цѣлый годъ, отрѣзанные отъ всего міра Гренландскимъ моремъ. Ни одна газета, ни единое письмо уже не могутъ достигнуть до насъ. У насъ не должно быть никакой другой мысли, а слѣдовательно, и никакого другого развлеченія, кромѣ работы. Съ этихъ поръ насъ будетъ поддерживать только мысль, что правильное выполненіе нашей задачи прибавитъ новое звено къ великой цѣпи человѣческаго знанія...» (1-е января, 1883 г.). Прошла зима: «Прощай, Санъ Майенъ (названіе острова, на которомъ зимовала экспедиція)... Послѣ насъ сюда придутъ другіе люди, снабженные лучшими инструментами, какъ и мы пришли сюда занять мѣсто семи голландцевъ, заплатившихъ, двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, своею жизнью за попытку перезимовать здѣсь. Для насъ протекъ годъ счастливаго труда. А теперь ураганъ покроетъ лавой это мѣсто тяжкаго труда, какъ онъ покрывалъ его въ теченіе вѣковъ и какъ онъ покрылъ хижины голландцевъ. Медленно идутъ мрачные туманы, суровые, вѣчные».

Кажется, что читаешь Пьера Лоти: постоянно тоже чувство правильныхъ циклическихъ перемѣнъ и однообразныхъ превращеній всего существованія, внушаемое океаномъ и небомъ, — жизнь передъ лицомъ полной безконечности, не нарушаемой человѣческими существами и мелкими развлеченіями, гдѣ ничто не останавливаетъ взора, и онъ теряется въ бездонной прозрачности волнъ и эѳира. Но здѣсь къ этому чувству примѣшивается нѣчто новое: беззавѣтная любовь къ наукѣ, любознательность абстрактнаго ума, а не однихъ только глазъ, отъискивающихъ пейзажи. Поэтому, здѣсь мы вовсе не приходимъ, какъ у Пьера Лоти, къ смутной и

лѣнивой меланхоліи мечтателя, дающаго грезамъ свободу носиться передъ его глазами: въ этомъ—глубокое различіе между чистымъ художникомъ и человѣкомъ науки. Первый только *машина* для ощущеній, отмѣтчикъ; второй же чувствуетъ, что̀ ему слѣдуетъ сдѣлать съ тѣми воспріятіями, которыя онъ отмѣчаетъ: онъ знаетъ, что ихъ нужно систематизировать, свести въ единую доктрину—и обработать въ человѣческую науку съ ея жизнью.

Побуждаемые жаждой знанія, восемь неутомимыхъ наблюдателей собрались въ 2 часа ночи и долго спорили о томъ, слѣдуетъ ли считать температуру моря въ —17°4 или —17°35 Цельзія. Люди, умѣющіе такъ обсуждать вопросъ о какой-то цифрѣ, при 17 градусахъ мороза, никогда не испытываютъ той потери чувствительности, какая встрѣчается у многихъ художниковъ, той растраты чувства жизни, всецѣло ушедшаго на безрезультатное воспроизведеніе предметовъ, а не на созданіе чего-либо новаго. Только дѣйствуя самъ, творя,—человѣкъ дѣйствительно чувствуетъ свои силы; и создать что-нибудь онъ можетъ преимущественно въ области мысли. Даже поэтъ, чтобы творить, долженъ быть мыслителемъ, строителемъ живыхъ системъ, смѣшивающимъ со своими представленіями жизни возвышенныя и философскія концепціи.

Любознательность, влеченіе къ неизвѣстному играютъ большую роль и въ томъ влеченіи, которое въ насъ возбуждаетъ къ себѣ произведеніе искусства. Когда наука находилась еще въ зародышѣ, она видѣла чудесное только въ такихъ предметахъ, которые стоятъ высоко за предѣлами нашего разумѣнія; современная наука, наоборотъ, открываетъ чудесное во всемъ и на каждомъ шагу. Человѣкъ необразованный интересуется только тѣмъ, что выходитъ изъ его среды и не напоминаетъ ему того, что онъ привыкъ видѣть; онъ требуетъ, чтобы ему разсказывали исторіи только о принцахъ и корольяхъ, чтобы ему описывали только далекія страны. Въ наши дни, когда мы замѣтили, что сама наша среда обладаетъ двумя неизвѣстными намъ основами, мы безразлично интересуемся всѣмъ и далекимъ, и близкимъ, если наше разумное воображеніе можетъ что-либо извлечь изъ этого.

III. Кромѣ идей, главнымъ предметомъ искусства служитъ выраженіе чувствованій, такъ какъ чувствованія, одушевляющія всякую жизнь и господствующія надъ нею, одни только и имѣютъ въ ней значеніе. Моя любовь заключаетъ въ себѣ больше жизни и правды, чѣмъ я самъ *). Люди исчезаютъ, а съ ними и ихъ

*) Въ этой мысли, кажущейся на первый взглядъ парадоксальной, заключается большая доля истины: вѣдь наше «я» потому и является для насъ живымъ, что обладаетъ содержаніемъ, а это содержаніе прежде всего состоитъ

жизнь; чувства же остаются. Точнѣе говоря, остается «воля», потому что всякое чувствованіе есть воля въ зародышевомъ состояніи. Чувствованіе, это — самая сложная равнодѣйствующая индивидуальнаго организма, и въ то же время оно есть именно то, что менѣе всего другого погибаетъ изъ этого организма; она—самая глубокая формула живой реальности. Когда порою кто-нибудь изъ насъ легко отдаетъ свою жизнь за высокое чувство, то лишь потому, что это чувство само-по-себѣ кажется ему болѣе реальнымъ, чѣмъ всѣ другіе второстепенные факты его личнаго существованія; не даромъ же передъ нимъ все исчезаетъ и уничтожается. Такое чувствованіе, конечно, для насъ больше того, что мы привыкли называть нашей личностью; оно — сердце, дающее жизнь нашимъ членамъ, его прежде всего нужно оберегать въ жизни, потому что оно есть сердце самой жизни.

Чувствованія и стремленія или желанія, въ свою очередь, выражаются въ дѣйствіяхъ и во всевозможныхъ фактахъ жизни. Искусство ученаго, историка, а также и художника, состоитъ въ открытіи фактовъ, способныхъ *изобразить* или *выразить* законъ, т. е. фактовъ *изобразительныхъ* или *выразительныхъ*, которые въ запутанной массѣ явленій, составляютъ, такъ сказать, вѣхи и могутъ быть соединены одной линіей, образующей рисунокъ, фигуру, систему. Наука и исторія, дающія намъ скелетъ дѣйствительности, строятся въ общемъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, на *небольшомъ числѣ тщательно подобранныхъ фактовъ*, названныхъ нами сейчасъ *выразительными*. Въ наукѣ эти факты выражаютъ чисто объективные законы, а въ исторіи—законы психологическіе и человѣческіе. Искусство строится на еще меньшемъ количествѣ фактовъ, и его цѣль—собрать и сжать въ самомъ небольшомъ отрывкѣ пространства или времени наибольшее число фактовъ, изображающихъ скрытый законъ. Иногда, въ какой-нибудь жизненной драмѣ, продолжающейся лишь двадцать четыре часа и происходящей въ комнатѣ величиной въ десять квадратныхъ метровъ, больше дѣйствій и важныхъ мыслей, чѣмъ во всей остальной

изъ желаній, чувствованій, эмоцій, стремленій, однимъ словомъ, изъ того, что мы обозначаемъ общимъ терминомъ «воли». Отнимите у «я» это волевое содержаніе, и оно перестанетъ быть *живымъ* «я», а сдѣлается мертвымъ зеркаломъ, чистымъ сознаніемъ, отражающимъ природу *безразлично* и холодно, какъ всякое зеркало. Кромѣ того, въ теченіе тысячелѣтія, чувства людей, въ своихъ основныхъ чертахъ, повторяютъ другъ друга; поэтому, въ нихъ мы имѣемъ какъ бы *общій* субъективный фонъ или основу всей жизни человѣчества въ его цѣломъ. И для людей эта сторона всего важнѣе: для нея и ради нея оно живетъ, борется, страдаетъ, достигаетъ. *Ред.*

жизни человѣка. Искусство есть сконцентрированная жизнь, и въ этомъ концентрированіи она претерпѣваетъ измѣненія, зависящія отъ различій характера геніевъ. Поэтому же, міръ искусства всегда окрашенъ ярче дѣйствительной жизни; въ немъ преобладаютъ золото и пурпуръ, съ кровавыми образами, или, наоборотъ, съ образами нѣжными, безконечно кроткими. Вообразите себѣ вселенную, созданную бабочкой: тамъ окажутся только предметы, обладающіе яркими цвѣтами; міръ этотъ будетъ освѣщаться только оранжевыми и красными лучами; также поступаютъ и поэты.

Тѣмъ не менѣе, искусство не есть лишь совокупность *изобразительныхъ* фактовъ; прежде всего, оно есть совокупность *внушающихъ* средствъ (de moyens suggestifs). Вотъ почему часто его главное значеніе не въ томъ, что оно говоритъ, а въ томъ, что оно «внушаетъ», т. е. заставляетъ думать и чувствовать. Великое искусство, это—вызыватель духовъ, дѣйствующій внушеніемъ. Дѣйствительно, объектомъ искусства является произведеніе сочувственныхъ эмоцій, а потому—вовсе не представленіе намъ чистыхъ объектовъ ощущеній или мыслей при помощи изобразительныхъ фактовъ, а вызываніе въ насъ объектовъ привязанности или чувства *живыхъ* существъ, съ которыми бы мы могли вступить въ *общественное* единеніе. Всѣ правила относительно этого новаго объекта сводятся къ опредѣленію того, при какихъ условіяхъ возбуждаются эмоціи симпатіи или антипатіи. Конечная цѣль искусства состоитъ всегда въ возбужденіи симпатіи; антипатія всегда является преходящей, неполной и назначается для усиленія интереса посредствомъ контраста, для возбужденія чувствованій состраданія къ лицамъ, охваченнымъ чувствами страха или даже ужаса. Въ концѣ концовъ, мы не можемъ чувствовать абсолютной и совершенной антипатіи ни къ одному живому существу. Въ сущности, дѣло не въ томъ, чтобы какое-нибудь существо было само прекрасно, а въ томъ, чтобы вы сдѣлали мнѣ его симпатичнымъ. Вибраціи сердца похожи на вибраціи свѣта: они также сообщаются всему окружающему; произведите эмоцію во мнѣ, и эта эмоція, пройдя черезъ мой взоръ и бросивъ свои лучи на внѣшній предметъ, преобразитъ его въ красоту для моихъ взоровъ.

XVII.

Прогрессъ чувствованій подъ вліяніемъ науки.

Было бы очевиднымъ заблужденіемъ представлять человѣческія чувствованія, даже самыя примитивныя, неизмѣняющимися въ теченіе вѣковъ. Они преобразуются медленно, но непрерывно.

Чувство природы, которое, казалось бы, должно оставаться неизмѣннымъ, однако, не то теперь, какимъ было въ древности. Сравните Гомера, даже Лукреція или Виргилія съ Шекспиромъ, Мильтономъ, Байрономъ, Шелли, Гете, Шиллеромъ, Ламартиномъ или Гюго. Какимъ образомъ, напримѣръ, видъ неба, усѣяннаго звѣздами, можетъ производить одинаковое моральное впечатлѣніе на современнаго человѣка и на древняго, если современный представляетъ себѣ безграничность тамъ, гдѣ древній воображалъ одну или нѣсколько кристальныхъ сферъ, ограниченныхъ стѣнами изъ пламени: *flammantia moenia mundi?* *) Растенія, насѣкомыя, птицы, всѣ существа, организація и жизнь которыхъ были почти неизвѣстны древнимъ, возникли передъ нами со всѣми чудесными деталями, и приняли въ глазахъ поэта такую же важность, какъ и въ глазахъ ученаго: вселенная наполнилась, такъ сказать, не богами и сущностями, а реальными существами, размножающимися въ ея нѣдрахъ. Каждая капля воды, каждое дуновеніе воздуха полны невидимой жизнью; Орфей думалъ, что природа волнуется тамъ, гдѣ онъ проходитъ, а теперь мы всѣ чувствуемъ ея трогательное трепетанье подъ нашими ногами, и античная легенда становится научной истиной: живетъ гора, живетъ лѣсъ, отъ нихъ исходятъ голоса. «Я слышу то, что казалось слышнымъ Орфею!» восклицаетъ Гюго. Для современной поэзіи, какъ и для науки, самыя крохотныя вещи пріобрѣтаютъ важность. Гюго останавливается передъ полевой маргариткой, замѣтивъ въ расположеніи лепестковъ ея цвѣтка, идущихъ радіусомъ отъ центра, символъ міра; онъ доводилъ даже до крайности культъ низшей жизни: воспѣвалъ жабу, краба, сову, летучую мышь; стихи его, каковы бы ни было ихъ внутреннее достоинство, указываютъ постоянно на важную эволюцію въ современныхъ чувствованіяхъ. Мишле и Э. Кине дали въ прозѣ настоящую эпопею природы. Мы знаемъ и будемъ узнавать больше и больше нравы, любовь и исторію всѣхъ окружающихъ насъ существъ, сливающуюся съ нашей исторіей, и теперь человѣкъ уже не можетъ считать себя отдаленнымъ отъ этого «подобія низшей человѣчности», окружающей его. Безполезно доказывать, что даже самое религіозное чувство испытало весьма значительныя перемѣны; это очевидно: какая эволюція этого чувства отъ Гомера до христіанства! Не меньшая эволюція того же чувства замѣтна съ XVII в. и до нашихъ дней, отъ стиховъ Расина (сына и отца) о «скрытомъ Богѣ», славу котораго «повѣдаютъ небеса», до молитвы, которою оканчивается

*) Пламенѣющія стѣны міра.

«*Espoire en Dieu*», или, если взять современниковъ, до сомнѣній Сюлли-Прюдома, до «анаѳемъ», хотя часто и декламаторскихъ, Леконтъ де-Лиля или г-жи Аккерманъ. Что касается великихъ чувствованій, относящихся къ человѣку, то возростающее вліяніе ума на чувство замѣтно не менѣе сильно. Чувствованія, предметомъ которыхъ является родной городъ, отечество, вообще группы соціальныя, стали, по признанію всѣхъ, менѣе прямолинейны, узки и исключительны: въ глазахъ современнаго мыслителя, родина, это—все человѣчество, исключительная и даже свирѣпая любовь къ родинѣ, такъ сильно выраженная Корнелемъ въ «Horace» («Горація»), представляется почти порокомъ въ драмахъ и романахъ Виктора Гюго, или же сливается съ любовью къ большинству человѣчества. Совершилось и еще преобразованіе въ тѣхъ чувствахъ, которыя прежде были направлены только на отдѣльныя личности, а не на коллективныя существа, какъ родина; такова, напр., жалость. Въ наше время жалость легче возбудить, она интенсивнѣе и представляетъ больше *общности*. Но отъ этого не уменьшилась ея способность вдохновлять поэзію. У греческихъ поэтовъ, предметомъ ея почти всегда были опредѣленныя личности: Гекторъ или Пріамъ, Антигона, Поликсена, Альцестъ. Современный поэтъ поступаетъ иначе: нашу жалость онъ возбуждаетъ къ цѣлому классу, къ народу, толпѣ. Уже въ XVII в. замѣчается стремленіе къ этому обобщенію чувствованій, столь же поэтическому, какъ и философскому: чѣмъ сталъ дровосѣкъ Езопа у Лафонтена въ бѣдномъ крестьянинѣ, «совершенно покрытомъ хворостомъ»: мы чувствуемъ за нимъ цѣлый классъ людей, согбенный подъ такимъ же бременемъ; и это—не все: когда лафонтеновскій крестьянинъ своимъ могучимъ и тривіальнымъ языкомъ говоритъ намъ о «круговой машинѣ», мы, кажется, видимъ все человѣчество, вращающееся въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ страданія. Въ такомъ же родѣ, но съ такой же поэзіей, хотя и съ меньшей простотой, Викторъ Гюго можетъ въ одномъ несчастномъ заставить насъ перечувствовать безчисленныя страданія человѣческой жизни и даже всякой жизни. Рисуетъ ли онъ лошадь, которую бьетъ хозяинъ (*Меланхолія*), и это прежде всего образъ—ясный, выдѣляющійся, съ строгими контурами; наше состраданіе сосредоточено исключительно на этой лошади съ окровавленной грудью: она «тянетъ, тащитъ, стонетъ, тащитъ еще и останавливается, а въ это время бичъ крутится надъ ея лбомъ». Затѣмъ поэтъ продолжаетъ «меланхолическую исторію», задаваясь вопросомъ, какой законъ такъ всецѣло отдаетъ «испуганное животное въ руки пьянаго человѣка», и постепенно горизонтъ картины расширяется;

въ бѣдномъ, безсловесномъ созданіи, «обнаженное брюхо котораго звенитъ подъ ударами окованнаго сапога», мы перестаемъ видѣть индивидуумъ, опредѣленную лошадь, поднимающуюся по скользкой мостовой; печальный образъ наполняетъ все поле нашего зрѣнія, а наше состраданіе обращается на множество существъ. Точно также, когда Викторъ Гюго говоритъ намъ о трудѣ фабричныхъ дѣтей, онъ начинаетъ съ того, что показываетъ огромную фабрику, гдѣ «все—изъ мѣди и желѣза, и гдѣ никогда не знаютъ игръ»; дальше, въ то время, какъ машины вертятся въ темнотѣ безъ конца надъ невинными головками дѣтей, онъ вдругъ заставляетъ изъ нѣдръ самой дѣйствительности выплыть передъ нашимъ умомъ ужасную антиномію между усовершенствованіемъ машинъ и умственнымъ пониженіемъ рабочихъ.

Progrès dont on demande: Où va-t-il? que veut-il?
Qui brise la jeunesse en fleur, qui donne, en somme,
Une ame à la machine et la retire à l'homme *)!

Всѣ движенія сердца, каковы бы они ни были, въ наше время становятся осмысленными и болѣе философскими; такимъ образомъ, и поэзія, выражающая ихъ, претерпѣваетъ соотвѣтственное видоизмѣненіе. Это внутреннее проникновеніе чувства мыслью является одной изъ главныхъ причинъ моральнаго и эстетическаго прогресса. Этотъ прогрессъ на самомъ дѣлѣ влечетъ за собою то, что постоянно усиливается трудность получать удовольствіе отъ такихъ чувствованій, которыя не удовлетворяютъ ума: чтобы наслаждаться вполнѣ, намъ необходимо мыслить. Какъ въ началѣ умственная жизнь возникла, повидимому, изъ способности чувствовать, такъ путемъ эволюціи въ обратномъ направленіи, болѣе совершенная способность чувствованія возникаетъ изъ самой способности мыслить, т. е. изъ интеллекта. Въ каждомъ изъ нашихъ чувствованій оказывается всецѣло все наше существо, крайне сложное теперь, и стремящееся сдѣлать свою мысль равной міру. Въ каждомъ нашемъ движеніи мы чувствуемъ нѣкоторое движеніе или присутствіе того общаго движенія и возбужденія, которыя охватываютъ весь міръ, и въ каждомъ изъ нашихъ чувствованій, если мы чутко прислушиваемся къ нему, мы слышимъ отзвукъ всей природы, подобно тому, какъ въ раковинѣ, найденной на берегу моря, намъ кажется шепчущимъ цѣлый далекій океанъ.

---

*) Прогрессъ—гдѣ онъ? Къ чему онъ ведетъ?—Прогрессъ, калѣчащій цвѣтущую юность, дающій душу машинѣ и отнимающій ее у человѣка.

XVIII.

Поэзія будущаго.

I. Стихотвореніе не можетъ быть «живымъ», не можетъ *жить*, если состоитъ изъ безсодержательныхъ словъ и звуковъ. Даже въ музыкѣ, что бы ни говорили Гансликъ и Бокьеръ, недостаточно одного слухового удовольствія: мы хотимъ глубины чувства и идеи; однако, музыка, измѣняя безпрестанно высоту тоновъ, еще можетъ очаровывать насъ простыми руладами и фіоритурами. Но этого уже нѣтъ въ стихахъ, получающихъ свою гармоничность отъ размѣра и интонацій (удареній); мы слушаемъ ихъ уже не какъ простые дилетанты и, такъ сказать, не однимъ лишь нашимъ слухомъ. Развѣ легче выдержать чтеніе глупыхъ стиховъ, чѣмъ глупой прозы? Стихи, въ которыхъ мысль недостаточна и банальна, представляютъ нѣчто противорѣчивое и шокирующее, такъ какъ назначены они для возбужденія эмоціи своей ритмической формой, а стремятся разрушить эту эмоцію своимъ смысломъ: это—въ своемъ родѣ—уродство. Прекрасно размѣренный, звучный стихъ, повидимому, полный трепетнаго чувства, почти поющій и въ то же время не поющій ничего нашему сердцу, напоминаетъ соловья въ клѣткѣ, голосъ котораго палъ вмѣстѣ съ его свободой и крыльями; мы невольно думаемъ о томъ, что могъ бы онъ спѣть намъ, если бы взмахъ этихъ крыльевъ вдругъ поднялъ его высоко, если бы свободный воздухъ вновь навѣялъ на него живое чувство! И ничего, кромѣ печали и жалости, мы не можемъ чувствовать при видѣ его.

II. По мнѣнію нѣмецкихъ эстетиковъ, поэзія во многомъ подобна музыкѣ, этой поэзіи звуковъ; но музыка, становясь все ученѣе и сложнѣе, стремится представить цѣлый міръ въ своихъ симфоніяхъ: теперь человѣческій голосъ не удовлетворилъ бы насъ, если бы мы слушали его изолированно, безъ того трепета окружающей жизни, которую стремится выразить оркестръ. Не придетъ ли время и для серьезной поэзіи, когда уже нельзя будетъ довольствоваться мелодическими узорами, напоминающими «аріи съ руладами» старой итальянской музыки; станутъ требовать болѣе широкой гармоніи, и поэтъ, вдохновляемый наукой, сущность которой состоитъ въ исканіи всемірной гармоніи, будетъ вынужденъ служить и переводить на свой языкъ, въ формѣ аккордовъ, всѣ явленія міра. Тогда ничто не останется простымъ и бѣднымъ, оторваннымъ и отвлеченнымъ искусственно отъ остального міра. По мнѣнію одного изъ нашихъ современныхъ ученыхъ, если бы мы имѣли безконечно утонченный слухъ, то могли бы въ кажу-

щейся тишинѣ лѣса улавливать шаги безчисленныхъ насѣкомыхъ, колебанія лепестковъ травы, трепетъ листьевъ, вибраціи свѣтового луча, непрерывное журчаніе сока, поднимающагося и опускающагося въ большихъ деревьяхъ: этотъ *шорохъ жизни*, это поднятіе соковъ всего міра, философія и наука могутъ заставить предъугадать нашъ еще грубый слухъ; вслѣдъ, благодаря имъ, мы схватываемъ гармоническія сокровища, разсѣянныя въ мірѣ и конденсируемыя поэтомъ въ его пѣснѣ; безъ нихъ мы не могли бы предъугадать истинной вселенной, догадаться о смыслѣ великой симфоніи, со всѣми ея неразрѣшимыми диссонансами, той симфоніи, въ которой поэтъ находитъ еще разрѣженныя до безконечности интонаціи человѣческаго говора.

Повидимому, въ развитіи поэзіи существуетъ три разныхъ періода. Мы видѣли, что въ началѣ поэзія не была отдѣлена отъ науки и философіи природы и составляла съ ними единое цѣлое. Что такое Ригъ-Веда, Багавадъ-Гита, Библія, какъ не великія метафизическія поэмы, въ которыхъ цвѣтные образы внѣшнихъ явленій сочетаются съ глубокими и меланхолическими взглядами за предѣлы видимаго? Парменидъ, Эмпедоклъ—поэты; Гераклитъ, Платонъ по своимъ пріемамъ являются также поэтами. Но въ то же время это были ученые. То же нужно сказать и о Лукрéціѣ. Въ слѣдующій періодъ произошло нѣчто въ родѣ раздѣленія труда въ области человѣческаго духа. Мы видѣли поэтовъ, которые стали, такъ сказать, только *существами чувствующими*; мы видѣли ученыхъ, представлявшихъ *совершенно абстрактную мысль или умъ*. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ можетъ возвратиться возможное объединеніе поэтической оригинальности съ вдохновеніями науки и философіи. У поэта всегда было творческое чувство; онъ былъ всегда и остается до сихъ поръ создателемъ *образовъ*, но онъ можетъ больше и больше дѣлаться и творцомъ или возбудителемъ *идей*, а посредствомъ идей, также и чувствованій. Не формулировалъ ли самъ Виргилій отрицательной критики для чисто чувственнаго и построеннаго на одномъ воображеніи, искусства, отвѣтивъ слѣдующее, на вопросъ, предложенный ему однажды о томъ, существуетъ ли удовольствіе, не способное никогда внушить ни пресыщенія, ни отвращенія: «Все надоѣдаетъ,—отвѣтилъ поэтъ,—кромѣ *пониманія*: praeter intelligere». Это дѣятельность мысли, которую въ концѣ концовъ Виргилій поставилъ выше всего, есть наслажденіе само-по-себѣ, и столь сильное, что Аристотель назвалъ его божественнымъ блаженствомъ; и это наслажденіе, даваемое намъ наукой, должно дать и великое искусство: «понять» и проникнуть взоромъ или,

по меньшей мѣрѣ, опредѣлить имъ глубину «непроницаемаго» и «непознаваемаго», — таково высочайшее удовольствіе, какое мы можемъ найти въ поэзіи; и это же удовольствіе является то научнымъ, то философскимъ. Съ одной стороны, какъ мы узнали, взглядъ на цѣлое науки даетъ такую широту, которая можетъ возбуждать воображеніе; съ другой стороны, въ самой цѣпи великихъ загадокъ о человѣкѣ и мірѣ, которыя насъ заставляетъ передумать философія, существуетъ неопредѣлимая и вѣчная привлекательность, какъ въ длинныхъ аллеяхъ сфинксовъ египетскихъ храмовъ, теряющихся въ далекомъ пространствѣ окружающей пустыни. Даже для тѣхъ, кто оставляетъ нерѣшенными эти загадки, они еще сохраняютъ тоскливое очарованіе, такъ какъ умъ, дѣлающійся съ каждымъ днемъ все болѣе живой и необходимой частью человѣка, требуетъ не столько полнаго удовлетворенія, сколько постояннаго возбужденія; наслажденіе «пониманіемъ» состоитъ въ наслажденіи «мышленіемъ», а это наслажденіе остается и тамъ, гдѣ кончаются границы знанія и гдѣ мысль сознаетъ безконечность и неопредѣлимость.

XX.

Моральная и соціальная роль искусства.

Часто спрашиваютъ: нравственны или безнравственны литература и искусство? Вопросъ этотъ могъ бы быть изслѣдованъ съ новой точки зрѣнія: слѣдовало бы узнать, насколько и въ какой постепенности хорошо расширять то качество, которое составляетъ основу литературы и искусства, а именно общительность. Есть, въ самомъ дѣлѣ, извѣстная антиномія между черезчуръ быстрымъ расширеніемъ общительности и сохраненіемъ въ чистотѣ всѣхъ соціальныхъ инстинктовъ. Прежде всего, чѣмъ многочисленнѣе общество, тѣмъ меньше оно можетъ быть *избраннымъ*. Но это не все: параллельно съ возростаніемъ общительности, возростаетъ дѣятельность; но чѣмъ больше человѣкъ дѣйствуетъ и видитъ дѣйствій, тѣмъ для него больше открывается различныхъ путей дѣйствія, которые далеко не всегда оказываются «прямыми» путями. Вотъ почему, расширяя мало-по-малу и безпрестанно свои отношенія, искусство дошло до того, что представило намъ общество съ такими героями, какъ у Золя. Кромѣ того, искусство все больше и больше выводитъ на сцену страсть, и тутъ оно встрѣчаетъ нѣсколько подводныхъ камней. Произведеніе искусства есть центръ тяготѣнія, совершенно такъ же, какъ дѣятельная воля высшаго генія. Если Наполеонъ увлекаетъ воли, то не меньше

увлекаютъ ихъ и Корнелль, и Викторъ Гюго, но только другимъ способомъ. Все зависитъ отъ направленія, которое сообщается тѣмъ и другимъ. Однимъ словомъ, произведеніе литературы есть «внушеніе», вліяніе котораго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно скрыто подъ формой простого *зрѣлища*. Но внушеніе можетъ быть и на дурное, и на хорошее. Кто знаетъ, сколько преступленій было вызвано, да и теперь вызывается романами, описывающими убійства? Законъ *подражанія*,—одинъ изъ основныхъ законовъ общества, а также и искусства,—даетъ силу искусству и на зло, и на добро. Даже когда дѣло идетъ о благородныхъ и великодушныхъ страстяхъ, искусство еще представляетъ опасность: оно дѣлаетъ эти страсти вполнѣ симпатичными, въ то же время даетъ имъ содержаніе, чуждое дѣйствительности, но которымъ они вынуждены *довольствоваться*. Какъ легко быть храбрымъ, героичнымъ, самоотверженнымъ *въ чтеніи произведенія*, описывающаго храбрость, героизмъ и самопожертвованіе! Но когда приходится осуществить въ дѣйствительности прекрасныя качества, которыя вызывали восхищеніе, то весьма возможно, что работа способностей чисто *представляющихъ* ослабила, размягчила работу *дѣятельныхъ* способностей, и все это кончается только чисто-платонической любовью къ моральнымъ и соціальнымъ добродѣтелямъ. Во всякомъ случаѣ, это размягчающее дѣйствіе искусства часто замѣчалось у народовъ, черезчуръ упражнявшихъ свои способности къ созерцанію и воображенію, при чемъ не рѣдко терялись ихъ способности къ дѣятельности. Наконецъ, искусство, стремясь къ произведенію *интенсивности* эмоцій, особенно искусство реалистическое, старается вызывать тѣ страсти, которыя въ массѣ общества способны къ значительной интенсивности у наибольшаго числа людей. Но всѣ такія страсти—элементарны, примитивны, инстинктивны. Въ результатѣ и получается, какъ замѣтили соціологи,—наклонность искусства, особенно реалистическаго, удерживать человѣка подъ властью «атавистическихъ свойствъ», болѣе или менѣе грубыхъ, напр., ненависти, мести, гнѣва, ревности, зависти, чувственности и т. п. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, искусство является средствомъ, ускоряющимъ ходъ цивилизаціи, то съ другой—оно же является орудіемъ замедленія ея прогресса, поддерживая въ обществѣ извѣстное варварство.

Но, въ концѣ-концовъ все зависитъ отъ типа общества, сочувствовать которому заставляетъ насъ художникъ по своему выбору: никоимъ образомъ не безразлично, будетъ ли это общество прошедшее, настоящее или будущее, а въ этихъ различныхъ обществахъ будетъ ли выставлена преимущественно та или другая группа.

Въ нѣкоторыхъ литературахъ считается даже особой «объективностью» заставлять насъ сочувствовать *антиобщественнымъ*, разшатаннымъ личностямъ, невропатамъ, сумасшедшимъ, преступникамъ. Вотъ здѣсь то избытокъ общительности искусства приводитъ даже къ ослабленію соціальныхъ и моральныхъ устоевъ. Искусство должно брать себѣ общество съ разборомъ въ интересахъ какъ эстетическихъ, такъ и этическихъ. Мы этимъ не хотимъ сказать, что художникъ долженъ ставить себѣ моральные *тезисы* и поддерживать ихъ или даже хотя бы достигать моральныхъ *цѣлей* при *помощи* искусства; мы далеки отъ осужденія «всякаго употребленія поэтическаго таланта, которое не имѣетъ цѣли, внѣшней для него». Но самыя возвышенныя идеи духа, служащія, по нашему мнѣнію, темами великой поэзіи и великаго искусства, представляются намъ внутренней сущностью самой поэзіи, и даже больше, существенными элементами самой души поэта и художника. А о томъ, что составляетъ внѣшнюю цѣль—морализаторскую или утилитарную—которую можетъ составить себѣ художникъ, мы охотно скажемъ вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ: въ произведеніи искусства *намѣреніе*—ничто. Моральность поэта должна быть такъ же непроизвольна, какъ и его геній, она должна сливаться съ самымъ его геніемъ. Тѣмъ не менѣе, справедливо, что *основаніе* искусства не безразлично и что неморальное искусство оказывается крайне низменнымъ даже съ эстетической точки зрѣнія.

Въ заключеніе мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: искусство есть по преимуществу явленіе общительности, такъ какъ оно основано всецѣло на законѣ симпатіи и передачи эмоцій; извѣстно также, что оно имѣетъ въ самомъ себѣ общественное значеніе: въ самомъ дѣлѣ, въ томъ реальномъ обществѣ, на которое распространяется его вліяніе, оно всегда вызываетъ побужденіе или идти впередъ (развиваться), или пятиться назадъ, соотвѣтственно тому, заставляетъ ли оно его симпатизировать лучшему или худшему обществу, изображаемыхъ идеально. Въ этомъ для соціологіи состоитъ моральность искусства, моральность внутренняя, неразрывная съ нимъ, являющаяся не результатомъ разсчета, а создающаяся помимо всякаго разсчета или сознательно-отыскиваемыхъ цѣлей. Истинная художественная красота оказываетъ моральное дѣйствіе сама собою и представляетъ выраженіе истинной общительности. Въ томъ, кто написалъ произведеніе въ духѣ *истинной* общительности,—выраженіемъ которой служитъ это произведеніе,—можно признать (конечно, въ среднемъ числѣ) умственное и моральное здоровье. И, хотя искусство и мораль не одно и то же,

однако для художественнаго произведенія служитъ превосходной рекомендаціей, если, по прочтеніи его, люди не чувствуютъ себя страдающими или униженными сильнѣе, а, наоборотъ, чувствуютъ себя лучшими, чувствуютъ себя выше, чѣмъ обыкновенно,—больше расположенными не сосредоточиваться только на собственныхъ страданіяхъ, а чувствовать всю тщетность этого для себя. Наконецъ, высочайшее произведеніе искусства служитъ не для того, чтобы возбуждать въ насъ только самыя острыя и наиболѣе интенсивныя ощущенія, а для того, чтобы вызывать самыя высокія и общественныя чувствованія. «Эстетика есть лишь высшая справедливость», сказалъ Флоберъ. На самомъ же дѣлѣ эстетика, это—только усиліе создать жизнь, какую бы то ни было жизнь, лишь бы она могла возбуждать симпатію читателя. И эта жизнь можетъ быть только могучимъ воспроизведеніемъ нашей собственной жизни, со всѣми ея несправедливостями, бѣдствіями, страданіями, безуміями и даже позоромъ. Отсюда нѣкоторая моральная и соціальная опасность искусства, которой нельзя не признать. Все, что симпатично, то до извѣстной степени заразительно, такъ какъ самая симпатія есть утонченная форма заразительности: такимъ образомъ, моральное ничтожество можетъ сообщиться цѣлому обществу посредствомъ его литературы. Въ эстетической области, натуры расшатанныя или морально-больныя—опасные друзья, вслѣдствіе силы той симпатіи, которую возбуждаютъ въ насъ крики страданій. Во всякомъ случаѣ, литература расшатанныхъ натуръ не должна быть для насъ предметомъ предпочтенія: эпоха, наполняющая себя этимъ, какъ наша, можетъ, благодаря такому предпочтенію, преувеличивать свои недостатки. А между самыми важными недостатками нашей современной литературы слѣдуетъ признать тотъ, что она населила преимущественно извѣстную часть ада, въ которой, по Данте, находятся лица, въ теченіе жизни своей «плакавшія тогда, когда они могли радоваться».

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III.

Зима прошла. Съ улицъ убрали толстый слой обледенѣвшаго сора и грязи и увезли за городъ. На петербургскихъ мостовыхъ быстро сдѣлали весну и стали ѣздить на дрожкахъ. Стоялъ апрѣль, Пасха была ранняя и лекціи уже прекратились. Но въ лабораторіи занятія еще продолжались и Глѣбъ, къ удивленію своему, замѣчалъ, что его уже не такъ тянетъ туда, какъ тянуло раньше.

Выйдетъ онъ изъ дому съ намѣреніемъ отправиться въ лабораторію, перейдетъ Николаевскій мостъ, потомъ по набережной вмѣсто того, чтобы идти направо, возьметъ налѣво и незамѣтно дойдетъ до самого взморья. Въ весеннемъ воздухѣ, хотя отъ него въ достаточной степени вѣяло холодкомъ, для него было что-то опьяняющее. Онъ отрезвлялся только тогда, когда его взглядъ случайно обращался къ рѣкѣ, которая стояла еще скованная рыхлымъ льдомъ. Пѣшеходы уже не рѣшались ходить по этому льду. И мостки были разобраны, только темныя полосы пересѣкали рѣку и были пустынны, а еловыя вѣхи, зимой такъ оживлявшія видъ, теперь придавали имъ унынie.

Но Глѣба доканало письмо, которое онъ получилъ какъ-то разъ, когда собирался выйти изъ дому. Варя описывала южную весну. Сколько тамъ солнца, какъ свѣжа молодая зелень, какъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

радостно поютъ птицы! И въ центрѣ всей этой прекрасной ликующей весны ему представлялась Варя, образъ которой ему казался ярче солнца. И у него явилось ясное опредѣленное желаніе быть какъ можно скорѣе съ нею, упасть къ ея ногамъ и цѣловать землю, на которой стояли эти ноги. Какъ сердце билось у него, какъ неимовѣрно быстро кровь протекала по жиламъ! И вотъ у него уже и рѣшеніе готово. Въ лабораторіи черезъ недѣлю прекращаются занятія. Что можно сдѣлать за недѣлю? Тѣмъ болѣе, что онъ сдѣлалъ уже много, гораздо больше, чѣмъ другіе. Онъ опередилъ даже Чаудона, который дѣйствительно работалъ серьезно.

Вмѣсто того, чтобы идти въ университетъ, онъ отправился въ Александро-Невскую лавру, къ Лозовскому, и такъ ему хотѣлось поскорѣе высказать кому-нибудь свое рѣшеніе, что онъ не могъ идти пѣшкомъ, даже ѣзда на конкѣ казалась ему слишкомъ медленной. Онъ раззорился на извозчика и каждую минуту умолялъ его ѣхать скорѣе.

— А, химикъ! — весело встрѣтилъ его Лозовскій, — что это у тебя за блескъ такой въ глазахъ! Клянусь честью, ты получилъ письмо отъ Вари Лауданової и въ немъ она зоветъ тебя на югъ!

— Не зоветъ, а только пишетъ о томъ, какъ тамъ хорошо!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Значитъ, ѣдешь?

— Хочу завтра.

— А-а, значитъ невтерпежъ! Эхъ, вы, народы! Вы всецѣло зависите отъ погоды. Скажутъ вамъ: тамъ хорошо. Васъ сейчасъ туда и тянетъ, а если въ другомъ мѣстѣ еще лучше, васъ и туда потянетъ.

— А ты, ты развѣ не ищешь, гдѣ лучше?

— О, я наоборотъ, я стремлюсь туда, гдѣ похолоднѣе. Я къ самому Шпицбергену.

— Ну?

— Ну, не совсѣмъ, разумѣется. Видишь ли, я подыскалъ себѣ товарища и мы вдвоемъ ѣдемъ на Соловки. Много жду интереснаго отъ этой поѣздки. Тамъ, братъ, такія условія, что люди не могутъ быть обыкновенными. Въ нихъ непремѣнно что-нибудь должно быть не такое, какъ у насъ, какъ v всѣхъ. Однако, если тебѣ нужны деньги, я могу съ тобой

ься, даже все отдать. Вѣдь мы получаемъ казенное

Нашу поѣздку одобряютъ и вообще мнѣ покровиютъ.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Глѣбъ,—деньги у меня есть теперь. На поѣздку туда хватитъ. Но вотъ оттуда, если тамъ не заработаю или дядя не дастъ—вѣдь онъ навѣрно еще долженъ намъ—тогда буду просить тебя выслать.

— Да бери теперь.

— Нѣтъ, не хочу. Только будь готовъ.

— Эхъ ты! Ну, ладно, буду готовъ. Пятнадцатаго августа я вернусь, тогда и пиши.

— А порученій никакихъ не будетъ?

— Порученій? Нѣтъ, никакихъ! Наставленіе могу дать, если хочешь.

— Это любопытно,—сказалъ Глѣбъ.

— Изволь: дѣлай, что хочешь, какія хочешь глупости, только не женись. Потому что изъ всякой глупости можно выпутаться, кромѣ этой. Ну, вотъ и все. Только смотри, во-время вспомни мое наставленіе.

— Что это ты впадаешь въ пророческій тонъ?

— Да, и въ пророческій. Я вѣдь предвижу кое-какія комбинаціи...

— Ну, все, что хочешь, только это не можетъ случиться!—очень твердо возразилъ Глѣбъ.

— Ладно. Ты только помни наставленіе, да, пожалуй, кланяйся отцу Серафиму и скажи, что я уже архимандритомъ пріѣду къ нему и пусть онъ, когда будетъ писать духовное завѣщаніе, свою библіотеку откажетъ нашей академіи. У него тамъ есть такія сокровища, какихъ у насъ нѣтъ и достать нельзя. Я пробовалъ. А если увидишь Стрѣтенскаго, скажи ему отъ меня, что онъ тупое животное. Ну, вотъ, больше никакихъ порученій не будетъ. А тебѣ еще скажу вотъ что: часто я думаю о томъ разговорѣ, что былъ у насъ съ тобой, въ семинарскомъ саду, помнишь, когда я хотѣлъ застрѣлиться?.. И вотъ, я думаю, что ты единственное существо, къ которому я питаю благодарность. Вѣдь ты дѣйствительно спасъ мнѣ жизнь. И какъ просто. Всего только однимъ правдивымъ словомъ. И это я тебѣ никогда не забуду и... Послушай-ка: когда я буду архіереемъ, пріѣзжай въ мою епархію, я тебѣ дамъ мѣсто перваго каѳедральнаго протоіерея...

Глѣбъ разсмѣялся. Лозовскій умѣлъ самые чистые свои порывы сводить въ концѣ концовъ на шутку.

На другой день Глѣбъ утро посвятилъ хлопотамъ для полученія отпуска, а вечеромъ сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ

*

на югъ. Каждая сотня верстъ приносила ему ощущеніе чувствительной разницы между пройденнымъ пространствомъ и лежащимъ впереди. Онъ тонко ощущалъ, какъ лучи солнца яснѣютъ и лазурное небо становится прозрачнѣй. Но эти три ночи, проведенныя въ вагонѣ, показались ему нестерпимо долгими. Онъ почти не спалъ. Нервы его были возбуждены. Неудобства дороги теперь чувствовались гораздо явственнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ ѣхалъ на сѣверъ. Это показывало, что организмъ его нѣсколько пострадалъ отъ жизни въ шестомъ этажѣ съ недостаточнымъ воздухомъ, отъ неправильнаго питанія и усиленныхъ занятій. Но за то онъ мечталъ о томъ, какъ за лѣто наберется новыхъ силъ. Сколько чудныхъ дней проведутъ они въ саду у отца Серафима! Теперь тамъ цвѣтутъ яблони, а вишни уже отцвѣли и начали наливаться и краснѣть ягоды.

У него выработался планъ дѣйствій. Онъ проведетъ три дня у отца Лаврентія. Варѣ онъ нарочно не написалъ о днѣ своего пріѣзда, это былъ своего рода разсчетъ. Какъ ни хотѣлось ему поскорѣе увидѣть ее, но онъ зналъ, что будетъ еще тяжелѣе встрѣтиться и сейчасъ же разойтись. Между тѣмъ это было совершенно необходимо, чтобы онъ пожилъ у родственниковъ, по крайней мѣрѣ, хоть дня три.

И вотъ кончилось скучное путешествіе въ вагонахъ третьяго класса. Онъ сѣлъ на пароходъ и почувствовалъ себя уже какъ бы въ родномъ городѣ. Этотъ пароходъ былъ знакомъ ему съ дѣтства. Правда, онъ на немъ не ѣздилъ, но сколько разъ отъ скуки ходилъ онъ на пристань еще мальчикомъ и толкался тамъ среди пестрой толпы. Случалось ему попадать и на самый пароходъ, когда онъ останавливался на сутки и бѣлый паръ переставалъ вылетать изъ маленькой трубы, приставленной къ большой и прикрѣпленной къ ней. Тогда онъ съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ каждую вещицу, заглядывалъ въ каюту, въ трюмъ, и въ машину. И на пароходъ онъ всегда смотрѣлъ, какъ на нѣчто свое, родное.

Отъ днѣпровскихъ береговъ повѣяло на него воспоминаніями дѣтства. Онъ и родился и выросъ надъ озеромъ, въ которомъ была все та же днѣпровская вода. Здѣсь, въ этомъ краю, вся вода днѣпровская. И эти вербы, и эти камыши, и плоты, постоянно встрѣчающіеся по дорогѣ, и одинокія хаты рыбалокъ, и маленькіе каюки и миніатюрныя душегубки, все казалось ему роднымъ и близкимъ. А главное — солнце,

солнце! Оно уже палитъ по лѣтнему, но ему это пріятно, онъ подставляетъ подъ его горячіе лучи голову, снявъ свою фуражку. И вѣдь это совсѣмъ не то солнце, которое онъ изрѣдка видѣлъ на петербургскомъ небѣ. Выплывало оно гдѣ-то на горизонтѣ и красные лучи его съ усиліемъ пробивались сквозь густой туманъ. И не грѣло оно и свѣтило скудно. А это такъ и сыплетъ золотомъ и тепломъ.

Еще нѣсколько часовъ—вотъ и родной городъ. На пристани ни души своихъ, но все знакомыя лица. Эти лица въ теченіе многихъ лѣтъ попадались ему на улицѣ, въ церкви, всюду, гдѣ только приходилось ему быть. Онъ узнаетъ вотъ этого бородатаго человѣка, отбирающаго билеты у выходящихъ пассажировъ. Какъ? Онъ и теперь дѣлаетъ то же самое? онъ всегда, сколько помнитъ себя Глѣбъ, былъ агентомъ пароходнаго общества и всегда отбиралъ билеты у пассажировъ. Это было въ порядкѣ вещей. И вонъ тотъ, хромой на одну ногу, чиновникъ,—онъ управляетъ домами извѣстнаго богача, который самъ живетъ въ Кіевѣ,—онъ спѣшитъ на пароходъ справиться, нѣтъ-ли писемъ отъ его патрона. Это онъ всю свою жизнь дѣлалъ каждый день и теперь дѣлаетъ тоже самое.

Но Глѣбу кажется страннымъ, что здѣсь все, рѣшительно все идетъ по старому. Все осталось такимъ, какъ было и дѣлается все такъ, какъ дѣлалось прежде. Между тѣмъ какъ въ его жизни, въ его личности, въ его душевномъ содержаніи произошли такія перемѣны; и ему кажется, что и весь міръ долженъ бы перемѣниться.

Да, а онъ измѣнился. Никогда это не было ему такъ ясно, какъ теперь. Прежде этотъ городъ казался ему большимъ, а постоянная привычная возня этихъ людей значительной и важной. Теперь городъ показался ему деревенькой, а эти люди ему смѣшны съ своими маленькими заботами, которымъ они отдаются съ такимъ рвеніемъ. А между тѣмъ и городъ, и люди, и ихъ дѣла остались прежними, а только онъ измѣнился.

Прямо съ парохода онъ отправился къ дядѣ. Его появленіе въ студенческомъ мундирѣ, который, хотя и былъ далеко не новъ, потому что Глѣбъ таскалъ его всю зиму всюду, тѣмъ не менѣе, въ первыя минуты произвело извѣстный эффектъ.

Дядя обнялъ его, тетка объявила, что онъ возмужалъ, похорошѣлъ. Груня смотрѣла на него чрезвычайно внимательными глазами.

Даже въ матери онъ нашелъ по отношенію къ себѣ большую перемѣну. Она была больна, дѣйствительно больна. Горе сильно пошатнуло ея здоровье и она чувствовала слабость, мѣшавшую ей ходить,—она постоянно сидѣла въ креслѣ. И когда онъ явился къ ней, она обняла его, горячо прижала къ сердцу и сказала:

— Ну, слава тебѣ, Господи, что я тебя вижу, Глѣбъ, и что ты здоровъ. Слава тебѣ, Господи!

И она съ чувствомъ и набожно крестилась.

Да, Глѣбъ нашелъ въ домѣ родственниковъ большую перемѣну. Дѣло въ томъ, что тогда, прошлымъ лѣтомъ и весь предыдущій годъ, онъ въ ихъ глазахъ представлялъ изъ себя что-то неопредѣленное. Онъ былъ учителемъ и въ тоже время смотрѣлъ на это, какъ на временное занятіе и стремился къ чему-то другому. А это другое всѣмъ имъ представлялось неяснымъ и далекимъ. Почемъ знать, что еще тамъ будетъ? Быть можетъ, все это чистая фантазія. Теперь онъ явился къ нимъ студентомъ петербургскаго университета. Онъ носилъ мундиръ, онъ уже въ теченіе цѣлаго года проходилъ университетскій курсъ, онъ уже однимъ словомъ приступилъ къ чему-то опредѣленному, къ тому другому, къ чему онъ стремился, и всѣ видѣли, что это было нѣчто реальное.

Однимъ словомъ, Глѣбъ, на основаніи прежняго недавняго опыта, никакъ не ожидалъ, что встрѣтитъ въ родственномъ домѣ столько благосклонности. Ему даже показалось, что имъ немного гордятся. Когда приходили знакомые, то на него указывали и говорили:—„а вотъ Глѣбъ, нашъ студентъ, онъ изъ Петербурга пріѣхалъ“.

Въ дальней провинціи слово „Петербургъ“ заключаетъ въ себѣ что-то магическое,—тамъ все не такъ, тамъ все лучше, совершеннѣе. Тамъ и люди умнѣе, и дѣла важнѣе.

Но Глѣба все это не особенно тѣшило. Это уваженіе къ его затасканному мундиру не могло продолжаться долго. Онъ зналъ, что скоро наступитъ разочарованіе, привыкнутъ къ мундиру. Вѣдь ко всему привыкаютъ. Онъ смотрѣлъ на свое пребываніе у родственниковъ, какъ на долгъ чести и желалъ, чтобы какъ можно скорѣе прошли эти три дня, которые онъ себѣ назначилъ. Его тянуло въ Кочедаровку. Варя вѣдь ждетъ его, хотя не знаетъ, когда именно онъ выѣдетъ изъ Петербурга.

Какъ-то на улицѣ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Стрѣтенскимъ. Онъ былъ худъ и серьезенъ. Прежде всего онъ

посвятилъ все свое вниманіе мундиру Глѣба и оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Изъ Петербурга?—спросилъ онъ.

— Прямо.

— Счастливчикъ!

— Ну, а ты?—спросилъ Глѣбъ.—Твои дѣла какъ?

— Какъ разъ теперь держу экзаменъ. Цѣлый годъ никуда не выходилъ,—зубрилъ, зубрилъ и зубрилъ. Но за то теперь ужь не къ чему придраться. Уже три экзамена выдержалъ, всѣ съ блескомъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ Глѣбъ.

— Хотѣлось бы поговорить съ тобой! Мнѣ тоже отецъ позволяетъ ѣхать въ петербургскій университетъ. Ты разскажешь мнѣ кое-что? Только потомъ, потому, что теперь я весь поглощенъ экзаменами, дорожу каждой минутой.

— Ты что же, велосипедъ бросилъ?—спросилъ Глѣбъ.

— О, цѣлый годъ не прикасался къ нему. Даже, кажется, разучился ѣздить. А ты долго пробудешь здѣсь?

— Завтра уѣду, но недѣли черезъ двѣ опять пріѣду на нѣсколько дней.

— Вотъ и ладно, тогда и поговоримъ.

На другой день Глѣбъ объяснилъ дядѣ, что ѣдетъ въ Кочедаровку. Дядя, видимо, не ожидалъ этого и опѣшилъ.

— Какъ, всего три дня? Это, братецъ ты мой, нехорошо. Ты обидѣть меня хочешь... Право...

— Я пріѣду, дядя.

— Гм... пріѣдешь... А ты бы посидѣлъ, не торопился бы. Вотъ тогда мы и знали бы, что ты къ намъ по родственному. Да... И что тебя туда тянетъ? Отъ родственниковъ да къ чужимъ. Въ порядкѣ ли это вещей?

— Видите ли, дядя, я у нихъ не чувствую себя чужимъ, я у нихъ, какъ родной.

— Гм! Развѣ съ Варенькой что-нибудь, а?

— Съ Варварой Серафимовной мы въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Въ дружескихъ? Чудеса! Какая можетъ быть дружба между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвицей? А я такъ думаю, что тутъ не дружба, а кое-что другое... Ну, что жъ, Богъ съ тобой, поѣзжай. Коли тебѣ тамъ пріятнѣе, поѣзжай. Только это жаль, что ты такъ къ родственникамъ не благосклоненъ.

„Всѣ одинаково думаютъ,—размышлялъ Глѣбъ,—и досад-

нѣе всего, что и Лозовскій попалъ въ эту компанію, не смотря на всю свою оригинальность".

На другой день Глѣбъ поѣхалъ въ Кочедаровку. Ему пришлось проѣзжать черезъ приходъ его отца. Странное ощущеніе переживалъ онъ. Сладкія воспоминанія далекаго дѣтства смѣшивались съ ощущеніемъ какой-то потери и виноватости. Вотъ ихъ домъ. Все и тутъ осталось по старому. Только ворота выкрасили въ красный цвѣтъ и — какъ это некрасиво! Тѣ же аисты съ своими огромными круглыми гнѣздами. Здѣсь въ этомъ домѣ онъ родился и выросъ. По этой землѣ, по этимъ маленькимъ тропинкамъ, идущимъ въ разныхъ направленіяхъ, бѣгали его дѣтскія босыя ноги. Здѣсь знакомы ему каждое деревцо, каждый уголокъ. А вотъ и озеро...

— Дозвольте, баринъ, попоить лошадей! — обратился къ нему кучеръ.

И онъ обрадовался этому, ему такъ хотѣлось постоять надъ этимъ озеромъ, послушать, какъ шумитъ камышъ. О, сколько прелести въ воспоминаніяхъ дѣтства! Какъ они прозрачны и блестятъ мягкими теплыми лучами весенняго солнца!

— Только не сюда,—сказалъ онъ возницѣ,—возьми лѣвѣе, тамъ удобнѣе. Тамъ низьменный ровный берегъ, а здѣсь круча.

— А баринъ знаетъ?

— Знаю, я здѣсь жилъ.

Вотъ они на берегу; широкое озеро разлилось въ обширной ложбинѣ,—все такое же, также мутновата его вода; по самому берегу далеко вдоль села одна за другой стоятъ неуклюжія лодки.

А вотъ мостки, это — что-то новое. И къ нимъ привязана красивая плоскодонная лодочка. Это, должно быть, новый священникъ завелъ, больше некому. Помѣщики здѣсь не живутъ, да и самая усадьба гораздо дальше.

Онъ сошелъ на берегъ, а возница спросилъ:

— Можно въ воду проѣхать?

— Можешь, тутъ мелко и песокъ! — отвѣтилъ Глѣбъ.

Возница пустилъ лошадей прямо въ озеро, за ними потянулся экипажъ, колеса его погрузились въ воду. Лошади съ наслажденіемъ вздрагивали отъ прохладной воды и тихо тянули влагу своими добродушными мордами. Кучеръ посвистывалъ, желая поощрить ихъ.

„Но любопытно, кто сюда назначенъ на мѣсто отца?“ думалъ Глѣбъ, и это любопытство было особенное; онъ могъ проѣхать сотню селъ и не задать себѣ этого вопроса. Но эти мѣста были ему близки и ему хотѣлось знать, кто на нихъ теперь сидитъ.

Экипажъ уже опять на берегу; Глѣбъ сѣлъ и они выѣхали на дорогу. Изъ воротъ священническаго дома вышла некрупная фигура въ темной длинной одеждѣ и, увидѣвъ коляску, стала внимательно присматриваться. Глѣбъ тоже повернулъ туда лицо: что-то знакомое. Очень молодое лицо и волосы на головѣ еще недостаточно подросли. Вѣдь это, должно быть, кто-нибудь изъ молодыхъ. Можетъ быть, изъ его курса.

— Постой,— сказалъ онъ ямщику. Какое-то непобѣдимое любопытство заставляло его узнать, кто это.

А фигура въ темномъ подходила къ нимъ. Да неужели же...

— Боже, да вѣдь это ты, Чеботенко!

— Да я же, я. А ужъ что это ты, Щедротовъ, такъ это чудо!

Глѣбъ соскочилъ на землю и они расцѣловались.

— Значитъ, ты теперь—отецъ Василій?

— Не иначе!—отвѣтилъ Чеботенко.

— И ты сидишь на мѣстѣ моего отца!

— А въ самомъ дѣлѣ, это такъ и есть. Вотъ такъ совпаденіе! Ну, спасибо твоему отцу, онъ оставилъ мнѣ такой хорошій домъ, съ такими пристройками, и садикъ есть и все. Я его часто добрымъ словомъ поминаю. Куда-же это ты? Заѣзжай ко мнѣ, закусишь, квасу попьешь. Моя жена дѣлаетъ чудный квасъ, прямо шампанское. Ты самъ это увидишь.

Глѣбъ не отказывался. Они шли къ дому, а экипажъ плелся за ними.

Чеботенко былъ въ семинаріи незамѣтной личностью, учился онъ исправно, велъ себя хорошо. Характеръ у него былъ общительный, мягкій, онъ былъ то, что называется — добрый малый, хорошій товарищъ и Глѣбъ питалъ къ нему всегда добрыя чувства; но Чеботенко никогда ничѣмъ не интересовался. Человѣкъ онъ былъ мало развитой, вполнѣ довольствовавшійся семинарской мудростью, а идеалъ его былъ приходъ. Ничего, кромѣ этого, отъ жизни онъ не желалъ.

Когда Глѣбъ вошелъ въ домъ, то остановился на порогѣ, пораженный. Здѣсь все оставалось неизмѣннымъ. Чеботенко

купилъ у его матери всю обстановку и прибавилъ своихъ двѣ-три вещицы. Даже кабинетъ отца, какъ прежде, былъ увѣшанъ иконами и картинами религіознаго содержанія.

И онъ почувствовалъ себя такъ, будто только вчера покинулъ этотъ домъ. Явилась матушка, совсѣмъ молоденькая епархіалка, съ лицомъ пріятнымъ и привѣтливымъ, довольно плотная и обѣщавшая скоро значительно потолстѣть.

— Такъ это все ваше?—говорила она и конфузилась, какъ будто чувствовала себя виноватой въ томъ, что пользуется его добромъ.

Дальше оказалось, что она хорошо знаетъ Варю. Она была на одинъ курсъ моложе Вари.

— Она у насъ считалась умницей,—говорила матушка.—Все книги читала. Бывало, изъ подъ фартука книгу вытащитъ и вопьется въ нее, а какъ надзирательница появится, сейчасъ опять ее подъ фартукъ. А вы къ нимъ гостить?

— Да, недѣли на двѣ.

Пошли разспросы про Петербургъ, про студенческую жизнь. Глѣбъ охотно разсказывалъ, матушка и отецъ Василій слушали его внимательно.

— Да, все это заманчиво,—говорилъ отецъ Василій.—Да только если бы всѣ туда потащились, то кто бы здѣсь остался? А дѣла и здѣсь не мало.

— Какое же у тебя дѣло?—спросилъ Глѣбъ, желая познакомиться съ его взглядами на его призваніе.—Развѣ такъ приходъ обременяетъ? Я не замѣчалъ, чтобы отецъ такъ былъ занятъ.

— Нѣтъ, не то... А нельзя смотрѣть спокойно на этотъ народъ. Ужъ, кажется, я не очень-то ученъ, даже книжки посторонней не любилъ читать, знаешь вѣдь, а какъ посмотрю на нихъ, то кажусь себѣ какимъ-то великимъ ученымъ. Ужъ такая темень, такая темень!

Глѣбъ началъ внимательно прислушиваться, отецъ Василій продолжалъ:

— И когда живешь тутъ, такъ нельзя спокойно спать. Тому надо дать совѣтъ, другому и дѣломъ помочь... Иначе нельзя. А они идутъ, какъ мотыльки на свѣтъ, всякій съ своей нуждой... Когда въ семинаріи былъ, думалъ я, что сокровища соберу на хорошемъ приходѣ, а тутъ, вижу, не до сокровищъ... И приходъ хорошъ, а все же не много остается. Половину, чего заработаю, приходится отдавать обратно. Бѣдныхъ много... очень много бѣдныхъ.

— Онъ у меня добрый!— сказала матушка,—онъ страсть какой добрый. Ничего не жалѣетъ, все отдаетъ.

„Такъ вотъ какимъ оказался Чеботенко!— думалъ Глѣбъ:— значитъ, и безъ особеннаго ума и безъ научныхъ знаній можно быть отзывчивымъ и полезнымъ".

Глѣбу очень пріятно было ихъ общество и онъ далъ себѣ слово поддержать это знакомство. У него мелькала мысль и о томъ, что хорошо было бы, если бы Варя сошлась съ ними. Въ нихъ она нашла бы родственныя души и ей было бы легче жить. Да,—думалъ онъ,—при покойномъ отцѣ деревня держалась отъ этого дома въ почтительномъ разстояніи, а тутъ онъ самъ видѣлъ, какъ приходили бабы и вызывали молоденькую матушку и о чемъ-то шептались съ нею. Былъ вызванъ и отецъ Василій, пришелъ мужичекъ съ жалобой по поводу какой-то болѣзни у его жены. Вышелъ и Глѣбъ и мужикъ узналъ его.

— Господи! да это же нашъ поповичъ, покойнаго отца Назара сынокъ!—воскликнулъ мужикъ.—Такъ это что же,—прибавилъ онъ, осматривая его мундиръ,—въ чиновники пошли?..

— Нѣтъ, не въ чиновники,—отвѣтилъ Глѣбъ,—учусь.

— А-а!

— Онъ студентъ!—пояснилъ отецъ Василій,—въ Петербургѣ учится, ученымъ человѣкомъ будетъ. Мой товарищъ, вмѣстѣ въ школѣ были. Только вотъ я больше учиться не захотѣлъ и въ попы пошелъ, а онъ дальше смотритъ...

— Такъ, такъ, наука, значитъ! такъ! Можетъ, и по лѣчебной части?

— Нѣтъ, не по лѣчебной.

— А по какой же?

Глѣбъ не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, такъ, просто наукой занимаюсь,—отвѣтилъ онъ.

— Гм... наука! Такъ она же должна къ чему-нибудь вести.

— Къ чему-нибудь и приведетъ,—сказалъ отецъ Василій.

— Да я къ тому, что ежели по лѣчебной части, такъ вотъ бы къ намъ, на старое свое мѣсто... У насъ этихъ болѣзней страсть сколько. Особенно у бабъ... Ну, и младенцы тоже болѣютъ и мрутъ... Вотъ батюшка нашъ, отецъ Василій, они хоть и добрые до насъ, а только въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ.

Глѣбъ выѣхалъ отъ нихъ, когда солнце уже склонялось къ западу. Онъ боялся, какъ бы не опоздать и не пріѣхать ночью.

Опять пошли знакомыя мѣста. Каждый поворотъ дороги, каждая тропинка между нивами что-нибудь напоминала ему. Повсюду виднѣлись зеленые всходы, а озими довольно уже высоко поднялись, давно выйдя изъ-подъ снѣга. Кругомъ, на разстояніи многихъ верстъ, ровный зеленый коверъ,—такъ весело глядѣть на это. А солнце такъ жарко грѣетъ, лучи его такъ мягки и привѣтливы. Сердце у него билось радостно, онъ былъ полонъ какого-то неяснаго отраднаго ожиданія.

Мелькали хутора. Вотъ большое село, въ которомъ они тогда отдыхали съ Лозовскимъ; водопой изъ колодца, при помощи высокаго тонкаго журавля. Какъ все это первобытно и въ сущности неудобно и какъ ото всего вѣетъ наивностью и чѣмъ-то младенческимъ и въ то же время чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ, милымъ!

Уже начинаетъ темнѣть, а возница все чаще и чаще пускаетъ лошадей шагомъ,—онѣ утомились, спины ихъ блестятъ отъ пота. А съ поля уже вѣетъ вечерней прохладой, солнце зашло. На западѣ замѣтно потемнѣли розовыя облака. Скоро ли?

Но вотъ впереди что-то знакомое... Церковь, гостиный рядъ, и этотъ веселый домъ съ обширнымъ дворомъ. Глѣбъ подгоняетъ возницу: скорѣй, скорѣй!

Вотъ и деревня, вотъ и знакомыя собаки. Но онѣ не узнали его. Но нѣтъ, кажется, узнали, вдругъ перестали ворчать и замахали хвостами.

Кто-то сидитъ на заваленкѣ. Ихъ двое. Ну, да, это самъ отецъ Серафимъ и рядомъ съ нимъ Варвара Серафимовна. Экипажъ остановился. Отецъ Серафимъ приложилъ ладонь къ лицу и присматривается. Глѣбъ соскочилъ на землю и на секунду остановился. Вдругъ Варя сорвалась съ мѣста и побѣжала къ нему; онъ протянулъ ей обѣ руки.

— Глѣбъ... Глѣбъ Назаровичъ... Милый! Вы пріѣхали!..

— Здравствуйте, Варя!—воскликнулъ онъ, самъ того не замѣчая, въ первый разъ въ жизни называя ее Варей, и они тоже, совсѣмъ не думая объ этомъ, поцѣловались, какъ старые друзья.

Поднялся и отецъ Серафимъ.

— Какъ? Такъ это студентъ? Богъ мой! Въ формѣ, и какой красивый! Къ лицу, къ лицу!

Онъ благословилъ его, а потомъ поцѣловалъ.

— Но какъ это прелестно, какъ это прелестно!—воскликала Варя, вся сіяя отъ радости, оживленная, съ разрумянившимися щеками, съ горящими отъ восторга глазами.

— Постойте же, Варя, постойте! дайте разглядѣть васъ! — говорилъ Глѣбъ, крѣпко стискивая ея обѣ руки, цѣлуя ихъ и разглядывая ея лицо.—Похорошѣла, но не стала старше! Похудѣла... Ахъ, это не хорошо! Но это идетъ къ вамъ...

— На долго?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— Пока не прогоните... Только къ родственникамъ надо будетъ изрѣдка навѣдываться. Я свободенъ, какъ птица, на цѣлые четыре мѣсяца.

— Пойдемте же въ домъ!—говорила Варя.—Вы голодны? устали? Ну, Глѣбъ, говорите же. У насъ сегодня вареники... Вы любите вареники? Прежде любили...

— Не знаю, люблю ли, потому что я ихъ ни разу не видалъ за всю зиму.

— О, и вы можете такъ сказать про все то, чего ни разу не видали всю зиму?..

— Про все, но не про всѣхъ, Варя... Значитъ, вы рады?

— Безконечно! развѣ вы не видите?..

Они пошли въ домъ, отецъ Серафимъ тихонько поплелся за ними, размышляя по поводу того, что онъ видѣлъ.

IV.

Въ томъ, что онъ видѣлъ, было много для него поучительнаго. Сколько мѣсяцевъ ужъ онъ добивался, чтобъ расшевелить Варю, вернуть ей ту живость, какая была свойственна ея характеру, и это ему не удавалось. Онъ посылалъ ее въ городъ, заставляя жить тамъ по недѣлямъ, устраивалъ ей поѣздки на заводъ, къ сосѣднимъ священникамъ, купилъ даже спеціально для нея тройку новыхъ лошадокъ, маленькихъ, красивыхъ, быстрыхъ. Но Варя замкнулась въ себѣ, была съ нимъ почтительна, заботлива, внимательна и только, а въ глазахъ ея онъ видѣлъ постоянную думу. Для него было ясно, что ей не достаетъ чего-то существеннаго. И вотъ теперь—какая радость, сколько живости, веселья, восторга! Какъ зардѣлись ея щеки, какая встрѣча и сколько искренности въ ея восклицаніяхъ, какъ они смотрятъ другъ другу въ глаза! Что это? Полно, не оказывается ли онъ наивнымъ, вѣря вмѣстѣ съ ними, что это простая дружба! Да, они нужны другъ другу. Онъ давно уже не видалъ въ ней такой искренней радости, да и потомъ онъ все лѣто могъ наблюдать, что Варя была не та; однимъ словомъ, въ эту минуту ихъ встрѣчи, ему показалось, что онъ нашелъ секретъ, для него уже въ этомъ не было тайны.

Когда онъ вошелъ въ домъ, тамъ уже были зажжены свѣчи. Варя зажгла все, что только было можно, и въ комнатѣ было яркое освѣщеніе. Горничная хлопотала около стола. Варя стояла у окна, спиной къ нему, а Глѣбъ ходилъ передъ нею и разсказы лились изъ его устъ. Онъ описывалъ свою квартиру, чухонку, Петербургъ, университетъ, лабораторію, все, что видѣлъ и зналъ, а Варя съ жадностью поглощала его разсказы.

— Вамъ отъ Лозовскаго поклонъ,—сказалъ Глѣбъ, обращаясь къ отцу Серафиму.—Онъ часто вспоминаетъ о васъ и также о вашей библіотекѣ и говоритъ, что такой нѣтъ и въ академіи; просилъ передать вамъ совѣтъ, чтобы вы пожертвовали ее въ академію.

Глѣбъ не рѣшился передать этотъ совѣтъ въ той формѣ, какъ сказалъ Лозовскій, и ничего не упомянулъ о завѣщаніи. Онъ прибавилъ:

— Онъ уже давно на казенномъ коштѣ, его цѣнятъ и покровительствуютъ ему. Теперь онъ собрался на сѣверъ, въ Соловецкій монастырь и пробудетъ тамъ все лѣто.

— Онъ замѣчательный юноша! — сказалъ отецъ Серафимъ, — изъ него выработается что-то необыкновенное. Это хорошо, что вы съ нимъ дружны, Глѣбъ Назаровичъ.

— А вы съ нимъ дружны, Глѣбъ?—спросила Варвара Серафимовна.

— Да, Варя, безусловно. У насъ съ нимъ искреннія отношенія; я цѣню его умъ и порядочность.

Отецъ Серафимъ въ это время наблюдалъ ихъ и думалъ о томъ, что они уже успѣли привыкнуть называть другъ друга— Варя и Глѣбъ.

Въ этотъ вечеръ долго не спали въ домѣ Лауданових. Отецъ Серафимъ крѣпился, но старческая усталость взяла свое и онъ, поблагословивъ ихъ, оставилъ и ушелъ въ кабинетъ.

— Совѣтую и вамъ разойтись по спальнямъ,—сказалъ онъ имъ.—Успѣете еще наговориться.

— О,—сказала Варя,—я бы и совсѣмъ не хотѣла спать. Впрочемъ, Глѣбу надо отдохнуть, онъ съ дороги.

— Но не сейчасъ. Я еще не чувствую усталости. Нѣтъ, нѣтъ, давайте болтать, разскажите мнѣ про вашу школу.

Отецъ Серафимъ ушелъ, а Варя начала разсказывать про школу.

Уже свѣтало, когда она протянула руку и сказала:

— Ну, у васъ маленькіе глаза, ступайте спать.

Глѣбъ согласился.

— Это слабость, —сказалъ онъ. —Не слѣдовало бы мнѣ чувствовать утомленіе! Но духъ бодръ, а плоть немощна, Варя.

— Я—духъ,—сказала Варя,—потому что я бодра, а вы плоть, потому что вы немощны. Нѣтъ, ступайте, ступайте спать, я этого требую.

Лѣто въ Кочедаровкѣ было прелестно. Варя непрестанно чувствовала себя такъ, какъ будто каждый день у нея былъ праздникъ. Можно было замѣтить, что это настроеніе вліяло даже на ея одежду. Она не франтила, но выбирала свѣтлые веселые цвѣта. Съ утра до вечера въ домѣ не смолкалъ говоръ. Когда они были вдвоемъ, то просто думали вслухъ, отъ того разговоръ ихъ былъ иногда безпорядоченъ. Они не стѣснялись другъ передъ другомъ ошибаться и дѣлать логическіе скачки, быстро перескакивали съ одного предмета на другой, высказывали подчасъ несообразности, пока не приходили къ чему-нибудь путному.

Глѣбъ, кажется, успѣлъ разсказать ей, какъ могъ, всѣ свои новыя познанія по естественнымъ наукамъ. Были привезены изъ города даже кое-какіе приборы и онъ возстановилъ передъ нею нѣкоторые наиболѣе доступные физическіе опыты. При этомъ, въ качествѣ посторонняго свидѣтеля, всегда присутствовалъ и отецъ Серафимъ и смотрѣлъ съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и недовѣрія.

Въ городъ Глѣбъ уѣзжалъ аккуратно черезъ каждыя двѣ недѣли и оставался тамъ по нѣсколько дней. Тотчасъ, какъ онъ пріѣзжалъ туда, его тянуло обратно. Онъ все больше и больше чувствовалъ, что безъ общества Вари ему жить трудно, и онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что долженъ наступить августъ, когда придется разстаться. Побывалъ онъ раза три и у отца Василія Чеботенко. Однажды, заѣхали къ нимъ и отецъ Серафимъ съ Варей, чтобы познакомиться. На Варю они произвели впечатлѣніе чего-то добраго, но тусклаго. Они ее не заинтересовали. „Можетъ быть, они и хорошіе люди,— говорила она,—и даже навѣрно это такъ, но я не знаю, что съ ними дѣлать“.

Казалось бы, отцу Серафиму надо было радоваться такой перемѣнѣ въ настроеніи Вари, но выходило, наоборотъ. Его часто можно было видѣть въ тяжеломъ раздумьи. Вообще, Глѣбъ нашелъ въ немъ большую перемѣну. Онъ постарѣлъ и опустился, какъ-то слишкомъ часто вздыхалъ и нерѣдко заводилъ разговоръ о смерти.

А тяжелыя думы отца Серафима были, конечно, не о

себѣ, а о Варѣ. Уже для него было ясно, что онъ узналъ новыя вещи. Варя безъ Глѣба жить не можетъ. На простомъ житейскомъ языкѣ это выражается такъ: она его любитъ безъ памяти, да и онъ ее тоже; только они еще слишкомъ молоды, въ нихъ много еще чего-то дѣтскаго и чистаго, отъ того они и ведутъ себя такимъ образомъ и называютъ это дружбой. Но онъ слишкомъ любилъ Варю, чтобы, узнавъ это, пройти мимо, не задавши себѣ тяжелой задачи. Вѣдь ясно, что задумчивость, блѣдность и худоба, все это происходило отъ того, что его не было съ нею. Всѣ эти разговоры про науку,—онъ имъ не придавалъ большого значенія. У Вари не глупенькая голова и, конечно, есть стремленіе учиться и знать. Но не было еще, кажется, примѣра, чтобы стремленіе къ наукѣ изсушало человѣка. Да, наконецъ, вѣдь онъ не слѣпъ и видитъ ясно, что̀ она была зимой и что̀ теперь.

И вотъ онъ думалъ о томъ: что же онъ можетъ сдѣлать? какъ долженъ поступить, чтобы не заставлять ее больше страдать? Теперь для него было ясно, что ея замкнутость въ продолженіе зимы, это—исхуданіе и блѣдность, объяснялись чувствомъ одиночества. Такъ что же? неужели онъ долженъ отпустить ее въ Петербургъ и остаться одинъ-одинешенекъ? тогда онъ будетъ день ото дня увядать, хирѣть и гаснуть, потому что около него не будетъ живой души, для которой нужны его бодрость, здоровье и жизнь. Тогда ему не для чего будетъ жить, не будетъ у него никакой радости. Не живымъ человѣкомъ онъ будетъ. И такъ, надо быть жестокимъ или къ ней, или къ себѣ. Не хотѣлъ онъ ни того, ни другого и задача эта была трудна для его старой головы и вотъ отчего онъ теперь такъ часто задумывался и такъ печально глаза эго смотрѣли на Варю и Глѣба и ихъ непрестанную радость.

А лѣто между тѣмъ проходило. Въ началѣ августа, когда Глѣбъ вернулся изъ города, ему показалось, что отецъ Серафимъ поджидалъ его. У старика при встрѣчѣ былъ такой значительный видъ. И онъ не ошибся.

На другой день, довольно рано утромъ, когда Варя еще не вышла изъ своей спальни, а Глѣбъ уже былъ въ саду, появился отецъ Серафимъ.

— Хорошо рано вставать, воздухъ какой!—сказалъ онъ, повидимому, въ видѣ общаго вступленія.

— Да,—отвѣтилъ Глѣбъ,—я стараюсь какъ можно больше надышаться имъ.

— Эге, тамъ у васъ, въ Петербургѣ, и воздуха-то вовсе нѣтъ, а такъ, какая-нибудь поддѣлка. Почему же нѣтъ? Вѣдь масло дѣлаютъ искусственное! Я слышалъ даже, будто куриныя яйца искусственныя стали продавать. Почему бы и воздухъ поддѣльный не сфабриковать? На то наука.

— Наука поддѣлками не занимается, отецъ Серафимъ! Она можетъ составить воздухъ изъ его частей, но это будетъ не поддѣлка, а настоящій воздухъ, такой же, какъ и это.

— А вы ревнивы къ наукѣ, вы за нее даже, кажется, обидѣлись. Нѣтъ, не обижайтесь, Глѣбъ Назаровичъ, я съ вами, какъ съ сыномъ, говорю. Я къ вамъ разговоръ имѣю. Нарочно пораньше вышелъ изъ своей кельи, чтобъ поговорить съ вами, пока Вари нѣтъ.

— Секретъ отъ Вари? — спросилъ Глѣбъ.

— Да, ужъ это надо, чтобы былъ секретъ. Давайте, походимъ по дорожкѣ. На ходу оно, знаете, какъ-то лучше говорится. Хе-хе! У меня былъ одинъ знакомый, такъ онъ, когда думалъ, то-есть, мыслилъ, такъ сейчасъ ему надо было ходить. А сидя онъ не могъ мыслить. И онъ говорилъ: когда я хожу, я умный человѣкъ, а когда сижу—я дуракъ. Ну и я въ этомъ родѣ.

Они стали ходить по аллеѣ и отецъ Серафимъ заговорилъ:

— Много я думъ передумалъ, Глѣбъ Назаровичъ, и вотъ надумалъ, что нѣтъ у меня другого способа, какъ только съ вами посовѣтоваться. Слушайте же. Можетъ быть, я старъ уже очень, или, какъ человѣкъ другого вѣка, отходящаго вѣка, я многое изъ теперешняго и не понимаю. Ну, хорошо. Не буду о томъ и говорить, не хочу испытывать вашу душу. А только дайте мнѣ совѣтъ. Вотъ вы сами видите, какъ Варенька къ вамъ привязана. Видите вѣдь? Какъ она радуется вамъ, и мнѣ пріятно было бы видѣть это, если бы я въ это время не думалъ о томъ, что, какъ уѣдете вы и останется она безъ васъ, такъ сейчасъ на нее уныніе нападаетъ и замкнется она въ себя. Ну, что жъ мнѣ дѣлать? что жъ мнѣ дѣлать? Не хочу я, чтобъ она страдала. Но какъ облегчить? Постойте, я знаю, что вы скажете: она, молъ, учиться хочетъ, пустите ее въ Петербургъ. Но напрасно. Не могу я этого сдѣлать, и не могу по двоякой причинѣ. Вотъ первая: мнѣ безъ нея остаться въ мои лѣта и когда я одинъ на свѣтѣ, какъ перстъ, это все равно, что начать помирать. Да я и помирать бы началъ, мнѣ и это ничего, а только съ кѣмъ же она останется? Вѣдь я ей тоже нуженъ. А второе вотъ: Петербургъ—городъ шум-

ный и опасный для молодой дѣвицы, и съ той минуты, когда я узналъ бы, что она тамъ, сердце мое начало бы болѣть и изболѣлось бы въ конецъ. Молода она и довѣрчива, какъ дитя, и чего только нельзя съ ней сдѣлать? А тамъ, въ столицѣ, столько завлекательнаго, а неопытный умъ развѣ сможетъ отличить въ этомъ разнообразіи и пестротѣ добро отъ зла, полезное отъ пагубнаго? И какъ легко погибнуть, охъ, какъ легко! Вы о себѣ мнѣ не говорите. Мужчина не то. Мужчина и падая не погибаетъ, у мужчины иное призваніе. Ну, такъ вотъ: что же мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?

Глѣбъ молчалъ и думалъ о томъ, что, видно, не такъ легко давать дѣйствительные совѣты. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ сказать? Отецъ Серафимъ предусмотрѣлъ его совѣтъ: отпустить Варю въ Петербургъ, и больше ничего не было въ его распоряженіи.

— Вотъ видите,—продолжалъ отецъ Серафимъ,—вотъ вы и молчите. И ничего не хотите сказать. А кашу-то заварили вы.

— Отецъ Серафимъ,—сказалъ Глѣбъ,—вы меня ставите въ невозможное положеніе. Вы говорите, вотъ тебѣ задача: человѣкъ три дня ничего не ѣлъ и оттого ослабѣлъ. Какъ поддержать его силы? Только, молъ, съ условіемъ: не говорить, что ему надо дать поѣсть. Вы точно также говорите, когда очевидно, что человѣку надо дать поѣсть.

— Гм... То-есть, отпустить ее въ Петербургъ? А я, спрашиваю я васъ, а я? мнѣ что жъ? Заранѣе себѣ на кладбищѣ яму копать? Да?

— Мнѣ, кажется, отецъ Серафимъ, что вы преувеличиваете. Вы не потеряли бы Варю, а только нѣкоторое время отказались-бы видѣть ее около себя. Но ваше сердце билось бы для нея и ея сердце для васъ. Я не говорю, что это такіе ужъ пустяки, нѣтъ, вы будете страдать. Но въ чемъ же и можетъ проявить себя всего лучше любовь, какъ не въ страданіи ради любимаго существа? Вотъ, отецъ Серафимъ, простите вы меня, а я скажу, что Варя показала вамъ хорошій примѣръ. Когда вы были такъ огорчены, помните, въ прошломъ году: она изъ любви къ вамъ, сказала вамъ: „Никогда больше не буду говорить объ этомъ и никуда не поѣду“. И она это исполнила. Вѣдь для нея было страданіе отказаться отъ своихъ завѣтныхъ плановъ. Но она сдѣлала это изъ любви къ вамъ.

— Это правда, это правда!—какъ бы самъ себѣ сказалъ

отецъ Серафимъ,—я это видѣлъ и чувствовалъ, но я... я не могу... я не могу! Я знаю, что, отпустивъ ее, тотчасъ почувствую, что умираю.

Они помолчали и прошлись раза два по аллеѣ взадъ и впередъ. Отецъ Серафимъ заговорилъ вновь.

— Нынче время вотъ странное и оттого странное, что люди пошли не простые; когда бы люди были проще, то и жить легче было бы. Въ наше время жили ясно и не путали, а нынче все путаютъ. Любовь мы такъ и называли любовью и когда кто кого любилъ, то стремился къ брачной жизни, такъ оно и естественно и по природѣ, и по закону. А нынче нѣтъ, нынче такъ: другъ безъ друга ступить не могутъ, другъ другу въ глаза смотрятъ, а назвать не хотятъ. Это, молъ, не любовь, а дружба. Что же это? Съ которыхъ поръ любовь стала такой вещью, которую назвать стыдно? Любили всегда, никогда не обходились безъ любви. Я васъ спрашиваю: развѣ дружба лучше любви? Я съ вами говорю, какъ старикъ, который уже на многое смотритъ равнодушно. И по моему. Глѣбъ Назаровичъ, всякое чувство, данное человѣку отъ Бога, одинаково благородно. Э,—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ, когда увидѣлъ, что Варя входила въ садъ:—а вотъ и Варенька... А мы тутъ съ Глѣбомъ Назаровичемъ философскими разсужденіями занимались!

— Ну,—сказала Варя, здороваясь съ нимъ,—сколько я знаю, Глѣбъ плохой философъ.

— Да, да, онъ больше натуралистъ... Онъ испытатель природы. А что же, чай, я думаю, готовъ? такъ пойдемъ, дѣти, чай пить, пойдемъ...

Онъ какимъ-то просящимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Глѣба и видимо боялся, чтобы тотъ не вздумалъ продолжать разговоръ при Варѣ. Когда они шли черезъ дворъ, направляясь къ чайному столу, онъ воспользовался моментомъ, когда Варя пошла впередъ, и тихо сказалъ Глѣбу:

— Варенькѣ не говорите о нашемъ разговорѣ, Глѣбъ Назаровичъ, прошу васъ очень объ этомъ.

Наступило время заговорить съ дядей объ обратномъ пути.

— Думаю, дядя, двадцать пятаго августа выѣхать!—сказалъ Глѣбъ.

— Гм. Ну, что жъ, коли тебѣ пора, поѣзжай. Поѣзжай, племянникъ! Мы съ тобой такъ мало видѣлись. Ты все въ Кочедаровкѣ больше сидѣлъ... Поѣзжай!

Глѣбъ собирался возбудить вопросъ о деньгахъ, такъ какъ у него ничего не осталось на обратный путь. Поѣздки въ Кочедаровку, когда приходилось брать извозчика, истощили его небольшую кассу. Въ Петербургѣ онъ не боялся,—урокъ остался за нимъ и на будущую зиму, а пятнадцать рублей хватало ему на все.

Они оба помолчали и дядя, должно быть, въ этомъ молчаніи почуялъ что-то опредѣленное и началъ вздыхать.

— Охъ-охъ-охъ, племянникъ! тяжелый нынѣче былъ годъ! Весьма тяжелый... Богъ его знаетъ, что сдѣлалось съ народомъ! Доходу совсѣмъ мало стало. Просто концы съ концами не сведешь!

Глѣбъ очень хорошо зналъ, что отецъ Лаврентій дѣйствительно не сводилъ концы съ концами, но по другой причинѣ. Однако, это было ему предостереженіемъ, и онъ началъ колебаться, ужь говорить ли о деньгахъ?

— Я, конечно, продолжалъ—отецъ Лаврентій,—твой должникъ. Восемьсотъ семьдесятъ пять рублей еще за мной осталось. Было девятьсотъ съ лишнимъ, когда ты уѣзжалъ. Но пришлось сестрѣ твоей къ Пасхѣ платье сдѣлать и прочее тамъ. Матери чулки пришлось купить... Могу представить отчетъ, ежели пожелаешь. И полагаю я, Глѣбъ, что эти деньги надо имъ оставить, то-есть матери твоей и сестрѣ... А впрочемъ, того... какъ желаешь... Можетъ быть, тебѣ нужно, а?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Глѣбъ,—я устроюсь иначе, я обойдусь.

— Ну, коли обойдешься, то и ладно. Я, конечно, могъ бы, но дѣйствительно въ настоящее время я въ крутыхъ обстоятельствахъ.

Послѣ этого разговора Глѣбъ тотчасъ же написалъ Лозовскому письмо о высылкѣ денегъ.

V.

За недѣлю до отъѣзда Глѣбъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи дать Стрѣтенскому нѣкоторыя свѣдѣнія на-счетъ Петербурга и зашелъ къ нему. Тотъ за лѣто успѣлъ сильно пополнѣть и былъ чрезвычайно весело настроенъ.

— Ну, добился-таки,—сказалъ онъ Глѣбу,—получилъ аттестатъ и ѣду въ Питеръ. Ты когда?

— Черезъ недѣлю!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Жаль. А я раньше, я послѣзавтра ѣду. Вѣдь нужно устроиться, нанять квартиру, заказать мундиръ, чтобъ все было въ порядкѣ. А то бы вмѣстѣ поѣхали.

— Да вѣдь ты, вѣроятно, во второмъ классѣ поѣдешь?

— Нѣтъ, ужъ я въ первомъ. Гдѣ жъ такую даль ѣхать во второмъ классѣ? Въ дорогѣ я люблю удобства.

— Ну, то-то и есть; а я вѣдь въ третьемъ, такъ это все равно, что врозь.

— Это правда. Ну, разскажи же мнѣ, сколько ты платишь за квартиру, за обѣдъ?

— Ну, тебѣ это не подойдетъ... За квартиру я платилъ семь рублей въ мѣсяцъ.

— Что-о?

— Семь рублей. Но я въ шестомъ этажѣ жилъ, у меня была трехъаршинная комната. А обѣдъ собственно въ кухмистерской обходился мнѣ рубля два съ полтиной въ мѣсяцъ.

— Да что же это, даромъ тамъ, что ли, даютъ?

— Нѣтъ, далеко не даромъ. Обѣдъ стоитъ двадцать пять копѣекъ, но я ѣлъ его не каждый день, а черезъ каждые два дня, а остальное время питаюсь чаемъ съ хлѣбомъ и сыромъ.

— О, Господи! Что за удовольствіе такъ жить! Мнѣ отецъ ассигновалъ по сто двадцать рублей въ мѣсяцъ. Я думаю, съ ними можно устроиться порядочно.

— Навѣрное.

— А гдѣ ты посовѣтуешь мнѣ остановиться?

— Право, не знаю. Я останавливался гдѣ-то въ Гончарной улицѣ, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ, гдѣ платилъ пятьдесятъ копѣекъ въ сутки съ горячей водой. Но вѣдь тебѣ это не подойдетъ. Но тамъ на вокзалѣ стоятъ коммиссіонеры изъ разныхъ гостинницъ, ты себѣ выберешь любую.

— А какая тамъ считается лучшая гостинница?

— Ну, ужь этого я, братъ, не знаю. Для меня всѣ гостинницы были лучшими. Онѣ всѣ были лучше моей квартиры.

— А есть тамъ порядочные извозчики? Напримѣръ, рысаки?

— Тамъ есть все. У кого много лишнихъ денегъ, тотъ все найдетъ.

— Ну, такъ мы встрѣтимся, надѣюсь?

— Конечно, какъ же иначе! Встрѣтимся въ университетѣ.

И это было все, что разспрашивалъ у него Стрѣтенскій. Ни одного вопроса объ университетѣ, ничего, что говорило бы о малѣйшемъ запросѣ ума. И Глѣбу такъ хотѣлось испол-

нить порученіе Лозовскаго и сказать Стрѣтенскому отъ его имени: кланялся тебѣ Лозовскій и просилъ сказать, что ты—тупое животное. Но онъ воздержался и простился съ нимъ.

Лозовскій выслалъ деньги и Глѣбъ поѣхалъ въ Кочедаровку прощаться. Онъ зналъ, что это будетъ тяжело и всю дорогу думалъ, чѣмъ бы онъ могъ ободрить Варю.

Когда онъ пріѣхалъ, отецъ Серафимъ былъ гдѣ-то на требѣ. Начинался тихій лѣтній вечеръ, солнце только что зашло. Они сидѣли въ саду, на своей любимой скамейкѣ. У Вари было грустное лицо. Онъ уже заявилъ ей, что черезъ недѣлю уѣзжаетъ.

— Варя!—сказалъ онъ и голосъ его слегка дрожалъ.—Вы вѣрите въ предчувствія?

— Иногда!—тихо отозвалась она.

— Я чувствую такъ, что мы увидимся зимой. И... Надолго... Навсегда, Варя!

— Ахъ, Глѣбъ, вы хотите меня утѣшить...

— Да, конечно, я хочу васъ утѣшить! я всегда хочу васъ утѣшить, Варя! Но я не лгу, я такъ чувствую. Знаете что? Если вы не пріѣдете въ Петербургъ, я пріѣду къ вамъ, я вырвусь хоть на недѣлю, я пѣшкомъ приду.

И голосъ его дрожалъ все больше и больше. Онъ говорилъ:

— Да, Варя, мы будемъ вмѣстѣ, вѣчно! Правда?

— Боже мой! Если бы это было такъ!

— Варя... Почему мы не можемъ жить другъ безъ друга? Слушайте. Что, если бы я когда-нибудь сказалъ вамъ... Голубушка моя, вы не сердитесь... Если бы я сказалъ вамъ, что люблю васъ...

Онъ взглянулъ на нее. Лицо ея было блѣдно, брови сдвинулись и въ глазахъ было странное напряженіе.

— Зачѣмъ вы это сказали, Глѣбъ Назаровичъ?

— Я оскорбилъ васъ?

Она покачала головой.

— Нѣтъ!

— Такъ почему же не сказать все, что приходитъ въ голову?

— Въ голову?

— Да, и въ сердце... Если бъ вы слышали, какъ оно бьется...

— Я слышу!—тихо сказала она и онъ не узналъ ея голоса.

— Варя?—вопросительно произнесъ онъ.

Она слегка отвернула отъ него лицо, но рука ея какъ бы искала его руки.

Онъ взялъ ея руку, она была холодна.

— Радость моя, жизнь моя, Варя!—говорилъ онъ, прижимая ея руку къ своей горячей щекѣ:—солнце мое!

Голосъ его прервался; ему показалось, что она хочетъ отнять у него руку и бѣжать. У нея такое было движеніе. И вдругъ, въ одно мгновеніе она оказалась близко-близко около него, ея волосы прикасались къ его лбу, онъ чувствовалъ ея дыханіе.

— Какое счастье! —шептали ея губы:—какое счастье быть любимой!

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ ея покорную голову и расцѣловалъ ея горящіе глазки. А она улыбалась ему, какъ ребенокъ и говорила:

— Я не стыжусь этого, потому что ты, это—я, я не отдѣляю себя отъ тебя. Милый, милый, славный, дорогой, чудный! Теперь мнѣ будетъ еще тяжелѣе, но за то я счастлива, какъ Богъ!.. Значитъ, это было давно, а мы только не умѣли назвать... Значитъ *они* были правы...

— О, нѣтъ, *они*, *они* все-таки не были правы! *Они* никогда не были правы, Варя...

— Да, да, правда!.. Милый мой, милый Глѣбъ! Вѣчно?

— Если бы можно было больше, чѣмъ вѣчно, то я сказалъ бы: *да*.

— Какой чудный вечеръ! Это для насъ, Глѣбъ! Помнишь тотъ вечеръ?.. Первый... Онъ тоже былъ для насъ... Я и тогда уже любила тебя... Почему-то думаютъ, что любить... какъ-то неловко, нехорошо... Но если ты, это—я, а я, это—ты... А знаешь, Глѣбъ, я давно уже говорю тебѣ *ты*, только про себя, тихонько...

Во дворѣ загудѣли колеса экипажа, они выпрямились и подняли головы. Пріѣхалъ отецъ Серафимъ. Они поднялись и пошли туда.

Тутъ стоялъ уже приготовленный чайный столъ. Когда они усѣлись, старикъ сразу обратилъ вниманіе на необычную веселость Вари. Она рѣшительно во всемъ находила поводъ для веселаго смѣха и смѣхъ этотъ былъ совсѣмъ особенный, въ немъ не было той нервной нотки, которая такъ свойственна была ей зимой, когда она смѣялась единственно для того, чтобы угодить ему. Это былъ смѣхъ ясный, простой, чистосердечный.

— Такъ вы уѣзжаете, Глѣбъ Назаровичъ? — спросилъ отецъ Серафимъ:—не долго уже побудете съ нами!

— Да, черезъ шесть дней, отецъ Серафимъ!

— И Варенька моя весела... Гм... Значитъ, вы рѣшили вмѣстѣ ѣхать, что-ли? Это я заключаю изъ того, что Варенька сегодня такъ много смѣется, иначе она плакала бы...

— Да, папа, рѣшили... Уже теперь рѣшили! сказала Варя и опять раздался ея звонкій смѣхъ.

— Ну, а меня, старика, вы прежде похороните?

— А васъ похоронимъ... Ахъ, нѣтъ, милый мой старикъ, быстро поправилась она и нѣжно положила ему руку на плечо. Мы васъ хоронить не собираемся... И я не поѣду съ Глѣбомъ... Я только сегодня счастлива, такъ безконечно счастлива.... и мнѣ все хочется смѣяться и не знаю, почему.

— Не знаешь?—пытливо спросилъ отецъ Серафимъ.

— Ну, знаю, такъ что жъ изъ этого, а вамъ не скажу...

— Каверзники вы и больше ничего!—шутливо замѣтилъ отецъ Серафимъ.—Какую-то штуку надъ старикомъ устраиваете!

Онъ какъ будто сердился, но въ сущности былъ доволенъ, что Варя, наконецъ, говоритъ съ нимъ такъ сердечно и такъ нѣжно... и онъ продолжалъ полушутя-полусерьезно: Что тутъ скрываться отъ стараго воробья? Вонъ посмотри, глазки горятъ у тебя и все такое... Ну...

— Ну?—шутливо вызывающимъ и дразнящимъ тономъ повторила Варя.—Ну, и ничего, и пусть себѣ глаза горятъ и все такое! — прибавила она.

Она смѣялась, а отецъ Серафимъ махнулъ рукой.

— Э, ну васъ!

Но онъ испытывалъ радостное чувство. Ему казалось, что онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и что для него ясно все, что произошло здѣсь въ его отсутствіи. И онъ только дивился тому, что „дружба“ оказалась къ нему такой суровой, а „любовь“ возвратила ему дочь.

Н. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ КУРСЫ ВЪ АВСТРІИ.

До сравнительно недавняго времени народное образованіе въ Австріи находилось въ самомъ печальномъ состояніи. Безпрерывныя внутреннія неурядицы и частыя войны, кончавшіяся въ большинствѣ случаевъ для Австріи весьма несчастливо, систематически задерживали матеріальное и умственное развитіе входящихъ въ составъ имперіи различныхъ національностей. Извѣстно, какое роковое вліяніе имѣла политика Меттерниха на европейскія государства; тѣмъ гибельнѣе она была для самой Австріи, гдѣ принципы Меттерниха могли проводиться въ жизнь съ полной послѣдовательностью. Переворотъ 13-го марта 1848 г. побѣдилъ на мгновеніе реакцію. Меттернихъ сошелъ со сцены, но его печальное наслѣдіе осталось и еще долго тормазило жизнь Австріи. Черезъ три года послѣ переворота 1848 г. во всей имперіи Габсбурговъ воцаряется снова реакція, немногимъ уступавшая меттерниховской, а въ 1855 г. австрійское правительство заключаетъ съ папой конкордатъ, въ силу котораго все школьное преподаваніе предоставляется католическому духовенству. Народный умъ порабощается на много лѣтъ, и возродившіяся было, въ сердцахъ лучшихъ людей Австріи въ концѣ 40-хъ годовъ, надежды на болѣе свѣтлое будущее, безпощадно разбиваются грустной дѣйствительностью.

Неудивительно, что австрійскія народныя школы въ 50-хъ и 60-хъ годахъ влачили самое жалкое существованіе, и разнородное населеніе обширной имперіи порожало подчасъ своимъ необычайнымъ невѣжествомъ и забитостью. Несмотря, однако, на указанныя неблагопріятныя условія, соціальная жизнь Австріи постепенно измѣнялась, становилась сложнѣе, и народныя массы, въ свою очередь, не могли оставаться безучастными къ происходившимъ передъ ихъ глазами перемѣнамъ. Въ то же время несчастныя войны съ Италіей и Германіей приводятъ австрійское правительство къ сознанію полной несостоятельности его прежней политики, и съ 1867 г. въ жизни Австріи начинается новая эра. Въ 1869 г. новый школьный законъ отнимаетъ преподаваніе въ на-

родныхъ школахъ отъ духовенства и передаетъ его въ руки государства. Избирательнымъ закономъ 2-го апрѣля 1873 г. расширяются политическія права всего населенія Австріи, палата депутатовъ дѣлается независимой отъ сеймовъ, и депутаты въ рейхсратъ избираются самими избирателями въ округахъ. Правда, реформа эта была такого характера, что народный элементъ могъ быть представленъ въ австрійскомъ парламентѣ только въ самомъ ничтожномъ числѣ: палату депутатовъ наполнили крупные землевладѣльцы, капиталисты и промышленники, но и этого было достаточно, чтобы новый парламентъ объявилъ войну всѣмъ сохранившимся въ Австріи остаткамъ феодализма и клерикализма, которые такъ сильно тормазили общественную жизнь страны.

Общество и народъ начинаютъ дышать свободнѣе; въ значительной степени расширенная свобода слова, собраній и печати даетъ возможность прежде гонимымъ прогрессивнымъ элементамъ обнаружиться съ особой силой. Въ странѣ начинается дѣятельность разныхъ союзовъ, и между ними скоро почетное мѣсто занимаютъ союзы распространенія образованія въ народѣ. Послѣдніе какъ бы торопятся наверстать потерянное время и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы извлечь народную массу изъ тьмы, въ которой она коснѣла такъ долго. Такъ называемый «Всеобщій южно-австрійскій союзъ народнаго просвѣщенія» («Allgemeiner niederoesterreichischer Volksbildungs-Verein») открываетъ по всей Нижней Австріи свои отдѣленія, и, какъ и слѣдовало ожидать, вѣнское отдѣленіе его очень скоро пріобрѣтаетъ особенную извѣстность.

Основанное въ концѣ 1886 г., вѣнское отдѣленіе начало свою дѣятельность весьма скромно. Оно учреждало библіотеки и организовало безплатныя публичныя лекціи для вѣнскаго населенія. Стремясь, главнымъ образомъ, къ распространенію знаній въ бѣднѣйшихъ классахъ Вѣны, «Союзъ» держится далеко отъ политическихъ вопросовъ. Расходъ на содержаніе библіотекъ и на устройство лекцій «Союзъ» покрываетъ изъ своихъ суммъ, составляющихся изъ членскихъ взносовъ, единовременныхъ пожертвованій и другихъ доходовъ. Лекторы читаютъ безплатно, и все дѣло ведется первоначально въ весьма малыхъ размѣрахъ. «Союзъ» пріобрѣлъ скоро сочувствіе во всѣхъ слояхъ вѣнскаго населенія. Число членовъ его быстро растетъ, также какъ и воодушевленіе лекторовъ, и «Союзъ», ставъ значительно богаче, начинаетъ расширять свою дѣятельность сначала экстенсивно, увеличивая число библіотекъ и публичныхъ лекцій, а затѣмъ и вглубь, беря на себя все новыя задачи.

Въ 1890 г. «Вѣнское Отдѣленіе» представляетъ уже извѣстную нравственную силу въ Вѣнѣ. Самъ австрійскій императоръ

числится его членомъ, и лучшіе профессора охотно соглашаются читать народу лекціи по разнымъ вопросамъ.

Такіе результаты, однако, не удовлетворяли руководителей «Союза». Они нерѣдко чувствовали недостатокъ въ средствахъ; и такъ какъ доходы ихъ исключительно зависѣли отъ измѣнчивой частной благотворительности, то и сама дѣятельность ихъ не могла имѣть постояннаго характера. Въ 1890 г. вѣнское «Отдѣленіе» обратилось въ нижне-австрійскій ландтагъ съ петиціей о субсидіи въ 1.500 гульд. въ годъ. Весьма интересна мотивировка петиціи. Указавъ въ ней на результаты, уже достигнутые нижне-австрійскимъ союзомъ для распространенія образованія въ народѣ, податели отмѣчаютъ важное обстоятельство, что потребность въ образованіи въ простой массѣ растетъ съ каждымъ днемъ, и отдѣльныя воскресныя лекціи не въ состояніи удовлетворить запроса слушателей. Необходимы систематическіе курсы, обнимающіе въ нѣсколькихъ лекціяхъ опредѣленную область знанія. Но для организаціи подобныхъ курсовъ требуются извѣстныя денежныя средства, такъ какъ трудъ лекторовъ слишкомъ тяжелъ и пользоваться безплатно ихъ услугами невозможно. Подъ этой петиціей подписалось много ученыхъ и профессоровъ, между которыми Хробакъ, Груберъ, Антонъ Менгеръ и другіе. Ландтагъ сочувственно отнесся къ петиціи и ассигновалъ «Союзу» на 1891 г. 900 гульд. Какъ видно по духу петиціи, вѣнское отдѣленіе сдѣлало значительный шагъ впередъ, остановившись на системѣ «широкаго университета» (University Extension). Въ томъ же 1890 г. въ Вѣнѣ было прочитано семь систематическихъ курсовъ, при чемъ доценты за свой трудъ получали гонораръ, публика же имѣла безплатный доступъ на лекціи.

«Союзъ», съ одной стороны, стремился приблизиться своей дѣятельностью къ англійскому «University Extension», съ другой—преслѣдовалъ еще и другія задачи. Такъ, чтобы ознакомить бѣднѣйшее вѣнское населеніе съ классической музыкой, «Союзомъ» устраивались народные концерты, привлекавшіе массу публики, и народные вечера для развлеченія рабочихъ. Въ томъ же году, благодаря усиліямъ нѣсколькихъ выдающихся женщинъ, въ Вѣнѣ было прочитано 15 лекцій исключительно для дѣвушекъ.

Систематическіе курсы были поставлены надлежащимъ образомъ лишь зимою 1891 г.; въ качествѣ нововведенія, въ этомъ году были установлены испытанія и выдача удостовѣреній. Лекторами, большею частью, являлись доценты вѣнскаго университета. Слушатели передъ лекціями снабжались безплатно подробными конспектами (Leitfäden), а вслѣдъ за лекціями устраивались «классы». Успѣхъ курсовъ былъ полный. Аудиторіи, состоявшія изъ представителей самыхъ различныхъ слоевъ общества, вели

себя образцово. Часто слушатели выражали свою признательность въ формахъ, которыя трогали лекторовъ до глубины души. Многіе изъ посѣтителей успѣшно выдержали испытанія, и, по свидѣтельству лекторовъ, отвѣты нѣкоторыхъ оказывались солиднѣе и глубже отвѣтовъ студентовъ университета. Одинъ доцентъ зоологіи разсказывалъ, что его послѣ лекціи буквально осаждали вопросами, и его бесѣды съ слушателями продолжались нерѣдко цѣлый часъ по окончаніи лекцій. Упомянутый доцентъ тѣмъ болѣе удивляется этому обстоятельству, что значительная часть его слушателей состояла изъ рабочихъ, которые приходили на лекціи послѣ тяжелой работы съ далекой окраины большого города и которымъ предстояло такое же путешествіе обратно.

Что заслуживаетъ спеціальнаго вниманія въ дѣятельности «Союза», такъ это превосходныя интимныя отношенія, которыя устанавливались между его лекторами и слушателями въ теченіе курсовъ. Лекторы не только сообщали свѣдѣнія, но они всѣмъ своимъ существомъ учили аудиторію терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, гуманности и безкорыстному служенію наукѣ. Рабочіе, посѣщавшіе курсы, не только обогащались знаніями, но облагораживались, возрождались нравственно и становились среди своихъ самыми пламенными проповѣдниками необходимости высшаго образованія для народа. Неудивительно, что нравственный авторитетъ «Союза» росъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число его членовъ, возростали и денежныя средства его.

Но дѣятели «Союза» не обольщались указанными успѣхами; напротивъ, они все болѣе и болѣе убѣждались, что частная благотворительность не въ силахъ поспѣть за движеніемъ, охватившимъ населеніе Вѣны. Надо было искать прочную опору для этого движенія, тѣмъ болѣе, что оно уже перешагнуло за предѣлы столицы и стало распространяться по всей странѣ. Правда, по всей Австріи съ большимъ успѣхомъ уже дѣйствовали общества распространенія образованія въ народѣ, но программы этихъ обществъ были гораздо уже той, которую выработала практика вѣнскаго отдѣленія. И вотъ, группа профессоровъ вѣнскаго университета приходитъ къ мысли ввести въ Австріи систему высшаго образованія по образцу англійскаго «University Extension», благо почва была достаточно подготовлена, особенно въ Вѣнѣ, плодотворной дѣятельностью вѣнскаго отдѣленія Союза. Будучи глубоко убѣждены, что государство должно придти на помощь новому движенію, профессора, въ числѣ 53 человѣкъ, подали въ 1893 г. академическому сенату вѣнскаго университета петицію, въ которой просили университетъ взять на себя руководство движеніемъ и ходатайствовать передъ министромъ духовныхъ дѣлъ

и народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи ежегодной субсидіи въ 6.000 гульд. въ пользу той организаціи, которая возьметъ на себя устройство университетскихъ лекцій не только въ Вѣнѣ, но и во всей странѣ. Петиція представляетъ особый интересъ какъ въ виду того, что въ ней выяснена основная точка зрѣнія лицъ, подавшихъ ее, такъ и потому, что въ ней съ рѣдкой убѣдительностью изложены аргументы въ пользу устройства въ Австріи университетскихъ курсовъ для народа.

Вкратцѣ содержаніе петиціи слѣдующее. Прошло уже не мало лѣтъ, какъ въ Австріи были открыты общія элементарныя школы, и ихъ благодѣтельное вліяніе сказывается уже повсюду. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать; но опытъ протекшихъ лѣтъ также успѣлъ показать, что въ народѣ существуетъ органическая потребность въ болѣе широкомъ образованіи, нежели то, которое пріобрѣтается въ народной школѣ. Первоначальная школа даетъ дѣтямъ лишь средство, могущее оказать имъ услугу при дальнѣйшемъ образованіи; къ сожалѣнію, большая часть дѣтей изъ народа остается при своихъ школьныхъ знаніяхъ; когда же они дѣлаются взрослыми, то на каждомъ шагу начинаютъ чувствовать недостаточность усвоенныхъ ими въ школѣ свѣдѣній; въ нихъ естественно пробуждается стремленіе пополнить свои знанія. А если рабочій, ремесленникъ или мелкій собственникъ предпочитаетъ вечера досуга посвящать занятіямъ наукой, то государство, давшее народу первоначальныя школы, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, должно продолжить дѣло воспитанія народа. Появленіе частныхъ учрежденій, содѣйствующихъ удовлетворенію потребности народа въ образованіи, можетъ быть разсматриваемо, какъ симптомъ и доказательство широкаго распространенія этой потребности. Въ самой Вѣнѣ были сдѣланы двѣ попытки разрѣшить проблемму болѣе широкой постановки народнаго образованія, именно «Союзомъ народнаго просвѣщенія» и рабочими организаціями. О дѣятельности перваго мы уже говорили.

Не менѣе благопріятны результаты дѣятельности «Союза рабочихъ для образованія» (Arbeiterbildung's-Verein'a), чтенія и доклады котораго были первоначально доступны только членамъ его, пока на основаніи рѣшенія, принятаго осенью 1891 г., 15 вѣнскихъ Bildungsvereiп'овъ, 41 профессіональное товарищество (Fachvereine) и еще 7 ассоціацій не соединились въ «Союзъ образовательныхъ обществъ Нижней Австріи», причемъ за годъ союзъ устроилъ 1.362 доклада, преимущественно по вопросамъ экономическимъ. Какъ показываетъ сравненіе, рабочіе союзы заняты, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы дать своимъ товарищамъ, приходящимъ изъ деревень, элементарное образованіе и затѣмъ

подготовить ихъ соотвѣтственными лекціями къ политической дѣятельности. Напротивъ, «Союзъ народнаго просвѣщенія» далекъ отъ такихъ цѣлей. Рабочіе союзы односторонни и не въ силахъ организовать обширные курсы: имъ недостаетъ денегъ и лекторовъ. Также стѣсненъ въ своей дѣятельности и «Союзъ», такъ какъ частному учрежденію невозможно покрыть издержекъ, необходимыхъ для поднятія образовательнаго уровня населенія Вѣны. Ему нужна постоянная, опредѣленная поддержка, которую въ силахъ оказать только государство; нуженъ также руководитель, который цѣлесообразно издерживалъ бы имѣющіяся средства и заботился о расширеніи и углубленіи всеобщаго образованія. Такимъ руководителемъ можетъ быть только вѣнскій университетъ, ибо онъ одинъ пользуется довѣріемъ страны и только онъ одинъ можетъ выставить подходящихъ людей для веденія такого дѣла. Въ Англіи университеты также взяли на себя руководительство университетскимъ движеніемъ, не нарушая при этомъ никакихъ традицій. Германскіе и австрійскіе университеты могутъ воспользоваться опытомъ англійскихъ. Пусть вѣнская alma mater будетъ первымъ нѣмецкимъ университетомъ, выступающимъ на славный путь, указанный Англіей! Почва подготовлена.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ проектъ организаціи университетскихъ курсовъ, профессора въ петиціи такъ характеризуютъ цѣль курсовъ: во-первыхъ, они должны возбуждать въ народѣ стремленіе къ дальнѣйшему образованію, затѣмъ поднимать интеллектуальный и, косвенно, нравственный уровень народной массы; во-вторыхъ, курсы должны давать отдѣльнымъ группамъ теоретическое основаніе для спеціальныхъ занятій. Руководствуясь примѣромъ Англіи, профессора предлагаютъ устраивать послѣ каждаго курса экзамены и выдержавшимъ удовлетворительно испытанія выдавать особыя свидѣтельства за подписью коммиссара, спеціально назначеннаго на то академическимъ сенатомъ университета. Къ свидѣтельствамъ должна быть приложена университетская печать.

Дальнѣйшая судьба этой замѣчательной петиціи, напоминающей письмо Джемса Стюарта кембриджскому университету, видна изъ «Отчета объ университетскихъ лекціяхъ для народа», читанныхъ въ 1895—1896 г. Академическій сенатъ встрѣтилъ петицію благосклонно и поручилъ выработку соотвѣтственнаго устава профессору Антону Менгеру, который при содѣйствіи нѣсколькихъ доцентовъ, уже пріобрѣвшихъ извѣстность своею дѣятельностью на пользу вѣнскаго «Союза», вскорѣ составилъ статутъ, одобренный послѣ незначительныхъ измѣненій академическимъ сенатомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Статутъ содержитъ 20 §§.

Приводить его здѣсь нѣтъ никакой надобности. Замѣтимъ лишь, что комитетъ сдѣлалъ шагъ назадъ въ своей постановкѣ курсовъ по сравненію съ планомъ, намѣченнымъ профессорами въ петиціи,—академическій сенатъ обходитъ молчаніемъ предложенныя въ петиціи испытанія и выдачу удостовѣреній. Мы считаемъ это обстоятельство регрессомъ, потому что разъ въ народѣ существуетъ потребность подвергаться испытаніямъ, разъ испытуемымъ доставляетъ нравственное удовлетвореніе свидѣтельство, удостовѣряющее, что такое почтенное учрежденіе, какъ университетъ, признало ихъ занятія успѣшными, то комитетъ, вызванный жизнью и созданный для жизни, долженъ былъ пойти на встрѣчу ея запросамъ. Но уклоненіе отъ плана, намѣченнаго въ петиціи, влечетъ за собой еще другія невыгодныя послѣдствія. Экзамены даютъ возможность контролировать лекторовъ и входить въ близкія сношенія съ публикой; они даютъ возможность экзаменаторамъ изучать университетское движеніе по различнымъ его индивидуальнымъ проявленіямъ и воочію убѣждаться, каковы его результаты, насколько оно глубоко; наконецъ, сближаясь съ учащимися, экзаменаторы черпаютъ изъ этихъ сношеній новую вѣру въ свое дѣло и тысячью узъ сродняются съ народной массой, а отъ этого и все дѣло, конечно, много выигрываетъ.

Совсѣмъ не такъ шло дѣло въ Англіи. Когда кэмбриджскій университетъ взялъ въ свои руки университетское движеніе, онъ сразу принялъ систему экзаменовъ, обставивъ послѣдніе съ всевозможною серьезностью и предъявивъ къ испытуемымъ весьма строгія требованія. Позже этотъ старѣйшій изъ англійскихъ университетовъ пошелъ еще дальше и ввелъ систему «аффиліаціи», которая не только принесла громадную практическую пользу массѣ людей, давъ имъ право проходить часть университетскаго курса внѣ стѣнъ университета, но также имѣла великую принципіальную важность, такъ какъ открыто признала, что всякій, даже черноработій, можетъ усвоить внѣ высшихъ учебныхъ заведеній солидныя университетскія познанія. Вѣнскій университетъ не воспользовался уроками Англіи и сдѣлалъ несомнѣнную ошибку.

Не менѣе страннымъ кажется намъ § 6 статута, предоставляющій академическому сенату право во всякое время распустить комитетъ. Если принять во вниманіе, что цѣль комитета вполнѣ безкорыстна и образовательна, то такое неограниченное право сената совершенно не вызывается необходимостью, и мы склонны думать, что этотъ § продиктованъ скорѣе административными соображеніями, нежели соображеніями о пользѣ дѣла. Очевидно, академическій сенатъ вѣнскаго университета не обладалъ еще въ

моментъ составленія статута несокрушимой вѣрой въ успѣхъ университетскихъ курсовъ для народа.

Для сужденія о томъ, что успѣла сдѣлать новая организація цѣннымъ матеріаломъ служатъ: «Программа народныхъ университетскихъ курсовъ» и отчетъ за 1895—1896 г., составленный предсѣдателемъ комитета, извѣстнымъ профессоромъ Антономъ Менгеромъ.

Къ чтенію курсовъ было приступлено въ ноябрѣ 1895 г. Согласно статуту, рядомъ съ курсами могли также читаться и отдѣльныя лекціи, но лекторы сразу приступили къ систематическимъ курсамъ и не устраивали отдѣльныхъ публичныхъ чтеній, главнымъ образомъ, потому, что потребности населенія въ такихъ лекціяхъ вполнѣ удовлетворялъ вѣнскій «Союзъ». Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, комитетъ допускалъ чтеніе отдѣльныхъ лекцій, именно тогда, когда какой-нибудь извѣстный профессоръ изъявлялъ готовность прочитать вступительную лекцію къ обширному курсу. Такъ, курсу бактеріологіи Шлагенгауфера предшествовала вступительная лекція проф. Вайксельбаума (Weichselbaum), курсу гигіены Лодэ—вступительная лекція проф. Грубера и т. д.

Вообще, курсы, связанные одной общей идеей, были разбиты на три серіи. Первая серія была прочитана въ промежуткъ отъ половины ноября до половины декабря 1895 г., вторая—въ теченіе января и февраля 1896 г. и третья до Пасхи 1896 г. Первая серія обнимала 25 курсовъ, вторая—24, а третья—10. Каждый курсъ продолжался 6 вечеровъ, по $1^1/_2$ часа каждый вечеръ. Послѣ лекціи по астрономіи, первобытной исторіи человѣка и исторіи греческой культуры, лекторы неоднократно совершали соотвѣтственныя экскурсіи въ астрономическую обсерваторію, императорскій музей и академію художествъ. Лекціи о свѣтѣ и электротехникѣ привлекали такую массу публики, что лекторы вынуждены были повторять одинъ и тотъ же курсъ передъ разными аудиторіями и два, а то и три раза въ недѣлю.

Изъ общаго числа 58 курсовъ на естественныя науки пришлось—15, медицинскія—17, историческія—13, исторію литературы и искусства—8, юридическія—5, а всего 58.

Всѣ курсы посѣтило въ общемъ 6.172 человѣка, изъ которыхъ на первую серію приходится 2.531 чел., на вторую—2.232 чел. и на третью—1.409 чел.; если число посѣтителей распредѣлить по указаннымъ группамъ, то придется въ среднемъ: на медицинскіе курсы—137 посѣтителей, курсы по исторіи литературы и искусства—103, естественно-историческіе—120, исторіи—76, юридическихъ наукъ—46.

Чтобы выяснить общественное положеніе, возрастъ и полъ посѣтителей, дѣлались по извѣстной программѣ записи; къ сожалѣнію, далеко не всѣ рубрики были заполнены надлежащимъ образомъ, какъ потому, что многіе прямо уклонялись отъ отвѣтовъ на такіе щекотливые вопросы, какъ возрастъ, общественное положеніе и умственный цензъ, такъ и потому, что наплывъ публики передъ лекціями бывалъ громадный, и счетчики не успѣвали всѣхъ опросить. Тѣмъ не менѣе, о нѣкоторыхъ курсахъ имѣются любопытныя данныя. Такъ, курсы начертательной геометріи и машиностроенія посѣтило 105 чел., и изъ нихъ 74 (т. е. 70%) были рабочіе. Точно также рабочій контингентъ достигалъ 68% на лекціяхъ Гёрнеса «о первобытной исторіи человѣка». На прочихъ курсахъ рабочіе составляли отъ 20—25% всѣхъ посѣтителей.

Статутъ призналъ необходимымъ назначить входную плату за посѣщеніе лекцій. Въ этомъ отношеніи дѣятельность комитета существенно отличается отъ дѣятельности вѣнскаго «Союза», лекціи и курсы котораго безплатны. Имѣя примѣръ 22-лѣтней успѣшной дѣятельности англійскихъ университетовъ, комитетъ установилъ плату за курсы по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, плата является весьма важной статьей дохода, а во-вторыхъ, она прекрасное средство противъ того, чтобы аудиторій не наводняла масса любопытныхъ въ ущербъ тѣмъ, которые серьезно хотятъ работать. Плата держитъ такихъ любопытныхъ далеко отъ лекцій и курсами пользуются только лица, имѣющія серьезное стремленіе къ самообразованію. Но, чтобы курсы все-таки были доступны всѣмъ слоямъ населенія, плата назначена болѣе чѣмъ умѣренная—одна крона (50 крейцеровъ—40 коп.) за цѣлый курсъ или $8^1/_2$ кр. за лекцію. Если принять во вниманіе, что кромѣ лекцій бывали и классы, и что весьма нерѣдко лекторы дѣлали со своими слушателями экскурсіи, то нельзя не согласиться, что назначенная за курсъ плата открываетъ положительно каждому возможность слушать университетскія лекціи. Въ послѣднемъ отношеніи вѣнскій комитетъ далеко опередилъ англійскіе университеты. Имѣя далѣе въ виду, что среди рабочаго населенія бываютъ и такіе бѣдняки, которымъ трудно тратить даже крону, лекторы нерѣдко выдавали рабочимъ безплатные входные билеты для бѣднѣйшихъ ихъ сотоварищей.

До сихъ поръ мы говорили о внѣшнихъ результатахъ организованныхъ вѣнскимъ университетомъ курсовъ для народа. Не менѣе, конечно, интересно познакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ новаго движенія, съ тѣмъ, какъ себя чувствовали во время курсовъ лекторы, какое они вынесли впечатлѣніе отъ ауди-

торій; какъ вели себя посѣтители, какіе они оказывали успѣхи и т. д. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы, хотя чрезвычайно сжатый, мы также находимъ въ «Отчетѣ» комитета.

Съ самаго начала лекторамъ было дано краткое руководство, какъ вести курсы. Въ этой своеобразной инструкціи прежде всего указывалось, что лекція только тогда можетъ приносить пользу, если она ясно и общедоступно излагается; далѣе лекторамъ дается совѣтъ читать свободно и ни на минуту не нарушать духовной связи, устанавливающейся между ними и аудиторіей въ началѣ курса; они не должны уклоняться отъ программъ, которыми снабжаются слушатели передъ лекціями, а за каждой лекціей обязательно долженъ слѣдовать «классъ», въ теченіе котораго лекторъ съ помощью разныхъ вопросовъ, которые ставитъ онъ самъ или желающіе изъ слушателей, выясняетъ трудныя, или непонятныя мѣста лекціи. Допускаются также письменныя работы на извѣстныя темы. Въ руководствѣ, наконецъ, высказывается желаніе, чтобы лекторы по мѣрѣ возможности лично знакомились со своими учениками, и такимъ образомъ «индивидуализировали и углубляли обученіе».

О своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ доценты должны представлять подробные отчеты. Такихъ отчетовъ было представлено доцентами вѣнскаго университета только 19 и во всѣхъ ихъ составители единодушно превозносятъ вниманіе, образцовое поведеніе и рѣдкую любознательность слушателей. Многіе доценты выражаютъ глубокое удивленіе по поводу необыкновенной понятливости и глубокомыслія, которыя обнаруживали иные ученики во время обсужденія разныхъ вопросовъ въ «классахъ». Одинъ доцентъ, читавшій курсъ юридическихъ наукъ, сообщаетъ, что изъ 50 посѣтителей только 30 прослушали его курсъ аккуратно до конца, за то эти 30 человѣкъ поражали его своимъ усердіемъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ удивленія, что обсуждавшіяся темы были весьма отвлеченнаго характера и представляли не мало трудностей для усвоенія. На этомъ курсѣ, утверждаетъ доцентъ, университетскія лекціи для народа выдержали испытаніе блестяще.

Въ общемъ, колебанія въ числѣ слушателей были невелики, и большинство записывавшихся на курсы посѣщало ихъ аккуратно до самаго конца.

Программы лекцій играютъ такую важную роль во всей системѣ «университета для народа», что обойти ихъ молчаніемъ невозможно. Почти всѣ курсы, прочитанные подъ руководствомъ вѣнскаго комитета, въ теченіе 1895—1896 г., снабжены конспектами, но по достоинству своему конспекты далеко не равны. Есть такіе, кото-

рые, вѣроятно, очень мало помогли слушателямъ вслѣдствіе своей краткости и отсутствія въ нихъ указаній на литературные источники, но есть и такіе, которые несомнѣнно оказали громадную услугу учащимся, ибо они не только даютъ самый подробный планъ каждой лекціи, но также снабжены превосходно составленными вопросными пунктами, отвѣты на которые должны исчерпать все содержаніе курса. Наименѣе полны конспекты по курсамъ литературы и естественныхъ наукъ, а наиболѣе цѣнны конспекты по исторіи.

Не желая утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ 58 курсовъ, прочитанныхъ подъ руководствомъ вѣнскаго университета, мы позволимъ себѣ привести лишь списокъ 10 курсовъ, прочитанныхъ за февраль и мартъ мѣсяцы 1896 г., чтобы показать, какъ разнообразны предметы преподаванія и какимъ разнообразнымъ запросамъ удовлетворяли народные университетскія курсы. Вотъ названія ихъ: 1) первобытное искусство; 2) римская исторія; 3) исторія Наполеона I; 4) древнѣйшая исторія нѣмецкой литературы; 5) первая помощь (лекція сопровождалась практическими работами и демонстраціями); 6) астрономія (солнечная система)—были совершены двѣ экскурсіи въ астрономическую обсерваторію; 7) анатомія (съ демонстраціями); 8) физіологія человѣка (производились опыты и демонстраціи); 9) лѣченіе дѣтскихъ болѣзней и 10) электротехника (съ экспериментами).

Конечно, если сравнить успѣхи вѣнскаго Volksbildungs-Verein'a и комитета съ успѣхами англійскаго «University Extension movement», то первые покажутся небольшими, но нельзя забывать, что Австрія начала жить свободной политической жизнью лишь недавно, и что такое движеніе, какъ университетское, требуетъ для своего развитія широкаго простора и надлежащихъ условій.

Но разъ начало сдѣлано и столь блестяще, можно ли сомнѣваться, что новое движеніе будетъ съ каждымъ годомъ расти? Университетское движеніе слишкомъ жизненно и несетъ слишкомъ много жизни другимъ, чтобы оно могло замедлить свой ходъ. Гдѣ существуетъ дѣйствительная свобода преподаванія для всѣхъ, тамъ побѣдительницей всегда будетъ истина, тамъ всегда найдутъ доступъ и широкое распространеніе прогрессивныя идеи вѣка, а идея необходимости поднять умственный и нравственный уровень народныхъ массъ путемъ распространенія среди нихъ высшаго образованія—есть одна изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ идей, выработанныхъ текущимъ столѣтіемъ.

М. Кроль.

---

*

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Брукъ.

Перев. съ англійскаго Л. Давыдовой.

*(Продолженіе *).*

Глава XVI.

Небольшой переѣздъ по городской желѣзной дорогѣ произвелъ очень непріятное впечатлѣніе на Люциллу: кругомъ было такъ сыро, холодно и сумрачно. Во время поѣздки въ омнибусѣ отъ станціи настроеніе ея еще ухудшилось. Голова болѣла отъ стука колесъ по каменной мостовой и тряска дѣйствовала ей на нервы. При ея напряженномъ состояніи сосѣди по омнибусу казались ей прямо ненавистными. Противъ нея сидѣлъ высокій нѣмецъ и съ большимъ чувствомъ, непрерывно жестикулируя, разсказывалъ какіе-то глупости двумъ долготерпѣливымъ соотечественникамъ; вся его фигура, длинныя руки, которыми онъ чуть не залѣзалъ въ лицо своихъ собесѣдниковъ, возбуждали въ Люциллѣ живѣйшее отвращеніе.

Но хуже всего была все-таки короткая пѣшеходная прогулка отъ остановки омнибуса до Британскаго музея. Улицы были мокрыя и остатки тумана, слишкомъ разрѣженныя для того, чтобы спуститься и осѣсть, висѣли въ воздухѣ, наполняя души прохожихъ невыразимымъ унынiемъ. Люцилла храбро пробиралась впередъ по этому морю липкой грязи и тумана; но выраженіе лица у нея было самое безнадежное. Въ музеѣ она не нашла желаннаго успокоенія; словари и справочныя книги нисколько не вдохновили ее. За послѣднее время на нее часто находило какое-то странное состояніе—ею овладѣвало чувство полной апатіи и физической слабости. Такъ и теперь, она совсѣмъ была не въ

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

силахъ заниматься. Наконецъ, видя, что всѣ ея попытки углубиться въ книги безполезны, она встала и направилась въ столовую выпить чашку кофе. Затѣмъ она безцѣльно стала бродить по галлереямъ, чувствуя, что возвращаться въ читальную залу было бы безполезно, и, наконецъ, остановилась около одной изъ статуй Нереидъ. Въ галлереяхъ было тихо и прохладно. Здѣсь удобно было предаваться теченію своихъ мыслей. Люцилла, смотря на статуи, припоминала свой недавній разговоръ съ Онорой.

— Хотѣла бы я знать, что скрывается у Оноры подъ ея милымъ спокойствіемъ?—думала она.—Можетъ быть, она любитъ Лесли Литтльтона? Какой бы она была для него поддержкой и какъ бы она преобразила его жизнь! Если бы я могла быть такой же спокойной и здравой, какъ она. Но я ничего не могу съ собой подѣлать.

Она устало вздохнула и повернулась, чтобы уйти, но въ эту минуту увидѣла подъ аркой, направо, проходившаго мужчину. При видѣ его яркая краска залила ея щеки и дыханіе замерло въ груди.

Она уже цѣлые мѣсяцы не видала Шеридана и теперь онъ прошелъ мимо, не замѣтивъ ея. Онъ тоже бродилъ по галлереямъ безъ всякой цѣли, удрученный этой унылой погодой. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся подъ арку и тутъ увидѣлъ Люциллу. Она не пошла къ нему на встрѣчу, ноги ея точно приросли къ мѣсту и въ душѣ ея поднялось острое чувство горечи. Но онъ, увидѣвъ ее, приподнялъ шляпу и подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Мой побѣдоносный другъ,—сказала Люцилла сухо, протягивая ему руку.

Поль покраснѣлъ. Онъ былъ очень радъ увидѣть ее, потому что по прежнему питалъ къ ней искреннюю дружбу. Ея отношеніе къ нему и его друзьямъ за послѣднее время было для него мучительной загадкой, къ которой онъ не имѣлъ никакого ключа. Инстинктивно онъ чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ, хотя и не зналъ въ чемъ, и ему страстно хотѣлось уладить все и примирить съ собою.

— Давно мы съ вами не видѣлись,—началъ онъ.—Вы очень заняты въ настоящую минуту? Я собирался отдохнуть четверть часика, прежде чѣмъ опять приниматься за чтеніе.

— Я не видѣла васъ въ читальной залѣ,—замѣтила Люцилла.

— Такъ же, какъ и я васъ. Должно быть, мы оба были слишкомъ погружены въ книги. Не пойдете ли вы теперь со мной посмотрѣть греческія вазы?

— Я бы предпочла какую-нибудь болѣе обыденную утварь,— сказала она съ той же сухой улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлаемъ визитъ первобытному человѣку,—отвѣтилъ онъ, обрадованный ея согласіемъ идти съ нимъ.

Они пошли вмѣстѣ. Его быстрая, энергичная походка представляла странный контрастъ съ мягкими, медленными движеніями молодой дѣвушки. Рядомъ съ нимъ Люцилла казалась болѣе женственной и миніатюрной, чѣмъ когда-либо.

— Отчего васъ такъ давно не было видно?—спросилъ, наконецъ, Шериданъ, рѣшившись сразу приступить къ дѣлу.—Вы точно избѣгали насъ.

— Развѣ?—спросила Люцилла устало.

— Мнѣ казалось, что да,—отвѣтилъ онъ.—Надѣюсь, что это произошло случайно, безъ какой-нибудь особенной причины. А между тѣмъ, васъ мнѣ очень недоставало. Я былъ бы очень огорченъ, если бы вы насъ совсѣмъ покинули.

— Въ самомъ дѣлѣ Поль?—спросила она мягко.

— Конечно,—отвѣчалъ онъ просто и чистосердечно.—Послѣднее время я все ждалъ вашихъ поздравленій, Люцилла,—прибавилъ онъ другимъ, болѣе задушевнымъ тономъ.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы поднять цѣлую бурю въ ея душѣ.

— Неужели у васъ ихъ мало?—спросила она.—Стоило ли прибавлять еще и мои... къ такой массѣ?

Тонъ ея непріятно поразилъ его.

— Конечно, не стоитъ объ этомъ и говорить,—возразилъ онъ поспѣшно.—Вѣроятно, вы сочли этотъ случай слишкомъ ничтожнымъ. Да и дѣйствительно, мое избраніе въ парламентъ—событіе весьма сомнительной значительности. Но, все-таки, васъ недоставало мнѣ въ это время.

— А сами-то вы довольны?—спросила она.

— О да, чрезвычайно доволенъ. Конечно, оно потребуетъ огромнѣйшаго количества времени, но я думаю, что это будетъ самое полезное употребленіе, какое я могу изъ него сдѣлать. Не говоря уже о томъ, что само дѣло мнѣ нравится.

— И вы добивались его?

— Да. Могу сказать, я положилъ всѣ свои силы въ выборную агитацію! Не стоитъ дѣлать ничего въ половину.

— А потомъ пришелъ успѣхъ.

— Да. Мои друзья должны были устроить вокругъ меня своего рода стражу, чтобы избиратели не разорвали меня въ клочки отъ восторга.

Поль рѣшилъ не обращать вниманія на ея холодный тонъ. Онъ былъ оскорбленъ, но не хотѣлъ показать этого.

— И вамъ не было противно?

— Противно? Нѣтъ, нисколько. Что вы хотите этимъ сказать, Люцилла? Мнѣ хотѣлось быть избраннымъ, и когда меня избрали, конечно, я былъ радъ, что мои избиратели такъ шумно привѣтствовали меня.

— И вы довѣряете этому успѣху?

— Какъ вамъ сказать? Разумѣется, я сознаю, что наше знаніе соціальныхъ условій очень ограничено. Но все-таки я хотѣлъ бы, чтобы наша программа вошла въ жизнь и чтобы побольше народу присоединилось къ ней. Поэтому нужно проникать въ парламентъ и тамъ проводить ее.

— За этотъ годъ вы такъ быстро выдвинулись впередъ—замѣтила Люцилла. — Только двѣнадцать коротенькихъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они бросали въ васъ грязью и камнями. Теперь они осыпаютъ васъ лестью.

— И теперь мнѣ приходится выносить достаточно порицаній, Люцилла, если это можетъ васъ успокоить,—сказалъ онъ съ улыбкой.—Я справился съ грязью, и увидите, что съумѣю перенести и лесть. И то, и другое всегда тѣсно связано при всякой работѣ.

— Но моя вѣра не устоитъ передъ этой новой эрой успѣха.

— Что это значитъ? Вѣдь не думаете же вы отказаться отъ нашего ученія?

— Я?—Люцилла посмотрѣла на него съ удивленіемъ.—Нѣтъ конечно. Я ни отъ чего не отказываюсь.

— Надѣюсь, вы не будете и меня обвинять въ отступничествѣ,—сказалъ Поль, и въ голосѣ его впервые зазвучало раздраженіе.—Все дѣло въ методѣ. Мы и раньше спорили съ вами объ этомъ.

Они молча шли рядомъ, пока не дошли до утвари первобытнаго человѣка. Здѣсь они остановились. Шериданъ, бросивъ искоса взглядъ на свою спутницу, былъ внезапно пораженъ блѣдностью и печальнымъ взглядомъ молодой дѣвушки. Онъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ ли продолжать этотъ разговоръ, или оставить его. Въ недоумѣніи стоялъ онъ нѣкоторое время молча, опустивъ глаза, и поглаживая рукою усы, какъ всегда дѣлалъ въ минуты нерѣшительности. Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе могла имѣть эта тоненькая, болѣзненная дѣвушка къ той суровой борьбѣ, которая цѣликомъ заполняла теперь его жизнь? Не лучше ли было бы оставить ее въ покоѣ и поддерживать прежнюю дружбу, не стараясь убѣждать ее съ помощью аргументовъ, которые были слишкомъ рѣзки и тяжелы для нея? Раздраженіе противъ нея окончательно исчезло; онъ подошелъ къ ней и въ глазахъ его засвѣтился

ласковый огонекъ. Люцилла смотрѣла на каменную утварь давно угасшаго періода исторіи человѣчества, думая не о прошломъ, а о будущемъ, какъ оно рисовалось ей въ мечтахъ.

— Давайте лучше смотрѣть на всѣ эти горшки и забудемъ на время о моихъ несовершенствахъ,—сказалъ онъ примирительно.— Я думаю, что многое могъ бы поразсказать вамъ о нихъ. Къ сожалѣнію, я преисполненъ всякихъ недостатковъ. Но, можетъ быть, вы отнесетесь къ нимъ поснисходительнѣе и все-таки признаете во мнѣ и кое-что, не заслуживающее порицанія. Неужели у васъ совсѣмъ нѣтъ довѣрія ко мнѣ? Такъ тяжело встрѣчать недовѣріе въ друзьяхъ; отъ чужихъ или отъ враговъ ничего другого и не ожидаешь, но не отъ друга, Люцилла!

Его ласковый тонъ больно отзывался въ сердцѣ Люциллы. Она чувствовала всю глубину разногласія между ними. Очевидно, онъ никогда не понималъ ее, и теперь менѣе, чѣмъ когда-либо. А она, понимала ли она его?

— Неужели же мы чужіе другъ другу?—думала она.

Она взглянула на него пытливымъ взглядомъ, въ которомъ проглядывало выраженіе страха. Шериданъ отвѣтилъ ей недоумѣвающимъ взглядомъ. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ эту минуту и это выраженіе страха на ея блѣдномъ, измученномъ личикѣ.

— Я не могу ничего съ собой подѣлать—начала она опять.— Не думаю, чтобы тутъ было что-нибудь личное. А просто, я не могу помириться съ вашей тактикой. Мнѣ кажется, что въ основѣ ея лежитъ какая-то роковая ошибка.

— Вы, несомнѣнно, неправы,—возразилъ онъ.—Часть того, что мы себѣ намѣтили, уже осуществилась, или во всякомъ случаѣ на пути къ осуществленію. Мы можемъ только поздравлять себя съ побѣдою. Колебанія были бы плохимъ доказательствомъ вѣры.

Люцилла выразительнымъ жестомъ закинула руки за голову.

— И все это было достигнуто путемъ компромиссовъ!

— Нисколько!—сказалъ онъ спокойно.—Не путемъ компромиссовъ, а путемъ распространенія въ народѣ извѣстныхъ соціальныхъ взглядовъ, которые, наконецъ, были усвоены имъ.

— Мнѣ кажется, что мы точно перешли во владѣнія врага и опустили свое знамя.

Шериданъ вспыхнулъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, но рѣшилъ сдерживаться изъ симпатіи къ ней.

— Что же я, по вашему, долженъ былъ бы теперь дѣлать, вмѣсто того, что я сдѣлалъ?—спросилъ онъ спокойно.

Люцилла обернулась къ нему и глаза ея засверкали.

— Что дѣлать?—воскликнула она.—Вы должны были бы прежде всего отречься отъ лицемѣрія, воплощеніемъ котораго является нашъ представительный образъ правленія. Я не могу выносить мысли, что вы теперь будете принимать въ немъ участіе. Вы, именно вы, Поль, никогда не должны были унизиться до того, чтобы вступить въ число членовъ этого позорнаго учрежденія, называемаго нашимъ парламентомъ. Вы должны были бы стоять внѣ его и бросать имъ всѣмъ въ лицо истину.

Раздраженіе Шеридана сразу улеглось при этихъ страстныхъ словахъ Люциллы. Онъ смягчился и съ улыбкой смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Такъ вотъ что я, по вашему, долженъ былъ бы дѣлать—проговорилъ онъ.—И что же я, вмѣсто этого, дѣлаю?

— Вы усвоили себѣ всѣ пріемы враговъ и обращаете ихъ на достиженіе своихъ цѣлей.

Голосъ Люциллы дрожалъ отъ переживаемаго ею волненія, и лицо ея пылало. Поль откинулъ назадъ голову съ легкимъ смѣхомъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—И мнѣ кажется, что лучшаго я бы ничего не могъ придумать, что въ этомъ и есть мое назначеніе въ жизни. А что касается истины, то я сдѣлаю попытку провозгласить ее въ стѣнахъ самого парламента.

— Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы...—начала она.

— Чтобы я совершилъ какой-нибудь очень героическій, и очень нелѣпый, и очень рѣзкій поступокъ?—прервалъ онъ ее, ласково смотря ей въ глаза.—Но развѣ вы не видите, что это было бы помѣхою нашему дѣлу? Я сдѣлалъ именно то, что въ настоящее время слѣдовало сдѣлать. Плохъ тотъ солдатъ, который проигрываетъ сраженіе изъ-за необдуманной смѣлости. Но пойдемте дальше. Мнѣ хочется показать вамъ разные старые скелеты.

Молодая дѣвушка на минуту склонилась передъ вліяніемъ этого сильнаго человѣка.

— О, Поль! — воскликнула она съ отчаяніемъ въ голосѣ, по старой привычкѣ обращаясь къ нему за поддержкой и успокоеніемъ.—Я была такъ счастлива прежде, такъ счастлива и увѣрена въ себѣ и въ нашемъ дѣлѣ! Помните, въ тѣ времена, когда мы пили чай у меня въ комнатѣ и строили всякіе планы, и когда всѣ насъ презирали!

Что-то дѣтское и безпомощное прорвалось въ этомъ восклицаніи. Шериданъ подошелъ къ ней ближе и взялъ ея руку.

— И когда мы съ вами всѣхъ презирали—да?—спросилъ онъ.—Съ тѣхъ поръ намъ поневолѣ пришлось поумнѣть немного. Но это

было хорошее время, не правда ли? Мы были тогда очень молоды, и пламенны, и невѣжественны. Но такое настроеніе нельзя удержать, Люцилла, и было бы даже неправильнымъ стараться удержать его. Съ годами берешь на себя бо́льшую отвѣтственность, и поэтому необходимо относиться къ жизни строже и серьезнѣе.

— Если бы я только могла вѣрить!

Эти слова были произнесены почти шопотомъ.

— Ну, полноте,—началъ Шериданъ, стараясь пріободрить ее.— Не такъ ужъ все это ужасно, какъ вамъ представляется. Главное не въ томъ, чтобы вѣрить, а въ томъ, чтобы понимать, чтобы быть въ состояніи объяснить себѣ соціальную эволюцію. Въ этомъ и есть коренное различіе между революціоннымъ и демократическимъ духомъ.

— Развѣ?—спросила Люцилла упавшимъ голосомъ

— Да. Я принимаю въ соображеніе условія мѣста и времени, а вы ихъ игнорируете. Въ этомъ все дѣло.

— А мнѣ кажется, какъ будто вы въ корнѣ измѣнили свои взгляды.

— Нисколько. Я просто смотрю на вещи съ болѣе здравой и практической точки зрѣнія. Обыкновенно забываютъ, что мы сами еще не уяснили себѣ какъ слѣдуетъ, что нужно дѣлать, какъ помочь существующему злу. Наше невѣжество и незнаніе тоже является однимъ изъ элементовъ этого зла. Кое-гдѣ мы ясно видимъ, что̀ именно можетъ быть сдѣлано. И мы должны сдѣлать это маленькое дѣло, потому что это послужитъ намъ для дальнѣйшаго разъясненія нашихъ обязанностей.

— Все это не то,—сказала Люцилла.—Вы толкуете о какихъ-то мелочахъ. А наши главныя задачи отодвигаются все дальше и дальше, тонутъ во всевозможныхъ компромиссахъ.

Шериданъ сдвинулъ брови. Ему не хотѣлось больше спорить. Онъ видѣлъ, что она не понимаетъ его, и уже началъ терять надежду на возможность соглашенія между ними.

— Очевидно, я не умѣю какъ слѣдуетъ выяснить вамъ свою мысль,—проговорилъ онъ.—Я думаю, однако, что тамъ, гдѣ есть только одинъ путь, благоразумнѣе всего идти по этому пути, разъ другого нѣтъ.

— Нѣтъ,—сказала она энергично.—Прокладывайте новый путь.

— Это ужъ я предоставляю вамъ, Люцилла. Вы всегда были преувеличеннаго мнѣнія о моихъ силахъ. Теперь, мнѣ кажется, вы впадаете въ другую крайность. Я не поэтъ, и, признаюсь, не могу обозрѣть сразу все дерево соціальнаго прогресса. Для меня вершина его скрывается въ облакахъ. И я стараюсь дѣлать только то, что мнѣ доступно.

— Когда-то у васъ были болѣе широкіе замыслы.

— Я, право, отказываюсь понимать васъ, — сказалъ онъ, стараясь подавить раздраженіе.—Вы, повидимому, требуете, чтобы я поступалъ такъ, какъ будто міръ былъ не таковъ, каковъ онъ есть, и сердитесь на меня за то, что я не живу въ такомъ мірѣ, какого не существуетъ. Я наблюдаю факты и вижу, что въ обществѣ произошли извѣстныя перемѣны, что эти перемѣны имѣютъ до извѣстной степени прочный, длящійся характеръ. Понятное дѣло, что я долженъ сообразовать свою дѣятельность съ этими перемѣнами.

— И это все? Больше вы ни къ чему и не стремитесь?

— Само собою разумѣется, что не все, въ конечномъ смыслѣ слова. Я говорю только о настоящей минутѣ. Вѣдь намъ приходится воздѣйствовать на массу, состоящую изъ среднихъ людей, а не изъ исключительныхъ личностей. Я выбираю тотъ путь, который соотвѣтствуетъ современному демократическому уровню. Конечная цѣль моя заключается въ томъ, чтобы поднять этотъ средній уровень, чтобы сдѣлать средняго человѣка вообще болѣе сильнымъ и возвышеннымъ существомъ, чѣмъ онъ теперь. Но я могу дѣйствовать только такимъ орудіемъ, которое окажется пригоднымъ для этого. Было бы безсмысленно затѣвать что-нибудь неосуществимое.

— Вотъ какъ! Значитъ идеалы оказываются ненужными?

— Если вы считаете идеалами совершенно невозможныя вещи, то, по совѣсти говоря, я не могу тратить на это свое время. Я не могу навязывать жизни своихъ идеаловъ. Я стараюсь только понять и уразумѣть, какого рода идеалы выдвигаются самою жизнью.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все не то! Нужно направлять жизнь въ сторону идеала, а не идти по теченію.

Поль пожалъ плечами и молча пошелъ впередъ по галлереѣ. Люцилла слѣдовала за нимъ. Оба были очень печальны и озабочены. Люцилла уже не смотрѣла на него, а устремила взглядъ въ пространство; Поль искренно жалѣлъ, что началъ этотъ разговоръ. Ему не хотѣлось разставаться съ нею такъ, безъ примиряющей ноты, но онъ не зналъ, какъ приступиться.

— Мы, дѣйствительно, различно смотримъ на дѣло,—сказалъ онъ.—Вы хотите уничтожить весь современный строй, а я не имѣю къ этому ни малѣйшаго желанія. Я, такъ же, какъ и вы, вижу всѣ его несовершенства и темныя стороны. Но мнѣ хочется разобраться, въ чемъ заключается причина болѣзни и какой наиболѣе раціональный способъ лѣченія ея. И я непоколебимо вѣрю въ то, что общество съумѣетъ само излѣчиться.

— О, Боже мой,—воскликнула она.—И вы еще говорите о вѣрѣ! Вы замѣняете вѣру въ принципъ вѣрою въ методъ!

— Я думаю, что именно ваша вѣра не выдерживаетъ никакой критики, Люцилла. Теорія Ибсеновскаго Бранда «все или ничего» гибельна, потому что она невѣрна.

— Не затрагивайте моей вѣры,—воскликнула Люцилла; вѣра въ невозможное была ея величайшимъ несчастіемъ.

— Хорошо, Люцилла,—отвѣчалъ Поль очень спокойно.—Я не буду говорить объ этомъ. Я не буду такъ жестокъ съ вами, какъ вы были жестоки со мною.

Люцилла ничего не могла отвѣчать, рыданья сжимали ей горло. Жестока съ нимъ! А онъ развѣ не былъ жестокъ съ нею? Очевидно, говорить больше было не о чемъ, дружба ихъ кончилась и никогда не возстановится. Какъ это могло случиться такъ скоро и какъ это ихъ разногласія, казавшіяся вначалѣ такими ничтожными, привели къ полному разрыву?

Поль то же чувствовалъ, что случилось нѣчто непоправимое, и глубоко скорбѣлъ объ этомъ. Ему тяжело было выслушать суровыя порицанія Люциллы, сознавать всю ихъ несправедливость и въ то же время оказаться безсильнымъ переубѣдить ее. Но для него все это было лишь однимъ изъ многихъ эпизодовъ въ теченіе его дня: тысячи другихъ дѣлъ поджидали его. Когда они подошли къ концу галлереи, онъ успѣлъ уже стряхнуть съ себя овладѣвшее имъ уныніе и обернулся къ Люциллѣ съ пріободрившимся видомъ.

Для Люциллы, наоборотъ, каждое его слово было тяжелымъ ударомъ и она не могла такъ скоро отдѣлаться отъ гнетущаго чувства, вызваннаго въ ней этимъ разговоромъ. У конца галлереи Поль остановился и посмотрѣлъ на часы. Они стояли около пятиногого Ассирійскаго быка, равнодушно взиравшаго на душевную трагедію современныхъ людей, разыгрывавшуюся передъ нимъ.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ, протягивая ей на прощаніе руку.—Черезъ четверть часа у меня назначено дѣловое свиданіе, прощайте. Мнѣ очень грустно, что пришлось съ вами поспорить. Постарайтесь быть справедливѣе ко мнѣ. Но не требуйте отъ меня слишкомъ многаго. Я многогрѣшный сынъ земли и ангельскаго или демоническаго во мнѣ нѣтъ ровно ничего. Прощайте. До свиданія.

Онъ крѣпко жалъ ея руки и глазами точно просилъ у нея прощенія. Но ея глаза смотрѣли твердо и сурово. Потомъ онъ ушелъ. Люцилла въ нѣмомъ отчаяніи посмотрѣла ему вслѣдъ. Для нея этотъ разговоръ имѣлъ роковое значеніе: она знала, что теперь отступленіе отрѣзано и ея судьба рѣшена безповоротно...

Глава XVII.

Онора, припоминая въ этотъ же день вечеромъ свой утренній разговоръ съ Люциллой, пришла къ заключенію, что ея другъ находится въ болѣзненно-напряженномъ, нервномъ состояніи; и мысль о томъ, что Люцилла сидитъ теперь одна въ своей каморкѣ, не давала ей покою. Кончивъ всѣ свои занятія, она рѣшила навѣстить ее и отправилась въ городъ.

Взобравшись наверхъ къ Люциллѣ, она увидѣла, что дверь въ ея комнату пріотворена. Это былъ вѣрный знакъ, что Люцилла дома. И дѣйствительно, въ комнатѣ слышались шаги, указывающіе на присутствіе хозяйки. Не смотря на это, когда Онора постучалась въ дверь, на стукъ ея не послѣдовало никакого отвѣта. Послѣ нѣкотораго колебанія, она побольше пріотворила дверь и заглянула въ комнату.

Люцилла была тамъ; она стояла около своего письменнаго стола съ молоткомъ въ рукѣ. Когда Онора вошла, она, не замѣчая ея, подняла руку и ударила молоткомъ въ портретъ Шеридана, стоявшій на столѣ. Ударъ былъ нанесенъ такою твердою рукою, что стекло сразу подалось и рамка разбилась въ дребезги. Онора съ недоумѣніемъ наблюдала эту странную процедуру.

— Люцилла!—прошептала она наконецъ.

Люцилла вздрогнула и обернулась къ ней. Руки ея опустились и яркая краска залила щеки.

— Это вы!—сказала она тихо.—Для такихъ занятій я должна была бы запереть дверь на ключъ.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это, Люцилла?—спросила Онора, съ тревогой смотря на разстроенное лицо молодой дѣвушки.

— Бросьте карточку въ огонь,—вмѣсто отвѣта, проговорила Люцилла.

— Нѣтъ, ужъ дѣлайте это сами. Я не люблю Шеридана. Онъ мнѣ вовсе не другъ, но у меня рука не поднимется сжечь его.

— Ну, такъ дайте ее мнѣ.

Онора не двигалась. Люцилла подошла къ столу, вынула карточку изъ сломанной рамки и бросила ее въ огонь. Она сѣла передъ каминомъ и смотрѣла, какъ пламя медленно охватывало изображеніе Шеридана.

Онора съ негодующимъ удивленіемъ смотрѣла на нее.

— Какъ вы могли сдѣлать такую жестокую вещь?—проговорила она наконецъ.

— Онора,—сказала Люцилла,—не будемъ говорить объ этомъ.

— Но все-таки я бы хотѣла знать, чѣмъ провинился м-ръ Шериданъ?

— Ничѣмъ. Ничѣмъ особеннымъ, во всякомъ случаѣ.

— Когда вы съ нимъ послѣдній разъ видѣлись?

— Около часа тому назадъ.

— Какъ будто часа достаточно для того, чтобы обдумать свое поведеніе и рѣшиться мстить,—воскикнула Онора съ новымъ приливомъ негодованія.—Потому что это несомнѣнно месть,—взять молотокъ и разбить имъ карточку друга!

— Тутъ нѣтъ никакой необдуманной мести. Я поступила вполнѣ сознательно.

— Вы не можете поступать сознательно, когда находитесь въ ярости.

— Онора, я нисколько не была въ ярости. Повторяю вамъ, что я даже не сердилась. Вы не понимаете, въ чемъ дѣло.

— О, я прекрасно понимаю, можетъ быть, даже лучше вашего. Вы, вѣроятно, видите въ своемъ поступкѣ что-нибудь возвышенное, а по моему, это просто припадокъ бѣшенства. М-ръ Шериданъ, вѣроятно, сказалъ что-нибудь возмутительное—надо отдать справедливость и ему, и вамъ—онъ обладаетъ способностью говорить ужаснѣйшія вещи—и вы пришли домой въ бѣшенствѣ. А тутъ на столѣ стояло его изображеніе, и рядомъ лежалъ молотокъ. И вы, какъ капризный ребенокъ, взяли и раздробили въ куски его карточку. Вотъ и вся исторія, Люцилла.

— Онора!

— Ну?

— М-ръ Шериданъ не говорилъ ничего возмутительнаго. Это я наговорила ему самыхъ возмутительнѣйшихъ вещей.

— Это соображеніе, очевидно, могло только усилить вашъ гнѣвъ. Для меня все совершенно ясно. Конечно, всегда ищешь какого-нибудь способа, чтобы облегчить свою душу, когда очень сердишься. Но вы должны были бы подумать о будущемъ—о томъ неизбѣжномъ моментѣ, когда злоба пройдетъ, и когда вы оглянетесь на свое дѣяніе и посмотрите на него другими глазами.

Люцилла молча смотрѣла въ огонь.

— Я, кажется, уже говорила вамъ,—продолжала Онора,—что когда-то я была страшно, страшно зла на одного своего друга. Я чувствовала непобѣдимое желаніе какъ-нибудь выместить свою злобу на карточкѣ Литтльтона. Я была прямо въ ярости, и не могла выносить, чтобы она торчала тутъ у меня передъ глазами и еще болѣе раздражала меня своимъ видомъ. Но мнѣ не пришло въ голову ударить въ нее молоткомъ. Какъ вы могли придумать

такую гадость, Люцилла? Я просто швырнула ее въ ящикъ и заперла на ключъ. И тамъ она у меня пролежала долгіе мѣсяцы, Люцилла!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Цѣлые мѣсяцы. И когда я опять вынула ее, то она посмотрѣла на меня самымъ дружескимъ образомъ.

— Тутъ нѣтъ ничего общаго,—сказала Люцилла.—Ужъ можете мнѣ повѣрить, что нѣтъ.

— Повѣрьте мнѣ, что есть,—возразила Онора.—Человѣческая природа вездѣ одна и та же, и соціалисты ссорятся совершенно такъ же, какъ и прочіе смертные.

— Развѣ это ссора?

— И очень нехорошая ссора, я полагаю. Я увѣрена, Люцилла, что вы дадите всему этому происшествію какое-нибудь торжественное названіе. Въ этомъ вся суть. Вы, навѣрное, разбранились съ м-ромъ Шериданомъ «по чувству долга». Вы знаете, я не особенная поклонница м-ра Шеридана, но я всегда стою за справедливость. И я начинаю бояться, что вы сдѣлали величайшую глупость и окончательно порвали съ нимъ.

— О, да! Конечно, окончательно.

— И это очень глупо. Никогда не слѣдуетъ поступать такъ. Нужно всегда оставлять дверь пріотворенной.

— Дверь должна быть или закрыта, или открыта настежъ.

— Пустяки! Все это однѣ фразы. Я подозрѣваю, что вы берете на себя слишкомъ много. Знаете, я даже увѣрена въ этомъ.

Люцилла ничего не отвѣчала. Она устало опустила голову. Онора поднялась со своего мѣста, подошла къ ней, опустилась около нея на колѣни и крѣпко обняла ее. Обѣ дѣвушки прижались другъ къ другу.

— Знаете, что я сдѣлаю? — проговорила она мягкимъ шопотомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Люцилла.—Что вы такое придумали?

— Я принесу вамъ новую картину, которую вы поставите себѣ на столъ вмѣсто портрета Шеридана.

— Какую картину?

— Одну картину Уатса. Помните его «Жизнь и любовь»? Я знаю, гдѣ можно достать хорошую копію.

— О! — сказала Люцилла, съ глубокимъ вздохомъ. — Любовь здѣсь не причемъ.

— Вы ошибаетесь, — возразила Онора увѣреннымъ голосомъ, цѣлуя блѣдную щеку Люциллы.—Здѣсь все дѣло въ любви. Вѣдь и любовь бываетъ разная.

Она засмѣялась и, близко нагнувшись къ уху Люциллы, шепнула ей:

— Вы слишкомъ маленькая и слабенькая для вашихъ великихъ идей.

Люцилла ничего не отвѣтила. Изъ подъ рѣсницъ ея медленно скатилась слеза.

— Раньше,—начала Онора нѣсколько смущенно, — я думала, что могу обойтись безъ любви моего отца. Я считала, что онъ былъ неправъ по отношенію ко мнѣ, и я ушла отъ него съ холоднымъ сердцемъ. Теперь я начинаю убѣждаться, что мнѣ ужасно недостаетъ его любви—вѣроятно, постоянное общеніе съ дѣтьми научило меня этому, а можетъ быть, ваше вліяніе, Люцилла. Но только я теперь вижу, что какъ бы то ни было, а я должна опять завоевать его любовь.

Она погладила руку Люциллы, и сказала:

— Какая у васъ холодная рука! И щеки горятъ. Вы, навѣрное, больны. Ѣли вы что-нибудь?

— Нѣтъ. Я не была голодна.

— Вотъ что я вамъ скажу: ложитесь теперь спать, а я приготовлю вамъ чего-нибудь поѣсть. Если говорить правду, то я подозрѣвала нѣчто подобное, и потому принесла съ собою кое-что вкусное. Дайте, я помогу вамъ раздѣться, и посижу съ вами, пока вы не заснете.

Такимъ образомъ, этотъ тяжелый день неожиданно окончился для Люциллы полнымъ успокоеніемъ. Она лежала, измученная и усталая, въ ярко-освѣщенной комнатѣ, и съ благодарностью смотрѣла на Онору, которая, неслышно двигаясь, приготовляла ей чай, укутывала ее и окружала всяческими заботами. Потомъ она запѣла что-то мягкимъ пріятнымъ голосомъ.

Люцилла никогда не думала, что Онора умѣетъ пѣть. Она выбирала тонкія, простыя, умиротворяющія вещи—должно быть, колыбельныя пѣсни. Какъ это странно и непохоже на Онору. Но слушать было очень пріятно. Весна... сумерки, прозрачныя тѣни... птицы прячутся въ гнѣзда... И слушая, Люцилла понемногу начала дремать и, наконецъ, крѣпко уснула.

Глава XVIII.

Люцилла не измѣнила своему рѣшенію, принятому ею послѣ избранія Шеридана и своего послѣдняго свиданія съ нимъ. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ она не имѣла никакихъ сношеній ни съ нимъ, ни съ его друзьями. Время не смягчило ея отношенія къ

своимъ прежнимъ товарищамъ. Она думала о нихъ съ глубокою горечью и сожалѣніемъ, но не имѣла никакого намѣренія вернуться къ нимъ.

Съ другой стороны, Д'Овернэ все болѣе являлся для нея воплощеніемъ строгихъ общественныхъ принциповъ и героическаго отреченія отъ благъ міра сего во имя общаго блага, и она отдалась этому ученію со всей ревностью ново-обращенныхъ, проявляя особенно энергичную дѣятельность въ пропагандѣ.

Шериданъ, не смотря на массу работы и новыхъ интересовъ, наполнявшихъ его жизнь, не забывалъ Люциллу. Слухи объ ея окончательномъ присоединеніи къ Д'Овернэ дошли и до него, и искренно огорчили его.

Онъ вспоминалъ о ней не иначе, какъ со жгучей болью и жалостью. Иногда ему хотѣлось написать ей, но онъ все не могъ рѣшиться на это. Ему казалось, что онъ не имѣетъ никакого права вторгаться въ ея жизнь, навязывать ей свои совѣты, а между тѣмъ трудно было помириться съ мыслью, что между ними все кончено.

Въ новой школѣ Оноры Люцилла съ обычной добросовѣстностью выполняла всѣ свои обязанности. Правда, Онора съ грустью замѣчала, что она уже не относится къ дѣлу съ прежней лихорадочной страстностью. Ее огорчала также все увеличивающаяся худоба ея друга и странный блескъ ея глазъ. На всякіе вопросы о здоровьѣ Люцилла отвѣчала удивленнымъ взглядомъ. Не смотря на свою близость съ Онорой, она оставалась попрежнему замкнутой и никогда не говорила съ ней о переживаемой душевной борьбѣ.

Онора между тѣмъ все болѣе и болѣе привязывалась къ этой странной дѣвушкѣ и относилась къ ней съ покровительственной, почти материнской нѣжностью.

Однажды, вечеромъ, въ половинѣ ноября Люцилла, вернувшись къ себѣ, нашла въ ящикѣ для писемъ у своей двери два или три письма. Несмотря на всѣ старанія Оноры, Люцилла продолжала вести свой обычный суровый отшельническій образъ жизни, не позволяя себѣ никакихъ, какъ она выражалась, «излишествъ». Люцилла въ принципѣ стояла за «опрощеніе» и за то, чтобы по возможности не подыматься надъ уровнемъ жизни народной массы.

Теперь она вынула письма изъ ящика, бросила ихъ на столъ и принялась зажигать у себя лампу и растапливать каминъ. Она всегда дѣлала все сама, считая прислугу тоже излишней роскошью. Наконецъ, въ комнатѣ стало свѣтло, и въ котелкѣ, повѣшенномъ

надъ каминомъ, закипѣла вода. Тогда она переодѣлась и сѣла пить чай. Къ письмамъ она все время не дотрогивалась, отчасти, чтобы дисциплинировать себя, а, можетъ быть, отчасти и для того, чтобы продлить удовольствіе. Въ ея однообразной, замкнутой жизни, полной за послѣднее время такой мучительной и напряженной борьбы, эти письма были цѣлымъ событіемъ!

Люцилла выдержала характеръ и взялась за письма только послѣ того, какъ поужинала, убрала все со стола и вымыла посуду. Первое письмо не заключало въ себѣ ничего особеннаго. Люцилла просмотрѣла его и отложила въ сторону. Но подъ нимъ лежалъ небольшой четырехъ-угольный сѣрый конвертъ, одинъ внѣшній видъ котораго имѣлъ въ себѣ что-то привлекательное. Адресъ былъ написанъ рукою Шеридана. Когда она увидѣла его, сердце ея радостно забилось. Комната сразу сдѣлалась свѣтлѣе и веселѣе, и повѣяло новой жизнью. Она взяла письмо и хотѣла открыть конвертъ, но потомъ вдругъ выпустила его изъ рукъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Она ни за что не сдѣлаетъ ни одного шага къ примиренію. Послѣ того, какъ онъ сдѣлался членомъ парламента, между ними все кончено. Никакого возврата къ прошлому не можетъ и не должно быть. Она опять схватила письмо и бросила его въ огонь. Когда оно исчезло въ пламени, она вздохнула съ облегченіемъ, чувствуя, что освободилась отъ большой опасности.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько недѣль. Наступилъ декабрь. Погода стояла очень мягкая, но пророки погоды предсказывали близкое наступленіе холодовъ. Въ одинъ изъ теплыхъ ясныхъ вечеровъ Люцилла возвращалась домой съ одного изъ собраній въ маленькомъ домикѣ за Вестминстерскимъ мостомъ. Собраніе не выходило изъ ряду обыкновенныхъ, и она не вынесла оттуда ни особеннаго интереса, ни подъема духа. Д'Овернэ шелъ съ нею. У него уже вошло въ привычку провожать ее часть пути до дому. Люциллѣ это не особенно нравилось: лично д'Овернэ никогда не былъ ей симпатиченъ и она не могла подавить въ себѣ безсознательно непріязненнаго чувства къ нему; но онъ былъ очень настойчивъ, и ей приходилось переносить его общество. Обыкновенно онъ бывалъ веселъ и разговорчивъ, но на этотъ разъ отличался молчаливостью. Они прошли почти весь мостъ въ молчаніи. Потомъ онъ вдругъ наклонился къ ней.

— Миссъ Деннисонъ,—сказалъ онъ тихо, — мнѣ нужно сообщить вамъ нѣчто очень важное.

Онъ сказалъ эти слова такимъ многозначительнымъ тономъ, что Люцилла тотчасъ же остановилась, какъ вкопанная.

— Не здѣсь,—проговорилъ онъ быстро.—Но не могли ли бы вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ? Можетъ быть, вы согласитесь пройти со мною въ одно мѣсто, гдѣ намъ можно будетъ поговорить свободно?

— Куда?—спросила Люцилла.

— Я знаю одно уединенное мѣстечко на набережной, недалеко отъ парламента. Мы можемъ тамъ постоять у рѣки и никто не помѣшаетъ намъ.

Принявъ ея молчаніе за согласіе, д'Овернэ спокойно пошелъ впередъ, указывая ей дорогу. Люцилла слѣдовала за нимъ. Сердце ея сильно билось. Они прошли мимо палаты общинъ и повернули налѣво. Здѣсь было уже гораздо меньше народу, но Люцилла никого не замѣчала. Въ головѣ ея неотвязно вертѣлось изреченіе, читанное сегодня на собраніи:

«Un voyage de mille lieux commence par un pas. Et tu sais, compagnon! Il n'y a que le premier pas qui coute» *).

Д'Овернэ привелъ ее къ пустынному мѣсту, гдѣ почти не было пѣшеходовъ. Съ одной стороны дороги возвышался рядъ красивыхъ, невысокихъ домовъ, съ другой—протекала Темза, закованная въ каменную ограду.

— Здѣсь,—сказалъ онъ, останавливаясь около ограды.

Онъ прислонился къ оградѣ и сталъ смотрѣть на рѣку. Люцилла подошла къ нему и стала рядомъ.

— Mademoiselle, — спросилъ онъ вдругъ рѣзкимъ голосомъ, близко наклоняясь къ ея уху,—вы увѣрены въ себѣ?

— Конечно, monsieur д'Овернэ. Неужели вы не довѣряете мнѣ?

— Развѣ это возможно? Нѣтъ. Я вполнѣ довѣряю вамъ. Если бы я не довѣрялъ, развѣ бы я привелъ васъ сюда?

— Я очень тверда, monsieur д'Овернэ.

— Но вы такое слабое существо, mademoiselle, такая маленькая! Si petite... si mignonne. Есть ли у васъ сила?

— Я сильна,—отвѣтила Люцилла съ убѣжденіемъ.

— Но есть ужасныя вещи, которыя слишкомъ грубы, слишкомъ тяжелы для такихъ нѣжныхъ плечъ, какъ ваши? Только мужчины могутъ съ ними справиться.

— И женщины также, если онѣ входятъ въ жизнь.

— Но это очень трудно и опасно. Дѣйствовать не то же самое, что разговаривать. Пріятно поговорить о дѣлѣ въ кругу то-

*) Путешествіе въ тысячу верстъ начинается съ одного шага. А ты знаешь, товарищъ, труденъ только первый шагъ.

варищей и, если можно такъ выразиться, помечтать о немъ. Но приступить къ дѣлу, mademoiselle, о! это ужъ совсѣмъ другое!

— О, monsieur д'Овернэ! Неужели моментъ уже насталъ?

Она обернулась къ нему въ страстномъ ожиданіи.

— Не лучше ли вамъ теперь уйти, не дослушавъ остального?— проговорилъ онъ насмѣшливымъ и, въ то же время, нѣжнымъ голосомъ.—Да, моментъ насталъ...

Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза своими большими темными глазами, казавшимися еще красивѣе въ полумракѣ, царившемъ на набережной.

— Помните,—повторилъ онъ.—Я предупреждалъ васъ: лучше не слушайте.

— Говорите,—произнесла Люцилла, затаивъ дыханіе.

— Подойдите ближе. Повернитесь къ рѣкѣ.

Люцилла безпрекословно повиновалась.

— У насъ не принято повѣрять свои рѣшенія другимъ и менѣе всего женщинамъ. Мы руководствуемся своими убѣжденіями и не обсуждаемъ своихъ поступковъ, а совершаемъ ихъ. Только сильные духомъ могутъ идти съ нами.

— Я это знаю.

— Но когда подвертывается случай, когда мы видимъ, что пришло время для дѣйствія—тогда, если намъ нужна помощь, мы опираемся на вѣру и преданность нашихъ товарищей.

— Да.

— А теперь наше время пришло...

— Monsieur д'Овернэ! Я не уѣду изъ Англіи.

— О, mademoiselle! Вы будете не одна! Нѣтъ! Съ вами будетъ близкій и надежный человѣкъ.

— Я не понимаю. Куда мнѣ нужно ѣхать? И зачѣмъ?

Д'Овернэ подошелъ къ ней совсѣмъ и заговорилъ подавленнымъ шопотомъ:

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что въ васъ вся моя сила. Вы—мое мужество, мое вдохновеніе, моя душа. Я не могу дѣйствовать безъ васъ. Безъ васъ я ничего никогда не совершу.

— Я ничего не понимаю—отвѣчала Люцилла рѣзко. Она была поражена, ошеломлена и окончательно сбита съ толку.—Говорите яснѣе, потому что я не понимаю.

Д'Овернэ тихонько разсмѣялся, мягкимъ музыкальнымъ смѣхомъ. Взглянувъ на него, она увидѣла его красивое лицо, точно озаренное смѣхомъ. Въ немъ было какое-то новое, странное выраженіе. Почему именно теперь, въ эту безконечно-важную и

серьезную минуту monsieur д'Овернэ смѣялся и смотрѣлъ на нее такими странными глазами?

— Не можетъ быть, чтобы вы не замѣчали ничего, чтобы вы не видѣли, что я выбралъ васъ одну среди всѣхъ женщинъ? А! Но вы прекрасно видѣли, вы знали! Могу ли я забыть тотъ вечеръ, mademoiselle, когда вы сами, безъ моего зова, пришли ко мнѣ и отдались моему руководительству? Тогда я впервые почувствовалъ біеніе вашего сердца такъ близко отъ меня, я понялъ, что вы порвали свои оковы и освободились... То, о чемъ я такъ долго мечталъ, близилось къ осуществленію...

Люцилла машинально провела рукою по глазамъ. Ей казалось что передъ нею мелькаютъ какіе-то огненные круги, и что она слышитъ какія-то странныя, ни съ чѣмъ несообразныя слова.

— Развѣ вы не видѣли, чѣмъ вы были для меня? — продолжалъ онъ.—Вы побѣдили меня своимъ страстнымъ порывомъ къ свѣту, mademoiselle, но я былъ вашимъ и раньше. Я весь въ вашей власти, mademoiselle, я готовъ васъ слушаться, какъ ребенокъ. Какъ я завидовалъ накидкѣ, облегавшей вашъ станъ, вѣтру, игравшему въ вашихъ волосахъ и румянившему ваши щеки. О, эти волосы, этотъ прелестный ротикъ!..

— Monsieur д'Овернэ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите ничего! Вашъ ротъ созданъ для того, чтобы имъ любовались, чтобы на него молились. Безъ васъ я—ничто. Если я буду держать васъ въ своихъ объятіяхъ, я готовъ на все... тогда я буду и дѣйствовать... Смотрите, я отдаю вамъ всего себя, свое сердце, свои руки, свою любовь...

О, Боже, Боже, такъ вотъ какой смыслъ имѣла эта «важная минута»! Такое страшное оскорбленіе! Люцилла сразу спустилась со своихъ высотъ.

— Молчите!—крикнула она ему и сама удивилась чужому звуку своего голоса.

Онъ бросился къ ней, но она быстро отступила на нѣсколько шаговъ. Онъ продолжалъ говорить ей о своей страсти, но Люцилла съ трудомъ понимала его слова. Она понимала только одно: въ глазахъ этого человѣка она была просто красивой женщиной, возбуждающимъ образомъ, дѣйствовавшей на его нервы и на его энергію. *Вотъ* въ чемъ заключалась ея роль, и вотъ къ чему сводилось то предложеніе, съ котораго онъ такъ широковѣщательно началъ свою рѣчь!.. Она вдругъ стала на его точку зрѣнія, посмотрѣла на себя его глазами, и чувство нестерпимаго униженія на минуту вытѣснило изъ ея души всѣ другія чувства.

— Постойте!—крикнула она опять.

Д'Оверна замолкъ и вопросительно взглянулъ на нее.

— Наконецъ-то вы высказались вполнѣ ясно, — начала она сухо.—Насколько я теперь понимаю, все это дѣло имѣетъ совершенно личный характеръ. Вы желаете, чтобы я въ четвергъ сопровождала васъ въ Парижъ?

— Да. И чтобы вы приняли мою любовь.

— Вы просите меня ѣхать съ вами. Въ качествѣ кого?

— Въ качествѣ самаго близкаго, дорогого мнѣ существа.

— Въ качествѣ вашей жены, значитъ?

— Если вы хотите дать себѣ такое названіе, то да.

— А что же будетъ дѣлать ваша *настоящая* жена?—воскликнула Люцилла.—Теперешняя madame д'Оверна?

Д'Оверна посмотрѣлъ на нее со спокойнымъ удивленіемъ.

— Какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу?—спросилъ онъ.—Кто вамъ сказалъ, что я женатъ?

— Я это знаю,—отвѣтила Люцилла коротко.

— Ну, что жъ,—замѣтилъ онъ просто,—значитъ, между нами все выяснено.

Наступило долгое молчаніе. Д'Оверна рѣшилъ терпѣливо ждать, пока она снова протянетъ ему свою нѣжную ручку. Для него съ перваго же знакомства самымъ привлекальнымъ въ Люциллѣ были ея свободныя, товарищескія манеры, та простота обращенія, свойственная англійскимъ дѣвушкамъ, благодаря которой за ними такъ пріятно ухаживать. Онъ пожиралъ глазами ея лицо и фигуру, и ждалъ отвѣта.

Между тѣмъ Люцилла быстро оправилась отъ перваго потрясенія и рѣшила поскорѣе покончить весь этотъ мучительный инцидентъ.

— Хотя, какъ вы говорите, между вами и мной все выяснено,— начала она медленно,—но, вѣроятно, между вашей женой и вами отношенія еще не настолько выяснились.

— Надѣюсь, mademoiselle,—сказалъ д'Оверна быстро,—что это давно прошедшее дѣло не можетъ помѣшать моему теперешнему предложенію.

Люцилла не вѣрила своимъ ушамъ. Неужели же онъ все время такъ низко цѣнилъ ее? Но она взяла себя въ руки и продолжала говорить по возможности спокойно.

— Это ваша жена,—сказала она, — женщина, съ которой вы связаны клятвой.

— Когда я встрѣтилъ madame д'Оверна,—началъ французъ,— я не зналъ васъ. Для любви не существуетъ оковъ. Неужели васъ смущаетъ такой пустякъ? Конечно, это дѣлаетъ честь добротѣ

вашего сердца. Я нахожусь въ союзѣ съ женщиной, къ которой теперь я совершенно равнодушенъ.

— Вы ошибаетесь,—возразила Люцилла.—*Я* признаю такой союзъ. По всей вѣроятности, ваша жена также признаетъ его.

— Mademoiselle,—сказалъ д'Овернэ искреннимъ тономъ,—что мнѣ теперь эта женщина, и почему я долженъ принимать въ соображенія ея чувства? Любовь умерла и ее ничѣмъ не воскресишь. Неужели же *вы* съ такимъ уваженіемъ относитесь къ закону, что считаете его постановленія рѣшающими въ такомъ вопросѣ, какъ любовь?

Въ голосѣ его звучало удивленіе. Люцилла отмѣтила это и сочла обвиненіемъ противъ себя. Очевидно, она сама во всемъ виновата. Она такъ держала себя, что дала ему право говорить все это. Онъ былъ только послѣдователенъ и дѣйствовалъ сообразно со своими принципами. А она, признавъ его ученіе, лишила себя возможности возражать ему съ теоретической точки зрѣнія. Ей все стало совершенно ясно. Сегодня еще она слышала тѣ же взгляды, излагавшіеся въ собраніи, и соглашалась съ ними. Но то была теорія, а теперь она столкнулась съ осуществленіемъ ихъ на практикѣ.

— Я говорю не о законномъ союзѣ между вами,—заговорила Люцилла опять спокойнымъ, тихимъ голосомъ.—Но неужели васъ не останавливаетъ мысль о страданіяхъ, которыя вы причиняете вашей женѣ?

— Я не останавливаюсь передъ такой слезливой моралью,—сказалъ онъ холодно.—Я признаю только *свою* волю, *свое* право жить и наслаждаться.

— Monsieur д'Овернэ! — проговорила Люцилла твердо. — Мы должны кончить этотъ разговоръ. Между нами, очевидно, съ самаго начала было какое-то ужасное недоразумѣніе. Я обвиняю не васъ, а самоё себя. Моя совѣсть до такой степени опутана условностями, которыя вы такъ презираете, что я не могу даже поблагодарить васъ за ваше предложеніе.

Вся горечь ея униженія вылилась въ этихъ словахъ. Она повернулась и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

— Вы не уйдете, mademoiselle,—сказалъ онъ и въ голосѣ его опять звучали страстныя, испугавшія ее, ноты.—Мы еще не объяснились. Мы съ вами товарищи, mademoiselle, а не дѣти, играющія въ любовь. Вы сами протянули мнѣ руку. Вы дали клятву. *Это* только прелюдія къ тому, что должно свершиться.

— Я дала клятву молчать и сдержу ее. Отпустите меня, monsieur д'Овернэ. Я не могу больше оставаться здѣсь. Вашъ видъ, ваши манеры внушаютъ мнѣ ужасъ и отвращеніе.

Но онъ не пускалъ ее и продолжалъ говорить. Есть слова, которыя дѣйствуютъ больнѣе ударовъ, интонаціи голоса, которыя сами по себѣ являются величайшимъ оскорбленіемъ. Она хотѣла идти, но онъ удержалъ ее за руку. Его прикосновеніе было ей ненавистно, какъ прикосновеніе какого-нибудь пресмыкающагося. Она чувствовала, что сейчасъ упадетъ въ обморокъ: передъ нею былъ мракъ и во мракѣ ярко выдѣлялось его искаженное, красивое лицо, которое было ей ненавистно. У нея невольно вмѣстѣ съ рыданіемъ вырвались слова:

— О, Поль, неужели вы не придете спасти меня?

— Этотъ предатель! Этотъ измѣнникъ общему дѣлу! Вы зовете *его?*

Ненависть и злоба, звучавшіе въ его голосѣ, такъ поразили ее, что она сразу пришла въ себя. Силы вернулись къ ней и она бросила въ лицо д'Оверна:

— Вы измѣнникъ, а не онъ.

И, подойдя къ нему, она, съ неожиданой для себя рѣшительностью, подняла руку и ударила его по лицу.

Въ слѣдующій моментъ она опрометью бѣжала по набережной, и почувствовала себя въ безопасности, достигнувъ людныхъ улицъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДИЛЕММА.

По поводу книги Давида Штрауса *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ*.

I.

Человѣческая жизнь, и на малыхъ, и на великихъ сценахъ, всегда преисполнена противорѣчій и часто непримиримыхъ контрастовъ. Въ нравственномъ мірѣ, повидимому, не только возможно, но даже является общимъ правиломъ совмѣстное царство безпросвѣтной тьмы и ослѣпительнаго солнца. И, можетъ быть, вся сущность такъ называемаго прогресса заключается въ смягченіи противорѣчій и устраненіи контрастовъ, а главнѣйшій интересъ исторіи и психологіи—въ изученіи подобныхъ явленій.

Можно бы привести сколько угодно любопытнѣйшихъ примѣровъ и иллюстрацій, но для насъ достаточно самаго общаго взгляда на прошлое и настоящее европейской цивилизаціи, чтобы подойти къ смыслу интересующаго насъ факта.

Если бы намъ потребовалось дать возможно краткія и точныя характеристики величайшимъ культурнымъ періодамъ, мы бы могли античную исторію пріурочить къ принципу *красоты*, средневѣковую—*вѣры*, новую—*науки*. Эллины—это истинная раса жрецовъ искусства, племя, спеціально и не въ примѣръ прочимъ одаренное художественными талантами и изумительнымъ чувствомъ прекраснаго.

До послѣднихъ дней въ нашихъ музеяхъ драгоцѣннѣйшими сокровищами творчества остаются произведенія античныхъ мастеровъ, Аполлонъ Бельведерскій и Венера Милосская—образцами никѣмъ не превзойденной жизненной правды и художественной красоты. До сихъ поръ предъ этими мраморами поэты слагаютъ восторженные гимны, а художники ищутъ вдохновенія и непогрѣшимыхъ учительскихъ внушеній.

И они правы. Но стоитъ заглянуть дальше этихъ безсмертныхъ памятниковъ, въ самую дѣйствительность, ихъ создавшую, и васъ охватитъ чувство, отнюдь не похожее на восторгъ.

Какимъ жестокимъ и узкимъ былъ этотъ эстетическій народъ! Онъ такъ умѣлъ изображать красоту, а женщину держалъ въ рабствѣ, узаконилъ самый оскорбительный взглядъ на женскую природу, призналъ ее нарочито склонной ко злу и отказалъ женщинѣ въ правѣ когда-либо достигнуть совершеннолѣтія. Если мужчина, совершившій предосудительный поступокъ, желалъ спастись отъ суда и безславія, ему оставалось только доказать, что поступокъ совершенъ по внушенію женщины, и фактъ считался недѣйствительнымъ.

Матерямъ и женамъ *неприлично* было, да, именно *неприлично*, обнаруживать свои чувства къ мужьямъ и дѣтямъ. И когда, напримѣръ, послѣ Херонейской битвы, на порогахъ домовъ появились женщины и разспрашивали спасшихся воиновъ о судьбѣ родныхъ, городъ, по мнѣнію эллинскаго историка, представлялъ недостойное зрѣлище.

Женщинѣ надлежало сидѣть дома, всю жизнь оставаться простымъ пассивнымъ матеріаломъ для производства новыхъ гражданъ, и единственный изъ эллинскихъ поэтовъ, Эврипидъ, дерзнулъ выразить состраданіе къ судьбѣ этой «несчастнѣйшей въ мірѣ породы» и протестовать противъ рабскаго униженія женщины.

А дальше, уже подлинные рабы, эта живая военная добыча, въ теченіе вѣковъ на своихъ плечахъ выносившая блестящую эллинскую культуру! И опять греку не казалось это ни противоестественнымъ, ни сколько-нибудь несправедливымъ. Величайшій философъ древности, Аристотель, всей силой своей мысли оправдаетъ рабство, докажетъ, что милліоны людей родятся уже готовыми рабами, въ родѣ того, какъ являются на свѣтъ хромые, глухіе. И варвару законно и естественно быть рабомъ.

Такъ же думалъ и самъ идеальный, поэтически-вдохновенный Платонъ. Одного только онъ хотѣлъ бы—не распространять рабства на природныхъ эллиновъ.

Но это pium desiderium неосновательнаго мечтателя! Вѣдь тотъ же Аристотель допускалъ разбойничьи набѣги для пріобрѣтенія «одушевленныхъ орудій» труда, не все ли равно, на какую страну эти набѣги совершаются, разъ побѣжденный можетъ стать таковымъ орудіемъ?

Такъ именно рѣшала сама жизнь. Историки считали нужнымъ указывать на годы периклова правленія, когда эллинамъ не грозило рабство у ихъ же соплеменниковъ. Это исключительное время, оно прошло, и ни международныя понятія аѳинянъ, ни ихъ уровень гуманности не измѣнились.

Да и могъ ли измѣниться, когда, кажется, въ самой аѳинской

крови жилъ инстинктъ аристократизма и культъ силы? Принято очень много писать и говорить о великихъ художникахъ Эллады, объ ихъ вліяніи на государственныхъ людей, объ уваженіи къ нимъ гражданъ. И все это было. Но здѣсь же рядомъ непоколебимые предразсудки, ничѣмъ не уступающіе «хорошему тону» французскаго салона XVII вѣка.

Про македонскаго царя Филиппа разсказываютъ, будто онъ обратился къ своему сыну Александру, отличному музыканту, съ такимъ укоромъ: «Какъ тебѣ не стыдно такъ хорошо играть!..»

Такъ говорилъ *царь принцу*. Но такъ же думалъ и Периклъ, и всякій благороднорожденный аѳинянинъ. Плутархъ приписываетъ либеральнѣйшему государственному мужу Эллады такое сужденіе: ни одинъ благородный юноша, созерцая Зевса Фидія, не захочетъ стать Фидіемъ, любуясь Герой—Поликлетомъ и не позавидуетъ судьбѣ ни единаго великаго поэта, восхищаясь сколько угодно его произведеніями.

Тоже и относительно мысли и философіи.

У софистовъ можно учиться кому угодно и сколько угодно, но самому преподавать философію — для аѳинскаго аристократа нестерпимый позоръ.

Правда, изъ рядовъ аристократіи вышелъ Платонъ, но за то врядъ ли древній и новый міръ зналъ болѣе ожесточеннаго врага демократіи, чѣмъ выспренній творецъ «царства идей».

Да, много, слишкомъ много тѣней на сверкающемъ красотой эллинскомъ прошломъ, и—кто знаетъ? Можетъ быть, не одно пятно и не одинъ нравственный недугъ перешли въ позднѣйшую цивилизацію путемъ сладкихъ эллинскихъ рѣчей и чарующихъ образовъ классическаго искусства! По крайней мѣрѣ, чудовищное, но до сихъ поръ не умирающее сліяніе жестокости, эгоизма съ чистѣйшими эстетическими восторгами—самый подлинный завѣтъ той среды, гдѣ предъ лицомъ Зевса Фидія поднесли отравленную чашу Сократу и гдѣ, по свидѣтельству греческаго поэта, одно наименованіе *рабъ* навсегда и безповоротно низводило человѣка до уровня вьючнаго скота.

Міръ красоты и варварской исключительности рушился, настала эпоха христіанства, вѣры, потянулись длинные, темные и таинственные средніе вѣка. На западѣ Европы они создали безпримѣрно могучую власть на основахъ религіознаго ученія, духовный мечъ превознесли на недосягаемую высоту надъ всякой человѣческой силой, и первосвященникъ католичества носилъ тройную корону и давалъ императорамъ лобызать прахъ своихъ ногъ. Что можно было сдѣлать съ такимъ могуществомъ—во имя ученія безграничной любви и терпимости?

Можно бы преобразовать и міръ, и, пожалуй, самую природу людей.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго. Никогда не лилось столько крови, не горѣло столько костровъ, не гибло столько жертвъ въ темницахъ и на пыткахъ, какъ въ самый разгаръ папской власти. И во имя чего все это совершалось?

Во имя Бога любви и человѣчности. Съ Евангеліемъ въ рукахъ слуги мірового владыки произносили проклятія надъ цѣлыми государствами и народами, возбуждали междоусобицы вплоть до нарушенія самыхъ кровныхъ и священныхъ союзовъ, и опустошали цвѣтущія страны. Надъ міромъ носился безпощадный ангелъ мести и злобы въ то время, когда первенствующимъ властителемъ былъ «намѣстникъ *Христа*»!..

Попробуйте съ помощью самой разнузданной фантазіи измыслить подобную комбинацію! Чудовищнѣйшая изъ аллегорій—обольстительная красавица съ туловищемъ змѣи кажется слабой сравнительно съ уроками неопровержимой исторіи. И римскій первосвященникъ, подписывавшій приговоры провансальскимъ «еретикамъ» несомнѣнно стóитъ чести быть увѣковѣченнымъ рядомъ съ тѣмъ миланскимъ герцогомъ, который травилъ собаками своихъ подданныхъ немедленно послѣ восторговъ и даже слезъ на театральныхъ спектакляхъ и въ картинныхъ галлереяхъ.

Наше время не представляетъ, по крайней мѣрѣ, въ видѣ общаго правила подобныхъ контрастовъ на обширной міровой сценѣ. Какой-нибудь Галеаццо немыслимъ въ концѣ XIX вѣка въ Старомъ Свѣтѣ, даже если причислить сюда и Азію. Но это не значитъ, будто противорѣчія исчезли окончательно и жизнь человѣчества идетъ гармоническимъ аккордомъ. Напротивъ. Они только перемѣнили поприще, такъ сказать, область своего развитія, и изъ политики перешли въ науку и отвлеченныя идеи.

Вотъ именно наука, столь рѣшительно провозглашенная въ нашъ вѣкъ, и повлекла къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ. Блестящіе успѣхи естествознанія возбудили ревность рѣшительно у всѣхъ отраслей знанія. Строгимъ, чуть не математически-точнымъ ученымъ захотѣлъ быть и историкъ, и психологъ, и даже эстетикъ. Всѣ начали грезить *законами*, *аксіомами*, и съ особенной горячностью представители общественныхъ наукъ.

Это естественно. Что́ можетъ быть привлекательнѣе задачи познать тайну человѣческаго развитія, уловить его логически-послѣдовательные пути и, въ результатѣ, располагать настоящимъ и будущимъ по *научнымъ* и *разумнымъ* даннымъ!

Вѣдь это почти предѣлъ нашей мудрости и нашего могущества! И еще античный міръ зналъ историко-философскія системы и слы-

шалъ разныхъ пророковъ на счетъ самыхъ отдаленныхъ цѣлей человѣческаго движенія. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ нѣкоторые смѣльчаки даже прямо замышляли провести политику по математическимъ выкладкамъ и править государствами и обществами тѣмъ самымъ методомъ, какимъ въ алгебрѣ рѣшаются уравненія.

Не думайте, чтобы это были мечтанія исключительныхъ энтузіастовъ. Недавно, двадцать пять лѣтъ тому назадъ компанія положительнѣйшихъ современныхъ ученыхъ составила проектъ основать *школу политическихъ наукъ*. Школа должна была приготовлять будущихъ гражданъ и политическихъ дѣятелей съ такой же основательностью, съ какой любое профессіональное учебное заведеніе создаетъ инженеровъ, техниковъ, художниковъ. Учить политикѣ! Это значитъ разсчитывать устранить вліяніе партій, поставить на ихъ мѣсто одну наукой добытую истину и управленіе государствомъ превратить, по меньшей мѣрѣ, въ шахматную игру.

Да, именно объ этомъ мечтали французскіе историки послѣ разгрома 1871 года. И во главѣ мечтателей стоялъ Тэнъ, именовавшій себя *натуралистомъ* въ области историческихъ изслѣдованій.

Таковы мечты... А дѣйствительность!

Никогда съ такимъ азартомъ не стремились къ *научной* исторіи и никогда такъ неотразимо, будто въ силу стихійной необходимости, такъ часто историки не впадали въ партійныя страсти, граничащія съ безнадежнымъ ослѣпленіемъ. И замѣчательно,—такой результатъ оказался неизбѣжнымъ въ силу самыхъ источниковъ новой исторической науки.

Эти источники, повидимому, разъ навсегда парализовали усилія историковъ подняться до уровня естествоиспытателей.

II.

Въ двухъ культурнѣйшихъ странахъ континента надъ колыбелью исторіи XIX вѣка бодрствуютъ величайшія политическія событія, какія только приходилось переживать этимъ странамъ: во Франціи—революція, въ Германіи—объединительное движеніе.

Припомните имена и труды даровитѣйшихъ ученыхъ—вы въ то же самое время непремѣнно назовете какой-нибудь совершенно опредѣленный политическій символъ, партію, часто даже единичную авторитетную личность государственнаго дѣятеля.

Во Франціи съ возстановленіемъ конституціонной монархіи появился рядъ блестящихъ историковъ, и посмотрите, какъ и надъ чѣмъ работаетъ каждый изъ нихъ?

Минье пишетъ исторію революціи, до сихъ поръ удивительно популярную и цѣнную,—пишетъ, повидимому, безъ страсти и гнѣва,

но стоитъ прочесть одну главу этой исторіи, чтобы въ спокойномъ и ровномъ стилѣ разсказчика почувствовать неуклоннаго адвоката революціи и столь же убѣжденнаго врага современнаго режима бурбонской реставраціи. Книга въ сущности сплошная передовая статья либеральнаго органа, хотя и очень искусно замаскированная дѣлами минувшихъ дней. Не даромъ историкъ такъ легко могъ въ ближайшемъ будущемъ перейти отъ историческихъ документовъ къ запальчивой газетной агитаціи.

Про друга и сотрудника Минье—Тьера нечего и говорить. Это своего рода Беранже исторіографіи: такъ откровенна и ярка бонапартистская окраска его многотомныхъ исторій! Это даже не партійный, а въ полномъ смыслѣ личный гимнъ избранному идолу, гимнъ изъ цифръ, фактовъ и, на первый взглядъ, необычайно положительныхъ и безпристрастныхъ разсужденій.

Дальше еще болѣе славныя и безусловно авторитетныя имена Гизо, Огюстэна Тьерри... Какая строгость взглядовъ, солидность критики, кропотливость изслѣдованій! Тьерри утратилъ зрѣніе и здоровье надъ старыми фоліантами, буквально отдалъ всѣ свои силы и всю свою жизнь обожаемой наукѣ.

Зачѣмъ? Вы думаете, ради чистаго искусства быть эпическимъ переписчикомъ сѣдой старины, ради безкорыстнаго удовольствія нагромождать одинъ томъ на другой съ своимъ именемъ?

Ничего подобнаго.

Онъ бывшій ученикъ Сенъ-Симона, а этотъ «пророкъ» училъ, что настоящее должно быть разумно и неразрывно связано съ прошлымъ, что, къ счастью, человѣчеству слѣдуетъ идти путемъ изученія исторіи, путемъ философскаго наблюденія надъ прошлымъ *par l'étude de l'histoire, par l'observation philosophique du passé!* Очевидно, здѣсь исторія съ самаго начала становилась практической школой и Сенъ-Симонъ даже называлъ заранѣе девизъ этой школы: развитіе третьяго сословія, начиная съ освобожденія средневѣковыхъ общинъ и кончая политическими успѣхами буржуазіи XIX-го вѣка.

Девизъ усвоили и Тьерри, и Гизо. Всѣ ихъ труды будто планеты вращаются вокругъ центральнаго свѣтила третьяго сословія, средняго класса, какъ политической силы новаго времени.

И раскройте книги Тьерри... Сколько художественной красоты, благороднѣйшаго сердечнаго жара, глубокаго ума и главное—труда, неустаннаго, самоотверженнаго, подъ конецъ жизни истинно мученическаго труда потрачено на доказательство извѣстнаго политическаго символа! Посмотрите, какъ трогательно умѣетъ историкъ изобразить судьбу побѣжденныхъ въ Англіи во время норманскаго

нашествія, съ какимъ энтузіазмомъ трибуна говоритъ объ исконныхъ обитателяхъ и воздѣлывателяхъ Галліи—предкахъ третьяго сословія! Это тѣ же страницы Тацита, восхваляющаго нравы германцевъ, только у новаго историка роль развращенныхъ римлянъ выполняютъ завоеватели, насильники-норманны и франки.

Тьерри разсказываетъ, что при чтеніи древнихъ британскихъ хроникъ онъ проникался какимъ-то родственнымъ чувствомъ къ саксамъ, изъ за фоліантовъ предъ нимъ возставали живыя сцены бѣдствій, яркія фигуры жертвъ нашествія, и историкъ невольно превращался будто въ поэта ясновидца. Онъ это называетъ таинственной связью между авторомъ и его трудомъ.

Скажите, возможна ли здѣсь рѣчь о безпристрастіи натуралиста? Мыслимо ли сліяніе такихъ сильныхъ чувствъ человѣка и гражданина съ безстрастіемъ вивисектора? А историкъ еще, въ заключеніе всей своей работы, называетъ медовымъ мѣсяцемъ время, истраченное на нее! И онъ, дѣйствительно, пріобрѣтаетъ такое же искусство читать тайны прошлаго въ столь часто смутныхъ хроникахъ, какое обнаруживаютъ влюбленные, вглядываясь въ лицо другъ друга. Впослѣдствіи, на верху славы Тьерри обратится къ современному юношеству съ трогательнѣйшимъ завѣщаніемъ искать вѣры и идеаловъ въ наукѣ...

Въ какой—всѣмъ было понятно. Не въ наукѣ холоднаго безсердечнаго компиляторства, не въ наукѣ мнимаго естествознанія на сценѣ человѣческихъ страстей и заблужденій, а въ наукѣ граждански просвѣщенной мысли и человѣчески чуткаго сердца.

И Тьерри свое дѣло историка называлъ уплатой «долга сыновней любви» къ труженикамъ, создавшимъ силу и цивилизацію его родины.

Мы назвали самыя блестящія имена французской исторической науки. Къ нимъ мы могли бы прибавить Фюстель-де-Куланжа, и этимъ самымъ привели бы новое вѣское доказательство нашей мысли: не суждено новой исторіи быть безупречной наукой!

Именно Фюстель-де-Куланжъ въ то самое время, когда его товарищи по профессіи проектировали *Школу политическихъ знаній*, сѣтовалъ на совершенное превращеніе исторіи въ публицистику одинаково и во Франціи, и въ Германіи. Историкъ считалъ фактъ непоправимымъ, находилъ необходимымъ примириться съ нимъ и даже приглашалъ своихъ соотечественниковъ выступить «со щитомъ и мечомъ», т. е. во всеоружіи исторіи противъ зарейнскихъ ученыхъ патріотовъ *).

*) *De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne depuis cinquante ans. Révue des deux Mondes*, 1872. 1 Sept., p. 241.

И это было столь же практически неизбѣжнымъ, какъ и *честнымъ* заявленіемъ. Не всѣ современники знаменитаго ученаго оказались способными именно на такую честность и искренность. Нашлись настоящіе «хвастливые солдаты» въ совершенно неподходящей сферѣ, одновременно объявляли себя изслѣдователями «по методу натуралистовъ» и систематически извращали достовѣрнѣйшіе факты и уродовали подлинныя, вполнѣ ясныя лица. Печальные результаты фанфаронадъ Тэна еще ярче подчеркнули траги-комическое положеніе строго-научныхъ претензій историковъ...

Но по сю сторону Рейна вѣдь искони царствовала идеально-спокойная мысль. Здѣсь былъ возможенъ великій философъ, всю жизнь прожившій въ провинціальномъ захолустьѣ и, можетъ быть, даже неохотно или совсѣмъ не мѣнявшій квартиры. Здѣсь, повидимому, не мѣсто бы разыгрываться страстямъ и житейской суетѣ нарушать величавую тишину научнаго святилища. Атмосфера настолько застоявшаяся и уравновѣшенная, что самъ бурный и протестующій творецъ Карла Мора довольно скоро превратился въ безобиднѣйшаго созерцателя чистыхъ красотъ искусства. А его другъ и отчасти учитель, изобразившій съ такой силой и искренностью мятежныя страсти молодости, до конца дней открещивался отъ «политическихъ мотивовъ».

Казалось бы, здѣсь и разцвѣсти цѣломудренной музѣ исторіи. Вышло совершенно обратное, и, мы видѣли, именно германскіе историки вызвали своего рода манифестъ Фюстель-де-Куланжа.

И иначе не могло быть.

III.

Новая нѣмецкая историческая наука родилась при самыхъ шумныхъ политическихъ событіяхъ, до такой степени стремительныхъ и мощныхъ, что предъ ихъ натискомъ должны были исчезнуть всѣ кабинетныя идилліи отрѣшившихся отъ міра мудрецовъ. Исходная эпоха—національная война Германіи противъ Наполеона. Участіе приняли всѣ классы и профессіи, университетскіе профессора превратились въ демагоговъ, ученые въ патріотическихъ поэтовъ. Борьба окончилась торжествомъ націи, и естественно, именно нація по всѣмъ правамъ заняла первенствующее мѣсто въ современныхъ политическихъ и научныхъ интересахъ. Исторія неизбѣжно превращалась въ популярную науку, становилась вдохновительницей любви къ отечеству и народной гордости, своими изысканіями стремилась отвѣтить на запросы новой государственной силы.

Впослѣдствіи одинъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ историковъ, Зибель, будетъ съ благодарностью вспоминать о времени,

когда исторія, эта исконная добыча филологовъ и юристовъ, «сдѣлалась живымъ источникомъ освѣженія и нравственнаго подъема для цѣлаго народа» *). И историкъ видитъ въ этомъ преобразованіи желательнѣйшій прогрессъ своей науки. Прошлое въ трудахъ новыхъ изслѣдователей пріобрѣло неразрывную связь съ настоящимъ и будущимъ, сложилась могучая идея національности, какъ цѣльной народной личности, выроставшей и мужавшей на пространствѣ вѣковъ.

И трудно перечислить, сколько благодѣяній для другихъ наукъ принесла исторія, вступившая на путь служенія національнымъ интересамъ, покинувшая педантическіе закоулки ради широкой общественной сцены.

Изученіе языка, права, религіи, обычаевъ и нравовъ—все направилось къ одному великому германскому идеалу, познать, за внѣшними проявленіями, душу и сущность народнаго генія, открыть корни и глубочайшія основы современныхъ нравственныхъ и политическихъ явленій и, если возможно, начертать программу будущаго.

И все это явилось результатомъ *политики*, а не чистой науки. Да и возможна ли чистая наука при такомъ всеобхватывающемъ дыханіи жизни!

Могутъ назвать Ранке...

Да, это на рѣдкость спокойный, терпимый, такъ сказать, *безтемпераментный* историкъ, но отнюдь не безъидейный въ самомъ прямомъ политическомъ смыслѣ.

Его младшіе современники жестоко издѣвались и до сихъ поръ продолжаютъ издѣваться надъ его манерой писать исторію. Трейчке съ презрѣніемъ отзывался объ аристократическихъ пріемахъ знаменитаго историка, его представленіе объ исторіи сравнивалъ съ идеей тонкой шахматной игры, порицалъ исключительный интересъ къ дипломатическимъ документамъ и пренебреженіе къ народной жизни и къ исторической роли націй.

Молодые ученые пошли еще дальше и подвергли сомнѣнію самый принципъ Ранке—отрѣшеніе отъ собственной личности ради героевъ и событій прошлаго.

На всѣ эти упреки можно какъ угодно смотрѣть, считать ихъ основательными или нѣтъ. Гораздо любопытнѣе, что Ранке *лично* не могъ удержаться отъ политики, и весьма характерной.

Извѣстно, что въ искусствѣ, въ сущности, нѣтъ произведеній, лишенныхъ всякой тенденціи. Именно стремленіе устранить ее изъ

*) *Ueber den Stand der neueren deutschen Geschichtschreibung.* Marburg, 1856. *Kleine Historische Schriften.* München. 1863, p. 346.

творчества уже есть тенденція и часто въ высшей степени напряженная и нетерпимая.

Современный французскій психологъ далъ превосходное опредѣленіе вдохновенію: «эмоція, подчиняющаяся *идеѣ*».

И эта идея всегда и вездѣ существуетъ, за исключеніемъ развѣ только абсолютно невмѣняемыхъ словоизверженій декадентскаго направленія, но и здѣсь невмѣняемость тоже своего рода система, если только декадентъ не безусловный паціентъ психіатрической больницы. Стихотвореніе можетъ не выражать никакой опредѣленной идеи нравственнаго или общественнаго содержанія, но авторъ его непремѣнно держится какого-нибудь принципа, и даже легко догадаться—какого именно, разъ онъ устраняетъ всякую идею изъ своего творчества.

Чистые художники въ искусствѣ на практикѣ реакціонеры, представители атавистическихъ воззрѣній и самыхъ удивительныхъ пережитковъ старины.

Этотъ законъ можно провѣрить на безчисленныхъ примѣрахъ во всѣхъ областяхъ искусства всѣхъ эпохъ и народовъ. Самое почтенное настроеніе, какое свойственно чистому художнику въ практической жизни—равнодушіе и эгоизмъ. И этого уже слишкомъ много: чаще всего, сладкопѣвцы—самые откровенные поборники силы и тьмы.

То же самое и въ такъ называемой чистой исторической наукѣ.

Ранке чрезвычайно гуманный и, пожалуй, любвеобильный разсказчикъ давно совершившихся событій. Даже Филиппъ II испанскій не способенъ возмутить его прекраснодушныхъ настроеній. Историкъ любитъ исторію во имя самого историческаго процесса, и именно онъ, если угодно, ближе всѣхъ другихъ своихъ собратовъ подошелъ къ методу натуралистовъ.

Но тотъ же самый Ранке—публицистъ очень яркой окраски. Въ качествѣ редактора журнала онъ типичный выразитель прусскихъ традицій въ духѣ патріархальной солдатчины. Онъ желаетъ оберечь Пруссію отъ идеологовъ, конституцій и парламентовъ. Ея назначеніе—быть военной монархіей. Онъ почти во всемъ солидаренъ съ задушевнѣйшими идеалами Бисмарка и объ этой солидарности будетъ заявлено публично по кончинѣ историка.

Канцлеръ не могъ практически осуществить всѣхъ своихъ думъ: пришлось многимъ поступиться въ пользу духа времени и особенно изъ-за другихъ нѣмецкихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ объединенной Германіи. Ранке, работая на бумагѣ, могъ быть послѣдовательнѣе и не переставалъ толковать объ опасностяхъ всеобщей подачи голосовъ, а побѣду Пруссіи надъ Франціей

приписывать исключительно вѣрности традиціямъ... Какъ будто одна Пруссія побѣдила Францію!..

Къ такимъ результатамъ въ политикѣ сводилась идеально-научная работа въ исторіи! Очевидно одно,—нѣтъ силъ, даже ученымъ съ талантомъ Ранке, пребыть in templis serenis, въ ясныхъ сферахъ чистаго «естественнонаучнаго» изслѣдованія. И мы, отдавая всю справедливость неутомимому труженичеству и культурной терпимости знаменитаго историка, рядомъ съ десятками его ученыхъ томовъ, не забудемъ его совсѣмъ некультурной и неученой дружбы съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, отожествлявшимъ либерализмъ съ холерой или съ болѣзнью спинного мозга, а демократію считавшимъ за исчадіе ада и смерти.

Другіе несравненно смѣлѣе и откровеннѣе.

Зибель, питавшій большое почтеніе къ Ранке, заявилъ все-таки, что онъ не мыслитъ историка безъ опредѣленнаго нравственнаго міросозерцанія, а всякое дѣйствительно нравственное міросозерцаніе невозможно представить внѣ связи съ великими міровыми вопросами религіи, политики, національности. Историкъ, вознамѣрившійся сохранить нейтралитетъ и аристократическую неприкосновенность въ этой области, окажется или бездушнымъ, или аффектированнымъ. Его трудъ никогда не пріобрѣтетъ всей правды и полноты дѣйствительной жизни и, сколько бы авторъ ни гонялся за красотой стиля, его работа не стяжаетъ нравственнаго вліянія на современниковъ, не будетъ имѣть никакого воспитательнаго значенія ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Зибель приходитъ къ тому же критическому выводу, какъ и Фюстель-де-Куланжъ. Историческая наука безповоротно вступила на путь политики и патріотизма. Нѣмецкій ученый считаетъ этотъ моментъ началомъ великаго культурнаго смысла исторіи и не думаетъ снова отдать ее въ руки безстрастныхъ созерцателей и безразличныхъ архивныхъ ищеекъ.

«Всякій историкъ, — говоритъ Зибель, — имѣвшій какое-либо значеніе, носилъ извѣстную окраску. Она была или религіозной, или атеистической; протестантской или католической, либеральной или консервативной, были историки всѣхъ партій, но уже не было больше ни одного объективнаго, безпартійнаго, историка безъ крови и нервовъ. Въ высшей степени значительный прогрессъ!..»

Очевидно, если и прогрессъ, то отнюдь не въ пользу чистой научности и общественнаго натурализма.

Такъ Зибель говорилъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ доказательствъ набралось гораздо больше, чѣмъ историкъ приводилъ въ своей статьѣ, и все въ высшей степени эффектные и неопровержимые.

*

О Трейчке нечего и говорить. Человѣкъ, сопровождавшій эпоху франко-прусской войны патріотическими, точнѣе, прусскими, крайне шовинистскими гимнами, обнаруживалъ самое яркое и опредѣленное «міросозерцаніе». И онъ этого не скрывалъ.

Университетскія лекціи, всегда блестящія и одушевленныя, чередовались съ публицистикой, всегда страстной и воинственной. На каѳедрѣ нѣмецкаго университета воскресли времена французской реставраціи, когда историки изъ редакцій спѣшили въ архивы заручиться новыми документами для борьбы съ ненавистными партіями и идеями.

Трейчке умеръ въ цвѣтѣ таланта и популярности; его пережилъ едва ли еще не болѣе даровитый, во всякомъ случаѣ болѣе ученый—Моммзенъ. Въ то самое время, когда Трейчке сочинялъ задорные гимны въ честь прусскихъ побѣдъ, Моммзенъ не побрезгалъ разжечь національную рознь между германцами и галлами. Мало этого. Свой огонь перенесъ на страницы своей *Римской исторіи*, здѣсь увѣнчалъ Цезаря несказанными лаврами, и не спроста это сдѣлалъ, а на счетъ *галловъ*, припомнилъ и новѣйшихъ ирландцевъ. Они также должны погибнуть, какъ племя, неприспособленное къ политическому прогрессу...

Естественно, цѣломудріе и любвеобильность Ранке Моммзену казались не менѣе комическими и безсмысленными, чѣмъ Трейчке *).

По мнѣнію Моммзена, Ранке извратилъ личности почти всѣхъ историческихъ дѣятелей. Въ силу безпримѣрной снисходительности историка, люди у него являются не такими, какими они были на самомъ дѣлѣ, а какими могли бы выйти развѣ подъ вліяніемъ сверхестественной благодати.

Вотъ краснорѣчивая, хотя и краткая, картина новѣйшей исторической науки! Развѣ она не поучительна и не представляетъ сплошного противорѣчія, подчасъ, даже курьёза?

Такое строгое, положительное наше время! Столько оно произвело восторженныхъ поклонниковъ чистой науки, столько взбаломутило честолюбивыхъ головъ и внушило имъ своего рода гипнотическую идею—свести все человѣческое знаніе къ пяти-шести аксіомамъ и заключить въ пригоршнѣ цѣлые вѣка и народы!..

И вдругъ, полный разгромъ не только научности,—даже объективности и обыкновеннаго безпристрастія. Нѣтъ исторіи внѣ партіи, нѣтъ книги, свободной отъ «тезиса», нѣтъ ученаго безъ политическихъ умысловъ. И намъ говорятъ: такъ и слѣдуетъ. Въ этомъ весь смыслъ современныхъ историческихъ изысканій и

*) Op. cit., p. 349.

единственная возможность историку стать дѣятельной культурной силой.

Слѣдовательно, ежедневно открываются новые документы, совершенствуются способы ихъ изученія, изощряется проницательность и ловкость изыскателей, и все за тѣмъ, чтобы на событіяхъ прошлаго отразить свѣтъ и краски новаго времени. Наивныя суевѣрія среднихъ вѣковъ исчезли, больше нѣтъ и помину о младенческой довѣрчивости лѣтописцевъ... Но не были ли эти крайне несовершенные историки въ дѣйствительности объективнѣе и, слѣдовательно, ближе къ наукѣ, чѣмъ современные патріоты и политики? И если какой-нибудь монахъ гибель народа или города оправдывалъ религіозными выводами, напримѣръ, ссылался на безбожіе и безнравственность погибшихъ, чѣмъ онъ ниже и, ненаучнѣе того же Моммзена, приговаривающаго ирландцевъ къ политической смерти, потому что они—кельты? И если тотъ же лѣтописецъ темныхъ временъ въ простотѣ душевной нанизывалъ всевозможныя мрачныя небылицы на богоотступниковъ, еретиковъ и иновѣрцевъ, только потому, что они вѣровали въ другого бога,—чѣмъ опять виновнѣе этотъ сказатель, хотя бы, напримѣръ, Тэна, предающаго анаѳемѣ тысячи людей и цѣлую эпоху исторіи по столь же пристрастному и слѣпому внушенію? И развѣ сущность дѣла мѣняется, произведено ли это внушеніе религіознымъ или политическимъ фанатизмомъ?

Для одного сарацины точь-въ-точь то же самое, что̀ для другого якобинцы, и оба историка, одинъ XIII-го вѣка, другой конца XIX-го, одинаково далеки и отъ правды, и отъ подлинной исторіи. Второй еще дальше, потому что имъ деспотически управляетъ партійный преднамѣренный азартъ, а не наивное, почти безсознательное чувство вѣры.

Вотъ до какой параллели дожило наше время, и если бы мы обратились къ подробностямъ, эффектъ вышелъ бы еще поразительнѣе. Благочестивые лѣтописцы не ощущали и малой доли тѣхъ побужденій *лгать*, да, въ буквальномъ смыслѣ, *лгать* и извращать дѣйствительность, какія часто будто кошмаромъ давятъ головы новѣйшихъ историковъ. Пусть въ средневѣковыхъ фоліантахъ отыщутъ что-нибудь подобное исторіи католика Янсена. И пусть потомъ вникнутъ въ громадность архивной *ученой* работы, произведенной этимъ историкомъ во славу святѣйшаго престола и на позоръ проповѣдникамъ протестантизма!

Есть ли послѣ этого смыслъ въ громогласныхъ декламаціяхъ на счетъ непогрѣшимой научной исторіи? На каждомъ шагу современнаго европейца одолѣваютъ злобы дня, изъ каждаго угла

кричитъ политика, тотъ или другой жгучій вопросъ современности, государство непрестанно призываетъ его къ исполненію гражданскаго долга, какъ избирателя, какъ законодателя, и именно онъ, знатокъ прошлаго своей родины, обязанъ отдавать особенно строгій отчетъ въ этихъ вопросахъ и этомъ долгѣ! И онъ убережется отъ всѣхъ искушеній и повелительнѣйшихъ обязательствъ? Онъ или добровольно подвергнетъ себя гражданской смерти, или рѣшится на роль гражданина, какого аѳинскій законодатель и мудрецъ приговорилъ бы къ изгнанію.

Очевидно, требуется исключительная натура, исключительная отнюдь не въ лестныхъ смыслахъ, чтобы осуществился въ дѣйствительности «методъ натуралистовъ» въ исторіи. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, историкъ, громче всѣхъ взывавшій объ этомъ методѣ, былъ Тэнъ, авторъ *Исторіи французской революціи*. Эта книга должна бы надолго изъять изъ обращенія гордыя слова и переконфузить всѣхъ, кто рѣшился бы ихъ повторить послѣ безпримѣрнаго фіаско «натуралиста».

Но неужели такъ и недостижимо удовлетвореніе нашему научному времени? Неужели одной музѣ исторіи суждено волноваться гнѣвомъ и страстью, въ то время, какъ ея сестры пребываютъ въ гордомъ олимпійскомъ величіи безстрастнаго проникновенія въ разнообразныя тайны природы?

Дилемма удовлетворительно и, главное, практически справедливо рѣшается историкомъ, вызвавшимъ насъ на бесѣду.

«Когда пишутъ о властителяхъ Ниневіи—говорилъ Штраусъ въ полемикѣ по поводу его историко-богословскихъ сочиненій,—или объ египетскихъ фараонахъ,—могутъ проявлять лишь чисто-историческій интересъ. Но христіанство до такой степени живая сила, и вопросъ объ его происхожденіи связанъ съ столь важными послѣдствіями для самаго непосредственнаго настоящаго, что слѣдуетъ сожалѣть объ ограниченности критиковъ, которые вносятъ въ этотъ вопросъ чисто-историческій интересъ».

Это значитъ, лишь совершенно закончившіяся, окаменѣвшія явленія подлежатъ объективному историческому изученію. Если такое изученіе прикасается къ фактамъ, еще продолжающимъ развиваться,—историкамъ, въ силу невозможности спасти объективный духъ, приходится отдѣлываться словами.

Наступитъ время, когда даже и XIX-й вѣкъ можетъ стать предметомъ, равнозначущимъ для историческихъ наблюденій съ ассирійскими преданіями. Но пока это время далеко, историкамъ приходится искренне и честно отказаться отъ жреческой мантіи и довольствоваться тѣмъ или другимъ мундиромъ, самой несвя-

щенной будничной окраски,—какой собственно,—мы слышали,—подробное перечисленіе цвѣтовъ отъ Зибеля.

И результаты при такомъ откровенномъ поведеніи неизмѣримо достойнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ шарлатанская игра въ натуральный методъ.

Предъ нами одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ—книга Штрауса объ одномъ изъ самыхъ пламенныхъ дѣятелей нѣмецкой реформаціи.

IV.

Чтобы приняться за біографію и характеристику нѣкоторыхъ историческихъ героевъ, нужно самому историку обладать особеннымъ талантомъ не по размѣрамъ, но по внутренней силѣ, по чуткости и жизненнымъ стремленіямъ.

Есть предметы, которые непремѣнно надо любить, чтобы описывать: иначе картина можетъ выйти блѣдной, неполной, или даже просто фальшивой. И эта любовь необходима именно тамъ, гдѣ на сценѣ убѣжденный и въ то же время неукротимо рѣшительный дѣятель, гдѣ каждый шагъ сопровождается увлеченіемъ, страстью, вообще крайностями, слѣдовательно, всегда возможны ошибки, даже несправедливости и практически роковыя послѣдствія.

Все это необходимо понять, потому что нерѣдко приходится прощать. Не преступленія собственно, и не тяжкія прегрѣшенія, а тотъ часто жестокій, безпощадный азартъ, ту односторонность натиска, все, что̀ нераздѣльно съ энтузіазмомъ во имя какой бы то ни было идеи.

И прочтите характеристику Гуттена, напримѣръ, у Янсена. Вы подумаете, на сценѣ одной изъ величайшихъ историческихъ эпохъ дѣйствовалъ какой-то лизоблюдъ, страннымъ образомъ сливавшій въ себѣ паразитскіе инстинкты съ неукротимо-разрушительной стихіей.

Irgend eine grossartig Idee hat ihn nie bewegt, т.-е. имъ, Гуттеномъ, никогда не двигала ни одна возвышенная идея, и дальше сообщается, какъ Гуттенъ восхвалилъ нѣкоего архіепископа только за его знатное происхожденіе *)...

Но рядомъ съ этой способностью писать оды меценатамъ, тотъ же Гуттенъ, по словамъ историка, какой-то бѣшеный истребитель всего существующаго во имя просто истребленія. Во имя призрака свободы онъ все считаетъ позволительнымъ.

Какъ же все это согласить? Анархія и культъ знатнаго проис-

*) Joh. Jannssen. *Geschichte des deútschen Volkes seit dem Aúsgange des Mittelalters.* Freiburg und Breisgau. Band II.

хожденія, слѣпая стремительность къ свободѣ и нѣкое хамство души?... Возможно ли это даже психологически?

Но собственно дѣло не въ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ историка, а въ натурѣ его героя, дающей то или другое основаніе для подобныхъ навѣтовъ.

Въ глазахъ человѣчества обыкновенно очень мало имѣетъ цѣны «азартъ въ пользу идеи», какъ выражался русскій критикъ. Человѣчество инстинктивно не любитъ и избѣгаетъ безпокойныхъ людей, слишкомъ наклонныхъ вмѣшиваться въ чужое благоденствіе изъ-за «призраковъ». А Гуттенъ именно одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей этой породы: естественно преувеличить его недостатки и не оцѣнить по достоинству его заслугъ.

Нужно *по натурѣ* быть близкимъ къ такому дѣятелю, потому что многое приходится не столько прослѣдить по достовѣрнымъ фактамъ, сколько угадать по психологической логикѣ. А эта логика часто драгоцѣннѣе для цѣльнаго изображенія исторической личности, чѣмъ какія угодно краснорѣчивыя цитаты изъ документовъ.

Давидъ Штраусъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ задачѣ. Рѣдко приходится ученому и вообще писателю работать надъ такой *свойственной* и нравственно—близкой темой, какъ Штраусу, посвятившему свой трудъ интереснѣйшему и оригинальнѣйшему гуманисту и реформатору.

Да, именно интереснѣйшему и оригинальнѣйшему.

Гуманизмъ и реформація два тѣсно связанныхъ и современныхъ теченія. Но это связь болѣе общекультурная, чѣмъ личная, связь въ *идеяхъ*, а не въ *дѣятеляхъ*. Есть даже несомнѣнныя точки разъединенія между гуманистами и реформаторами: одни преимущественно литераторы и философы, другіе—проповѣдники и дѣятели. Одни тяготѣютъ къ ученому кабинету и какой-нибудь аристократической академіи, другіе—къ церковной каѳедрѣ, къ уличной толпѣ. Одни въ сильной степени эстетики, воздѣлыватели отвлеченной мысли и чистой филологической науки, другіе—агитаторы, люди открытой борьбы, народные пророки. Наконецъ, у гуманистовъ на первомъ планѣ философія и наука, у реформаторовъ—вопросы нравственности и религіи.

Въ результатѣ и орудія дѣятельности различны: гуманисты—классики, ихъ языкъ—латинскій, реформаторы—романтики своего времени, ихъ языкъ и даже стиль—народная рѣчь, нѣмецкій грубый, но сильный и всѣмъ доступный діалектъ.

Несомнѣнно, всѣ эти умственныя, нравственныя и практическія различія на каждомъ шагу могли сливаться въ одно теченіе. Латинскій трактатъ, посвященный строго-филологическому из-

слѣдованію, хотя бы, напримѣръ, переводу Библіи, ученое изданіе какого-нибудь древняго памятника католической церкви должны были внести богатѣйшій вкладъ въ реформаторскій арсеналъ.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя примѣры поразительны.

Гуманистъ издаетъ древнее сочиненіе Лоренцо Валлы, одного изъ обличителей папскихъ историческихъ поддѣлокъ и лжей,—Лютеръ читаетъ книгу и не можетъ опомниться отъ изумленія: какъ такіе обманы могли въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ считаться истинами!

И съ этихъ поръ у вождя реформаціи является непоколебимое убѣжденіе: что папа—живой антихристъ.

Такихъ примѣровъ можно бы привести множество: гуманистическая наука и философія въ силу своей научности, здравомыслія и положительности, являлись жестокими врагами папства, даже не всегда разсчитывая на подобную цѣль.

И въ наше время Дарвинъ, навѣрное, не подозрѣвалъ всѣхъ многообразныхъ послѣдствій его естественно-научной работы, трудясь надъ *происхожденіемъ видовъ*, не предчувствовалъ потрясеній, какія книга должна произвести во всѣхъ наукахъ, даже въ области нравственныхъ идей и практической жизни.

Для автора это—неожиданное столкновеніе его открытій съ чуждыми ему сферами. Но столкновеніе можетъ быть прямымъ, заранѣе разсчитаннымъ. Ученый можетъ свой трудъ направить на жизненныя задачи своего времени. Это не значитъ, будто онъ долженъ измѣнить достоинству ученаго и превратиться въ запальчиваго публициста. Нѣтъ. Онъ только будетъ дѣлать *выборъ предметовъ*, подлежащихъ его изслѣдованію.

Напримѣръ, онъ могъ бы написать книгу о переселеніи гунновъ, о завоеваніяхъ ассирійскихъ царей или о реформаціи. Онъ выберетъ послѣднюю тему, и она не помѣшаетъ ему остаться такимъ же добросовѣстнымъ изыскателемъ, какимъ онъ былъ бы въ «пыли вѣковъ». Собственно, отъ выбора предметовъ и зависитъ культурная плодотворность исторической работы, и этотъ выборъ безошибочно характеризуетъ умственный уровень изслѣдователя и даже его нравственную личность. Потому что во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо усложняется отвѣтственность историка живой жизни сравнительно съ тѣмъ, кто предусмотрительно оградилъ себя непроницаемымъ мракомъ могилъ и смутными тайнами давно истлѣвшаго праха. Какое здѣсь раздолье самымъ фантастическимъ комбинаціямъ и какое впечатлѣніе глубокомыслія можетъ произвести на непосвященнаго тунеядная игра въ цитаты, въ слова, даже въ знаки препинанія! Недаромъ Шлоссеръ не находилъ словъ заклеймить эпидемическій недугъ новыхъ историковъ къ особенно

таинственнымъ бумажнымъ документамъ, въ родѣ дипломатическихъ донесеній и записокъ «ближнихъ лицъ».

Быть ученымъ и остаться работникомъ общественнаго прогресса---трудная задача, но исполнимая. Примѣры—Гуттенъ и его историкъ.

Что можетъ быть рѣшительнѣе превращеній, испытанныхъ франконскимъ рыцаремъ и пережитыхъ сравнительно въ краткій срокъ?

По рожденію дворянинъ, по волѣ семьи—кандидатъ въ монахи, т. е. прирожденный врагъ всего, что неприкосновенно къ рыцарству и по началу карьеры—стражъ церкви.

Въ результатѣ—ничего подобнаго: демагогъ и протестантъ, какихъ мало знала даже эпоха Лютера.

Прослѣдить такую исторію и психологію, несомнѣнно, одинъ изъ первостепенныхъ интересовъ для ученаго, и Штраусъ взялся за дѣло по совершенно естественному влеченію своей личности и таланта.

Историкъ во многомъ похожъ на своего героя.

Онъ также воспитанникъ монастырской школы. Правда, онъ не бѣжалъ отсюда, подобно Ульриху, но зато вынесъ отнюдь не монашескія добродѣтели. Ему предстояла та же судьба, какая выпала на долю также одного изъ его героевъ—Вольтера, ученика іезуитовъ. Ему также, по выходѣ изъ бенедиктинской науки придется вызывать ужасъ и ненависть въ рядахъ ея вѣрныхъ питомцевъ.

Бѣжать заранѣе изъ школы Штраусу не представляло нужды: здѣсь многому учили очень хорошо, а главное, были товарищи какъ на подборъ съ блестящими дарованіями. Впослѣдствіи это оказался цѣлый сонмъ знаменитостей, и Штраусъ среди нихъ звѣздой первой величины.

Еще въ семинаріи онъ стяжалъ популярность у товарищей изумительной ученостью, столь, повидимому, противорѣчившей слабому, хрупкому тѣлу молодого студента. Въ университетѣ—это эффектный юноша, съ темными глазами, съ великолѣпными каштановыми кудрями, задумчивый, крайне застѣнчивый, но съ какимъ-то неопредѣленнымъ отпечаткомъ умственной силы и мужественной воли.

Онъ бросаетъ чисто-филологическую науку и ревностно принимается за философію Шеллинга, потомъ за богословскія откровенія Бёме. Онъ иронически относится къ студенческому буршеству, весь отдается мечтательному романтическому культу поэзіи и мысли, мечтательному до полнаго мистицизма. Штраусъ до та-

кой степени увлекается тайнами и ясновидѣніями, что одно время добивается ни болѣе, ни менѣе, какъ прямыхъ сношеній съ *тѣмъ* міромъ, при посредствѣ посвященныхъ въ чудеса магнетизма.

Такъ продолжается до третьяго курса. Только теперь начинаетъ разсѣеваться туманъ, и на развалинахъ романтизма и мистики выростаетъ одна изъ самыхъ отважныхъ критическихъ силъ нашего вѣка. Діалектика Гегеля и философія Шлейермахера заступаютъ мѣсто чудотворцевъ и поэтовъ, и университетъ выпускаетъ вполнѣ готоваго борца какъ разъ съ чудесами и тайнами.

Начало очень скромное. Штраусъ—церковный проповѣдникъ, одновременно учитель въ монастырской школѣ. Его проповѣди—ясныя и исполненныя жизненныхъ вопросовъ, пользуются громаднымъ успѣхомъ даже среди сельскаго населенія. Но ни проповѣдничество, ни учительство не поглощаютъ энергіи молодого викарія.

Онъ дѣятельно занимается своимъ развитіемъ, и, можетъ быть, именно это совмѣстное обученіе другихъ и себя самого сообщаютъ учительской дѣятельности Штрауса особую привлекательность. Онъ будто старшій товарищъ среди своихъ учениковъ—сердечный, неизмѣнно снисходительный и лично всѣмъ доступный.

Собственно, научная дѣятельность начинается въ богословской тюбингенской семинаріи. Штраусъ, всего двадцати четырехъ лѣтъ, читаетъ лекціи по логикѣ и метафизикѣ. Вступительная лекція посвящена Гегелю и впервые знакомитъ тюбингенскихъ студентовъ съ современнымъ «властителемъ думъ» всей европейской молодежи. Успѣхъ обезпеченъ съ самого начала и растетъ съ каждой новой лекціей. Но Штраусъ видитъ, философскихъ лекцій нельзя соединить съ серьезнымъ трудомъ надъ давно влекущимъ его предметомъ—исторіей христіанства. По прошествіи трехъ семестровъ, онъ оставляетъ чтенія и отдаетъ все свое время критической работѣ. До какой степени эта работа напряженна и неутомима, показываетъ ея годовой результатъ: громадный томъ въ 1.400 страницъ. Это была *Das Leben Iesu kritisch bearbeitet*. Немедленно возгорѣвшаяся война невольно напоминаетъ событія изъ первыхъ лѣтъ борьбы Лютера съ папствомъ.

Мы не станемъ разсказывать о полемикѣ, когда-то взволновавшей общество всѣхъ цивилизованныхъ странъ, одинаково—и ученыхъ, и публику. Многіе наши читатели, несомнѣнно, помнятъ ея отголоски по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Штраусъ ни на минуту не покидалъ поста. Нечего говорить, до какой степени этотъ постъ былъ опасенъ и какихъ жертвъ онъ потребовалъ отъ своего защитника.

Многіе годы ученый принужденъ жить въ полномъ уединеніи. Онъ совершенно зарываетъ себя книгами, почти прекращаетъ связи съ внѣшнимъ міромъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ друзей, довольствуется чисто отшельнической кельей, окруженной маленькимъ садомъ, и, не покладая рукъ, работаетъ надъ своей книгой. Онъ переиздаетъ ее нѣсколько разъ, передѣлываетъ, исправляетъ, вообще, не пропускаетъ мимо ушей ни одного замѣчанія, ни брани, ни похвалы. Для него ничего нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ искренняго всепоглощающаго стремленія раскрыть истину. Другой вопросъ, удастся ли ему это, но только неудача не будетъ зависѣть ни отъ легкомыслія, ни отъ лѣни, ни отъ ложнаго самолюбія искателя.

Въ личной жизни ученаго постигаетъ одно испытаніе за другимъ.

Либеральный муниципалитетъ Цюриха рѣшается пригласить Штрауса на профессорскую каѳедру. О ней давно изнывалъ ученый, какъ о своемъ истинномъ призваніи. Переговоры тянулись три года, наконецъ контрактъ заключенъ. Но противъ назначенія поднимается населеніе кантона. Загорѣлась своего рода гражданская война, и контрактъ пришлось разорвать.

Вскорѣ еще болѣе чувствительный ударъ. На этотъ разъ исторія до такой степени глубоко и, очевидно, бурно ворвалась въ существованіе ученаго, что на довольно продолжительное время онъ вынужденъ прекратить всякую литературную работу.

Уже нѣсколько лѣтъ Штраусъ былъ знакомъ съ знаменитой въ свое время пѣвицей, АгнесойШебестъ. Ея красота и особенно классическая игра и пѣніе увлекли ученаго. Увлеченіе закончилось бракомъ.

Но быстро обнаружилось, что искусство дурно уживается съ наукой, и карьера популярной артистки не можетъ быть вложена въ скромную житейскую дорогу ученаго. Формальный разводъ представилъ множество затрудненій. Штраусъ рѣшился просто разойтись съ женой: совмѣстная жизнь съ каждымъ днемъ становилась невыносимѣе. Двое дѣтей нѣкоторое время жили при матери, потомъ отецъ взялъ ихъ къ себѣ, и снова потянулось одинокое труженичество.

Оно было прервано всего на нѣсколько мѣсяцевъ, пожалуй, не менѣе неожиданнымъ эпизодомъ, чѣмъ бракъ съ пѣвицей, и во всякомъ случаѣ не болѣе удачнымъ.

Родной городъ вздумалъ было выбрать Штрауса въ знаменитый франкфуртскій сеймъ. Но кандидатъ болѣе правовѣрной партіи побѣдилъ. Тогда сторонники Штрауса отправили его представителемъ въ вюртембергскую палату.

Произошло это событіе отнюдь не при стремительномъ сочувствіи самого избранника. Германія переживала крайне безпокойное, отчасти революціонное время. Политическія страсти поднялись до высшей температуры. Онѣ охватили даже людей науки, знаменитѣйшихъ современныхъ профессоровъ университетовъ, въ родѣ Далманна, Гервинуса.

Политическая агитація проникла въ историческую литературу и, напримѣръ, сочиненіе Гервинуса—*Исторія нѣмецкой поэзіи*—еще задолго до 1848 года среди германской молодежи играло роль гражданскаго и національнаго манифеста.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ студенческихъ и профессорскихъ увлеченіяхъ было гораздо больше искренности, чѣмъ практической силы. На франкфуртскомъ собраніи быстро обнаружилась безпомощность благородныхъ доктринеровъ, и именно этотъ результатъ выдвинулъ на первый планъ Пруссію и ея государственныхъ дѣятелей, какъ болѣе искусныхъ объединителей отечества и создателей новаго гражданскаго строя.

Штраусъ не принадлежалъ къ идеологамъ и мечтателямъ. Онъ успѣлъ пережить романтическую лихорадку въ студенческіе годы, а потомъ продолжительная научная критическая работа окончательно установила ясный и твердый взглядъ не только на прошлое.

Знаменитый авторъ столь, повидимому, радикальныхъ сочиненій въ области исторіи церкви, несомнѣнно, многихъ разочаровалъ, какъ политикъ. Съ самаго начала, онъ явился открытымъ врагомъ отвлеченнаго радикализма и громкихъ фразъ. Подобная трезвость была не ко времени.

Отношенія Штрауса скоро обострились съ товарищами и даже съ избирателями. Кругомъ него образовалась пустота. Лишенный поддержки либераловъ, онъ часто попадаетъ въ самыя щекотливыя положенія: приходится идти рядомъ съ людьми, чей консерватизмъ ему былъ ненавистенъ не менѣе радикальнаго доктринерства. Не прошло и года, Штраусъ сложилъ съ себя полномочія.

Всѣ эти напряженія не могли пройти безслѣдно, и въ теченіе довольно продолжительнаго періода Штраусъ, правда, работаетъ, но не съ прежнимъ жаромъ. Только съ половины пятидесятыхъ годовъ открывается новая эпоха необыкновенно оживленной дѣятельности. И самымъ блестящимъ плодомъ ея явилась книга о Гуттенѣ осенью 1857 года. Потомъ къ сочиненію были прибавлены *Разговоры Гуттена* и написано къ нимъ введеніе.

Для насъ достаточно бѣглаго знакомства съ личностью и жизнью Штрауса, чтобы войти въ психологію автора во время работы надъ біографіей Гуттена.

Выборъ сдѣланъ отнюдь не случайно. Штраусъ въ предисловіи ко второму изданію разсказываетъ о своихъ настроеніяхъ при началѣ труда.

V.

Для историка повѣствованіе о людяхъ прошлаго отнюдь не платоническое литературное занятіе: оно тѣсно связано съ національными инстинктами и входитъ необходимымъ нравственнымъ звеномъ въ современность. Настоятельный долгъ націи—знать своихъ благодѣтелей, все равно, побѣдили они или погибли въ борьбѣ за ея благо и просвѣщеніе.

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ Германіи необходимо было напомнить именно личность и дѣятельность Гуттена. Папскій Римъ снова простиралъ свою власть на нѣмецкіе народы, начиная съ Австріи, путемъ конкордатовъ грозилъ наложить новыя узы на родину Лютера... «Тогда,—говоритъ Штраусъ, — я воскликнулъ: «развѣ нѣтъ среди насъ Гуттена?» И такъ какъ среди живыхъ дѣйствительно не было никого, то я вознамѣрился воскресить образъ умершаго и явить его предъ очами нѣмецкаго народа. И это произвело свое дѣйствіе. Въ гнѣвѣ рыцаря на Римъ, враждебный свѣту и свободѣ, въ его проникновенныхъ увѣщаніяхъ къ нѣмцамъ—быть единодушными и сознательно-мужественными противъ надменности иноземцевъ,—все это оказалось своевременнымъ словомъ».

Опасность миновала. Германія стала единой и могучей. Патріотъ можетъ восторженно вспоминать необыкновенно быстрое политическое возвышеніе своего отечества, но онъ не забудетъ и тѣхъ, кто въ отдаленные вѣка всѣ силы, весь жаръ своего сердца отдалъ той же идеѣ единства и мощи.

А потомъ, не все кончено. Народъ несравненно легче можетъ утратить плоды своихъ успѣховъ, чѣмъ пріобрѣсти ихъ. Остаться на высотѣ независимости и могущества гораздо труднѣе, чѣмъ попасть на эту высоту. И въ самой объединенной Германіи далеко не все благополучно.

Правда, свѣтская власть папы сломлена, но не духовная.

Вѣрноподданные Рима все еще простираютъ свои притязанія на драгоцѣннѣйшее національное достояніе — на науку и народное просвѣщеніе. А Гуттенъ мечталъ о могуществѣ и величіи Германіи, свободной отъ всякаго вмѣшательства ненавистной силы, и теперь онъ, послѣ отступленія внѣшняго врага, неизбѣжно обратилъ бы оружіе противъ внутренняго.

Очевидно, духъ и дѣло франконскаго рыцаря до сихъ поръ не утратили современнаго интереса, и пусть «этотъ рыцарь встрѣ-

титъ не менѣе дружелюбный пріемъ въ лучшія времена, чѣмъ встрѣтилъ въ злыя».

Въ предисловіи къ переводу *Разговоровъ Гуттена* Штраусъ заявлялъ:

«Еще никогда я не былъ болѣе увѣренъ, что доставлю публикѣ удовольствіе, нѣмецкой націи окажу услугу, какъ принимаясь за предстоящій трудъ».

И дальше повторялась та же идея—чрезвычайной близости Гуттена къ современной эпохѣ, живучести и свѣжести даже его латинской прозы, неизмѣнно одушевленной страстнымъ гражданскимъ чувствомъ. И снова Гуттенъ, въ глазахъ историка, являлся образцомъ борца за политическую и нравственную независимость германской національности, и Штраусъ перечислялъ даже предметы и темы, которые непремѣнно привлекли бы талантъ отзывчиваго и неутомимаго гуманиста.

Очевидно, Штраусъ съ точностью слѣдовалъ принципу своего современника Шлоссера: выбирать цѣль исторической работы, безусловно полезную для современной дѣйствительности, изслѣдуя прошлое, не переставать жить настоящимъ.

Гуттенъ представлялъ едва ли не благодарнѣйшую изъ этихъ цѣлей. Изумительное сліяніе мысли и дѣятельности! Натура, поражающая обиліемъ силъ, мужества и чисто германской средневѣковой стремительности. Кромѣ того, и психологія рыцаря одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ для историка-философа.

Вся молодость — безконечный рядъ странствій. Въ сущности, это обычное бродяжество стараго нѣмецкаго студента, вѣчно съ пустымъ карманомъ, но съ отличнымъ аппетитомъ, съ большимъ запасомъ самолюбія, но также съ неизбѣжнымъ разсчетомъ на добрыя сердца филистеровъ.

Въ эпоху возрожденія эти странствія подчасъ сильно разнообразились встрѣчами съ интереснѣйшими поэтами, философами и просто эпикурейцами новаго направленія. Чуть не въ каждомъ болѣе или менѣе видномъ городѣ пребывала своя знаменитость. Въ Эрфуртѣ жилъ поэтъ Эобанъ Гессе, прямой предшественникъ героевъ «бури и натиска», романтикъ и Анакреонъ одновременно, рѣшительнѣйшій поклонникъ самыхъ крѣпкихъ національныхъ напитковъ.

Дальше, въ Готѣ еще болѣе любопытная личность—Муціанъ Руфъ, тоже большой любитель жизненныхъ радостей, но въ то же время остроумнѣйшій сатирикъ и эпиграмматистъ, гроза монаховъ и педантовъ.

На дверяхъ его жилища стояла надпись: *Beata tranquillitas—Блаженный покой*, и еще надпись, также латинская, приглашавшая

всѣхъ «добрыхъ людей» подъ гостепріимный кровъ. Но покой здѣсь былъ подозрительный: именно здѣсь оттачивались ядовитѣйшія стрѣлы противъ католичества и папства, здѣсь возникла едва ли не большая часть *Писемъ темныхъ людей*...

Гуттенъ всѣхъ этихъ свѣтилъ видѣлъ, знакомился, и позже онъ станетъ въ первомъ ряду ихъ военнаго строя. Пока его неудержимо влекутъ новыя впечатлѣнія, и замѣчательно, каждый почти шагъ ознаменовывается взрывомъ гнѣва и страсти. Уже ранніе годы Гуттена показываютъ, какова будетъ его дальнѣйшая работа въ области литературы. Онъ и здѣсь останется *рыцаремъ* бурнымъ, неукротимымъ, истиннымъ паладиномъ, только не во славу прекрасныхъ дамъ, а сначала гуманистическихъ, потомъ реформаторскихъ идей.

Въ началѣ не всегда ясны мотивы гутеновскаго гнѣва. Онъ, напримѣръ, пишетъ сатиру противъ нѣкоего профессора Лётце... За что? Въ это время рыцарь велъ самое бѣдственное существованіе, часто питался подачками крестьянъ, профессоръ пріютилъ его въ своемъ домѣ, но потомъ прогналъ.

Въ чемъ смыслъ исторіи, мы не знаемъ, но сатира Гуттена преисполнена изумительно сильныхъ чувствъ, она своего рода предзнаменованіе для всѣхъ его позднѣйшихъ трудовъ.

Можетъ быть, въ характерѣ рыцаря было слишкомъ много запальчивости, до послѣдней степени чувствительнаго самолюбія. Тѣмъ болѣе, что его скоро постигнетъ недугъ, особенно разстраивающій организмъ и нервную систему. Въ положеніи Гуттена— истинное бѣдствіе,—именно оно и даетъ его врагамъ не мало удобныхъ поводовъ нападать на его личность.

Дальше, еще болѣе бурныя произведенія политическаго содержанія и еще болѣе краснорѣчивыя для идей Гутена. Одно—страстное патріотическое обращеніе къ императору, другое—сатира на воинственнаго папу Юлія II.

Сатира вызвана личными впечатлѣніями. Все несчастье Рима заключалось въ рѣдкостной способности возмущать всѣхъ, кто только приближался къ дѣйствительной жизни папской столицы. Лютеръ, покорный, даже мистически-восторженный монахъ, сильнѣйшій толчокъ на дѣло реформаціи получаетъ у самаго папскаго престола: до такой степени его потрясаютъ безнравственность и безбожіе св. куріи!

Гуттенъ видитъ собственными глазами опустошенія, произведенныя папой въ цѣлой странѣ,—папой-солдатомъ въ полномъ смыслѣ слова, и естественно сердце гуманиста загорится гнѣвомъ и слово «бандитъ» будетъ еще однимъ изъ самыхъ скромныхъ эпитетовъ, какими сатира поразитъ римскаго первосвященника.

Всѣ эти произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, чистомъ и энергическомъ. Но современные педанты не признаютъ за авторомъ учености, а талантъ для нихъ безразличенъ. Опять какъ нельзя болѣе внушительный поводъ вспыхнуть гнѣву. Появится сатира подъ заглавіемъ *Никто*: остроумнѣйшая игра словъ на самомъ простомъ основаніи, чисто грамматическомъ.

По-латыни употребляется одно отрицаніе, гдѣ по-русски два. Напримѣръ, Гуттенъ говоритъ: *Никто—Nemo*—мѣритъ нѣмцевъ одной мѣркой (т. е. не различаетъ сословій). *Никто*—идетъ на помощь Италіи, изнемогающей подъ властью поповъ. *Никого* осмѣлился порицать роскошь и тунеядство католическаго духовенства. И такъ цѣлый рядъ фактовъ, прямо характеризующихъ дѣятельность самого *Гуттена*, въ глазахъ педантовъ, *Никто*. Но въ то же время тѣ же фразы даютъ и вѣрную картину общественнаго равнодушія патентованныхъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ. Изъ нихъ дѣйствительно *никто* не интересовался ни бѣдствіями Италіи, ни нравственнымъ состояніемъ церкви...

Это единственный въ своемъ родѣ примѣръ тонкаго и въ то же время совершенно прозрачнаго остроумія на почвѣ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Года черезъ два Гуттенъ поднимаетъ цѣлую артиллерію злости, издѣвательствъ, пикантнѣйшихъ разоблаченій противъ тѣхъ же враговъ гуманизма. Онъ даетъ богатѣйшій вкладъ въ *Письма темныхъ людей*. Это опять латинскій стиль, но авторъ не стѣсняется тономъ, особенно фактическими подробностями. Онъ въ положеніи воина, занесшаго руку на нѣчто въ высшей степени отвратительное и ненавистное. И будь это самое толстокожее животное въ мірѣ, оно почувствуетъ силу рыцарскихъ ударовъ, можетъ быть, не всегда смертельныхъ, но наносящихъ безусловно неизлѣчимыя раны.

Все это очень полезно для новой мысли. Но вопросъ, кто причастенъ къ пользѣ? Кто можетъ читать по-латыни и понять бездну намековъ на схоластическія нелѣпости? Кто способенъ живо заинтересоваться личностями *темныхъ людей*, т. е. монаховъ, магистровъ, докторовъ и прочей темной силы средневѣкового католичества?

Очевидно, только люди, посвященные въ науку, т. е. очень ограниченный классъ людей. Книга цѣнная, но цѣнность ея не ходячая монета, и поэтому сравнительно неопасная для жертвъ сатиры именно тамъ, гдѣ ихъ главная сила, полное раздолье ихъ шарлатанству: въ народной массѣ.

Рыцарю это соображеніе, повидимому, не приходитъ на умъ.

Онъ довольствуется популярностью въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ и искренне, повидимому, не желаетъ другой.

По крайней мѣрѣ, на его глазахъ разростается другая борьба, неизмѣримо болѣе глубокая и важная по смыслу и послѣдствіямъ, чѣмъ сраженіе съ магистрами и докторами. Лютеръ совершаетъ первое грозное нападеніе на папство по поводу индульгенцій. Гуттенъ не понимаетъ значенія факта и даже не хочетъ вникнуть въ виртембергскія происшествія. Онъ смотритъ на нихъ просто, какъ на междоусобицы монаховъ, и желаетъ лишь одного, чтобы та и другая воинствующая сторона пожрали другъ друга...

Это—въ высшей степени характерное настроеніе! Для современнаго гуманиста безразличны вопросы церкви въ ихъ нравственномъ, народномъ смыслѣ. Его вниманіе сосредоточено на глупостяхъ и уродствахъ папской іерархіи и науки, изъ-за самихъ глупостей и уродствъ. Это одна школа новаго направленія. Ея послѣдователи, очевидно, ни за какія сокровища не отважутся броситься въ свалку ради *практическихъ* выводовъ изъ ихъ идей и критики.

Они въ спокойномъ умиленіи будутъ смаковать собственное и чужое остроуміе, но въ то же время не прервутъ личныхъ сношеній съ противоположнымъ лагеремъ. Тѣ же прелаты могутъ свободно пользоваться ихъ дружбой, часто самой откровенной любезностью и даже лестью. Эти борцы скорѣе согласятся спрятать свой мечъ въ ножны или притупить его остріе, чѣмъ порѣзать собственную руку и стать лицомъ къ лицу съ завѣдомымъ врагомъ.

Они, конечно, не только не безполезны во всякомъ новомъ движеніи, но часто могутъ оказать, хотя бы и противъ воли, великую поддержку борцамъ другого типа. Истина всегда остается плодотворной, даже если она вылетаетъ изъ устъ малодушныхъ и, пожалуй, еще менѣе достойныхъ. Корыстолюбіе Бэкона не помѣшало результатамъ его научной мысли. Аристократическія тенденціи, нѣкоторая любостяжательность и по временамъ страшная литераторская сварливость не ослабили культурныхъ владѣній вольтеровской философской мысли. Конечно, желательно бы соотвѣтствіе идей и поступковъ, генія и личности, но если приходится дѣлать выборъ, мудрость нашего Крылова остается всегда и вездѣ въ полной силѣ.

Такъ и относительно Эразма, геніальнаго представителя германскаго возрожденія и въ то же время типичнѣйшаго писателя-сибарита и мыслителя-аристократа.

Въ его произведеніяхъ находится, въ сущности, весь арсеналъ реформаціи и даже раціонализма, но никакія силы въ мірѣ не заставили бы самого творца этого арсенала вынести свое оружіе

на поле битвы, даже раздать его солдатамъ. Это своего рода собиратель драгоцѣнныхъ коллекцій, рѣдкихъ книгъ. Онъ съ удовольствіемъ похвастается своими богатствами предъ знатоками и личными друзьями, но допустить къ нимъ большую публику,—это цѣлый ужасъ!

И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, если бы идеи и знанія вербовали любителей только среди подобныхъ тонко-просвѣщенныхъ и еще тоньше практически-сообразительныхъ людей, идеи и знанія крайне медленно осуществлялись бы въ жизни и еще труднѣе достигали бы всей *полноты* жизненныхъ результатовъ.

Гуттену инстинктивно не было доступно философское эпикурейство. Онъ могъ бы задолго до Руссо буквально предвосхитить его желчную выходку противъ мудрецовъ, погруженныхъ въ свои мысли и закрывающихъ окна кабинета, даже если бы подъ этими окнами рѣзали человѣка. Наслѣдственный рыцарскій темпераментъ воителя нисколько не заглохъ отъ латинскаго языка, и Гуттену стоило только схватить сущность лютеровской борьбы,—для реформаціи готовъ рѣшительнѣйшій слуга, гораздо болѣе послѣдовательный и даже болѣе демократическій, чѣмъ самъ Лютеръ.

Поворотный моментъ—лейпцигскій диспутъ...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней выяснилось, — достаточно было только тронуть одинъ камень въ папскомъ святилищѣ—и все зданіе начинало колебаться. Ожесточенныя нападки монаховъ и докторовъ логически привели Лютера къ тройному выводу: изъ противника индульгенцій выросъ противникъ вообще папской власти, потомъ принудительной силы самихъ соборовъ и, наконецъ, защитникъ единственнаго авторитета—священнаго писанія.

Это движеніе должно поразить самыхъ невнимательныхъ свидѣтелей событій, и не Гуттену, конечно, просмотрѣть его. Жребій брошенъ — съ этой минуты онъ разорветъ съ своими поисками гуманистовъ и меценатовъ при дворахъ князей и прелатовъ. Его сочиненія и Лютера съ этихъ поръ будутъ взаимно дополнять одно другое, Лютеръ воспользуется однимъ изъ памфлетовъ Гуттена въ знаменитой рѣчи къ нѣмецкому дворянству.

Съ теченіемъ времени Гуттенъ опередитъ церковнаго реформатора.

VI.

У рыцаря съ самаго начала горѣлъ яркій огонь національнаго чувства, Гуттенъ только не понималъ національнаго значенія протестовъ Лютера,—теперь чувство найдетъ самую благодарную цѣль и неистощимый матеріалъ.

*

Лютеръ подъ конецъ жизни отступитъ предъ результатами своего же дѣла, не захочетъ признать народнаго движенія на почвѣ реформаціи, примкнетъ скорѣе къ князьямъ и сойдетъ со сцены, не сознавая политическихъ и соціальныхъ плодовъ своего протеста противъ Рима. Монахъ и ученый парализуютъ агитатора и политика.

Ничего подобнаго съ Гуттеномъ.

Онъ и раньше не зналъ надъ собой никакой дисциплины, ни монашеской, ни университетской. Всѣ его необыкновенно быстро возникавшія произведенія внушались свободными личными чувствами и настроеніями. Большой, слѣдовательно, былъ выигрышъ для смѣлости и самихъ идей Гуттена его неприкосновенность къ какому бы то ни было оффиціальному цеху.

Съ каждымъ шагомъ все больше увлекаясь драматизмомъ событій и величіемъ задачи, Гуттенъ перестаетъ писать по латыни и переходитъ къ народному языку. Поэта громятъ широковѣщательными проклятіями отступниковъ, ему отвѣчаютъ произведеніями менѣе важнаго и авторитетнаго тона, но несравненно болѣе дѣйствительнаго содержанія, въ необычайно живой искренней формѣ.

Но кто отвѣчаетъ?

Лишь только новыя идеи стали приносить практическіе плоды, знаменитѣйшіе гуманисты поспѣшили отступить отъ собственныхъ дѣтищъ. Рейхлинъ и Эразмъ откровенно перепугались и обратились, куда слѣдуетъ, съ отреченіями и покаянными исповѣдями.

Эразмъ прямо заявилъ, что отпадающій отъ единой католической церкви хуже, чѣмъ какой угодно недостойный членъ этой церкви. Этимъ заявленіемъ узаконялась измѣна гуманизму и крайнія сдѣлки съ папизмомъ.

У Рейхлина страхъ, повидимому, не достигъ такого предѣла, но и онъ сочинилъ оправдательное письмо къ католическимъ государямъ и тѣмъ спасъ свою профессорскую каѳедру.

Германскіе классики и международные цицероны отнюдь не желали быть мучениками, и если ужъ непремѣнно взвѣшивать на вѣсахъ вины прошлаго, виновнѣе всѣхъ несомнѣнно Эразмъ.

Онъ жилъ въ полномъ довольствѣ, совершенно независимый, популярный во всей Европѣ, вообще во всѣхъ отношеніяхъ похожій на «фернейскаго патріарха» XVIII вѣка. Его устами говорило самое подлинное безпримѣсное малодушіе, и совершенно понятенъ бурный натискъ, сдѣланный Гуттеномъ на учителя-«измѣнника».

Досталось отъ пылкаго рыцаря и Рейхлину. Но ничего не могло быть правдивѣе и эффектнѣе, чѣмъ сопоставленіе бѣдственной,

самоотверженной жизни Гуттена и эпикурейскаго спокойствія друга аристократовъ и меценатовъ—Эразма!

Загорѣлась жестокая война памфлетами, во многомъ напоминающая позднѣйшую междоусобицу Вольтера и Руссо. Только у противника Эразма гораздо меньше сходства съ женевскимъ мизантропомъ, чѣмъ у Эразма съ Вольтеромъ.

Рыцарь—весь гуманный порывъ. Онъ ни на минуту не думаетъ скрыться въ укромномъ уединеніи и оттуда благодѣтельствовать человѣчество выношенными на досугѣ мечтами и идеалами. Онъ вѣчно, такъ сказать, на подвѣтренной сторонѣ современной исторической бури. Онъ самъ ищетъ противника, какъ истинный паладинъ, и притомъ никогда не опускаетъ забрала.

А личная жизнь, между тѣмъ, преисполнена лишеній. Бѣдность, особенно болѣзнь, часто доводятъ писателя до послѣдней крайности. И у враговъ, въ родѣ того же Эразма, хватаетъ совѣсти укорять реформатора его же физическимъ недугомъ!..

Мы не намѣрены прибѣгать къ сильнымъ чувствамъ и «судъ мертвыхъ» превращать въ драматическій монологъ. Мы излагаемъ только факты, и не требуется ни малѣйшей тенденціи, чтобы опредѣлить правыхъ и лѣвыхъ въ этой великой культурной смутѣ.

Гуттенъ почти одинокъ. Лютеръ усиливается замкнуться въ исключительно-церковную и религіозную реформу, первостепенные гуманисты заявляютъ публично, что они до тѣхъ поръ не отрекутся отъ папы, пока онъ не отречется отъ Христа!..

Трудно даже вполнѣ оцѣнить настроеніе Эразма, когда онъ выпускалъ подобный манифестъ! Будто онъ не зналъ, что исконная политика папства и заключалась именно въ призываніи имени Христа при самыхъ вопіющихъ заушеніяхъ евангельскому ученію!..

Естественно, нападенія Гуттена приходилось отражать личными сатирическими обличеніями.

Но, помимо практическихъ шатаній и явныхъ измѣнъ, существовалъ еще одинъ фактъ.

Онъ, къ сожалѣнію, почти замалчивается протестантскими историками реформаціи. Минуетъ его и Штраусъ. Но зато католическіе историки эксплуатируютъ этотъ фактъ съ величайшимъ усердіемъ и, пожалуй, на иного читателя могутъ произвести впечатлѣніе.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Лютеръ дошелъ до реформаторской проповѣди весьма оригинальнымъ путемъ. Сначала это покорный, образцовый монахъ,

фанатически преданный старой церкви. Только личное знакомство съ этой церковью, потомъ невольно увлекающій пылъ борьбы создали изъ него вождя церковной реформы.

Но старая закваска не исчезла окончательно, и не могла исчезнуть.

Такъ происходитъ со всѣми глубокими натурами, порывающими съ вѣковымъ порядкомъ вещей. И особенно, если за новаторами идутъ другіе, и если, слѣдовательно, помимо отвѣтственности за свой разрывъ, на сознаніи тяготѣетъ еще безпокойная мысль за участь увлеченныхъ.

Только мелкія поверхностныя души легко и безпечально мѣняютъ ветхаго человѣка на новаго. Призванные вожди человѣческаго прогресса всегда и вездѣ нравственными страданіями, часто неизбѣжными сомнѣніями искупали свое призваніе. Первымъ лучамъ восходящаго солнца въ мірѣ идей несравненно труднѣе разогнать тѣни ночи, чѣмъ въ физическомъ, потому что здѣсь каждый моментъ связанъ съ *личной* волей и *человѣческой* природой.

Лютеру пришлось испытать этотъ законъ едва ли не въ самой тягостной формѣ. Вопросъ касался *вѣры*, т. е. былъ связанъ съ глубочайшими тайнами человѣческаго сердца, одинаково захватывалъ *оба* міра—дѣйствительности и надеждъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ милліоны людей жили и умирали съ ясной совѣстью и свѣтлой вѣрой.

Эта совѣсть могла быть младенчески-простодушной, вѣра—не оправдываться ни ученьемъ, ни дѣлами руководителей папскаго клира, но вѣрующіе наслаждались духовнымъ миромъ и умѣли находить утѣшеніе даже въ церкви Бонифаціевъ и Юліевъ.

И вотъ—все это теперь потрясалось до самыхъ основъ! Чувства и привычки, казавшіеся вѣчными, отметались,—и во имя чего? Во имя св. писанія... Но кому дано право проникнуть въ смыслъ откровенныхъ книгъ? Почему именно Лютеру, а не папѣ? И гдѣ можетъ остановиться самъ Лютеръ на своихъ толкованіяхъ, когда уже на его глазахъ, подъ покровомъ его же ученія возникаютъ толки и секты. И ему приходится бороться съ плодами своихъ же посѣвовъ...

Все это видѣлъ и все передумалъ самъ реформаторъ.

Естественно, бывали минуты,—его мужественный духъ сгибался подъ тяжестью воспринятаго бремени и мятежный монахъ переживалъ драму Гамлета.

Только Лютеръ ни единой чертой не походилъ на кабинетнаго, идиллическаго мечтателя. Его муки не находили успокоительнаго исхода въ монологахъ. Это были страшные вопли смя-

тенной души, крикъ надорванной, но гигантски могучей природы. Вся расовая германская кровь поднималась въ груди реформатора и съ его устъ слетали отнюдь не изящныя привѣтствія по адресу разума и ума—великихъ орудій новаго человѣка.

А въ слѣдующую минуту—страстная молитва...

Усердный католикъ готовъ видѣть въ этихъ страданіяхъ явную месть добраго генія католической церкви неразумно разрушительной силѣ. А между тѣмъ, страданія свидѣтельствуютъ о нравственной высотѣ лютеровской натуры, показываютъ, какая сильная и благородная мысль воодушевила реформаціонный протестъ. Здѣсь нѣтъ ни единаго намека на опрометчивость, легкомысліе, эгоистическіе разсчеты. Дѣйствительно, *совѣсть* была главнымъ двигателемъ великаго преобразованія, и первый же виновникъ его позналъ всѣ терніи, какими въ нашемъ мірѣ усыпанъ путь къ свободѣ и истинѣ...

Можно ли думать, будто эти терніи—лавры заблужденія и героическая борьба творческаго разума съ сомнѣніями, личной воли съ наслѣдственными и пріобрѣтенными привычками, доказываютъ, что борецъ на ложномъ пути?

Вѣдь тогда можно перетолковать въ томъ же смыслѣ и евангельскую исторію искушенія въ пустынѣ!.. Дешево стоило бы и непрочно было бы всякое обновленіе міра, если бы оно совершалось безъ тяжкихъ искусовъ и многообразныхъ жертвъ.

Но Лютеръ, повидимому, не могъ выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ сомнѣній. Онъ отступилъ именно предъ важнѣйшими послѣдствіями церковной реформы—общественными и политическими.

Гуттенъ не смутился и не могъ смутиться: политическіе принципы стояли во главѣ его ранней дѣятельности. Онъ теперь не находилъ никакихъ противорѣчій въ переходѣ реформаціи изъ области церкви на неограниченное поприще національныхъ и государственныхъ перемѣнъ.

И онъ создаетъ даже логическіе выводы изъ этого движенія, ни болѣе, ни менѣе какъ идею политическаго единства Германіи. Идея до такой степени плодотворна и настоятельна, что Гуттену не приходитъ на умъ ни малѣйшее сомнѣніе въ правотѣ и цѣлесообразности его дѣла. Онъ, пожалуй, даже не понялъ бы настроеній Лютера. Монахъ-протестантъ весь ушелъ въ Библію и церковь, гуманистъ-революціонеръ неутомимо работаетъ надъ политическими трактатами и памфлетами и мечтаетъ о созданіи новаго государства и общества.

Это только мечты. До ихъ осуществленія лежалъ длинный и многотрудный путь національнаго прогресса и особенно политическаго развитія германскихъ народовъ.

Но тѣмъ выше проницательность гуманиста!

Въ безпримѣрномъ жару полемики, весьма часто личной, тѣснимый и прямыми врагами, и невѣрными друзьями, папистами и философами, онъ додумался до идеала, сохранившаго свою жизненность до XIX вѣка.

Штраусъ не скрываетъ излишней стремительности Гуттена осуществить всѣ идеи сразу: реформировать церковь, объединить Германію и даже окончательно освободить ее отъ всѣхъ традиціонныхъ помѣхъ нравственному и умственному прогрессу.

Такъ исторія не дѣлается.

Прежде всего реформа церкви внесла разладъ въ среду германскихъ народовъ, на первыхъ порахъ гораздо болѣе рѣзкій, чѣмъ политическая рознь. Предстояла цѣлая эпоха правовыхъ разсчетовъ, и желанное единство должно было возникнуть послѣ страшныхъ напряженій всѣхъ народныхъ силъ.

Но Гуттенъ твердо вѣрилъ въ свой идеалъ.

Людямъ вообще мало свойственны отрадныя, не личныя, а культурныя настроенія. Рѣдко, крайне рѣдко доносится до насъ искренне-радостный голосъ современниковъ самыхъ, повидимому, живыхъ и блестящихъ историческихъ эпохъ... Будто вблизи менѣе замѣтно многозначительное движеніе, и только часто на большомъ разстояніи, на пространствѣ десятилѣтій оно является во всемъ величіи.

И это понятно.

Чѣмъ глубже преобразованіе, тѣмъ больше жертвъ оно создаетъ, чѣмъ напряженнѣе борьба, тѣмъ больше паденій, разочарованій и ошибокъ. И поэтому часто жалобы и негодованіе покрываютъ собой рѣчи удовлетворенія и торжества.

Гуттенъ нравственно миновалъ всѣ преграды въ своей шумной, неизмѣнно воинствующей дѣятельности. Можно подивиться, какъ онъ находилъ достаточно энергіи защищать себя и своихъ соратниковъ, напримѣръ, Рейхлина, тщательно и зорко слѣдить за перемѣнами на ихъ фронтѣ и немедленно повергать на судъ общественнаго мнѣнія всякій ложный или малодушный шагъ. Рисковано положеніе такихъ борцовъ! Это болѣе чѣмъ безпокойные люди, они могутъ вызвать настоящую ненависть даже у единомышленниковъ болѣе спокойнаго темперамента и дипломатическаго міровоззрѣнія.

Объ Эразмѣ нечего и говорить: люди, подобные Гуттену, были по натурѣ его личными врагами. Но даже Муціанъ Руфъ, слывшій за радикала, далъ весьма двусмысленный отзывъ о Гуттенѣ.

«Это человѣкъ рѣзкій и стремительный, великій поэтъ, но та-

кого характера, что можетъ придти въ раздраженіе отъ самаго пустого слова. Подальше отъ меня такихъ людей! Пусть они берутъ надо мною верхъ, я готовъ быть побѣжденнымъ...»

Другими словами—лучше и не спорить съ Гуттеномъ.

Этотъ отзывъ очень характеренъ, и, къ сожалѣнію, Штраусъ не останавливается съ должнымъ вниманіемъ на положеніи Гуттена именно среди гуманистовъ. Онъ излагаетъ полемику съ Эразмомъ и Рейхлиномъ, но общій смыслъ явленія ускользаетъ. А онъ именно и озаряетъ особенно яркимъ свѣтомъ оригинальную личность рыцаря.

Расплата за оригинальность, весьма печальная, какъ и всегда. Гуттенъ умираетъ одинокимъ, нигдѣ не находя пріюта передъ смертью.

И не смотря ни на что, торжественный, восторженный гимнъ звучитъ непрестанно. Гуттену вольно и радостно живется, не потому, что онъ лично счастливъ, а потому, что «процвѣтаютъ науки», «развивается свободная мысль», и вслѣдствіе этого «много воздуху дышать».

Это не театральный крикъ. Когда человѣкъ говоритъ такія рѣчи среди лишеній, вѣчно угрожаемый болѣзнями и даже голодомъ, проклинаемый папой и поносимый Эразмомъ, много надо самосознанія и вѣры въ свое дѣло, для «свободнаго дыханія» и радостныхъ ощущеній. Невольно приминается одно изъ правдивѣйшихъ стихотвореній Гюго: *Ceux qui vivent, ce sont ceux qui luttent*:

Нѣтъ, только тотъ живетъ, кто борется; лишь тотъ,
Чей умъ и душу цѣль высшая влечетъ.

И живетъ не только своей дѣйствительной жизнью, но и славой въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, *исторической жизнью*, этимъ подлиннымъ безсмертіемъ въ нашемъ преходящемъ мірѣ.

VII.

Жизнь Гуттена объясняетъ, какими путями кратковременное существованіе переходитъ въ безсмертіе и какъ исторія можетъ стать дѣйствительно «учительницей народовъ».

Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ письма Гуттена къ Лютеру. Письмо послано въ самомъ началѣ перехода гуманиста на сторону реформатора, въ моментъ сильнѣйшей опасности для всѣхъ сторонниковъ Лютера. Ходили слухи объ отлученіи его отъ церкви, они скоро и осуществились, и именно эти слухи вызвали восторженное обращеніе Гуттена. Въ письмѣ отразилась вся страстная, открытая личность рыцаря, готовая въ каждую минуту схватиться съ какимъ угодно врагомъ и заслонить своимъ щитомъ гонимаго поборника свободы.

«Христосъ да будетъ съ нами,—пишетъ Гуттенъ,—Христосъ да поможетъ намъ! Ибо за его заповѣди боремся мы. Его затемненное туманомъ папскихъ вымысловъ ученіе мы вновь выводимъ на свѣтъ. Ты—удачнѣе, я—по мѣрѣ своихъ силъ... Говорятъ, ты отлученъ отъ церкви. Какъ великъ ты, Лютеръ, какъ ты великъ, если это вѣрно. Ибо всѣ благочестивые люди скажутъ о тебѣ: они искали души праведника и осудили невинную кровь; но Богъ накажетъ ихъ за ихъ преступленіе и нашъ Господь Богъ погубитъ ихъ въ ихъ злобѣ. Вотъ наша надежда, вотъ наша вѣра... Однако, остерегайся и не спускай съ нихъ глазъ и ума. Ты понимаешь, какой это былъ бы вредъ общему дѣлу, если бы ты теперь палъ. Ибо самъ по себѣ, я знаю, ты предпочтешь лучше умереть, чѣмъ позорно жить. И меня преслѣдуютъ, но я буду остерегаться на сколько могу... Пусть они меня презираютъ. Эккъ (докторъ, профессоръ, главный противникъ Лютера на лейпцигскомъ диспутѣ) донесъ на меня, что я за одно съ тобой. Въ этомъ онъ не ошибся. Ибо я во всемъ, что понималъ, былъ согласенъ съ тобой, хотя до сихъ поръ между нами не было сношеній. Онъ еще говорилъ, будто мы уже раньше дѣйствовали съ взаимнаго уговора, это онъ солгалъ въ угоду папѣ. Безстыдный подлецъ! Надо постараться, чтобы онъ былъ вознагражденъ по заслугамъ. Будь твердъ, силенъ и непоколебимъ! Но зачѣмъ я напоминаю тебѣ объ этомъ, когда въ томъ нѣтъ нужды? Во мнѣ ты имѣешь союзника на всѣ возможные случаи. Поэтому не бойся сообщать мнѣ впредь всѣ твои планы. Поборемся за общую свободу! Освободимъ угнетенное отечество! Богъ на нашей сторонѣ. Если Богъ съ нами, то кто противъ него?..»

Это значитъ, преданность дѣлу переходитъ въ своего рода религіозный экстазъ. Человѣкъ отдаетъ всю свою личность общимъ стремленіямъ,—какъ вы будете судить о немъ?

Другими словами, какую роль предстоитъ играть исторіи съ дѣятелями прошлаго, одушевленными одной нравственной или общественной идеей! И помните, именно эти люди дѣлаютъ исторію, на нихъ падаетъ отвѣтственность за тотъ или другой исходъ величайшихъ историческихъ движеній. А такъ какъ въ жизни человѣчества исторія дѣлается всегда однимъ и тѣмъ же путемъ, процессомъ борьбы личности противъ отжившихъ или отживающихъ идеальныхъ и практическихъ основъ современной общественности, то историкъ въ силу необходимости, простой логичности историческаго представленія долженъ оцѣнить относительное достоинство принциповъ протеста и того, что̀ ими отвергается.

Исторія, слѣдовательно, неизбѣжно превращается въ судъ какъ разъ тамъ, гдѣ особенно настоятельна и плодотворна ея работа.

Нечего и говорить, — судъ возможенъ въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Только съ наивностью и философской ограниченностью Тэна можно историческій судъ превратить въ откровенно-запальчивую прокурорскую рѣчь и научный трудъ низвести до уровня пасквиля.

Болѣе благоразумные и талантливые историки могутъ отъ начала до конца судить и приговаривать безъ всякихъ знаковъ восклицанія безъ реторическихъ фигуръ и безъ шарлатанскихъ операцій съ цитатами. За авторовъ будутъ говорить факты.

Напримѣръ, возьмите одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ Ранке—*Нѣмецкая исторія въ эпоху реформаціи*. Сильныхъ чувствъ совсѣмъ не замѣтно, да они и не свойственны историку. Но сравните его разсказъ съ не менѣе на видъ ученой исторіей Янсена на ту же тему: вся разница въ подборѣ фактовъ и будто мимолетныхъ, вполнѣ естественныхъ замѣчаніяхъ.

Янсену требуется доказать благоденствіе и даже культурное развитіе Европы подъ властью папы, реформацію выставить бунтомъ и заговоромъ нѣкоторыхъ зловредныхъ личностей, и онъ тщательно собираетъ данныя объ успѣхахъ Германіи на всевозможныхъ поприщахъ, отъ благодѣяній средневѣковыхъ цеховъ до блестящаго развитія школъ. Выходитъ даже, будто св. писаніе было вполнѣ доступно простымъ вѣрующимъ католикамъ, то св. писаніе, которое еще въ наше время папы будутъ считать источникомъ искушеній для своихъ духовныхъ чадъ!

Ничего подобнаго у Ранке.

Но обратите вниманіе, какіе у него *факты* и какое настроеніе невольно прорывается у историка.

Напримѣръ, Генрихъ IV—это воплощеніе зла для средневѣковыхъ и новыхъ католиковъ, у Ранке «герой древней трагедіи», т. е. героическій борецъ противъ общественнаго мнѣнія. Дальше, власть папы утверждена,—для Ранке это значитъ—санкція политическаго рабства Германіи и увѣковѣченіе религіозной и умственной тьмы націи.

Именно такъ выражается историкъ, т. е. позволяетъ себѣ въ полномъ смыслѣ публицистическій тонъ, въ глазахъ историковъ другого лагеря тонъ безусловно партійный, односторонній.

Естественно, получается соотвѣтствующая общая картина дореформаціонной Германіи. Въ результатѣ Лютеръ только далъ послѣдній ударъ этой картинѣ, объединилъ и поднялъ на должную высоту многочисленныя оппозиціонныя теченія, развивавшіяся въ Германіи въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ именно преступленій и пороковъ папскаго владычества.

А исторія самой реформаціи?.. Одинъ нѣмецкій ученый могъ написать цѣлую книгу въ обличеніе передержекъ и фактическихъ неправдъ католическаго историка. Книга въ высшей степени любопытная; она показываетъ, во что превращается исторія въ наше столь притязательное научное время. Мы рекомендуемъ эту книгу читателямъ. Такихъ книгъ можно бы написать не мало и не по поводу только католиковъ, историковъ реформаціи, а даже самыхъ притязательныхъ новѣйшихъ провозглашателей не только научной, а даже естественно-научной исторіи *).

Ранке, конечно, не принадлежитъ къ этимъ унтеръ-офицерскимъ вдовамъ. Но, вѣдь, и «я человѣкъ», могъ бы сказать про себя историкъ, когда онъ, напримѣръ, описываетъ лейпцигскій диспутъ.

Зачѣмъ эта живописная и даже эффектная картина? Лютеръ на трибунѣ, съ букетомъ цвѣтовъ, и «все его существо дышало глубокомысліемъ, радостнымъ чувствомъ и будущимъ». Sein ganzen Wesen athmete Tiefsinn, Freudigkeit und Zukunft... Вѣдь это уже личныя впечатлѣнія историка, а не цитата изъ источника. Да если бы это была и цитата, Янсенъ навѣрное не призелъ бы ея, а Ранке ни подъ какимъ видомъ не пропустилъ бы.

Мы могли бы этотъ процессъ вести очень долго. Мы его закончимъ свидѣтельствомъ того же Ранке.

Въ предсмертномъ трудѣ—во *Всемірной исторіи*—Ранке, приступая къ разсказу о Гракхахъ, заявляетъ о крайнемъ разногласіи *древнихъ* историковъ въ данномъ вопросѣ. Для однихъ Гракхи—преступники, Тиберій—просто честолюбецъ, а Гай—мстительный эгоистъ. Другіе, напротивъ, идеализируютъ обоихъ братьевъ: Тиберій—истинный, благородный гражданинъ, Гай—искусный политикъ.

Какъ же разрѣшили противорѣчіе новые историки?

По свидѣтельству Ранке, они *симпатизируютъ* Гракхамъ.

Любопытная оговорка! *Симпатія*, но, вѣдь, это опять нѣчто совершенно не научное. Ни ботаникъ, ни зоологъ не питаютъ никакихъ *личныхъ* чувствъ къ лепестку розы или крылу бабочки. И они, дѣйствительно, ученые, даже когда занимаются вивисекціей. А здѣсь вдругъ *выборъ* извѣстнаго отношенія и, непремѣнно, симпатичнаго,—къ героямъ далекаго прошлаго!

И, что особенно любопытно, самъ Ранке проявилъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ отнюдь не менѣе яркіе слѣды *впечатлѣній*, чѣмъ раньше.

---

*) Wilhelm Walther. «*Luther im neusten römischen Gericht.* Въ *Schriften des Vereins fur Reformationsgeschichte*». Halle, 1884, I. Heft.

Прочтите, напримѣръ, его характеристику Цезаря и сравните ее съ Моммзеновской, этими едва ли не самыми блестящими страницами, написанными даровитѣйшимъ историкомъ.

У Ранке Цезарь—искренній республиканецъ. Онъ будто ведетъ междоусобную войну во имя республиканскихъ идей. И чѣмъ это доказывается въ глазахъ историка?

Идея республики, видите ли, несомнѣнно выразилась въ смерти Катона; не могла же она исчезнуть у Цезаря.

Момизенъ, напротивъ, изображаетъ Цезаря, какъ совершенно открытаго и убѣжденнаго упразднителя республики, успѣвшей выродиться и даже разложиться политически и нравственно. И весь разсказъ историка направленъ на безусловное возвеличеніе единоличныхъ революціонныхъ предпріятій будущаго *монарха*.

Помните, предъ вами *древняя* исторія; кажется, всѣ данныя для историковъ—спасти безпристрастіе и научность. Оказывается, Зибель болѣе чѣмъ правъ. Онъ слишкомъ скроменъ, свидѣтельствуя о распространеніи современныхъ интересовъ и новѣйшей общественной борьбы на отечественное прошлое. Область распространенія несравненно обширнѣе: она захватываетъ всѣ эпохи и весь міръ.

Этотъ захватъ часто представляетъ курьезнѣйшія явленія.

Можете-ли вы повѣрить, напримѣръ, что въ концѣ XIX вѣка естественно возникнуть памфлету на аѳинскую демократію, на Перикла и даже на Сократа.

Да какому памфлету! Страстью и въ то же время претензіями на ученость и здравый смыслъ не уступающему самой основательной парламентской рѣчи какого-нибудь вождя партіи по спеціальному вопросу.

Авторъ во главѣ книги восклицаетъ: *Keine Träumerei über das Schöne sondern nüchterne Belehrung!* т. е. буквально тэновскій манифестъ о натуралистическомъ и, въ то же время, поучительномъ методѣ изслѣдованія революціонной эпохи *).

И книга вышла весьма интересная, подчасъ остроумная и неизмѣнно самоувѣренная. Но она—полюсъ общепринятымъ сужденіямъ объ исторіи и личностяхъ классическаго эллинскаго міра, хотя также забрасываетъ васъ фактами, цитатами, тонкими соображеніями и выводами.

Кажется, достаточно.

Мы имѣли въ виду показать непримиримое противорѣчіе между научными *мечтами* и публицистическими *фактами*, какъ презрительно чистые историки именуютъ ненаучные, по ихъ мнѣнію,

*) *Joh Schwarze. Die Democratie. Leipzig. 1877.*

труды. Блестящую иллюстрацію этого теоретически-отвергаемаго, но въ дѣйствительности господствующаго жанра мы видѣли въ книгѣ Штрауса. По ея цѣлямъ и содержанію мы могли опредѣлить смыслъ и направленіе современной талантливѣйшей исторіографіи. Наконецъ, это направленіе, столь откровенно провозглашенное и рѣзко проведенное авторомъ, оказывается, и раньше, и позже его книги осуществлялось и продолжаетъ осуществляться другими, менѣе искренними историками. Публицистика, или, по крайней мѣрѣ, личныя впечатлѣнія, соотвѣтствующія опредѣленнымъ общественнымъ и политическимъ воззрѣніямъ, проникаютъ въ изслѣдованія и безстрастно-гуманитарныхъ писателей, и фанатически страстныхъ идолослужителей «натуральнаго метода».

Такъ дѣло стоитъ въ наше время; измѣнится ли оно въ будущемъ? Возникнетъ ли, наконецъ, исторія, достойная соревновательница опытныхъ наукъ?

Врядъ ли, насколько можно судить по сопутствующимъ обстоятельствамъ дальнѣйшаго развитія исторіи.

Какъ разъ именно силамъ, мѣшающимъ ея научности, предстоитъ съ каждымъ днемъ расти и множиться.

VIII.

Общественная и политическая сцена все больше переполняется новыми дѣятелями и вопросами. Политика уже овладѣла рѣшительно всѣми отраслями художественнаго творчества, просто потому, что или сами писатели—въ то же время политическіе дѣятели, или потому, что они обязаны отвѣчать спросу современной интеллигенціи. А она вся поглощена неустанной и крайне напряженной политической и соціальной борьбой.

Уклоненіе отъ этого теченія до такой степени противоестественно въ нашу эпоху, что уродства и нервозы декадентовъ и всевозможныхъ эстетовъ объясняются просто отсутствіемъ предметовъ, мотивовъ и образовъ для какого угодно талантливаго художника, разъ онъ порываетъ съ общественными интересами, все равно, въ какой угодно области и въ какомъ угодно направленіи. Художникъ остается будто въ пустомъ пространствѣ. Въ его распоряженіи школьническая игра въ слова и звуки или монотонное бряцанье на давно и безнадежно перержавленной лирѣ луны и дѣвы, т. е. пейзажей, любовныхъ жанровъ и романическихъ пассажей.

Замѣчательно,—это явленіе обнаружилось за долго до оффиціальнаго появленія на литературную сцену символизма и декаданса. Никто презрительнѣе не отзывался о *misères parlamentaires*, т. е. о политикѣ, чѣмъ Сентъ-Бёвъ, и никто не впалъ въ

такую удручающую пустоту мысли и эстетической критики, какъ именно онъ.

Когда-то поэтъ-романтикъ, теперь онъ фанатикъ формы, стиля, неутомимый изслѣдователь тонкостей александрійскаго стиха у Ронсара, Шенье, Расина. Онъ готовъ писать цѣлые трактаты о риѳмахъ, цезурахъ, благозвучіяхъ, даже о слогахъ и стопахъ.

Въ результатѣ романтикъ-ренегатъ договаривается до необходимости монархіи въ области эстетики, т. е. отступаетъ вплоть до «походной академіи» Ришельё.

Не грозитъ ли подобная участь историку, отряхающему прахъ современной жизни отъ ногъ своихъ?

Вѣдь выбора нѣтъ, или разсказывать о Гуттенахъ, не взирая на вмѣшательство какихъ бы то ни было идей и настроеній, или погрузиться въ своего рода риѳмы и звуки, т. е. въ мелкую архивную работу надъ старыми текстами, плодить обыкновенно безконечные и безрезультатные «контроверсы» на счетъ «разночтеній», разныхъ миѳическихъ терминовъ, смутныхъ отголосковъ ископаемой дѣйствительности...

Такихъ работъ существуетъ великое множество. Онѣ до сихъ поръ и, вѣроятно, еще долго будутъ снабжать книжныя кладбища новой добычей. Потому что нельзя и сравнивать умственныя способности и таланты, потребныя для подобной производительности, съ разностороннимъ развитіемъ, необходимымъ для пониманія и даже простого связнаго описанія какого-нибудь культурно-жизненнаго историческаго факта.

Работа надъ бумагой—легчайшая изъ задачъ, какая только существуетъ въ области мысли. А чѣмъ инымъ становится исторія въ рукахъ кабинетнаго отшельника, заслонившаго себя отъ живого міра «пылью вѣковъ»? Трудно и перечислить, какія назначенія приходится выполнять историку! Онъ неизбѣжно *психологъ*, потому что все время имѣетъ дѣло съ идеями и страстями. Онъ *моралистъ*, потому что предъ нимъ *человѣческая* дѣятельность, *человѣческая* правда и *человѣческая* ложь, т. е. все крайне относительное и, слѣдовательно, требующее опредѣленія съ извѣстной точки зрѣнія. Онъ *художникъ*, потому что величественнѣйшія сцены исторіи не только значительны по смыслу, но и богаты красотой, и именно она часто производитъ рѣшающее впечатлѣніе на современниковъ, т. е. управляетъ настроеніями толпы и вождей и, слѣдовательно, событіями. Историкъ непремѣнно *политикъ*, иначе онъ не можетъ даже и помышлять распутать узлы личныхъ и международныхъ отношеній, проникнуть въ сущность нерѣдко на первый взглядъ необъяснимой національ-

ной розни или будто инстинктивнаго стремленія правителей и народовъ къ извѣстнымъ комбинаціямъ.

Откуда же почерпнетъ историкъ всю эту энциклопедію понятій, представленій, свѣдѣній?

Не изъ историческихъ документовъ, конечно. Они безпрестанно противорѣчатъ другъ другу, и необходимо ввести нѣчто прочное и ясное въ работу надъ ними. А этимъ прочнымъ и яснымъ можетъ быть только личность изслѣдователя. Она единственный пробный камень для всѣхъ пороковъ и достоинствъ источниковъ, и чѣмъ эта личность богаче жизненнымъ содержаніемъ, чѣмъ просто человѣкъ опытнѣе въ познаніи людей на всѣхъ поприщахъ ихъ дѣятельности, тѣмъ совершеннѣе будетъ критика и надежнѣе ея результаты.

А чисто архивный читатель и собиратель цитатъ—тотъ же младенецъ, хотя и вооруженный очками. Пожалуй даже, хуже. Потому что у младенца живая чуткость, часто непогрѣшимый инстинктъ свѣжей здоровой природы. Все это исчезаетъ съ годами бумажной аскетической работы, и въ результатѣ ученаго можетъ поразить одинаково сильная и физическая, и духовная близорукость.

Наше время представило одинъ изъ эффектнѣйшихъ примѣровъ преднамѣренной утраты нравственнаго зрѣнія.

Тэнъ, приступая къ исторіи революціи, совершенно отказался отъ соприкосновеній съ современной общественной жизнью. И раньше ихъ было очень мало, но съ установленіемъ ненавистной демократической республики ученый окончательно ушелъ въ архивы и кабинеты. По словамъ Золя, даже по улицамъ Тэнъ проходилъ, ничего не видя передъ собой. И все онъ читалъ и переписывалъ, сопоставлялъ и классифицировалъ, низалъ сотни, тысячи цитатъ, заставлялъ ихъ доказывать все, что́ угодно, и подкрѣплять желаемыя сооруженія...

Какой увлекательный и, главное, крайне нехлопотливый трудъ! Историкъ, подобно скупому рыцарю, среди своихъ сокровищъ также могъ воскликнуть: «Я царствую!..»

Аналогія, дѣйствительно, курьезная! Тотъ же въ сущности погребъ, закрытый отъ дневного свѣта, та же игра съ предметами, гипнотизирующими умъ и волю, то же самоуслажденіе безотвѣтственной игрой.

Когда историкъ, напримѣръ, подбиралъ цитаты излюбленной окраски, увѣчилъ ихъ ради полной гармоніи, клеветалъ на одни источники и деспотически хозяйничалъ въ другихъ, развѣ это сколько-нибудь похоже на *изслѣдованіе*, на «методъ натурали-

стовъ»? Это просто «темное дѣло», предусмотрительно защищенное отъ строгаго контроля—живой дѣйствительности и гражданской отвѣтственности.

И сравните чудовищное сооруженіе Тэна, начатое громогласнымъ провозглашеніемъ «метода натуралистовъ», съ книгой, положимъ, Минье на ту же тему,—съ книгой, явно вызванной публицистическими инстинктами автора!..

Это два разныхъ міра, будто двѣ совершенно различныхъ эпохи и, главное, два непримиримо-противоположныхъ писателя и человѣка. Въ результатѣ у одного вы научитесь развѣ только одному: какъ поносить своихъ враговъ, прочитаете цѣлыя страницы въ полномъ смыслѣ натуралистическаго браннаго жаргона, другой съумѣетъ спасти свою политическую вѣру и создастъ книгу, до сихъ поръ сохраняющую все свое достоинство и цѣну.

Параллелей можно бы набрать и еще не мало, но намъ достаточно несомнѣннаго вывода. Ничто до такой степени не способно сдѣлать историка проницательнымъ, слѣдовательно, истинно-ученымъ, поучительнымъ, слѣдовательно, надолго знаменитымъ, просвѣщеннымъ, слѣдовательно, терпимымъ и справедливымъ, какъ живое сочувствіе современной живой дѣйствительности, одушевленное проникновеніе въ мучительную культурную работу новыхъ поколѣній.

И трудно оцѣнить все нравственное и практическое величіе благодѣяній подобной исторіи!

Нашъ девятнадцатый вѣкъ, въ результатѣ великаго переворота конца восемнадцатаго усвоилъ разъ навсегда безусловную истину: историческая жизнь народовъ своего рода организмъ, нѣчто послѣдовательное и закономѣрное. Всякое стремительное врывательство въ этотъ ростъ, подсказанное чистымъ отвлеченнымъ мышленіемъ, не основанное на познаніи основныхъ тенденцій національной психологіи и національнаго государственнаго прогресса извѣстнаго народа, чревато всевозможными бѣдствіями, и, въ лучшихъ случаяхъ, недоразумѣніями и разочарованіями.

Эта идея съ изумительнымъ единодушіемъ была усвоена историками и политиками всѣхъ партій и направленій, непосредственно послѣ страшнаго эпилога революціи—террора и потомъ бонапартовской оргіи. Идея на первыхъ порахъ приняла даже отчасти фаталистическую окраску у такихъ, столь несходныхъ писателей, какъ Деместръ и Минье. Но эта крайность являлась естественнымъ протестомъ противъ мечтательнаго воззрѣнія философіи XVIII-го вѣка на историческій прогрессъ, какъ исключи-

тельный плодъ личныхъ воздѣйствій избранныхъ героическихъ благодѣтелей человѣчества.

XVIII-й вѣкъ разсчитывалъ *дѣлать исторію* въ самомъ прямомъ смыслѣ; событія доказали даже для самыхъ поверхностныхъ наблюдателей, въ родѣ Шатобріана, что *личное дѣланіе* ограничено весьма въ сущности тѣсными предѣлами, есть нѣчто, сильнѣйшее самой сильной и отважной личности, самыхъ благородныхъ и логическихъ идеаловъ.

Каждый историкъ могъ, конечно, посвоему понимать это *нѣчто*, и католическій фанатикъ или эмигрантъ-бурбонецъ легко доходилъ до еще болѣе нелѣпой философіи, чѣмъ самая пылкая фантазія самаго пылкаго шиллеровскаго героя. Это опять естественный законъ реакціи. Но въ общемъ, признаніе опредѣленныхъ органическихъ путей человѣческой цивилизаціи—въ полномъ смыслѣ положительное пріобрѣтеніе нашего вѣка.

Настоящее и будущее—только звенья длинной цѣли, и начало ея скрывается въ глубинѣ народной души, въ области національныхъ инстинктовъ, въ доисторическомъ сумракѣ племеннаго быта.

Настоятельная задача для современныхъ политическихъ дѣятелей, единственное обезпеченіе прочности и благотворности ихъ начинаній заключается въ возможно точномъ представленіи о *логикѣ историческаго прошлаго*, объ этой единственно-вѣрной посылкѣ для всѣхъ силлогизмовъ внѣшней и внутренней политики.

Историкъ долженъ предшедствовать политику: это идеалъ, но даже если и политикъ предшедствуетъ историку, т. е. если историческій трудъ получаетъ яркую партійную окраску, онъ во всякомъ случаѣ неизмѣримо цѣннѣе, чѣмъ юридическіе и филологическіе контроверсы. Окраска немедленно вызоветъ равносильный отпоръ, и въ результатѣ возможная истина выяснится, истина не буквы, а жизни.

И, несомнѣнно, единственное цѣлительное средство противъ политической незрѣлости, школьнической идеологіи—*идейная исторія*, работа, предпринимаемая не какъ цеховое ремесленничество, а какъ «услуга націи», по выраженію Штрауса.

Эту услугу, конечно, можно понимать весьма различно, но гдѣ же человѣчеству доступна безусловная истина и непогрѣшимость! И можно ли даже говорить объ этихъ идеалахъ именно въ исторіи? Здѣсь даже простѣйшій фактъ по существу самаго сложнаго состава: явленіе плюсъ личность передатчика. Совершенно подлинный, идеально-точный историческій документъ или источникъ—одна изъ самыхъ наивныхъ фантазій, не менѣе вздорное contradictio in adjecto, чѣмъ, положимъ, католическое ученіе объ абсо-

лютной непогрѣшимости *личныхъ* усмотрѣній и даже настроеній римскаго папы. И ничего не можетъ быть притязательнѣе и безразсуднѣе разсчетовъ какого-нибудь архивнаго black dog'a на точное соотвѣтствіе своего труда—абсолютной дѣйствительности прошлаго.

Нѣтъ, *не исторіи* надо стремиться къ «методу натуралистовъ»: это останется недостижимымъ, пока человѣческій нравственный міръ нельзя будетъ изслѣдовать съ такимъ же удобствомъ, какъ растенія и организмы. Наше время и будущее, можно думать, даже самое отдаленное, ставитъ другую задачу *историкамъ*: возможно широкую просвѣщенность ума, практически развитое познаніе людей, истинно культурную чуткость къ гражданскому долгу и національному прогрессу.

И нигдѣ никогда не найдется такого суда, такого несправедливаго потомства, чтобы искреннее стремленіе историка къ истинѣ не было вмѣнено ему въ честь и славу и не поставлено превыше легкомысленныхъ притязаній на самую истину. Возможный идеалъ человѣческаго суда и предѣлъ человѣческой непогрѣшимости—мудрость Натана, а не преступная самоувѣренность инквизитора.

Ив. Ивановъ.

Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI вѣкѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

*(Продолженіе *).*

III.

Религіозное движеніе въ Западной Европѣ въ послѣдніе два вѣка передъ реформаціей.

Реформаціонныя идеи до реформаціи. — «Бѣдная церковь» въ лицѣ низшаго клира и нищенствующихъ монаховъ.—Развитіе идеи всеобщаго священства и религіозная эмансипація свѣтскихъ круговъ общества.—Благотворительная и просвѣтительная дѣятельность свѣтскихъ религіозныхъ союзовъ.—Элементы протеста въ бѣдной церкви и въ церкви мірянъ.—Организація тайныхъ общинъ; «апостолы».—Мистика и соціальный протестъ въ средѣ этихъ общинъ.—Наростаніе религіознаго возбужденія къ концу XV вѣка.

Въ теченіе всего XV вѣка на Западѣ въ ходу формула: reformatio ecclesiae in capite et in membris (преобразованіе церкви съ головы и во всѣхъ ея членахъ). Задача всесторонней реформы глубоко занимаетъ различные слои общества, занимаетъ свѣтскую власть и самихъ представителей церковной іерархіи. Формула повторяется на церковныхъ собраніяхъ, на политическихъ сеймахъ, въ дипломатической перепискѣ, въ публицистикѣ и проповѣди. Ее провозглашаетъ, правда, не всегда добровольно, самъ глава церкви, и въ то же время она раздается въ кругахъ нападающей на его авторитетъ оппозиціи. Ее облекаютъ въ научную форму, обставляютъ философскими аргументами и историческими ссылками, дѣлаютъ предметомъ сложныхъ диспутацій, и въ то же время ею апеллируютъ къ толпѣ, ее поднимаютъ какъ революціонное знамя. Съ нею связаны самыя широкія и самыя горячія надежды. Нѣтъ сомнѣнія, здѣсь на лицо центральная духовная забота вѣка. Общество, которое такъ жаждало реформаціи церкви, исходило не изъ желанія сбросить общую опеку церкви, освободиться отъ заключавшагося въ ней руководящаго начала,—оно направлялось мыслью о подъемѣ церковной жизни, о большей строгости и совершенствѣ ея формъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

Религіозная и церковная революція XVI в. изображается часто, какъ провозглашеніе новыхъ началъ жизни, намѣчавшихся до тѣхъ поръ разрозненно и робко, какъ сильный порывъ, захватившій впервые массы, открывшій имъ глаза. Чѣмъ болѣе, однако, мы станемъ всматриваться въ предшествующую эпоху, тѣмъ болѣе будемъ мы чувствовать, что реформація уже была готова задолго до вызова Риму, брошеннаго саксонскимъ монахомъ, что первый революціонеръ въ этомъ дѣлѣ былъ, такъ сказать, послѣднимъ новообращеннымъ, что давно уже закрѣпились въ умахъ и на практикѣ идеи, формулы, символы, аналогіи, авторитеты, ссылки и полемическіе пункты, учрежденія и органы, которые потомъ въ эпоху переворота, разрыва выступили на программѣ, въ сочиненіяхъ, въ организаціяхъ людей, называвшихся реформаторами.

Одна изъ любимыхъ идей реформы—водвореніе на землѣ «бѣдной», безкорыстной, братской церкви, по образу раннихъ христіанскихъ общинъ, составленныхъ рыбаками и промышленниками по завѣту Христа, странствующаго учителя и благодѣтеля простыхъ бѣдныхъ людей. Позднѣйшая литературно-общественная полемика и свѣтская политика сдѣлали изъ этой идеи самую ѣдкую статью въ своемъ обвинительномъ актѣ противъ властной, богатой и праздной оффиціальной церкви, самый острый аргументъ въ своемъ матеріальномъ искѣ къ ней. Но въ возбужденномъ процессѣ, который велся противъ церкви на европейскомъ судѣ XVI в., было почти забыто, что «бѣдная» церковь уже давно существовала, что она жила задолго раньше въ сотнѣ видовъ среди старыхъ условій и формъ, мирясь съ ними наполовину или поднимая протестъ и выходя болѣе или менѣе рѣзко изъ ихъ границъ.

Въ церкви давно уже успѣли разобщиться власть и попеченіе о душахъ, доходъ и работа; давно уже выдѣлился владѣльческій слой, пользовавшійся титулами, почестомъ и рентой и сдававшій нанятымъ викаріямъ весь реальный трудъ, отправленіе службъ и требъ, проповѣдь и управленіе. Темные арендаторы, большею частью настоящіе пролетаріи, обыкновенно безъ образованія, послѣдніе несли на себѣ всѣ тягости, были единственными посредниками церковнаго поученія и утѣшенія. Когда въ XIV в. въ Англіи регулировалась законодательствомъ заработная плата, эти священники были приравнены къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ; за попытку съ ихъ стороны требовать увеличенія платы имъ грозила потеря правъ и отлученіе. Они стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ народной массѣ, съ которой жили одинаковой жизнью, и естественно, что въ народныхъ движеніяхъ какъ, напр., въ возстаніи Уата Тайлера въ Англіи (1381) или въ крестьянскй войнѣ въ Германіи (1525) они принимали дѣятельное

участіе, становились истолкователями народныхъ нуждъ и требованій. Съ другой стороны, въ кругахъ этихъ священниковъ-батраковъ и въ общественной средѣ, къ которой они принадлежали, естественно могла возникнуть идеализація дѣйствительности: стѣсненное матеріальное положеніе обращалось въ мысляхъ людей въ знакъ религіознаго смиренія и безкорыстнаго служенія дѣлу Божію, и передъ нами готово настроеніе лоллардовъ.

Злая необходимость создавала «бѣдныхъ» священниковъ. Но въ то же время сложилось религіозное общество, которое въ добровольной бѣдности видѣло условіе нравственнаго совершенства. Нищенствующіе монахи-францисканцы, послѣдователи «второго Христа» на землѣ, пріобрѣли необычайную популярность: всякій хотѣлъ у нихъ исповѣдаться, получить отъ нихъ прощеніе грѣховъ, изъ ихъ рукъ послѣднее напутствіе, обезпечить себѣ мѣсто на ихъ кладбищѣ или быть погребеннымъ въ ихъ рясѣ, чтобы со святыми людьми вѣрнѣе спастись. Къ нимъ устремлялись богатые и многочисленные вклады, ихъ мощи привлекали всего болѣе богомольцевъ. Соизволяя имъ самыя широкія привилегіи, раздачу индульгенцій, право совершать въ своихъ церквахъ службы во время интердикта, папы лишь уступали общему настроенію. Подвижной, нигдѣ не фиксированный орденъ какъ бы удовлетворялъ возраставшему всюду требованію дать людямъ возможность спасаться въ своей, ближайшей къ Богу общинѣ или группѣ, далъ имъ въ руки непосредственное орудіе, талисманъ прощенія грѣховъ и загробнаго блаженства. Во то же время въ своей практикѣ они отвѣчали двумъ сторонамъ новой общественной жизни, развившимся главнымъ образомъ въ городскихъ центрахъ.

Между тѣмъ какъ благочестивые дарители прежнихъ временъ, короли, магнаты, надѣляли монастыри землей, и монахи содержались на счетъ натуральныхъ повинностей своихъ подданныхъ и крѣпостныхъ и вели сложное помѣщичье хозяйство, новая общественная среда, гдѣ главнымъ образомъ жили и вращались нищенствующіе монахи, т. е. горожане, располагала другими вещественными знаками для выраженія своего благочестія, да и новыя монашескія корпораціи избѣгали собственнаго хозяйства, прочнаго и замкнутаго общежитія. Вклады въ ихъ пользу составлялись изъ движимаго капитала, изъ процента съ городскихъ статей; богатый человѣкъ, договариваясь съ «братьями» и обязуясь имъ платить ренту съ купленнаго владѣнія, взамѣнъ пользовался анниверзаріемъ, т. е. ежегоднымъ поминаніемъ въ церкви ордена умершихъ членой семьи своей. Въ числѣ грамотъ и договоровъ города Гальберштата есть, напр., слѣдующее условіе: одинокій бюргеръ и его служанка, очевидно состоятельная женщина, упла-

чиваютъ 5 марокъ вклада, входящаго въ стоимость дома на такой-то улицѣ. Изъ 10% дохода съ этой суммы часть идетъ на поминальную мессу монахамъ, остатокъ на покупку бочки пива, которую выпиваютъ сосѣди, мужъ и жена, чтобы «возвеселиться и усерднѣе помолиться за бѣдныя души усопшихъ»; помимо того присутствующіе на обѣднѣ приносятъ еще дары на алтарь.

Конечно, такія жертвованія не всякому были доступны, но разъ хозяйство монаховъ перешло на денежную систему, стало возможно и соединеніе размельченныхъ даровъ, устроилась, если такъ можно выразиться, акціонерная, коллективно-демократическая организація культа. Здѣсь заключается другая важная черта францисканской практики: она идетъ на встрѣчу сплочивающимся низшимъ слоямъ общества. Мелкіе ремесленники, подмастерья, рабочіе складываются вмѣстѣ, составляя братство и покупаютъ себѣ коллективный анниверзарій. Каждая гильдія, корпорація пріобрѣтаетъ для себя право справлять въ церкви у францисканцевъ свой особый праздникъ, гарантируетъ своему святому — патрону особое мѣсто въ церкви и, обставляя погребеніе своихъ сочленовъ, обезпечиваетъ имъ наилучшій путь къ спасенію.

Въ идеалѣ «бѣдной церкви» заключался еще одинъ новый элементъ, который выдвигается съ теченіемъ времени все болѣе. Слѣдованіе Христу—подвигъ, возвышенная обязанность, которая не нуждается въ особомъ уполномоченіи, не дается въ силу привилегіи, а напротивъ, сама поднимаетъ человѣка на высшую ступень авторитета. Свѣтскія лица уравниваются здѣсь съ духовными. Тотъ—истинный священникъ, тотъ—святъ, кто служитъ Богу дѣломъ; служеніе это не связано не только монашеской жизнью, формальнымъ посвященіемъ, но и вообще какими-либо точными и спеціальными обѣтами. Отсюда еще шагъ дальше—и мы на почвѣ своего рода «декларацiи правъ человѣка» въ религіозной сферѣ. Если поставленные руководители недостойны или невѣжественны,— община, жаждущая вѣры и поученія, можетъ отвернуться отъ нихъ, избрать новыхъ изъ своей среды; ея члены могутъ довѣрить души свои истинному вѣстнику Божьей воли, хотя бы и не отмѣченному никакими внѣшними знаками власти. Въ очень рѣзкой, чрезвычайной, экстатической формѣ мы встрѣчаемъ это явленіе у «бичевальщиковъ» (гейсслеровъ, флагеллантовъ), ходившихъ процессіями по городамъ еще съ XIII в., а главнымъ образомъ въ эпоху черной смерти въ половинѣ XIV в., когда движеніе приняло характеръ эпидемическій. Братства флагеллантовъ выработали особый ритуалъ и имѣли своихъ вождей и наставниковъ. Возвѣщая близкій конецъ міра и подвергая себя жестокимъ истязаніямъ въ искупленіе общихъ грѣховъ и въ подражаніе Христо-

вымъ мученіямъ, бичевальщики отворачивались отъ дѣйствительной церкви: соборы въ ихъ глазахъ—каменныя пещеры разбойниковъ, пѣніе мессы — собачій лай, клиръ—царство антихриста; крещеніе кровью заступаетъ мѣсто крещенія водой, и вообще бичеваніе замѣняетъ всѣ церковныя установленія и средства къ спасенію. Какъ Ветхій Завѣтъ разрушился, когда Христосъ бичемъ очистилъ храмъ, такъ точно священство Новаго Завѣта устраняется обрядомъ бичеванія. Поэтому передъ бичеваніемъ они всенародно исповѣдывались другъ передъ другомъ, отказываясь обращаться къ недостойнымъ, преданнымъ плоти священникамъ. Среди отчаянія и страха, порожденнаго злой заразой, здѣсь явно пробивается мысль о всеобщемъ священствѣ людей, о доступности Божьей благодати просвѣтленія благочестивому мірянину. Въ болѣе спокойныя времена та же мысль развивается болѣе мягко, но и болѣе методично. Знаменитый антипапскій трактатъ Марсилія Бадуанскаго «Защитникъ міра» (1324) исходитъ изъ положенія, что міряне — такіе же церковные люди (viri eclesiastici), какъ и клирики. Въ популярной литературѣ XIV в. мірянинъ противополагается, какъ человѣкъ непосредственнаго вдохновенія, схватывающій въ простотѣ души истинную мудрость, священнику - фарисею, ослѣпленному сотней формальностей и условностей, подавленному буквой ученія и ложью внѣшняго благочестія.

Небольшая анонимная нѣмецкая книжка второй половины XIV в., такъ наз. Meisterbuch, завоевавшая огромную извѣстность, раскрываетъ намъ въ привлекательной простотѣ реформаціонныя идеи свѣтскихъ кружковъ, которые стали эмансипироваться отъ традиціонныхъ формъ религіознаго общенія. Въ ней глубоко знаменательна и внѣшняя фабула, и поученія, вложенныя въ уста просвѣтленному мірянину-простецу. Нѣкій «другъ Божій», свѣтскій человѣкъ, изъ альпійскихъ странъ, привлеченъ славою великаго проповѣдника и знатока Писанія въ Страсбургѣ, и отправляется въ путь, чтобы узнать его лично. Нѣсколько разъ слушаетъ онъ проповѣдь «наставника» (Meister); исповѣдуется у него, вступаетъ съ нимъ въ дружбу. Съ наступленіемъ разлуки, священникъ проситъ мірянина побыть съ нимъ еще и обѣщаетъ ему рядъ новыхъ своихъ проповѣдей. «Другъ Божій» отвѣчаетъ, что не ради слушанія проповѣдей онъ тутъ, а для того, чтобы съ Божьею помощью подать добрый совѣтъ самому наставнику. «Что же ты можешь посовѣтовать, когда ты—мірянинъ, не понимаешь Писанія и тебѣ даже и не подобаетъ проповѣдывать?» Отвѣтъ: «Господинъ наставникъ, вы велики, какъ духовное лицо, и даете въ проповѣди доброе ученіе, но вы не живете сообразно этому ученію. Когда приближается величайшій наставникъ (Христосъ),

нужно отказаться отъ всѣхъ преходящихъ интересовъ. Знайте, что Онъ, посѣщая меня, открываетъ мнѣ въ одинъ часъ больше, чѣмъ вы и всѣ учителя могутъ научить до скончанія міра». Слова эти глубоко поражаютъ совѣстливаго священника: онъ хочетъ знать, какъ стать причастнымъ св. Духа. Тогда мірянинъ беретъ роль учителя: «надо имѣть чистое сердце, готовое къ жертвѣ, и не мѣшать добраго вина въ грязный сосудъ. Васъ мертвитъ буква, и вы во мракѣ ночи. Вы ищете своего прославленія и гордитесь своимъ знаніемъ, а между тѣмъ единой заботой должна быть слава Божія. Оттого вы — фарисеи, хотя и не злостные, и оттого такъ мало пользы и просвѣтлѣнія отъ вашихъ проповѣдей». Священникъ, охваченный волненіемъ, цѣлуетъ своего просвѣтителя: «ты мнѣ открылъ мои пороки, какъ Христосъ самарянкѣ у колодца. Будь же, дорогой сынъ, моимъ духовнымъ отцомъ, а я стану твоимъ бѣднымъ грѣшнымъ сыномъ». Мірянинъ соглашается и начинаетъ наставлять знаменитаго ученаго, успѣвшаго посѣдѣть на своемъ посту. Первою добродѣтелью должно быть смиреніе; но для этого вовсе не нужно истязанія плоти, какъ дѣлаютъ монахи; напротивъ, лишь гордыню вызываютъ въ человѣкѣ эти упражненія. Далѣе онъ подробно чертитъ весь путь, который долженъ быть пройденъ прозелитомъ для того, чтобы достигнуть «новаго рожденія въ Богѣ». Передъ читателемъ развертывается духовно-воспитательная система и изображается смѣна ступеней настроенія и назиданія, близко напоминающія позднѣйшій методизмъ. Суть этого перевоспитанія—слѣдованіе Христу въ Его земной жизни, а для этого должно постоянно сравнивать Его жизнь со своею. Священникъ торжественно обѣщаетъ исправиться, и «другъ Божій» уѣзжаетъ. По прошествіи года, священникъ, отдавшійся выполненію завѣтовъ, теряетъ всѣхъ друзей, какъ и предвидѣлъ его просвѣтитель, и разрушаетъ свою репутацію. Нравственно убитый и физически измученный, онъ зоветъ друга. Тотъ пріѣзжаетъ и убѣждается, что его ученикъ впалъ въ обычное аскетическое увлеченіе, отстранился отъ людей, мучитъ тѣло свое и ушелъ отъ науки, отъ книгъ. Просвѣтитель ободряетъ его и горячо настаиваетъ на великомъ значеніи Писанія и науки. «Не продавайте книгъ, онѣ пригодятся вамъ. Та самая буква, которая мертвила васъ, потому что вы ея не понимали, теперь, когда вы вѣрно поняли ее, оживитъ, возродитъ васъ. Никто не можетъ истинно уразумѣть этого ученія, даннаго св. Духомъ, если самого его не коснется св. Духъ. Вы опять должны принадлежать людямъ и руководить ими». Еще годъ, и священникъ дѣйствительно «возрождается» къ новой жизни. Онъ опять обращается къ народу — съ проповѣдью, но уже не на латинскомъ языкѣ и

не по ухищреннымъ и гнетущимъ правиламъ богословскаго искусства, а на родномъ языкѣ и такъ, какъ ему внушаетъ сердце. Онъ говоритъ только о подражаніи Христу и учитъ, что, въ комъ жива добродѣтель, въ томъ живетъ Христосъ. Горячую любовь и уваженіе пріобрѣтаетъ онъ въ городѣ и окрестной землѣ, и отовсюду обращаются къ его совѣту и мудрости. Когда исполнились дни его—такъ заканчивается книга—Богъ отозвалъ его къ Себѣ и *помимо чистилища* перенесъ въ свое царство.

Болѣе, чѣмъ за полтораста лѣтъ до реформаціи здѣсь высказаны ея основныя интимныя идеи. «Истинно добрый человѣкъ,—такъ резонируетъ свѣтскій богословъ XIV в.,—самъ имѣетъ ключъ къ благости Божіей и самъ принимаетъ таинство, потому что онъ слился съ Богомъ воедино». Все болѣе недовѣрія къ монашескому истязанію тѣла: въ немъ видятъ выраженіе эгоистическихъ помысловъ; вмѣсто того должно проливать «внутреннюю кровь» въ истинномъ смиреніи, какъ это дѣлалъ Христосъ, т.-е. жертвовать собою для другихъ. Одинъ проповѣдникъ начала XIV в. говоритъ на своемъ образномъ и наивномъ языкѣ: «люди, чего ищете вы въ мертвыхъ костяхъ? Отчего не ищете вы живой цѣлебной силы, которая можетъ вамъ даровать вѣчную жизнь? Вѣдь, мертвецъ не можетъ ничего ни дать, ни принять?» Или еще: «будь ты даже охваченъ божественнымъ видѣніемъ, какъ апостолъ Павелъ, и знай, что рядомъ больной бѣднякъ проситъ у тебя похлебки, я бы предпочелъ, конечно, чтобы изъ любви ты бросилъ свое моленіе и сталъ служить нуждающемуся съ большею еще любовью».

Стараясь приложить эти начала на дѣлѣ, организовать общежитія, свѣтскіе «друзья Божіи» сохраняютъ лишь нѣкоторыя внѣшнія формы духовныхъ учрежденій. Богатый страсбургскій купецъ во второй половинѣ XIV в., Рульманъ Мерсвинъ, на склонѣ дней своихъ сближается съ однимъ изъ свѣтскихъ «апостоловъ» и рѣшаетъ отдать свое состояніе на устройство братской общины. Оба приходятъ къ убѣжденію, что «монастырей довольно и что лучше оказывать помощь бѣднымъ»; въ новоустроенномъ «Божьемъ домѣ» они открываютъ убѣжище для «честныхъ, добросердыхъ» людей, безразлично мірянъ и клириковъ, рыцарей и слугъ, разъ кто ищетъ совершенствованія. Братья получаютъ помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе, но продовольствуются на свой счетъ; учредитель руководитъ ихъ духовной жизнью, міряне-надзиратели управляютъ пріютомъ и рѣшаютъ, кого принимать въ составъ общины, но правилъ и обѣтовъ, стѣсняющихъ свободу, почти нѣтъ. Другой богатый жертвователь раздаетъ на устройство общежитій все имущество, сохраняя надъ нимъ лишь временно управленіе въ качествѣ «ленника Божія». Въ своемъ исканіи истинныхъ Хри-

стовыхъ путей, новые наставники осуждаютъ блескъ и символистику господствующаго культа, постройку великолѣпныхъ каменныхъ соборовъ. Мы видимъ, какъ постоянно возвращается эта черта. Богослуженіе въ «Божьихъ домахъ» происходитъ не въ церкви, а въ часовнѣ, въ залѣ.

Широкое развитіе филантропической дѣятельности, устройство пріютовъ, госпиталей и т. п. свѣтскими кружками и лицами стоитъ въ тѣсной связи съ религіознымъ движеніемъ въ XIV в. Въ слѣдующемъ вѣкѣ религіозные союзы свѣтскихъ людей направляютъ свое главное вниманіе на просвѣтительную пропаганду. Ту же основную тенденцію — сломить привилегіи класса, обратить профессіональное преимущество въ общее достояніе, то же соперничество съ людьми касты, которое сказалось въ литературной борьбѣ и учредительствѣ «друзей Божіихъ», когда они оспаривали у духовенства право на исключительное веденіе паствы къ спасенію, то же самое наблюдаемъ мы теперь и въ сферѣ образованія. Въ XV в. обнаруживается, особенно въ Германіи и Нидерландахъ, сильное движеніе къ демократизаціи просвѣщенія, къ разрушенію ученой монополіи университетовъ, находившихся въ вѣдѣніи церкви, къ упрощенію и распространенію высшаго образованія, движеніе, которое до извѣстной степени допустимо сравнивать съ современнымъ намъ «расширеніемъ университета». На этой почвѣ возникаетъ, въ сущности, то, что мы называемъ среднимъ образованіемъ, а его зачатковъ можно искать въ скромныхъ учрежденіяхъ «братьевъ общей жизни», обширнаго религіознаго союза, преимущественно изъ свѣтскихъ людей, раскинувшаго съ начала XV в. широкую сѣть общинъ отъ Нидерландовъ къ сѣверной Франціи по Рейну и черезъ всю Германію къ востоку. Ихъ многочисленныя, хорошо посѣщаемыя, большею частью даровыя школы ставили главною цѣлью религіозное просвѣщеніе, но въ основу при этомъ клались научные методы и литературныя познанія. Такимъ путемъ братья общей жизни первые внесли изученіе классическихъ авторовъ въ общій курсъ преподаванія, а гуманистическая школа въ Германіи прямо примыкала къ нимъ. Сильно двинули они и городскія школы: тамъ, гдѣ у нихъ не было своего заведенія, они ставили городу учителей, вносили плату за бѣдныхъ учениковъ, снабжали ихъ книгами и припасами. Основатель братства, Гергардтъ де Гротъ завѣщалъ свою библіотеку для выдачи книгъ школьникамъ. Въ книгохранилищахъ братьевъ возникли первые библіотечные регламенты, были устроены совѣщательные часы для учащихся и т. п.

Распространеніе въ обществѣ дешевой доступной назидательной книги, книги преимущественно на народномъ языкѣ, было

важнѣйшей задачей «братьевъ». Первое мѣсто здѣсь занимала Библія, и они взяли на себя пропаганду ея переводовъ и обработку въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Они шли на встрѣчу горячей потребности. Одинъ нѣмецкій инквизиторъ разсказываетъ, что «народъ отъ мала до велика, женщины и мужчины, днемъ и ночью не переставали учиться и учить; мастеровой, которому приходится днемъ зарабатывать хлѣбъ, учится или обучаетъ ночью и, вслѣдствіе этого ученія, они такъ мало молятся въ церквахъ», Но до книгопечатанія средствомъ къ распространенію книги было переписываніе, и вотъ «братья общей жизни» становятся переписчиками по ремеслу; мѣстами ихъ прозываютъ «братьями пера». Ихъ отличіе отъ обыкновенныхъ переписчиковъ бросалось въ глаза: они вели дѣло по опредѣленному плану, при распредѣленіи труда, заботясь о точномъ и быстромъ воспроизведеніи текста, принципіально избѣгая и осуждая изукрашеніе книгъ, изощренную калліографію, завитушки и разрисовку, богатые переплеты и т. д.

Въ виду этой дѣятельности «братьевъ» очень вѣроятно, что въ ихъ средѣ возникло или, по крайней мѣрѣ, получило свое первое примѣненіе и само великое изобрѣтеніе XV в. Въ концѣ вѣка въ ихъ рукахъ цѣлый рядъ типографій, изъ которыхъ выходятъ такъ-называемая Библія для бѣдныхъ, Зеркало спасенія и др. популярныя изданія. Надо замѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что представители тѣхъ ремеслъ, изъ которыхъ вышло типографское искусство, граверы, литейщики, миніатюристы, переписчики, книгопродавцы, печатники (Briefdrucker, которые вырѣзывали изъ дерева цѣлыя страницы для стереотипнаго воспроизведенія коротенькихъ назидательныхъ листковъ), были по большей части членами религіозныхъ братствъ новаго типа. Но и то общее впечатлѣніе, которое производятъ на насъ первые руководители типографій и первыя большія оффицины, ведетъ къ заключенію, что новое искусство было выдвинуто сильнымъ просвѣтительнымъ движеніемъ. Владѣтели ихъ, напр., въ Базелѣ, Нюрнбергѣ, Ліонѣ были далеко не простые техники и коммерческіе предприниматели,—это были люди широкихъ знаній, нерѣдко замѣчательные ученые или ученые организаторы. Большая типографія представляла своего рода ученую академію: корректоры, помощники были обыкновенно молодые ученые, гуманисты, и владѣлецъ подбиралъ ихъ и направлялъ въ духѣ извѣстной крупной программы. Типографія становилась тогда чѣмъ-то въ родѣ центральнаго комитета просвѣщенія: участники печатнаго предпріятія, можно бы сказать, члены редакціи сходились, обсуждали теоретическіе вопросы, выбирали то или другое изданіе согласно общему плану, готовили важныя литературныя работы. При взглядѣ на дѣятельность нѣмецкихъ типографій въ

первыя 50 лѣтъ ихъ существованія, можно подумать, что онѣ служили филіальными отдѣленіями братствъ. Ихъ программа состояла главнымъ образомъ въ распространеніи народной Библіи, Евангелія и тѣхъ средствъ, которыя вели къ пониманію чистаго текста Писанія, т.-е. греческихъ пособій, грамматикъ и словарей. Печатная нѣмецкая Библія, несмотря на запрещеніе, расходилась въ изумительномъ количествѣ. Въ теченіе 50 лѣтъ (1466—1518) она выдержала 20 полныхъ изданій — цифра необычайная для того времени. Поколеніе, которое выростало къ эпохѣ реформаціи, основательно знало Библію: будущій противникъ Лютера, Эккъ, разсказывалъ, что его въ шестилѣтнемъ возрастѣ заставили прочесть чуть не все Писаніе.

Если можно было сказать, что «бѣдная» церковь и церковь мірянъ задолго уже существовали до разрыва, существовали въ видѣ частныхъ организацій, дружескихъ кружковъ, многообразныхъ формъ духовнаго обмѣна и настроенія среди расшатавшихся стѣнъ оффиціальной церкви, то надо признать также, что между ними издавна шла явная или глухая война. Полуеретическое происхожденіе францисканскаго ордена, который воспроизводилъ на католической почвѣ идеи вальденцевъ, не изглаживалось. Какъ ни старалась курія ввести его организацію, его проповѣдь въ нормальное спокойное русло церковной обыденности, среда эта оставалась благопріятной для постояннаго возобновленія протеста. Не говоря уже о группѣ ревнителей, обсервантовъ, которые въ сознаніи своего моральнаго совершенства, видѣли въ остальной церкви одну порчу, весь орденъ по временамъ поднимался противъ папства и іерархіи и громилъ въ ихъ лицѣ антихриста и новый Вавилонъ, требуя реформы въ духѣ принциповъ бѣдной церкви. И народъ въ своемъ довѣріи къ безкорыстію и чистотѣ миноритовъ, «меньшой братіи», ждалъ момента, когда на папскій престолъ сядетъ францисканецъ и истребитъ въ церкви все зло, вернетъ ее къ апостольскимъ временамъ. Среди крайняго возбужденія въ возстаніи 1381 г. англійское простонародье грозило устранить все духовенство и требовало оставить однихъ нищенствующихъ монаховъ, которыхъ достаточно для совершенія службъ и которые замѣнятъ всюду іерархію.

Между тѣмъ какъ церковь еще могла сохранять нѣкоторую власть и контроль надъ демократическими орденами, рядомъ возникали общественныя организаціи, которыя не шли ни на какіе компромиссы и сознательно выдѣлялись въ сектантскія общины; ихъ члены чувствовали себя строителями церкви будущаго, хранителями безпримѣсныхъ христіанскихъ традицій и во имя ихъ вели явно или скрыто борьбу противъ церковнаго государства на

землѣ съ его чинами, его сложнымъ законодательствомъ и ученоюридической традиціей. Съ XII в. въ разныхъ концахъ Европы, въ горахъ Пьемонта, около Ліона, на Рейнѣ, въ Нидерландахъ, въ Южной Англіи, въ Чехіи поднимаются и исчезаютъ съ поверхности сектантскія группы подъ разными именами—вальденцевъ, винкелеровъ, бегардовъ, лоллардовъ, спиритуаловъ, чешскихъ и моравскихъ братьевъ и т. д. Современники отмѣчаютъ то одну, то другую характерную черту ихъ, иногда останавливаются на сходствѣ ближней секты съ какой-нибудь другой, отдаленной или болѣе ранней; народное мнѣніе часто выдѣляло при этомъ случайный признакъ, иногда крайность, или подхватывало злой слухъ и нелѣпую легенду. Изъ этихъ данныхъ у насъ получается впечатлѣніе разбросаныхъ общинъ, нападавшихъ на различные догматы и установленія церкви и склонныхъ къ рискованнымъ положеніямъ, къ блужданію мысли. Ученая инквизиція, отыскивая черты сходства въ преслѣдуемыхъ вѣроученіяхъ съ ересями ранняго христіанства, старалась занести въ свои протоколы и классифицировать всѣ имена сектъ, ходившія въ устахъ народа, причемъ перемѣшивала ихъ съ книжными терминами; благодаря этому, путаница еще увеличивалась. Современная наука, присматриваясь къ извѣстіямъ о сектахъ, изучая точки ихъ соприкосновенія, слѣды ихъ сношеній, распространеніе ихъ литературы, приходитъ все болѣе къ тому заключенію, что онѣ принадлежали одному движенію, что сущность ихъ ученія одна и та же всюду. Этого мало. Можно думать, что отъ насъ скрыты настоящіе размѣры движенія, обширная паства его сторонниковъ: то, что средневѣковая традиція отмѣтила намъ въ качествѣ сектъ, общинъ, преслѣдовавшихся католическою церковью, можно считать лишь болѣе яркими манифестаціями, болѣе концентрированными группами, которыя поднимались на общемъ фонѣ религіознаго направленія въ связи съ какимъ-либо общественнымъ протестомъ, какъ, напр., это было въ Чехіи въ первой трети XV в. Въ моментъ такого протеста религіозныя общины выступали изъ своей замкнутости, приходили въ возбужденіе въ ожиданіи общей катастрофы; тогда они брали на себя религіозное истолкованіе общественнаго недовольства, тогда они отыскивали въ себѣ грозные звуки и требовали, чтобы «христіанскія власти вырвали у поповъ, этихъ нѣмыхъ собакъ, кость свѣтскаго владѣнія и заставили ихъ лаять»; тогда у нихъ появляется вождь, пророкъ, иногда человѣкъ, приходившій со стороны, позже другихъ посвященный въ ученіе, появлялись союзники въ лицѣ того или другого общественнаго класса.

Если не смущаться пестротой названій, передъ наблюдателемъ постепенно вырисовывается картина обширной и цѣльной религіоз-

ной пропаганды, охватывающей почти всю Западную Европу. Во множествѣ тайныхъ общинъ дѣйствовали одинаковыя формы культа, господствовалъ однородный типъ управленія. Все, что потомъ съ жаромъ будутъ провозглашать реформаторы XVI в., здѣсь уже работаетъ въ типи: безъ блеска и обстановки, очаровывающей чувства, въ залѣ частнаго дома, собираются вѣрующіе на простую молитву, чтеніе и толкованіе Писанія; вся ихъ религіозная бесѣда происходитъ на народномъ языкѣ. Они принимаютъ причащеніе подъ обоими видами и видятъ въ немъ не чудотворное пресуществленіе, а лишь знакъ Христовой жертвы; многіе требуютъ крещенія, какъ сознательнаго акта со стороны воспринимающаго, а потому подвергаютъ этому таинству взрослыхъ или даютъ второе крещеніе. Божья воля, по ихъ представленію, покоится не въ особой іерархіи, а въ самой общинѣ; ихъ священники поэтому выборные, но апостольское призваніе передается имъ отъ предшественниковъ посредствомъ наложенія рукъ. Проповѣдники и толкователи Писанія носятъ характерное названіе «служителей» (ministri). Старшіе между ними называются епископами, иногда съ добавленіемъ «епископъ божьею милостью вѣрующихъ въ римской церкви, которая отвергаетъ Константиновъ даръ (т. е. свѣтскую власть и владѣніе)». Всюду дѣйствуютъ учрежденія, вѣдающія нравственную дисциплину, призрѣніе бѣдныхъ, совѣты старѣйшинъ, діаконы; крупные общіе вопросы разрѣшаются на синодахъ представителей. Кальвинизмъ потомъ съ полной отчетливостью воспроизводитъ всю эту организацію. Извѣстная общественная мораль является въ соединеніи съ религіозными положеніями: вальденскимъ и другимъ общинамъ свойственно отрицаніе клятвы и борьбы, отрицаніе смертной казни и всякаго кровопролитія; иногда онѣ идутъ дальше и отрицаютъ судъ и вообще принудительную власть.

Если принять во вниманіе скудныя средства умственнаго обмѣна въ XIV и XV вв., затрудненія въ сношеніяхъ между населенными пунктами, невольно поражаешься обширностью и прочностью нитей, которыя связывали общины разныхъ странъ и языковъ. Тѣсное сближеніе ихъ, передача ученія, распространеніе писанныхъ текстовъ Библіи въ переводахъ осуществлялись посредствомъ крайне любопытнаго органа, очень активнаго и выработаннаго. Это—странствующіе проповѣдники-«апостолы». Въ литературѣ XIV в. съ любовью разрисовывается фигура «тайнаго» утѣшителя и наставника, къ которому обращаются нравственно измученные, жаждущіе покаянія люди, вмѣсто того, чтобы идти къ своему обычному оффиціальному исповѣднику. Есть разсказъ о томъ, какъ обратился на путь истины знаменитый своимъ разумомъ и при-

ключеніями рыцарь. Его старый товарищъ дѣтства, ставшій однимъ изъ «друзей божіихъ», узнаетъ о жизни рыцаря; онъ пріѣзжаетъ издалека и убѣждаетъ рыцаря прекратить преступную связь съ женою своего патрона. Рыцарь проситъ своего просвѣтителя стать его «тайнымъ» другомъ «чрезъ посредство Божіе» и почаще навѣщать его тайкомъ. Перебирая въ ту же ночь всю свою жизнь, новообращенный впадаетъ въ тяжелыя мученія совѣсти; онъ хочетъ покаяться, но только не передъ своимъ духовникомъ, потому что это—«человѣкъ легкій». Жена рыцаря, испуганная настроеніемъ мужа, бѣжитъ ночью же въ гостинницу, гдѣ остановился тайный апостолъ, и зоветъ его придти въ замокъ. Тотъ приходитъ потайнымъ ходомъ, произноситъ слова утѣшенія, исповѣдуетъ рыцаря и причащаетъ его. Ободренные рыцарь и жена просятъ его остаться еще ненадолго. Но «апостолъ» указываетъ на милость Божію, ниспосланную чрезъ него, и хочетъ уйти. Тогда супруги выпрашиваютъ у него «правила жизни, подробное письменное наставленіе, какъ вести себя, къ чему стремиться, чего избѣгать».

Въ этомъ разсказѣ характерно отразились условія, при которыхъ начиналась нерѣдко работа «апостоловъ». Изъ другихъ данныхъ можно заключить, что ихъ было много, что дѣло было организовано и что они пользовались большимъ вліяніемъ. Подъ именемъ «ліонскихъ бѣдняковъ» и винкелеровъ во Франціи и Германіи, они путешествовали изъ города въ городъ, обыкновенно подвое, старикъ и молодой, въ костюмѣ купцовъ, нерѣдко съ какимъ-нибудь легко перевозимымъ товаромъ; въ домахъ, гдѣ ихъ радушно принимали, они отдавали товаръ въ качествѣ подарка, но нигдѣ не брали за него денегъ. Они получали извѣстную подготовку; многіе между ними отказывались отъ собственности и семьи. Члены общинъ, которыя посѣщались ими, доставляли имъ все необходимое для жизни; ихъ пріѣздъ тайно оповѣщался, и тогда многіе приверженцы собирались къ нимъ на поученіе въ какомъ-нибудь скрытомъ углу. Нельзя удержаться отъ мысли, что понятіе о «невидимой», сокровенной для глаза церкви избранниковъ милости Божіей, которое развивали, напр., Уиклефъ и Гуссъ, въ противоположность властной и матеріальной видимой церкви, включающей принудительно всѣхъ христіанъ, что это понятіе находило себѣ реальную опору во внѣшней скрытости, таинственности евангельскихъ общинъ.

Только эта неустанная пропаганда, эти незамѣтныя, но глубоко проникавшія въ общество сношенія на почвѣ религіозныхъ идей дѣлаютъ понятными силу и распространенность позднѣйшаго реформаціоннаго движенія. Но нечего и говорить, въ какой мѣрѣ

среди тайныхъ общинъ съ ея опасностями и страхами, внезапными озареніями и таинственными встрѣчами, возбужденными ожиданіями и насильственно сдавленной энергіей, была благопріятна для мистическаго увлеченія, для крайностей религіозной фантазіи и соціальнаго протеста. Въ этомъ отношеніи прямая линія идетъ отъ сторонниковъ «Вѣчнаго Евангелія» въ XIII в. къ либертинамъ и спиритуаламъ XVI в., которыхъ громилъ Кальвинъ. Еще въ XIII в., особенно въ средѣ францисканцевъ, ходило ученіе о прогрессивномъ откровеніи въ христіанствѣ, на высшей ступени котораго, въ періодъ царства св. Духа, должно осуществиться торжество въ мірѣ нищихъ монаховъ, достигшихъ моральнаго совершенства, должна водвориться полная свобода духа надъ плотью. Послѣдователи «Вѣчнаго Евангелія» примѣняли къ Писанію аллегорическое истолкованіе, предполагая въ немъ сокровенный смыслъ, доступный лишь посвященнымъ, и признавали себя свободными въ моральномъ отношеніи отъ внѣшняго закона, выше всякихъ формальныхъ правилъ. Еще дальше шли иные сектанты въ вѣрѣ, что религіозное просвѣтлѣніе, совершающееся таинственнымъ образомъ въ глубинѣ души человѣка, прямо вводитъ его въ божественный міръ, соединяетъ съ божествомъ, дѣлаетъ самого человѣка Богомъ. У этихъ пантеистовъ, сектантовъ «свободнаго духа», адамитовъ и т. п. манія нравственнаго величія и безгрѣшности выражалась иногда весьма наивно. Они говорили, что каждый человѣкъ долженъ быть почитаемъ подобно тѣлу Господню, что никакого нравственнаго закона нѣтъ. Одинъ изъ нихъ заявилъ передъ судомъ, что считаетъ себя въ правѣ дѣлать все, что только ему понравится, убивать всякаго, кто только вздумаетъ ему въ томъ помѣшать; святость апостола Павла относится къ его святости, какъ капля къ морю; онъ—второй Адамъ, и въ качествѣ антихриста, пройдетъ по всему свѣту и будетъ держать надъ людьми послѣдній страшный судъ. Другой мечтатель, сожженный отцами Базельскаго собора, называлъ себя ангельскимъ папой, которому предстоитъ истребить всѣхъ злыхъ въ мірѣ семъ, заковать сатану и стать главою и правителемъ вселенной во вѣки. Подобныя идеи скажутся потомъ у пророковъ анабаптизма въ XVI в.

Понятіе о невидимой церкви «избранниковъ», которая составляетъ настоящій «народъ Божій» и несетъ съ собою водвореніе на землѣ «Божьей Правды», это понятіе легко соединяется и съ соціальнымъ радикализмомъ. У вальденцевъ, послѣдователей Уиклефа, у гусситовъ можно встрѣтить ту мысль, что право владѣнія, собственности опирается исключительно на милость Божію. Божій народъ или Богомъ уполномоченныя власти распредѣляютъ владѣ-

нія; лишь праведникъ правильно владѣетъ имуществомъ, смертный грѣхъ лишаетъ этого права. На этомъ основаніи и строились нападки на свѣтское владѣніе клира, забывшаго свои обязанности. Но рядомъ пробивается мысль болѣе крайняя, отчасти воспитанная бытомъ орденскихъ корпорацій и тайныхъ религіозныхъ союзовъ: въ идеальномъ обществѣ нѣтъ частной собственности, оно должно быть, какъ выражается Уиклефъ,—respublica habens omnia in communi. Понятно, что подобная формула легко усвоивалась недовольными слоями низшихъ классовъ, что, обратно, весьма реальныя требованія деревни, цѣплявшіяся за разрушаемыя общинныя формы, требованія городскихъ пролетаріевъ, которые складывались въ ассоціаціи и братства, перетолковывались на отвлеченный языкъ, въ видѣ возвышенныхъ общечеловѣческихъ принциповъ, въ образѣ водворенія на землѣ Божьей правды. Нигдѣ, можетъ быть, такъ ярко не выразился теократическій соціализмъ, какъ въ чешскомъ таборитствѣ; окрещенныя въ зажиточныхъ слояхъ именемъ «богемскаго яда», религіозно-коммунистическія идеи перешли въ Германію и долго бродили въ ней. Одна изъ интереснѣйшихъ сторонъ этого движенія—его международныя связи, его космополитическая пропаганда. «Еретическія письма», манифесты чешскихъ инсургентовъ доходили до Испаніи и Англіи; въ Дофинэ народъ собиралъ денежные взносы въ пользу таборитовъ и по ихъ примѣру началъ избивать господъ.

Всѣ эти знаки религіозно-общественнаго возбужденія возростаютъ въ средней Европѣ къ концу XV в. Чувство отчаянія, расшатанности всѣхъ порядковъ, близости катастрофы, кары Божіей охватываетъ широкіе круги. Популярный проповѣдникъ въ Страсбургѣ, Гейлеръ, въ концѣ XV в. говоритъ съ каѳедры: «Христіанскій міръ разрушился сверху до низу, отъ папы до послѣднаго пономаря, отъ императора до пастуха». Подъ вліяніемъ апокалипсической горячки растетъ жажда чуда и знаменія. Многое въ этомъ движеніи напоминаетъ время крестовыхъ походовъ. Въ концѣ вѣка, подъ впечатлѣніемъ чумы и страшныхъ войнъ вдругъ подымается множество итальянскаго простонародья, чтобы идти и вымолить себѣ прощеніе въ святыхъ мѣстахъ за Альпами, особенно въ Кёльнѣ и Ахенѣ. Пилигримы принимаютъ строжайшіе обѣты на 7 лѣтъ; небольшими группами по 30—40 человѣкъ появляются они въ Южной Германіи, въ грубыхъ сѣрыхъ власяницахъ, подпоясанные веревками, съ деревяннымъ крестомъ въ рукѣ. Они соблюдали строгій постъ и кормились ва скудныя подаянія крестьянъ по дорогѣ. Встрѣчая церкви, они входили и простирались на полу въ крестообразномъ положеніи; многіе приставали къ нимъ и они принимали всѣхъ, кромѣ женщинъ и монаховъ. Легенда создаетъ

всюду похищенныя и вновь открытыя гостіи, вырванныя, будто бы, у враговъ Христа, облитыя кровью. Стремленіе подражать жизни и страданіямъ Христа получаетъ грубо-экстатическую форму. Жадно слушаются разсказы о стигматизированныхъ людяхъ, съ кровавыми ранами или знаками на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя были поражены у Спасителя при бичеваніи Его и пригвожденіи ко Кресту. Крестное чудо, появленіе золотистыхъ или красныхъ крестовъ на тѣлѣ и на одеждѣ, особенно у женщинъ, скоро становится повсемѣстнымъ, пріобрѣтаетъ какой-то эпидемическій характеръ. Сотни летучихъ листковъ и картинокъ распространяютъ въ народѣ представленія о крестахъ и бичахъ, падающихъ съ неба. На одномъ изъ этихъ листковъ изображенъ среди тучи какъ бы слетающихъ сверху символическихъ знаковъ проповѣдникъ съ крестомъ въ рукѣ, кругомъ распростерты богомольцы, подавленные покаяніемъ: одинъ изъ нихъ въ экстазѣ закалываетъ себя.

Темные пророки приводятъ по временамъ въ волненіе цѣлые округи. Одинъ изъ характерныхъ случаевъ такого рода разыгрался въ Тюрингіи въ 70-хъ гг. XV в. Простой, безграмотный пастухъ, деревенскій музыкантъ Гансъ Богаймъ, вдругъ сжегъ свою дудку и барабанъ и сталъ проповѣдывать именемъ Матери Божіей, открывшейся ему въ видѣніяхъ. Онъ требовалъ всеобщаго покаянія; онъ говорилъ, что отнынѣ не должно быть ни императора, ни папы, ни князей; помѣщичьи и церковныя земли надо раздать, поповъ избить, господа и князья будутъ жить поденной работой; всѣ повинности и оброки уничтожаются, всѣ люди станутъ братьями и будутъ добывать свой хлѣбъ въ потѣ лица, пользуясь свободно и наравнѣ землей, лѣсомъ, водой и выгономъ. Цѣлые караваны взрослыхъ и малыхъ, здоровыхъ и больныхъ потянулись къ пророку издалека; на дорогѣ ихъ кормили и укрывали тѣ, кто уже успѣлъ принять новое царство Божіе. Къ пастуху присталъ мѣстный священникъ и, можетъ быть, руководилъ его своими совѣтами. Волна народнаго возбужденія все ростала. При видѣ человѣка Божія, толпа падала передъ нимъ ницъ и молила сжалиться и спасти ихъ. Послѣ ряда проповѣдей Богаймъ позвалъ, наконецъ, увѣровавшихъ собраться въ опредѣленный день съ оружіемъ въ рукахъ и ждать его знака. Ближній вюрцбургскій епископъ, испугавшись мятежа, велѣлъ слугамъ схватить ночью пастуха и увезти его въ свой замокъ. Въ это время около 30.000 человѣкъ крестьянъ собрались въ ожиданіи рокового момента, возвѣщеннаго проповѣдникомъ. Когда они узнали о его судьбѣ, одинъ заявилъ, что св. Троица предстала передъ нимъ и приказала имъ идти съ зажженными свѣчами къ замку; ворота и

*

двери сами откроются передъ ними, и ихъ пророкъ выйдетъ къ нимъ на встрѣчу невредимымъ. Цѣлую ночь шла пестрая толпа къ мѣсту заключенія подъ начальствомъ двухъ бездомныхъ рыцарей и грозно потребовала она выдачи «святого». Только ловкими обѣщаніями удалось епископу отклонить бѣду; массы разсѣялись, и послѣ этого коноводы были схвачены, а Богайма сожгли.

Среди такого настроенія въ народѣ наступала реформа церкви. Вышеприведенными замѣчаніями мы имѣли въ виду только намѣтить общія тенденціи, которыми направлялось религіозное сознаніе къ началу XVI в. Реформаторы этого вѣка, протестантскіе и католическіе, отливали въ твердую форму, обрубали, систематизировали, урѣзывали и сжимали въ догматы, въ параграфы исповѣданій и церковныхъ регламентовъ неопредѣленныя въ очертаніяхъ, но ясныя и сильныя по существеннымъ мотивамъ религіозныя требованія. Мы видѣли эти мотивы: демократизація церкви, ея «отрицаніе», общедоступность источника религіознаго поученія и спасенія, болѣе интимный характеръ вѣры. Но движеніе разнообразилось въ связи съ особенностями классовыхъ интересовъ и понятій, культурно-національныхъ традицій и привычекъ. Обращаясь къ этой сторонѣ, мы должны будемъ уяснить тѣ напраленія мысли, которыя господствовали въ это время въ руководящихъ слояхъ общества.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* * *

Среди красотъ ликующей природы
Я чувствую порой,
Что близко, близко счастіе трепещетъ
Незримо предо мной.

Когда звучатъ согласные напѣвы,
Я сердцемъ ихъ ловлю,
И кажется такъ близко и возможно
Все то, что я люблю.

Мнѣ чудится среди земныхъ тумановъ
Заря и день иной...
Еще лишь мигъ—и я сорву завѣсу,
— И вѣчность предо мной.

Allegro.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Ростъ культуры въ русской глуши. Недавно всѣ газеты обошелъ, въ видѣ курьеза, характерный фактъ: извозчикъ въ городѣ Вологдѣ привлекъ къ суду князя В—аго, за нанесенное ему послѣднимъ оскорбленіе. Не смотря на предложеніе князя примириться за приличное вознагражденіе, извозчикъ категорически заявилъ, что ему не деньги нужны, а возстановленіе своей чести, и что онъ отнюдь не прочь помириться, если князь извинится предъ нимъ въ присутствіи тѣхъ самыхъ извозчиковъ, при которыхъ онъ обругалъ и ударилъ его. Сдѣлка, къ сожалѣнію, не состоялась, и городской судья приговорилъ князя къ 5-ти-дневному заключенію.

При всей характерности, фактъ самъ по себѣ слишкомъ ничтоженъ, чтобы дѣлать изъ него какіе-либо выводы, но его любопытно сопоставить съ другими той же категоріи фактами, имѣющими безспорно большое общественное значеніе, такъ какъ вся ихъ совокупность указываетъ на несомнѣнный ростъ культуры въ нашей глуши. Эти факты заключаются въ повсемѣстномъ сокращеніи тѣлесныхъ наказаній, что отмѣчаютъ отчеты земскихъ начальниковъ о примѣненіи этого наказанія во ввѣренныхъ имъ участкахъ. Особенно характерныя данныя представляютъ отчеты за пятилѣтіе по Нижегородской губерніи, приводимыя «Бирж. Вѣдомостями». Обзоръ цифровыхъ данныхъ за $5^1/_2$ лѣтъ, со дня введенія земскихъ начальниковъ въ губерніи, констатируетъ общеее по губерніи явленіе — постепенное, неуклонное сокращеніе этого наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Въ началѣ замѣчается, правда, нѣкоторое колебаніе мѣстами, какъ, напр., въ Ардатовскомъ уѣздѣ въ 1892 г., въ Горбатовскомъ въ 1894 г., въ Княгининскомъ въ 1894 и въ Сергачскомъ, гдѣ число тѣлесныхъ наказаній возросло съ предшествовавшимъ годомъ, но затѣмъ и здѣсь началось быстрое и значительное паденіе въ 1895 и 1896 гг. По уѣздамъ процентное отношеніе приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи къ общему числу дѣлъ въ 1890 г. представлялось въ слѣдующемъ видѣ: самое большое число $12^1/_3\%$ (въ Лукояновскомъ уѣздѣ), самое меньшее — 6% (въ Ардатовскомъ); въ 1895 году—maximum—$4^1/_{10}\%$ (Нижегородскій уѣздъ), minimum—2% (Горбатовскій). Если же взять число приговоровъ волостныхъ и исключить приговоры къ тѣлесному наказанію, отмѣненные уѣздными съѣздами и земскими начальниками, то получатся цифры еще болѣе внушительныя: въ 1890 г. самый большой % равнялся $8^1/_3$, minimum — 4, а въ 1895 г. самый большой процентъ—3, самый меньшій—0 (въ Семеновскомъ уѣздѣ). Изъ 249 волостей

губерніи въ 37 вовсе не было тѣлесныхъ наказаній за весь разсматриваемый періодъ; въ 56 оно встрѣчается за то же время въ видѣ одиночныхъ случаевъ; въ огромномъ большинствѣ остальныхъ волостей числа сокращаются постепенно, иногда большими скачками, по мѣрѣ приближенія къ 1896 г., и лишь въ 44, при общемъ сокращеніи тѣлесныхъ наказаній съ 18% до 6²/₃, все еще это наказаніе практикуется сравнительно съ сосѣдними въ бо́льшихъ размѣрахъ. Семеновскій уѣздъ за послѣдніе два года не знаетъ этого наказанія.

Такимъ образомъ, жизнь сама собою выживаетъ мало-по-малу отжившій видъ наказанія, и цѣлая губернія освобождается отъ розги. На ряду съ этимъ культурнымъ явленіемъ можно поставить и другое, отмѣчаемое «Юридической Газетой», именно то смущеніе, какое сплошь и рядомъ приходится наблюдать въ судахъ, когда предсѣдатели, мировые судьи или уѣздные переходятъ на «ты», обращаясь къ свидѣтелямъ или подсудимымъ изъ такъ называемаго «не привилегированнаго сословія». Газета, приведя рядъ фактовъ подобнаго рода, справедливо указываетъ на нежелательность подобнаго раздѣленія свидѣтелей и другихъ лицъ на привилегированныхъ, которымъ говорятъ «вы», и не привилегированныхъ, къ которымъ обращаются съ грубымъ «ты». Такое «неравенство» въ обращеніи суда съ равноправными гражданами, которые должны на судѣ укрѣпляться въ чувствахъ равенства и уваженія къ личности, нельзя не признать явленіемъ отрицательнымъ и не соотвѣтствующимъ высотѣ нашихъ судебныхъ учрежденій. Дѣйствительно, не только публика, но и сами «тыкаемые» смущаются при суровомъ окликѣ на «ты», тѣмъ болѣе, что тутъ же, на этомъ самомъ судѣ, не только адвокатъ или старшина присяжныхъ, но нерѣдко и другой членъ суда или прокуроръ задаютъ вопросы тому же свидѣтелю въ обычно-вѣжливой формѣ. Многіе изъ крестьянъ склонны объяснять это несоотвѣтствіе особыми прерогативами предсѣдательской власти, путаются и пугаются. И тотъ же свидѣтель, который предсѣдателю, «тыкающему» его, даетъ несообразные отвѣты, — говоритъ съ адвокатомъ или старшиной вполнѣ разумно и вдумчиво». Самое возникновеніе такого вопроса теперь, очевидно, выдвинутаго жизнью, не указываетъ ли, что чувство собственнаго достоинства, этотъ высшій показатель культурности, пробуждается въ личности нашего обывателя и даетъ себя знать, сначала робко, какъ нѣчто удивляющее самого носителя, который и самъ не знаетъ, откуда ему сіе, — ему, привыкшему видѣть въ себѣ только «обывателя», а не человѣка прежде всего?

Новый видъ крестьянской общественности. Общинный духъ, на который любятъ указывать народники, какъ на отличительное свойство русскаго человѣка, проявляется обыкновенно въ стадныхъ дѣйствіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ общественными. По крайней мѣрѣ, исторія русской общины не выдвинула ни одного изъ учрежденій, въ которыхъ можно было бы видѣть отраженіе этого человѣческаго качества, присущаго культурному обществу. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ новыя экономическія условія выдвигаютъ и новыя потребности въ крестьянской средѣ.

Село Павлово, «русскій Шеффильдъ», какъ его окрестилъ г. Боборыкинъ, представляетъ, по сообщенію «Волгаря», интересный центръ мѣстнаго оживленія и новый опытъ развитія крестьянской общественности. Съ января текущаго года въ

Павловѣ возникло особое «кустарное попечительство» съ весьма широкими симпатичными цѣлями. Прежде всего оно имѣетъ въ виду экономическій подъемъ кустаря, которому приходится теперь переживать тяжелый «замочный» кризисъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно стремится показать, насколько совмѣстная дѣятельность кустарей и мѣстной интеллигенціи можетъ содѣйствовать общему культурному подъему населенія. Собраніе учредителей рѣшило не придавать, по возможности, замкнутаго характера попечительству и привлекать въ составъ его самыхъ разнообразныхъ членовъ, заинтересованныхъ въ улучшеніи различныхъ сторонъ мѣстной жизни. Съ этою цѣлью выборы комитета отложены на три мѣсяца, чтобы составъ его былъ многостороннѣе. Въ Павловѣ, какъ сообщаетъ «Волгарь», оживленіе общества уже выразилось въ рядѣ оригинальныхъ и необычныхъ для нашей глуши учрежденій. Такъ, здѣсь выходитъ ежемѣсячный періодическій органъ крестьянскаго управленія, есть свой драматическій кружокъ, воскресныя школы, въ февралѣ открыта общественная библіотека и собираются средства на постройку народнаго театра. Павловская газета называется «Дѣйствія органовъ павловскаго крестьянскаго общества». Первый выпускъ «Дѣйствій» вышелъ въ октябрѣ 1895 г. и съ тѣхъ поръ печатные выпуски выходятъ ежемѣсячно. Въ докладѣ уполномоченныхъ сельскаго общества отъ 16 го апрѣля 1896 г. сельскому сходу говорится, по поводу необходимости этихъ выпусковъ: «Обсуждая вопросъ о напечатаніи общественныхъ отчетовъ, уполномоченные пришли къ тому заключенію, что, во избѣжаніе нареканій, необходимо знакомить общественниковъ со всѣми общественными дѣлами. Въ этихъ видахъ уполномоченные постановили печатать ежемѣсячно «Дѣйствія органовъ павловскаго крестьянскаго общества». До сихъ поръ напечатаны и розданы въ десятки (на каждые 10 домохозяевъ) выпуски за октябрь, ноябрь и декабрь 1895 г. и за январь 1896 г.». Сходъ одобрилъ эту мѣру и ассигновалъ нужную сумму. «Дѣйствія» печатаются въ количествѣ 1.300 экземпляровъ, по числу домохозяевъ, и раздаются безплатно. Въ нихъ печатаются распоряженія уполномоченныхъ, имѣющія общественный характеръ и интересъ, свѣдѣнія о текущихъ общественныхъ дѣлахъ (постройка больницы, о воскресной школѣ, объ открытіи общественной библіотеки и т. п.), приговоры схода, уставы и разъясненія, касающіяся павловскаго общества, и проч. Предполагается печатать выдающіяся дѣла и приговоры волостного суда, имѣющія общій характеръ а также различныя извѣстія о ходѣ мѣстной торговли. Составляются «Дѣйствія» уполномоченными и представляются мѣстному земскому начальнику на просмотръ, предъ отправкой ихъ московскому цензору.

На мѣстный театръ собрано по подпискѣ 200 р. и имѣется въ виду построить особое зданіе, въ которомъ будутъ устраиваться спектакли, чтенія съ туманными картинами, популярныя лекціи и литературно-музыкальные вечера. Со временемъ предполагается устроить здѣсь помѣщеніе для мѣстной биржи, гдѣ могли бы происходить сдѣлки на кустарныя издѣлія, находящіяся теперь всецѣло въ рукахъ мѣстныхъ скупщиковъ. Въ Павловѣ предстоитъ еще устройство водопровода, на что имѣются средства, завѣщанныя однимъ мѣстнымъ купцомъ на устройство дома призрѣнія въ Павловѣ и вообще на помощь жителямъ въ хозяйственныхъ нуждахъ. Домъ призрѣнія уже устроенъ. Въ нагорной части Павлова устроена общественная больница, на

которую было собрано и отчислено сходомъ одиннадцать тысячъ. Учебныхъ заведеній открыто въ Павловѣ одиннадцать—ремесленное трехклассное училище, двухклассныя мужскія и женскія училища, три земскихъ и четыре церковно-приходскихъ школы и одна школа грамотности. Кромѣ того, здѣсь имѣется сельская общественная библіотека, уставъ которой только-что утвержденъ. Библіотека пожертвована обществу мѣстными обывателями и заключаетъ больше 2.000 томовъ. Павловскій сходъ, которому было доложено въ 1894 г. о пожертвованіи библіотеки, съ такимъ сочувствіемъ отнесся къ ней, что единогласно постановилъ принять въ свое завѣдываніе библіотеку, содержать ее на свой счетъ и открыть при ней безплатную народную читальню.

Таковы вкратцѣ проявленія павловской крестьянской общественности. Они настолько не заурядны, что нельзя не видѣть въ нихъ отраженія глубокихъ измѣненій во взглядахъ мѣстнаго крестьянскаго общества подъ вліяніемъ тѣхъ исключительныхъ экономическихъ условій, въ которыхъ живетъ это населеніе. Условія эти въ общемъ заключаются въ развитіи крупной промышленности, однимъ изъ центровъ которой с. Павлово служитъ уже почти столѣтіе.

«Рогожные люди». Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ промышленности исключительно заключается та Аладинова лампа, съ помощью которой творятся всѣ павловскія чудеса. Человѣкъ прежде всего, и отъ него зависитъ, хотя далеко не все, но очень многое, и въ той же исторіи развитія промышленности мы сплошь и рядомъ натыкаемся на вопіющія противорѣчія. Такъ, напр., калужскій корреспондентъ «Недѣли» сообщаетъ интересную бытовую картину жизни мѣстнаго рогожнаго промысла, описывая заведеніе «рогожниковъ».

«Каменная двухъ-этажная постройка даже съ какимъ-то украшеніемъ наверху,—внутри это былъ адъ съ перваго шага. Въ грязныхъ тѣсныхъ сѣняхъ, вперемежку съ вязанками надранной мочалы, были навалены огромныя ковриги ржаного хлѣба, повидимому, давно испеченнаго, даже частью занесеннаго снѣгомъ бушевавшей на ту пору вьюги. Тяжелый запахъ, охватившій насъ уже въ сѣняхъ, съ каждой минутой усиливался и превратился въ невыносимый смрадъ, когда изъ растворенной двери заведенія, какъ изъ какой-то чудовищной пасти, вмѣстѣ съ вырвавшимся густымъ паромъ насъ обдала отравленная атмосфера рогожной. Помѣщеніе сплошь было загромождено неуклюжими станками, подпорками, перегородками, нарами. Выѣхавшая на середину печь, какъ будто на зло всѣмъ, загораживала дорогу, оставивъ свободнаго мѣста ровно столько, чтобы можно было пролѣзть, да и то еще бокомъ, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь рожонъ. Низкіе темные потолки, грязные полы, подслѣповатыя, едва пропускающія свѣтъ окна, какая-то мгла и кислятина вмѣсто воздуха—такова обстановка рогожной. Никакой мебели, кромѣ узкихъ скамеекъ вдоль наружной стѣны, не было. Ни столовъ для ѣды, ни кроватей для спанья: на рогожахъ обѣдаютъ, на рогожахъ спятъ, рогожами покрываются. Рогожа встрѣчаетъ новорожденнаго въ колыбели, она же провожаетъ его и въ могилу. Матеріалъ для обработки—мочало—развѣшано огромными, похожими на хвосты пасмами по стѣнамъ, перегородкамъ, сложено цѣлыми кучами въ углу. Людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ такое множество, что они, кажется, давятъ другъ друга; работаютъ семейными группами въ отдѣленіяхъ не лучше звѣринаго логовища. Въ проходѣ, гдѣ мы остановились, человѣкъ одичалаго вида, съ мохнатой, всклокоченной головой, мутнымъ

взглядомъ и искривленнымъ позвоночникомъ, работалъ на распяленной рогожѣ, то нагибаясь всѣмъ корпусомъ впередъ, то откидываясь назадъ, и продолжая эти движенія безостановочно, пока мы тутъ стояли. Одѣты рогожники въ грязныя рубахи, многіе прямо-таки въ рваную ветошь, сквозь которую виднѣется изможденное тѣло. Ни одного сколько-нибудь интеллигентнаго лица: рогожа наложила на всѣхъ свою печать, всѣмъ сообщила что-то тупое, апатичное, деревянное. Даже недовольства не замѣчалось. При насъ въ одной клѣткѣ обѣдали. Посреди натянутой, въ родѣ пялецъ, рогожи стояла грубая деревянная чашка съ подозрительнаго вида жидкостью, которую черпали ложками взрослые и дѣти, обливая и хозяйскую скатерть-рогожу, и свою рваную одеженку. О чистоплотности здѣсь не имѣютъ понятія. Тутъ же, почти надъ самымъ столомъ-рогожей, качается на шестѣ, вбитомъ въ потолокъ, рогожная люлька съ наваленнымъ въ нее тряпьемъ.

«— Чья это обезьянка?—спросилъ мой спутникъ, указывая на грудного перепачканнаго ребенка.

«— Моя!—отвѣчалъ такой же перепачканный родитель».

Женщины и дѣти производятъ особенно удручающее впечатлѣніе: дѣти кажутся обреченными на медленную агонію отъ рожденія; женщины распоясанныя, въ грязныхъ паневахъ, между такими же грязными мужчинами, утратили, повидимому, всякое представленіе о разности половъ.

«— Гдѣ же вы спите?—спросилъ я, не видя кругомъ даже признака постелей.

«— А все тутъ же: тутъ вмѣстѣ и спимъ, и ѣдимъ, и грѣшимъ, и родимъ...»

Когда люди вмѣстѣ спятъ, ѣдятъ, грѣшатъ и родятъ,—о требованіяхъ нравственности нечего и спрашивать. Таковы рогожники почти вездѣ. Каторжная работа эта оплачивается самымъ скуднымъ образомъ. За сотню рогожъ вѣсомъ въ 20 пудовъ получаютъ 5 р. 50 к.; за такое же количество вѣсомъ въ 8 пудовъ—3 р. 35 к. и т. д., въ нисходящемъ порядкѣ со скидкою 25 к. за каждый сбавленный пудъ. «Станокъ», т. е. 5 человѣкъ, при непрестанномъ десятичасовомъ трудѣ зарабатываетъ 9 руб. въ недѣлю. Особо усердные, «злые на работу», высиживающіе надъ рогожей по 15 часовъ въ сутки, доходятъ до 13 р. Каждый человѣкъ зарабатываетъ въ среднемъ 39 к. въ день, проѣдая около 12 к. Чай пьютъ изрѣдка; работаютъ отъ Покрова до Пасхи; работаютъ днемъ и ночью, хотя это обстоятельство скрываютъ отъ хозяевъ, изъ боязни нажить непріятность. Нанимаетъ рогожниковъ старшой, который и самъ съ ними работаетъ, дирижируя, такъ сказать, станкомъ и зарабатывая въ сезонъ отъ 60 до 70 рублей. Тѣ, которые остаются въ деревнѣ за недостаткомъ средствъ двинуться въ путь, зарабатываютъ еще меньше, расплачиваясь за проѣздъ скупщиковъ рогожами на мѣстѣ. Кромѣ старшаго, у нихъ есть и хозяинъ, который, разумѣется, и не думаетъ, что имѣетъ къ нимъ какія-нибудь другія обязательства, кромѣ платежа по уговору. Рогожникомъ надо родиться,—сдѣлаться имъ нельзя. Кто самъ пойдетъ въ эту кабалу, похожую на безсрочную каторгу? Ремесло переходитъ отъ отца къ сыну, передается преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Рогожники не смѣшиваются съ другими, только между собой женятся и роднятся. Они не тронуты ни современной культурой, ни санитарными правилами, ни даже особеннымъ любопытствомъ со стороны какого-либо надзора. Это кружокъ людей, замкнутыхъ въ условіяхъ быта, на подобіе какой-нибудь касты. У нихъ, вѣроятно, нѣтъ особыхъ ритуальныхъ обрядовъ, но потому лишь, что нѣтъ никакихъ обрядовъ: они просто живутъ, доводя

всѣ житейскія отправленія и потребности до простоты первобытныхъ дикарей. Не даромъ по отчету медицинскаго департамена о санитарномъ состояніи Калужской губерніи, пять уѣздовъ ея показаны вымирающими».

Эта характерная картинка изъ быта кустарей указываетъ прежде всего на необходимость фабричной инспекціи въ этой области. Хотя такая инспекція является результатомъ крупной промышленности, но мы думаемъ, что даже самые заядлые противники послѣдней и защитники кустарнаго производства должны умолкнуть при видѣ условій «рогожной» жизни кустарей.

Постановка врачебнаго дѣла въ Одессѣ. До сихъ поръ приходится считаться съ тѣмъ страхомъ и отвращеніемъ, которые питаетъ нашъ простой людъ къ больницѣ. Въ значительной степени его взглядъ на больницу, какъ на «морилку» людей, слѣдуетъ считать теперь пережиткомъ того добраго стараго времени, когда больничное дѣло находилось въ завѣдываніи гоголевскаго Земляники съ его классическимъ методомъ лѣченія, что «простой человѣкъ если умретъ, то и такъ умретъ, а если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ». Но отъ времени до времени выплываютъ факты, наглядно свидѣтельствующіе, что старый взглядъ народа на больницу имѣетъ, къ сожалѣнію, фактическую подкладку и въ современной дѣйствительности. Можно ли было, напр., допустить, что въ одномъ изъ самыхъ большихъ въ Россіи городовъ, во главѣ городского управленія котораго стояли просвѣщенные дѣятели, какъ гг. Маразли и Лигинъ (бывшіе городскіе головы Одессы), мыслима больница, вполнѣ отвѣчающая гоголевскому типу и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошедшая его? Однако, это такъ, и масса фактовъ, опубликованныхъ въ печати, не допускаютъ болѣе ни малѣйшихъ сомнѣній, что городская больница въ Одессѣ была не только «морилкой», но соединеніемъ морилки и тюрьмы вмѣстѣ.

Слухи о томъ, что въ городской больницѣ неладно, ходили по городу непрестанно, но просвѣщенные дѣятели городского управленія не давали имъ вѣры. Тянулось это десятки лѣтъ, и протянулось бы еще столько же, если бы не нашелся врачъ, осмѣлившійся опубликовать робкое заявленіе въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», что въ городской больницѣ не все обстоитъ благополучно. Главный врачъ больницы, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ городскаго управленія, г. Сенькевичъ-Корчакъ отвѣтилъ грознымъ письмомъ поадресу своего подчиненнаго и редактора газеты, въ которомъ угрожалъ привлечь ихъ къ отвѣтственности заклевету. Къ сожалѣнію, факты, опубликованные дерзкой газетой, были таковы, что мѣстная прокуратура всполошилась, и была назначена административная ревизія больницы.

Обнаружились, по истинѣ, невѣроятныя вещи. Годами не мѣнялась солома въ тюфякахъ, хотя на солому ассигновы валась 1.000 р. въ годъ. Не было бѣлья и халатовъ, вслѣдствіе чего часть больныхъ круглый день проводитъ въ одномъ бѣльѣ. Мало того, за недостаткомъ послѣдняго, бѣлье отнималось на ночь, такъ что больные спали *голые*, а на день бѣлье опять выдавалось. И происходило это въ женскомъ заразномъ отдѣленіи... Такъ какъ больные иногда протестовали, то были введены дисциплинарныя наказанія. Употреблялась «резиновая» нагайка, которую пускали въ ходъ противъ больныхъ, находя, что это «и здорово, и поучительно, и больно». Одного больного «надзиратель» (что это за особый чинъ въ больницѣ?) избилъ этой нагайкой до безчувствія. Далѣе, былъ устроенъ карцеръ, помѣщеніемъ для котораго служила «выгребная

мина» (опять-таки, нѣчто намъ не совсѣмъ понятное, но, должно быть, тоже весьма поучительное). Вслѣдствіе страшнаго запаха со многими больными дѣлалось дурно, и сами сторожа выпускали оттуда больныхъ во время отсутствія врачей. Такъ, на слѣдствіи былъ установленъ поразительный фактъ. Больную женщину, съ тяжелой гинекологической болѣзнью, требующей оперативнаго вмѣшательства, *двѣ недѣли* продержали въ этомъ карцерѣ. Сторожъ, видя сильныя мученія больной, придумалъ такую увертку: «онъ выпускалъ больную изъ карцера на то время, когда врача не было въ отдѣленіи, а какъ только онъ приходилъ, «арестованную» немедленно водворяли на мѣсто». Нѣкоторыхъ больныхъ, которые отказывались идти добровольно въ карцеръ, предварительно связывали и помѣщали въ такомъ видѣ. Неудивительно, что больные покушались на самоубійство, и нѣсколькихъ такихъ неудачныхъ «висѣльниковъ» было доставлено на слѣдствіе, и они подтвердили, что были вынуты изъ петли въ этомъ карцерѣ. Главный поводъ сажанія въ карцеръ, примѣненія нагайки, лишенія бѣлья и т. п.—было вымоганіе денегъ у больныхъ низшимъ служебнымъ персоналомъ и «дерзкое поведеніе больныхъ съ врачами».

Главный докторъ больницы г. Сенькевичъ-Корчакъ уволенъ и преданъ суду. Вмѣстѣ съ нимъ преданъ суду и врачъ, завѣдывавшій психіатрическимъ отдѣленіемъ, г. Шпаковскій, который позволялъ себѣ съ больными слѣдующія, напр., «остроумныя выходки. Нѣкто Грумбергъ, мѣщанинъ города Слуцка, но одесскій житель и торговецъ, помѣстилъ въ отдѣленіе для душевно-больныхъ сына своего. Когда тотъ выздоровѣлъ, докторъ Шпаковскій распорядился не отдавать его отцу, а препроводить его по мѣсту прописки въ г. Слуцкъ, и такъ какъ здѣсь не оказалось у мальчика никого родныхъ, то полиція отправила его назадъ въ Одессу, по мѣсту жительства отца. Затѣмъ больница черезъ мирового взыскала съ отца Грумберга 36 р. за пересылку сына. Въ этомъ же психіатрическомъ отдѣленіи, на женской его половинѣ, слѣдствіе обнаружило рядъ такихъ возмутительныхъ и гнусныхъ вещей, что говорить о нихъ въ общей печати невозможно...

Вмѣстѣ съ ревизіей административной городская дума, наконецъ, тоже назначила ревизію, раскрывшую такое хищеніе, что чуть ли не весь персоналъ больницы идетъ тоже подъ судъ за кражу и растрату городского имущества. Предсѣдатель больничной постоянной коммиссіи, г. Филипповичъ, подалъ въ отставку, такъ какъ счелъ себя обиженнымъ назначеніемъ ревизіи. Такъ какъ бывшіе городскіе головы, гг. Маразли и Лигинъ, не состоятъ больше представителями городского управленія, то, по заключенію одесскихъ газетъ, имъ въ отставку подавать не пришлось. Но теперь возникъ казуистическій вопросъ, какъ быть со всѣми врачами больницы, подвизавшимися подъ просвѣщеннымъ руководствомъ гг. Корчака и Шпаковскаго? Послѣдніе преданы суду, а они? Или они не отвѣтственны за то, что видѣли все творящееся и молчали? Этотъ вопросъ мы осмѣливаемся предложить на обсужденіе почтенному органу сословія врачей «Врачу»...

Къ характеристикѣ врачебной этики. Неладное вообще творится что-то среди гг. врачей. Такъ, въ помѣщеніи одесской земской управы состоялся недавно товарищескій судъ надъ врачемъ г. Попперомъ, который отказался помочь крестьянкѣ-роженицѣ. Когда она, чувствуя приближеніе родовъ, явилась въ больницу, гдѣ хозяйничалъ г. Попперъ, онъ заявилъ: «пусть идетъ, откуда пришла», и не вышелъ къ ней. Когда,

въ виду состоянія больной, ее помѣстили на полу въ корридорѣ больницы, сердобольный врачъ распорядился вынести ее на улицу, гдѣ ее подобрали въ безсознательномъ состояніи сосѣди.—Въ Севастополѣ д-ръ Бухштабъ лѣчилъ члена городской управы Деламуре. Больной умеръ, не оставивъ ничего, кромѣ долговъ, что не помѣшало г. Бухштабу предъявить семьѣ счетъ въ 88 р. Когда вдова набрала 25 р. и предложила неумолимому врачу, тотъ взялъ и потребовалъ еще 53 р., которые и были собраны ему по общественной подпискѣ!..—Въ Смоленскѣ врачи психіатрической больницы привлекли редактора мѣстной газеты за клевету, такъ какъ въ газетѣ было помѣщено описаніе существовавшихъ въ больницѣ непорядковъ, и судъ редактора оправдалъ!..—Отъ врачей земскихъ и городскихъ поднимаясь выше, натыкаемся среди профессоровъ на рядъ фактовъ, болѣе чѣмъ несимпатичнаго характера. Припоминается, напр., случай съ проф. Кузьминымъ въ Казани, уличеннымъ въ томъ, что онъ бралъ деньги съ больныхъ, помѣщенныхъ въ клинику. Можно констатировать, что этотъ обычай—брать за операціи съ больныхъ, помѣщаемыхъ въ клиникахъ, все больше и больше входитъ въ нравы. Называютъ самыя почтенныя имена среди врачебнаго міра, на которыхъ тяготѣетъ подобное обвиненіе. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія врачебной этики, не говоря о житейской, это болѣе чѣмъ тяжкое преступленіе Больница или клиника есть общественное учрежденіе, въ которомъ всѣ больные должны быть равны. Но разъ врачъ или профессоръ,—все равно,—взялъ съ одного больного плату, сверхъ той, которая существуетъ для всѣхъ, онъ тѣмъ самымъ нарушаетъ равенство въ условіяхъ лѣченія, ибо принялъ на себя извѣстное обязательство предъ уплатившимъ ему. И что хуже всего въ данномъ случаѣ—сами врачи не понимаютъ всей низости такого поступка. Сообщая о томъ, что такой-то профессоръ беретъ деньги съ клиническихъ больныхъ, они находятъ это правильнымъ, такъ какъ онъ беретъ за свое искусство. Какъ будто за то же искусство ему уже не заплатило учрежденіе, гдѣ онъ служитъ профессоромъ!

Всѣ такіе факты не указываютъ ли, что пресловутый профессоръ дерптскаго университета Васильевъ не есть случайное явленіе, и что лекціи его на тему о необходимости брать высокіе гонорары для поддержанія врачебнаго престижа — находятъ благодарныхъ слушателей? Очевидно, и на врачебной корпораціи отразились общія условія нашей жизни, то пониженіе общественнаго уровня нравственныхъ требованій, которое замѣчается за послѣдніе годы и въ прочихъ областяхъ общественной жизни, напр., въ прессѣ, земствѣ, городскомъ самоуправленіи и т. п.

«Гигіеническій абсурдъ» или томская хирургическая клиника. Нисколько насъ не удивляетъ, поэтому, сообщеніе «Врача», приводящаго изъ «Архива клинической медицины» статью проф. томскаго университета Салищева о невѣроятномъ состояніи хирургической клиники этого университета. По словамъ профессора, «клиника эта помѣщается вмѣстѣ съ терапевтической въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія. Въ мужскомъ отдѣленіи больницы для нея отведено три палаты, для хирургическихъ больныхъ, и одна для операціонной комнаты; въ женскомъ отдѣленіи хирургическія больныя лежатъ вмѣстѣ съ терапевтическими заразными, безъ разбора. Особаго отдѣленія для заразныхъ въ больницѣ нѣтъ, и всѣ язвенные, рожистые, гангренозные, — которыхъ въ благоустроенныхъ больницахъ не подпу-

скаютъ къ хирургическимъ на выстрѣлъ,—«уединены» (?!) въ одной изъ трехъ упомянутыхъ палатъ». Проф. Салищевъ называетъ эту палату «адомъ томской клинической комедіи», за тѣсную скученность больныхъ, за убійственный воздухъ и постоянно исходящую изъ нея опасность заразить всѣхъ больныхъ. Нѣсколько лучшими условіями пользуются двѣ остальныя палаты, но и въ нихъ скученность страшная, а слѣдовательно и невозможность соблюдать требуемую чистоту. Въ теченіе 15 минутъ на каждый квадратный метръ этихъ палатъ выпадаетъ, согласно вычисленію д-ра Тимашева, отъ 20 до 89 тысячъ бактерій. За недостаткомъ мѣста и коекъ, больные лежатъ часто на полу, зимою жестоко мерзнутъ, лежатъ въ темнотѣ, такъ какъ сквозь обмерзшія стекла палатъ свѣтъ лишь тускло просвѣчиваетъ. Повсюду царитъ «колоссальная грязь». Операціонная комната томской клиники ничѣмъ не напоминаетъ типа подобныхъ комнатъ вездѣ. Она служитъ кабинетомъ для врача больницы и аудиторіей для пятаго курса студентовъ, а также комнатой, гдѣ операторы и оперируемые оставляютъ одежду, моютъ руки и проч. Здѣсь же происходитъ пріемъ амбулаторныхъ больныхъ, здѣсь же собирается по вечерамъ больничный совѣтъ, здѣсь толкутся въ свободные часы студенты, врачи, прислуга. Профессоръ называетъ свою операціонную комнату «постоялымъ дворомъ» и всѣмъ, чѣмъ угодно, только не комнатой для операцій. «Ясно,—заключаетъ проф. Салищевъ, — что здѣсь мы встрѣчаемся съ огромнымъ гигіеническимъ абсурдомъ, немыслимымъ ни въ какой земской больницѣ самаго глухого уѣзднаго городка Европейской Россіи».

Неудивительно, что изъ томскаго университета студенты бѣгутъ при первой возможности. Чему можетъ научить ихъ такая клиника, какъ только что описанная? И каково положеніе больныхъ, которымъ придется имѣть дѣло съ врачами, прошедшими подобный курсъ «колоссальной грязи»? Если на глазахъ всѣхъ, въ ученомъ учрежденіи, можетъ твориться подобное безобразіе, то чего можно ожидать отъ воспитанника такого учрежденія гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ критики, при условіяхъ ужасающей сибирской жизни?

Общество помощи погибшимъ женщинамъ въ Казани. Намъ доставлена небольшая брошюрка А. Баранова «Въ защиту погибшихъ женщинъ». Авторъ въ горячо написанныхъ статьяхъ доказываетъ необходимость учрежденія общества въ защиту женщинъ. Изъ мѣстныхъ газетъ мы узнаемъ, что мысль г. Баранова встрѣтила сильное сочувствіе въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго женскаго общества и поддержку въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ. Повидимому, общество помощи погибающимъ и погибшимъ женщинамъ уже близко къ осуществленію въ Казани, чему можно только порадоваться. Но не одна Казань нуждается въ немъ, а между тѣмъ, за исключеніемъ Петербурга, нигдѣ нѣтъ такихъ обществъ. Насколько необходимость ихъ ясна, можно видѣть изъ такого хотя бы яркаго и характернаго эпизода.

Недавно судили редактора «Минскаго Листка» за клевету, которая состояла въ слѣдующемъ. На столбцахъ названной газеты появилось сообщеніе о возмутительномъ обращеніи надзирателя мѣстной спичечной фабрики Гинцбурга съ работницами на этой фабрикѣ. Указывалось, что безнравственныя выходки приказчиковъ и особенно надзирателя Гинцбурга пагубно дѣйствуютъ на несчастныхъ работницъ. Гинцбургъ позволяетъ себѣ дѣлать дѣвушкамъ гнусныя предло-

женія, что ставитъ подчиненныхъ ему работницъ въ безвыходное положеніе—или пасть жертвою нахала, или терять работу. Послѣднее обстоятельство грозитъ нищенствомъ или голодной смертью, такъ какъ заработокъ на спичечной фабрикѣ, хотя и очень жалкій, является единственнымъ источникомъ существованія. Свидѣтели раскрыли на судѣ омерзительную картину нравовъ на фабрикѣ, которая слыветъ среди мѣстныхъ жителей подъ именемъ «инквизиціи». Судъ оправдалъ редактора г. Зиновьева, но, какъ справедливо замѣчаетъ «Нов. Время», дѣятельность Гинцбурга заслуживаетъ полнаго вниманія прокурорскаго надзора.

Еще большого вниманія заслуживаетъ этотъ случай со стороны общества. Онъ вовсе не единичный и не исключительный, а лишь характеренъ, какъ весьма распространенный. Здѣсь именно должно бы имѣть мѣсто общество покровительства женщинамъ, которыя на путь нравственнаго паденія толкаются чаще всего подобными Гинцбургами, не встрѣчающими препятствія для своихъ подвиговъ. Такія общества, разъ возникнувъ, оказали бы большую услугу, при условіи, конечно, прямого и непосредственнаго соприкосновенія со средой, гдѣ имъ надлежитъ дѣйствовать. Какъ мы выше сказали, въ Россіи есть одно лишь подобное общество Св. Магдалины, которое, благодаря царящему въ немъ бюрократизму, далеко не приноситъ той пользы, какую могло бы. Оно не ищетъ случаевъ, гдѣ можетъ проявить себя, а ждетъ, когда къ нему обратятся, и выступаетъ лишь въ случаяхъ вопіющаго характера. Поэтому-то и о дѣятельности его почти ничего неизвѣстно, и прежде всего тѣмъ нечастнымъ «жертвамъ общественнаго темперамента», для которыхъ оно существуетъ. Между тѣмъ, благотворительная дѣятельность, какъ, впрочемъ, и всякая другая, только тогда и имѣетъ смыслъ и получаетъ общественное значеніе, когда она идетъ на встрѣчу нуждѣ, ищетъ ея и вступаетъ въ среду, для которой предназначена. Разъ нѣтъ этого главнѣйшаго условія, благотворительность превращается въ бюрократизмъ, въ бумажное дѣло, а сами дѣятели—въ «акробатовъ благотворительности», по мѣткому и глубоко-общественному выраженію Григоровича. Такими «акробатами» у насъ хоть прудъ пруди, и увеличивать ихъ жадную орду нѣтъ смысла.

Возвращаясь къ казанскому обществу, мы предвидимъ для него нелегкую задачу и гибель трудностей именно въ борьбѣ — не со средой, а съ бюрократизмомъ. Припомнимъ, напр., дѣло бывшаго казанскаго полицеймейстера, преданнаго суду года три назадъ именно за бюрократическое отношеніе къ вопросу, требующему самаго деликатнаго, глубоко сочувственнаго и общественнаго, т. е. живого отношенія. Г. Барановъ приводитъ рядъ выдержекъ изъ писемъ, вызванныхъ его статьями. По нимъ можно судить, что «дѣятели», вполнѣ понимающіе и готовые посвятить и время, и средства, есть въ Казани. Удастся ли имъ раздвинуть бюрократическія рамки и создать живое и полезное дѣло—покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, почтенна даже самая попытка внести человѣческое начало борьбы со зломъ въ ту область, гдѣ до сихъ поръ въ нашей глуши невозбранно царитъ грубѣйшій произволъ.

Общество борьбы съ заразными болѣзнями. Въ Петербургѣ возникло новое общество, задавшееся цѣлью очень симпатичной и вполнѣ общественной, именно—для борьбы съ заразными болѣзнями. 4-го апрѣля, во дворцѣ принца Ольденбургскаго, состоялось его первое собраніе, откры-

тое предсѣдательницей, е. в. принцессой Евгеніей Максимиліановной. Членъ Об-ва, директоръ института экспериментальной медицины, проф. Лукьяновъ, изложилъ цѣль Об-ва, его уставъ, сущность котораго онъ освѣтилъ въ слѣдующихъ словахъ. «Общество основывается для практической дѣятельности, а не для академическихъ разсужденій, которыхъ практика всегда боится. Поэтому, способы борьбы съ заразными болѣзнями должны быть чисто практическими. На первое время Об-во должно сосредоточить свою дѣятельность на борьбѣ съ какою-нибудь одною болѣзнью, ибо нельзя сразу взяться за борьбу со всѣми. На какой изъ болѣзней, угнетающихъ населеніе, нужно остановиться—указалъ бывшій здѣсь недавно съѣздъ врачей-спеціалистовъ. Но, намѣтивъ одну болѣзнь, мы не съуживаемъ рамки дѣятельности Общества. По уставу Общество формируетъ и посылаетъ лѣчебные и санитарные отряды, устраиваетъ больницы, помѣщенія для отдѣленія больныхъ отъ здоровыхъ, открываетъ школы для сестеръ милосердія и сидѣлокъ; для зараженныхъ дѣтей устраиваетъ особыя отдѣленія при школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и издаетъ для народа брошюры, устраиваетъ чтенія и принимаетъ всѣ мѣры для своей цѣли». Мысль о такомъ обществѣ возникла въ кружкѣ частныхъ лицъ, знакомыхъ съ этимъ страшнымъ зломъ, а осуществленіе мысли приняла на себя ея и. в. принцесса. Въ составъ членовъ вошли извѣстные врачи, въ томъ числѣ: Л. В. Бертенсонъ, З. Я. Ельцина, много работавшая въ этой области на нижегородской ярмаркѣ, К. А. Раухфусъ, В. М. Тарновскій, и др.

При закрытіи засѣданія ея высочество заявила, между прочимъ, что «трудность и сложность задачъ Об-ва требуетъ отъ членовъ его полнаго сочувствія къ страждущему человѣчеству, искренняго убѣжденія въ необходимости организаціи борьбы со столь распространенными у насъ заразными болѣзнями».

Въ особомъ циркулярѣ, разосланномъ по редакціямъ, Общество выразило желаніе, чтобы свѣдѣнія о дѣятельности его были, по возможности, распространяемы, такъ какъ только такимъ путемъ оно надѣется привлечь въ свои ряды побольше членовъ и вызвать сочувствіе. Въ послѣднемъ едва ли возможно сомнѣваться. Что же касается результатовъ работы, то напередъ можно сказать, что ихъ придется ждать очень долго. Заразныя болѣзни всецѣло зависятъ отъ общихъ культурныхъ условій страны, а послѣднія у насъ таковы, что парализуютъ всякій починъ въ этомъ направленіи. Тутъ никакая вѣра не поможетъ. Единственное, на что можетъ разсчитывать Общество, это усиленіе надзора за разсадниками заразы, противъ которой оно желаетъ бороться. Положимъ, и это очень почтенная задача, но и здѣсь Общество столкнется съ обычной язвой русской жизни—бюрократизмомъ, который, какъ мощный тормазъ, остановитъ всѣ начинанія Общества и въ лучшемъ случаѣ сведетъ ихъ на нѣтъ, а то и создастъ нѣчто, совершенно обратное тому, чего желаетъ добиться вновь возникшее симпатичное Общество, которому нельзя не пожелать всяческаго успѣха.

Книга въ сибирскомъ захолустьѣ. Извѣстный беллетристъ г. Сѣрошевскій помѣстилъ въ газетѣ «Сибирь» интересную статейку, написанную по личнымъ наблюденіямъ, о роли, какую играетъ книга въ глухой Сибири. Его замѣчанія вполнѣ примѣнимы вообще ко всякой русской глуши, и чисто сибирскій элементъ лишь до нѣкоторой степени усиливаетъ эффектъ приводимыхъ авторомъ наблюденій. Г. Сѣрошевскій пишетъ, что въ глухихъ уголкахъ Сибири, гдѣ ему довольно

долго пришлось прожить, «читалъ я все печатанное, что попадалось подъ руки, вплоть до старыхъ газетныхъ обертокъ, до объявленій. Жажда пріобщиться къ жизни была до того сильна, что эти клочья просматривались не разъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ очень умныя и очень толстыя книги. Понятно, что послѣднія газеты и журналы развертывались съ глубокимъ волненіемъ. Особенно журналы, гдѣ была беллетристика, отражающая въ картинахъ отсутствующую жизнь. Человѣкъ опять на мгновеніе входилъ въ родную обстановку, проводилъ время съ родными людьми. По воспоминаніямъ того времени даже плохіе романы кажутся мнѣ до сихъ поръ прекрасными. Беллетристика прочитывалась вся и, насколько я замѣтилъ, всѣми. Затѣмъ, шли телеграммы, газетныя извѣстія, внутреннія и иностранныя обозрѣнія, публицистическія статьи, художественная критика, научныя статьи и серьезныя научныя книги. Порядокъ, повидимому, общій для всей Россіи. Но въ этихъ глухихъ уголкахъ воспитывается типъ интеллигентныхъ людей, совершенно не интересующихся газетами. Я самъ очень бѣгло и неохотно просматривалъ газеты, являющіяся цѣлыми кипами за четверть или полгода, и предпочиталъ обходиться по вопросамъ текущей жизни журнальными хрониками. Брошенныя въ уголъ газеты ждали того момемента, когда читались охотно даже объявленія. Толстый журналъ, особенно порядочный, достойный любви и довѣрія, являлся, несомнѣнно, первымъ гостемъ на умственномъ пиру. Какъ постоянная пища, конечно, необходимы вездѣ солидныя научныя книги... Нельзя сказать, что отдаленные углы Сибири совершенно лишены книгъ. Нѣкоторые интеллигентные люди, уѣзжающіе туда на болѣе или менѣе продолжительное время, привозятъ съ собой небольшія библіотечки, которыя нерѣдко остаются на мѣстѣ. Библіотечки эти отличаются почти всегда большой скудностью, разрозненностью и односторонностью. Все больше политическая экономія, психологія, біологія и т. п. Оно и понятно: человѣкъ, ѣдущій туда, увозитъ съ собой интересы и вкусы, которыми онъ до сихъ поръ жилъ. Онъ мечтаетъ о дальнѣйшемъ ихъ развитіи и пополненіи на досугѣ. Только на мѣстѣ онъ убѣждается, что попалъ въ условія, гдѣ о дальнѣйшей культурѣ теоретической мысли нечего и думать, если только онъ не можетъ получать постоянно и правильно новинокъ или классическихъ сочиненій по данному вопросу въ строго опредѣленномъ подборѣ. Въ захолустьѣ для средняго интеллигентнаго человѣка прежде всего настоятельно нужны практическія руководства, позволяющія самостоятельно заняться изученіемъ природы или окружающей среды. Сколько труда и сожалѣнія доставлялъ мнѣ иногда недостатокъ самыхъ элементарныхъ книгъ. Я не разъ готовъ былъ плакать отъ досады и промѣнять всѣ ботаническія сочиненія міра на простой опредѣлитель, элементарный и сжатый учебникъ, который помогъ бы мнѣ разобраться въ странной, таинственной жизни окружающихъ меня растеній, въ движеніяхъ воздуха, въ проявленіяхъ полярной природы. То же и въ другихъ областяхъ знанія. Я замѣтилъ, что книги спеціальныя, и, главное, очень далекія отъ окружающихъ явленій—не читались, и ни талантливость изложенія, ни прежнія умственныя симпатіи читателей не спасали отъ заброса. Наоборотъ, книги, относящіяся къ окружающей средѣ, даже довольно спеціальныя, прочитывались съ захватывающимъ интересомъ... Поэтому, я думаю, что въ захолустныхъ библіотечкахъ должны заключаться, кромѣ журналовъ, сибирскихъ газетъ и газетъ Европейской Россіи и беллетристики,

еще всѣ книги, описывающія далекій край, затѣмъ лучшія капитальныя сочиненія по изученію природы, наконецъ, классическія сочиненія въ области теоріи наукъ и умозрѣнія».

За границей.

Дуэль въ германскихъ университетахъ. Вѣроятно, многое измѣнится въ Германіи, прежде чѣмъ отойдетъ въ вѣчность одинъ изъ самыхъ нелѣпыхъ обычаевъ—университетская дуэль, до сихъ поръ еще существующая въ Іенѣ, Боннѣ и Гейдельбергѣ и поддерживаемая студенческими корпораціями. Эта стойкость безсмысленнаго обычая невольно поражаетъ каждаго, сталкивающагося съ университетскою жизнью въ Германіи. Студенческія корпораціи въ германскихъ университетахъ также должны производить невыгодное впечатлѣніе на безпристрастнаго наблюдателя. Никакихъ высшихъ цѣлей они не преслѣдуютъ и студенты, въ особенности первые два года своей университетской жизни, обыкновенно проводятъ время въ праздности и попойкахъ, дерутся на дуэляхъ съ товарищам и игордятся своими шрамами, точно получили ихъ, сражаясь за какое-нибудь святое дѣло.

На самомъ дѣлѣ рѣдко студенческая дуэль вызывается какими-нибудь серьезными мотивами. Сила традиціи такъ велика, что каждый студентъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ непремѣнно хоть разъ подраться на дуэли, иначе его будутъ презирать товарищи. Нѣкоторыя студенческія корпораціи прямо заявляютъ своимъ членамъ, еще не дравшимся на дуэли, что если въ теченіе такого-то срока они не будутъ участвовать въ поединкѣ, то ихъ исключатъ изъ состава членовъ. Студенту волей-неволей приходится покоряться. и онъ отыскиваетъ случая подраться на дуэли. Конечно, случай не заставляетъ себя ждать, такъ какъ самое ничтожное обстоятельство можетъ послужить предлогомъ къ вызову. Одинъ студентъ наступилъ на хвостъ собакѣ, принадлежащей другому студенту, и этого вполнѣ достаточно для дуэли. Разумѣется, всѣ эти дуэли не имѣютъ серьезныхъ послѣдствій. Дерутся на рапирахъ и ничтожнаго пораненія достаточно, чтобы «честь» считалась удовлетворенной и дуэль прекращалась. Послѣ этого происходитъ обмѣнъ любезностей между противниками, которые протягиваютъ другъ другу руки и съ этой минуты становятся закадычными друзьями, гордо красуясь рубцами, точно побѣдными трофеями.

Для дуэлей выработаны правила, отъ которыхъ ни одинъ изъ дуэлистовъ не вправѣ отступать. Рапиры скрещиваются, пока не покажется кровь. Обыкновенно оба противника бываютъ ранены. Ихъ сажаютъ на приготовленные для этой цѣли высокіе стулья и докторъ приступаетъ къ перевязкѣ, но раньше онъ записываетъ въ особую книгу ad hoc полученныя раны и число швовъ, которые ему придется наложить на каждую рану. Пораненія лица и кожи головы обыкновенно оставляютъ послѣ себя очень замѣтные рубцы, но, какъ мы уже говорили раньше, студенты очень гордятся этими видимыми знаками и зачастую снимаютъ съ себя послѣ дуэли карточки такимъ образомъ, чтобы были ясно видны доблестные рубцы, и разсылаютъ эти карточки своимъ близкимъ друзьямъ и родителямъ, которые большею частью раздѣляютъ взгляды своихъ сыновей на это дѣло.

Замѣчательно, что германскіе законы преслѣдуютъ университетскую дуэль, но они никогда не примѣняются.

Обычай въ этомъ случаѣ беретъ верхъ надъ закономъ, и если даже кто-нибудь изъ полицейской власти случайно наткнется на дуэль, то всегда сдѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Профессора, также какъ и все университетское начальство, слѣдуютъ въ этомъ отношеніи мудрому примѣру полицейской власти и дѣлаютъ видъ, что не видятъ повязки, которая красуется на лицѣ студента, являющагося на лекцію на другой день послѣ дуэли.

Однажды одного профессора, пользующагося очень громкою ученою репутаціей въ Германіи, спросили, что выходитъ изъ студентовъ, проводящихъ такимъ образомъ свои университетскіе годы и украшающихъ свою физіономію доблестными шрамами, получаемыми на дуэляхъ. Кто-то замѣтилъ при этомъ, что между профессорами и учеными не встрѣчается людей, украшенныхъ такими рубцами. Профессоръ ничего не возразилъ на это, но, приподнявъ прядь волосъ, указалъ на три большихъ шрама, еще до сихъ поръ ясно замѣтныхъ у него на головѣ. Это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Нелѣпое времяпрепровожденіе въ ранніе студенческіе годы не помѣшало ему, однако, сдѣлаться впослѣдствіи замѣчательнымъ ученымъ. Надо, впрочемъ, отдать справедливость нѣмецкимъ студентамъ, что, обыкновенно проведя одинъ-два года вполнѣ безполезно, въ полной праздности, поглотивъ изрядное количество пива и изукрасивъ свою физіономію изрядньмъ числомъ доблестныхъ знаковъ, они, наконецъ, берутся за умъ и сразу радикально измѣняютъ свой образъ жизни; они начинаютъ трудиться, и притомъ такъ энергично, что кончаютъ университетъ съ очень основательными знаніями, и прежніе «бурши» становятся серьезными учеными. Тѣ же, у кого не хватаетъ энергіи и силы воли, продолжаютъ вести прежнее существованіе. Въ каждомъ германскомъ университетѣ есть старые или такъ-называемые «вѣчные» студенты. Это хранители традицій, ходячіе кодексы. Къ нимъ обращаются для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, касающихся корпораціоннаго ритуала, дуэлей и т. п. Они обыкновенно предсѣдательствуютъ на собраніяхъ въ пивныхъ и популярность или непопулярность профессоровъ въ значительной степени зависитъ отъ ихъ рѣшенія. Однимъ словомъ, они являютея въ большинствѣ случаевъ вдохновителями университетовъ.

Нѣмецкій студентъ свободенъ; онъ можетъ посѣщать или не посѣщать лекціи и занятія, какъ ему угодно. Обыкновенно онъ широко пользуется этимъ правомъ вначалѣ и зачастую является въ университетъ только для того, чтобы записаться на курсъ того или иного профессора и, слѣдовательно, получить право именоваться студентомъ, за то онъ усердно посѣщаетъ всякія корпораціонныя собранія и немедленно становится членомъ какой-нибудь корпораціи. Студенческія корпораціи въ Германіи весьма старинаго происхожденія. Онѣ исторически происходятъ изъ старинныхъ національныхъ ассоціацій, называемыхъ «Landsmannschaften», получавшихъ свое названіе отъ провинцій древней Германіи. Каждая изъ корпорацій имѣла свои національные цвѣта. Вестфальцы, напримѣръ, носили зеленыя шапочки, саксонцы — черныя и т. д. Кромѣ этихъ національныхъ корпорацій существуютъ еще общества, такъ-называем. «Burschenschaften», и лиги—«Verbindungs». Единственная студенческая корпорація—«Burschenschaft» — не вмѣняетъ въ обязанность своимъ членамъ драться на дуэли. Впрочемъ, членами ея преимущественно состоятъ студенты богословскаго факультета, и прочія корпораціи относятся къ ней съ снисходительнымъ презрѣніемъ.

Въ настоящее время какъ въ гер-

манскомъ обществѣ, такъ и въ печати замѣчается нѣкоторый протестъ противъ этихъ корпораціонныхъ порядковъ, отразившійся уже отчасти и на университетской жизни. Серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и къ наукѣ замѣчается теперь чаще среди университетской молодежи; она начинаетъ раньше интересоваться наукой и общественными дѣлами и не тратитъ свое время исключительно на попойки и проявленія совершенно безцѣльнаго удальства въ дуэляхъ. Однако, пока корпораціи не измѣнятъ кореннымъ образомъ своего характера, до тѣхъ поръ врядъ ли возможно полное преобразованіе университетской жизни въ Германіи. Надо прибавить, что Бисмаркъ и императоръ Вильгельмъ являются горячими защитниками существующей системы корпорацій и студенческихъ дуэлей. Вильгельмъ II высказалъ это на студенческомъ конгрессѣ въ Боннѣ, въ маѣ 1891 года. Онъ совѣтовалъ студентамъ поддерживать корпораціонный духъ, воодушевляющій ихъ и развивающій доблестное мужество, необходимое въ жизни, и выразилъ надежду, что они не перестанутъ «культивировать искусство сражаться на рапирахъ» (sic). Но въ Германіи теперь уже начинаютъ высказывать совершенно противоположныя надежды.

Гренландская литература. Туземное населеніе полярной области Сѣверной Америки принадлежитъ съ лингвистической точки зрѣнія къ одной и той же семьѣ, распадающейся на три большія группы: 1) настоящіе эскимосы или «иннуиты»; 2) эскимосы «чучи», говорящіе на алеутскомъ нарѣчіи, очень богатомъ грамматическими формами, и 3) гренландцы, языкъ которыхъ всего лучше изученъ со временъ Ганса Эжеда и его сына Павла—двухъ норвежскихъ апостоловъ Гренландіи въ XVIII вѣкѣ. Изысканія ученыхъ лингвистовъ, филологовъ, фольклористовъ, миѳологовъ, доставили чрезвычайно интересные матеріалы, относящіеся къ гренландскому языку, опубликованные въ настоящее время въ Копенгагенѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Въ настоящее время уже составлено нѣсколько грамматикъ гренландскаго языка, словарей, изданъ очеркъ гренландской миѳологіи и нѣсколько объемистыхъ томовъ, содержащихъ въ себѣ сказки и легенды. Въ европейской литературѣ стали появляться гренландскія повѣсти, полярныя новеллы, охотничьи разсказы и приключенія, написанные по-гренландски Гансомъ Гендракомъ, принимавшимъ участіе въ полярныхъ экспедиціяхъ Галля и Нареса.

Это собраніе различныхъ изданій на гренландскомъ языкѣ составляетъ уже настоящую и довольно обширную литературу. Въ числѣ этихъ изданій, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ гренландскому періодическому органу, выходящему ежегодно, начиная съ 1861 г., въ Годтгаабѣ, главной датской колоніи въ Гренландіи. Этотъ журналъ сначала печатался въ Даніи, затѣмъ уже онъ сталъ составляться и издаваться въ самой Гренландіи; онъ заключаетъ въ себѣ 200 страницъ текста, иллюстраціи, рисунки перомъ и фотографическіе снимки. Названіе этого журнала, однако весьма трудно выговариваемое для европейца: «*Atuagagdliutit nalinginarmik tusaruminâsassumik*», что означаетъ въ буквальномъ переводѣ: нѣчто для прочтенія, сообщенія обо всякаго рода интересныхъ предметахъ. Журналъ этотъ издается, иллюстрируется, печатается, брошюруется и разсылается подписчикамъ гренландцемъ изъ Годтгааба, по имени «Ark'aluk» (по-датски: Ларсъ Меллеръ), который съ самаго начала появленія этого любопытнаго періодическаго органа не переставалъ одинъ

выполнять всѣ вышеуказанныя сложныя обязанности съ удивительною преданностью и неутомимостью. Изъ автора онъ превращается послѣдовательно въ наборщика, типографщика, машиниста, брошюровщика и наконецъ въ разсыльнаго, и еще ни разу его журналъ не запоздалъ своимъ появленіемъ на свѣтъ.

Эскимосы, въ особенности обитатели Гренландіи и Лабрадора, не лишены нѣкоторой культурности. Миссіонеры научили ихъ читать и писать, такъ что теперь многіе изъ туземцевъ сотрудничаютъ въ журналѣ Аркалука (Ark'aluk). И слѣдуетъ замѣтить, что редакторъ гренландскаго журнала съ неудобовыговариваемымъ названіемъ, принимающій статьи отъ сотрудниковъ, обнаруживаетъ подчасъ много литературнаго вкуса и соображенія. Онъ оставляетъ за собою право выбора статей, откладываетъ ихъ или печатаетъ тотчасъ же, смотря по своему усмотрѣнію, но никогда не передѣлываетъ и не измѣняетъ текста, оставляя въ полной неприкосновенности произведеніе автора, такъ чтобы читатель могъ самъ составить себѣ настоящее мнѣніе о немъ.

Журналъ Аркалука несомнѣнно послужилъ толчкомъ къ интеллектуальному развитію Гренландіи и проложилъ для него дорогу. До устройства маленькой типографской мастерской въ Годтгаабѣ эскимосы пользовались только рукописными листками, передававшимися изъ рукъ въ руки, на которыхъ были записаны національныя эскимоскія легенды. Эти листочки можно было найти чуть ли не въ каждомъ жилищѣ эскимоса, въ «Sgloecki» (хижинѣ подъ землей) и въ каждой колоніи и туземцы съ такою жадностью зачитывались ими, что въ концѣ концовъ листки превращались въ безформенные клочья бумаги, на которой чернила мало-по-малу совсѣмъ были стерты пальцами людей, развертывавшихъ ихъ при неясномъ свѣтѣ дымныхъ свѣтилень, приготовленныхъ изъ моржоваго жира.

Редакторъ гренландскаго журнала исключаетъ изъ него все, что представляетъ интеллектуальный матеріалъ экзотическаго происхожденія. Лишь очень небольшое мѣсто въ этомъ журналѣ отводится свѣдѣніямъ, получаемымъ не отъ самихъ эскимосовъ и имѣющихъ, такъ сказать, посторонній характеръ. Вслѣдствіе этого журналъ имѣетъ строго мѣстную физіономію, сохраняетъ вполнѣ свой гренландскій характеръ и отпечатокъ гренландскаго ума и творчества. Колоніальныя власти позаботились о томъ, чтобы туземцы получали даромъ этотъ журналъ и для этой цѣли каждая колонія выписываетъ нѣсколько экземпляровъ этого журнала для раздачи эскимосамъ. И дѣйствительно, такимъ путемъ удалось распространить любовь къ чтенію среди гренландцевъ. Гренландскій рыбакъ читаетъ его, сидя въ своемъ каякѣ (эскимосская лодка въ 4 метра 60 сантиметровъ длиной, для одного человѣка); женщины, переправляясь куда-нибудь въ «Уміакѣ» (лодка для женщинъ, вмѣщающая 10—12 человѣкъ и служащая для переѣзда изъ одного порта въ другой. Паруса на этой лодкѣ сдѣланы изъ китовыхъ кишекъ, сшитыхъ вмѣстѣ) слушаютъ чтеніе этого журнала. Чтецомъ обыкновенно является мальчикъ, одинъ только оставшійся въ живыхъ изъ цѣлой семьи, уничтоженной эпидеміей. На такого ребенка эскимосы смотрятъ, какъ на существо высшее, находящееся подъ покровительствомъ добрыхъ геніевъ. И надо видѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ глаза взрослыхъ эскимосовъ бываютъ устремлены на этого мальчика, какое удовольствіе написано на лицахъ слушателей, старающихся не проронить ни одного слога, несмотря на

невообразимую длину гренландскихъ словъ.

Датская писательница Сигне Ринкъ перевела на датскій языкъ гренландскія повѣсти, печатавшіяся въ журналѣ Аркалука. Это въ высшей степени интересный сборникъ полярной литературы, отражающій въ себѣ характеръ народа, всѣ его душевныя свойства и его жизненную обстановку. Безъ сомнѣнія, авторы этихъ правдивыхъ разсказовъ, рисующихъ жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, не гонятся за художественною отдѣлкой. Они не помышляютъ ни о литературной славѣ, ни о литературномъ заработкѣ, такъ какъ пока еще такого рода заработокъ неизвѣстенъ въ Гренландіи. Имъ хочется повѣдать своимъ слушателямъ то, что у нихъ лежитъ на душѣ, чему они были свидѣтелями, и они разсказываютъ объ этомъ такъ же безъискусственно и просто, какъ они сами безъискусственны и просты. Гренландскій авторъ повѣствуетъ о какомъ-нибудь высоко драматическомъ эпизодѣ просто, какъ свидѣтель того, что было, ничего не прибавляя и не комментируя его. Но на многихъ разсказахъ все-таки лежитъ отпечатокъ врожденной художественности. Раздирающія душу сцены, которыя доставили бы богатѣйшій матеріалъ для какого-нибудь европейскаго автора, описываются гренландскимъ авторомъ также просто и, пожалуй, даже равнодушно, какъ и какое-нибудь приключеніе на охотѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы гренландецъ былъ лишенъ чувства. Нѣтъ, но только онъ не видитъ ничего необыкновеннаго въ описываемыхъ имъ фактахъ. Вся его жизнь заключается въ борьбѣ съ суровою природой. Сегодня его товарищъ палъ жертвою этой борьбы, завтра быть можетъ настанетъ и его очередь, гренландецъ всегда готовъ къ этому и, быть можетъ, это обстоятельство и налагаетъ отпечатокъ равнодушія на его повѣствованіе о тѣхъ грустныхъ и трагическихъ эпизодахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Фонетика и конструкція гренландскаго языка ничего общаго съ европейскими языками не имѣютъ. Главная его особенность заключается въ соединеніи въ одно слово, произносимое однимъ духомъ, элементовъ, которые у европейцевъ составляютъ цѣлую длинную фразу: «Savigigsiniariartokasuaromasyotittogog» — это одно слово, произносимое сразу, но оно заключаетъ въ себѣ элементы для слѣдующей фразы: «Онъ говоритъ, что ты также хочешь отправиться поскорѣе такимъ же способомъ и купить хорошенькій ножъ».

Греція и Турція. Вниманіе всей Европы устремлено въ настоящее время на ѳессалійскую границу, гдѣ разыгрывается одинъ изъ актовъ великой драмы столкновенія народовъ. Европейскому концерту не удалось предупредить войны. Событія шли своимъ чередомъ въ то время, какъ совѣщались державы и европейская дипломатія придумывала способы примиренія противорѣчивыхъ интересовъ. Намъ уже случилось говорить въ прошлыхъ статьяхъ о томъ гордіевомъ узлѣ, который представляютъ европейскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ. Собственно этому узлу европейскихъ интересовъ Турція и обязана своимъ существованіемъ, несмотря на то, что самый фактъ существованія Турціи въ ея теперешнемъ видѣ, какъ европейской державы, является несомнѣннымъ анахронизмомъ.

Во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость европейскимъ дипломатамъ, — они очень усердно совѣщались, стараясь примирить враждующіе интересы и найти какой-нибудь modus vivendi, чтобы избавить Европу отъ грозящаго ей кровопро-

литія. Они не виноваты, что не справились съ непосильною задачей. Въ самомъ дѣлѣ, почти два года прошло съ того времени, какъ Европа впервые была потрясена вѣстью объ армянскихъ убійствахъ; сколько состоялось послѣ того совѣщаній, конференцій, коммиссій, сколько было издано дипломатическихъ нотъ, словесныхъ и письменныхъ, заявленій, представленій и т. п., а дѣло не подвинулось ни на іоту отъ своей исходной точки. Пока шли совѣщанія, телеграфъ приносилъ извѣстія о новыхъ безпорядкахъ въ Малой Азіи, въ Константинополѣ, о новыхъ избіеніяхъ и т. д. На аудіенціяхъ пословъ султанъ возобновлялъ свои обѣщанія реформъ, а послы свои представленія, и тѣмъ дѣло оканчивалось. Международное положеніе восточнаго вопроса таково, что ни одна изъ державъ не рѣшается прикоснуться къ нему безъ согласія прочихъ. Порта, конечно, понимаетъ это и знаетъ, что никто не рѣшится силою заставить ее вводить реформы. Съ другой стороны, старо-турецкая партія, возстающая противъ всякихъ нововведеній, еще очень сильна и султанъ дѣйствительно находится между двухъ огней. Онъ, пожалуй, до нѣкоторой степени справедливо разсчиталъ, что для него лично опаснѣе идти наперекоръ желаніямъ турецкихъ консерваторовъ, нежели желаніямъ Европы, и притомъ онъ слишкомъ дорожитъ своею абсолютной властью, чтобы допустить малѣйшій ущербъ въ этомъ отношеніи.

Какъ бы тамъ ни было, но положеніе дѣлъ на Востокѣ не измѣнилось, несмотря ни на какія усилія европейской дипломатіи и палліативныя мѣры, принимаемыя для успокоенія умовъ. Вскорѣ къ существующимъ уже затрудненіямъ присоединилось новое осложненіе — возстаніе на Критѣ, послужившее исходною точкой для нынѣшней греко-турецкой войны. Это возстаніе въ самомъ началѣ пришлось очень кстати для Порты. Такъ или иначе, а надо было приступить къ выполненію хотя бы части обѣщанныхъ реформъ и оттягивать далѣе становилось довольно трудно. Султанъ понималъ это, и когда вспыхнуло возстаніе на Критѣ, то онъ не могъ не почувствовать облегченія: являлся новый предлогъ къ отсрочкѣ и послы не могли уже болѣе приставать къ нему съ реформами, такъ какъ вниманіе Европы было отвлечено Критомъ. Что возстаніе критянъ не могло особенно безпокоить султана—это понятно. Опыты прошлаго указывали, что Европа не станетъ поддерживать притязанія критянъ и никогда не согласится на какія бы то ни было уменьшенія правъ или территоріи Порты. На Критѣ возстанія бывали уже не одинъ разъ. Европейскія державы, оставивъ Критъ во власти Порты послѣ освобожденія Греціи, изъ опасенія, что морское могущество возрожденной Греціи слишкомъ возрастетъ, тѣмъ самымъ создали постоянный источникъ смутъ и грекотурецкихъ осложненій. Положеніе вещей на Критѣ всегда было очень печально. Турецкіе янычары, въ составъ которыхъ преимущественно входили кандіотскіе ренегаты, не признавали надъ собою никакой власти и поэтому нигдѣ христіанское населеніе не терпѣло такихъ униженій, какъ въ Кандіи. Все это поддерживало у критянъ постоянное стремленіе къ соединенію съ родною Греціей. Вспыхнувшее въ 1866 году возстаніе отличалось особеннымъ ожесточеніемъ и продолжалось около трехъ лѣтъ. Греція помогала критянамъ деньгами и отрядами добровольцевъ. По предложенію Бисмарка, уже занятаго въ то время подготовленіемъ объединенія Германіи и поэтому опасавшагося, что война на Балканскомъ полуостровѣ можетъ разстроить его планы, состоялась въ Парижѣ, въ январѣ 1869 года, конференція для обсужденія греческаго во-

проса. Любопытно, что въ этой конференціи, затрогивающей греческіе интересы, участвовалъ представитель Турціи, но не было представителя Греціи. Надо отдать справедливость князю Горчакову, что онъ тогда возмущался открыто такимъ нарушеніемъ равноправности сторонъ, но все-таки ничего не могъ сдѣлать, чтобы поддержать права Греціи участвовать въ совѣщаніи, рѣшающемъ до нѣкоторой степени ея судьбу. Конференція державъ, какъ и слѣдовало ожидать, поддержала Турцію и Греціи пришлось уступить. Критъ былъ покоренъ. Положеніе на Критѣ нѣсколько улучшилось послѣ этого, такъ какъ Критъ былъ обращенъ въ вилайетъ съ болѣе самостоятельнымъ управленіемъ. Тѣмъ не менѣе, вражда между христіанскимъ греческимъ населеніемъ Крита, составляющимъ большинство, не прекращалась; на Критѣ существовало постоянное броженіе и въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ нѣсколько разъ вспыхивали возстанія и снова выдвигалась впередъ идея присоединенія Крита къ Греціи. Во время берлинскаго конгресса Греція просила державы, чтобы допустили ея представителя, но на это согласія не послѣдовало, и только, когда обсуждался греческій вопросъ, то на это засѣданіе были допущены ея представители для выраженія желаній Греціи.

Всѣ главныя международныя осложненія въ Греціи всегда вызывались ея стремленіемъ къ объединенію бывшихъ греческихъ провинцій. Панэллинистическія идеи находили большую поддержку въ греческомъ обществѣ и печати, безпрестанныя же критскія волненія только усиливали это настроеніе. Греція ходатайствовала на берлинскомъ конгрессѣ, чтобы ей были отданы Ѳессалія, Эпиръ и Кандія, но не смотря на горячую поддержку французскаго уполномоченнаго Вадингтона, конгрессъ не уважилъ требованія Греціи. Впрочемъ, конгрессъ все-таки рекомендовалъ Турціи уступить Греціи часть Эпира и Ѳессаліи, Кандія же, продолжавшая волноваться, все-таки оставлена въ распоряженіи Турціи. Разумѣется, это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать улучшенію отношеній между Турціей и Греціей, тѣмъ болѣе, что Турція ни за что не хотѣла уступить Греціи даже то, что было предложено берлинскимъ конгрессомъ. Эта натянутость отношеній вызвала созывъ новой конференціи державъ въ Берлинѣ въ 1880 г., которая также не привела ни къ чему. Наконецъ, дѣла приняли такой оборотъ, что Турція сама почувствовала необходимость пойти на уступки и созвала новую конференцію уже въ Константинополѣ (въ 1881 г.). Конференція эта кончилась тѣмъ, что Турція согласилась уступить Греціи часть Ѳессаліи и часть Эпира, съ городами Ларисой и Трикалой, но оставила Янину у себя.

Въ концѣ 1889 года снова вспыхнуло возстаніе на Критѣ. Нельзя сказать, чтобы греческое правительство было обрадовано этимъ. Финансовое и экономическое положеніе Греціи было очень плачевно и естественно всѣ усилія греческаго правительства были направлены къ тому, чтобы улучшить его. Осложненія были бы очень не желательны, но противъ общественнаго и тѣмъ болѣе народнаго движенія идти трудно. Не смотря на свой угрожающій характеръ, возстаніе было подавлено и дѣло не дошло до войны.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что султанъ, видя, какъ ревниво Европа оберегаетъ права Турціи, нисколько не обезпокоился новымъ возстаніемъ критянъ, возобновившимся въ началѣ этого года. Европа усмиритъ! И Европа дѣйствительно принялась за дѣло усмиренія съ большою энергіей. Образовался пресловутый европейскій концертъ, посланы международныя

эскадры, устроена блокада Крита, султанъ могъ спать спокойно, въ увѣренности, что Критъ все-таки останется въ рукахъ Турціи и его сюзеренныя права останутся неприкосновенными. На этотъ разъ однако дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Быть можетъ, именно международное вмѣшательство содѣйствовало тому, что критяне выказали особенно стойкое сопротивленіе и въ Греціи началось такое сильное народное движеніе, что правительству трудно было обуздать его. Отчасти, вѣроятно, въ Греціи дѣйствовало также и сознаніе, что общественное мнѣніе Европы въ данномъ случаѣ на ея сторонѣ, не смотря на оффиціальную политику. Да и европейскія правительства, не смотря на свои солидарныя дѣйствія въ дѣлѣ усмиренія Крита, повидимому, все-таки не совсѣмъ были единодушны. Это сказалось, напримѣръ, въ вопросѣ о блокадѣ Пирея, противъ которой рѣшительно высказалась Англія. Блокада не состоялась и Грецію, пока шли объ этомъ переговоры, имѣла возможность приготовиться къ войнѣ. На Критѣ тоже, не смотря на вмѣшательство международныхъ отрядовъ и даже бомбардировку греческаго лагеря, все шло по прежнему. Ультиматумы слѣдовали за ультиматумами, но греческіе отряды, подъ командою полковника Вассоса, все-таки оставались на Критѣ и партизанская война продолжалась. Къ иностраннымъ посламъ присоединились теперь адмиралы, главнокомандующіе эскадрами въ критскихъ водахъ, которые также стали «совѣщаться». А въ это время Грецію и Турція лихорадочно вооружались, созывали резервы, стягивали войска къ границѣ. Начались пограничныя стычки, вызывавшія тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ оффиціальныя завѣренія, что «войны нѣтъ». Неоффиціально она существовала уже давно и давно уже признана неизбѣжной, но нужна была извѣстная санкція для того, чтобы война стала оффиціальной, и эта санкція воспослѣдовала, когда турецкія регулярныя войска перешли границу.

Въ то время, когда пишутся эти строки, Грецію потерпѣла рѣшительное пораженіе. Въ началѣ счастье было на ея сторонѣ, но вскорѣ оно ей измѣнило. Ларисса взята и греки отступили. Мы не рѣшаемся однако на этомъ основаніи предсказывать исходъ войны. Во всякомъ случаѣ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла на Востокѣ, безъ вмѣшательства европейскихъ державъ не обойдется, но на этотъ разъ было бы очень желательно, чтобы «совѣщанія» дипломатовъ не оказались столь безплодными, какъ были до сихъ поръ.

Предстоящія экспедиціи къ южному полюсу. Успѣхъ экспедиціи Нансена въ арктическія воды снова заставилъ полярныхъ изслѣдователей обратить свои взоры къ южному полюсу, до сихъ поръ окруженному какою-то непроницаемою тайною. Уже болѣе полувѣка никто не занимался имъ, да и теперь мнѣнія расходятся насчетъ доступности антарктической области. Согласно нѣкоторымъ географическимъ разсчетамъ, ледяная область на югѣ занимаетъ пространство, почти равняющееся китайской территоріи. Одни думаютъ, что тамъ есть континентъ; другіе сомнѣваются въ этомъ и полагаютъ скорѣе, что тамъ собрано нѣсколько большихъ и малыхъ архипелаговъ. Но какіе бы противоположные взгляды ни высказывались, все-таки никто не можетъ представить, ни въ подтвержденіе, ни въ опроверженіе ихъ, никакихъ данныхъ. Приходится поневолѣ основывать свои предположенія и догадки лишь на скудныхъ наблюденіяхъ и разсказахъ путешественниковъ, пробовавшихъ было проникнуть въ антарктическія страны.

Первый мореплаватель, пересѣкшій

въ трехъ пунктахъ антарктическій кругъ, былъ Кукъ, но то, что онъ видѣлъ «въ ледяномъ морѣ» убѣдило его въ невозможности продолжать путешествіе далѣе. Русскій мореплаватель Беллингаузенъ, въ 1821 г., достигъ въ этой области 71° южной широты. Въ слѣдующіе годы китоловъ Джемсъ Вендель прошелъ еще дальше, до 74° южной широты, затѣмъ нѣсколько разъ моряки различныхъ національностей заходили въ антарктическія воды и открыли тамъ острова и материки. Одинъ изъ этихъ моряковъ, американецъ Уилькъсъ, даже утверждалъ, что онъ видѣлъ во время пути «большой антарктическій континентъ», но это заявленіе ничѣмъ не подтверждалось. Наконецъ, въ 1839 году состоялась знаменитая антарктическая экспедиція Джемса Клэрка Росса на корабляхъ «Erebus» и «Terror». Россу удалось пробраться до 78°9′ и далѣе его никто не проникалъ. Слѣдующая экспедиціи, Нареса, на кораблѣ «Challenger» въ 1873 г. и др. не прибавили ничего особеннаго къ свѣдѣніямъ объ южномъ полюсѣ и только подтвердили установившееся мнѣніе, что онъ недоступенъ. Но теперь, когда Нансенъ показалъ, какъ надо устраивать полярныя экспедиціи, снова проснулось стремленіе сорвать таинственную завѣсу, покрывающую антарктическія страны, и лишить южный полюсъ его легендарной репутаціи.

Дѣйствительно, мнѣніе о недоступности полюсовъ основывается только на опытѣ очень храбрыхъ, мужественныхъ и смѣлыхъ мореплавателей—это правда, но далеко не имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи ни подходящихъ для такой экспедиціи судовъ, ни всѣхъ тѣхъ средствъ, которыми была обставлена экспедиція Нансена. Нецѣлесообразность судовъ, снабженія, одежды, запасовъ и т. п., обусловили неудачу всѣхъ попытокъ къ достиженію полюса. Нансенъ это отлично понялъ и умѣло воспользовался неудачными опытами своихъ предшественниковъ. Онъ показалъ рѣдкую предусмотрительность въ устройствѣ своего судна и въ снабженіи его всѣмъ необходимымъ. Слѣдующіе арктическіе изслѣдователи уже будутъ знать, какъ имъ надо обставить свою экспедицію, чтобы она имѣла успѣхъ, и область вѣчныхъ льдовъ теперь уже теоретически перестала быть недоступной, какъ это утверждалъ Кукъ и др. Естественно, что теперь явилась мысль примѣнить этотъ удачный опытъ Нансена къ южному полюсу и попробовать пробраться дальше того пункта, котораго достигъ Россъ.

Въ настоящее время подготовляются три экспедиціи къ южному полюсу. Во главѣ первой стоитъ норвежецъ Борхгревинкъ, посѣтившій, вмѣстѣ съ капитаномъ Кристензеномъ, антарктическія воды въ 1894 и 1895 г. Онъ слѣдовалъ по тому же пути, какъ и Россъ и прошелъ до 74° южной широты. Наука уже обязана Борхгревинку нѣкоторыми открытіями въ области растительной морфологіи южныхъ полярныхъ странъ. До 1895 года предполагалось, что въ этой негостепріимной области нѣтъ и слѣда никакой растительности, и казалось, что какъ суша, такъ и море, были лишены тутъ всякихъ признаковъ жизни. Борхгревинкъ разрушилъ это предубѣжденіе, открывъ настоящіе лишаи на скалахъ земли Викторія. Между тѣмъ, еще въ 1893 году капитанъ Ларсенъ открылъ на островѣ Сеймуръ, находящемся къ югу отъ Патагоніи и составляющемъ часть антарктическихъ земель, большое количество ископаемыхъ растеній, принадлежащихъ не къ низшему типу растительнаго царства, какъ это можно было бы думать, а по своему строенію напоминающихъ южно-американскую араукарію. Во всякомъ случаѣ, по тѣмъ ископаемымъ образцамъ

флоры крайняго юга можно судить, что въ первобытныя эпохи роскошные лѣса покрывали эти области, гдѣ находится теперь царство холода и мрака; безчисленное количество травяныхъ растеній придавало жизнь и краски антарктическому пейзажу тамъ, гдѣ возвышаются теперь однѣ только гигантскія ледяныя стѣны и горы, покрытыя толстѣйшимъ слоемъ снѣга.

Вторая экспедиція будетъ находиться подъ управленіемъ молодого бельгійскаго лейтенанта Жерлаха. Экспедицію эту снаряжаетъ Антверпенъ, откуда она и отправится. Бельгійское правительство также оказываетъ ей финансовую поддержку.

Кромѣ этихъ двухъ экспедицій, проектируется еще одна американскими учеными, географами и натуралистами, давно уже помышляющими о возобновленіи антарктическихъ изслѣдованій. На послѣднемъ годичномъ конгрессѣ американскаго общества натуралистовъ была избрана съ этою цѣлью коммиссія. Двое очень извѣстныхъ американскихъ натуралистовъ находятся во главѣ этой коммиссіи и настаиваютъ на необходимости поторопиться съ организаціей антарктической экспедиціи, чтобы не дать себя опередить другимъ. Въ настоящее время уже собраны средства, необходимыя для организаціи такой экспедиціи.

Каковъ бы ни былъ планъ этихъ экспедицій, результатъ ихъ будетъ имѣть огромное значеніе для науки. Антарктическая область совершенно неизвѣстна; ни относительно метеорологіи, ни относительно проливовъ и теченій въ антарктическихъ моряхъ у насъ не существуетъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, точно такъ же, какъ не существуетъ ихъ и относительно геологіи, зоологіи и ботаники. Всѣ предположенія относительно чрезмѣрной стужи, господствующей въ антарктической области въ сущности ни на чемъ не основаны. Нансенъ все-таки разрушилъ не мало легендъ, сложившихся относительно сѣвернаго полюса; вѣроятно, то же самое случится и относительно южнаго полюса. Ничто не указываетъ, чтобы зима на южномъ полюсѣ была суровѣе, чѣмъ на сѣверномъ. Остается вопросъ о проницаемости ледяныхъ стѣнъ, загораждающихъ доступъ къ южному полюсу. До сихъ поръ онѣ ревниво оберегали его тайну и ни одному изъ смѣльчаковъ не удалось пробиться черезъ эти стѣны. Впрочемъ, быть можетъ, это не удавалось потому, что мореплаватели не располагали тѣми средствами, какія теперь находятся въ распоряженіи современныхъ полярныхъ изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ человѣку всегда удавалось въ концѣ концовъ побѣдить сопротивленіе силъ природы, повидимому самыхъ непреодолимыхъ, и мы вправѣ надѣяться, что такъ будетъ и теперь, и хотя, быть можетъ, сказочный ореолъ, окружающій южный полюсъ, пострадаетъ отъ этого, но наука несомнѣнно выиграетъ.

Послѣдніе дни Байрона. Французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ случайно наткнулся на одинъ изъ старыхъ нумеровъ «Abeille littéraire», въ которомъ былъ напечатанъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ лорда Байрона въ Миссалонго. Разсказъ написанъ камердинеромъ Байрона, Флехтеромъ, и не обладаетъ никакими особенными литературными достоинствами, но простота и искренность этого повѣствованія дѣйствуютъ на душу читателя. Авторъ его, очевидно, былъ преданъ Байрону и окружалъ его почти отеческою заботливостью. Лордъ Байронъ въ глазахъ своего камердинера Флехтера былъ большимъ геніальнымъ ребенкомъ, немного больнымъ и немного сумасшедшимъ.

Байронъ находился въ особенномъ настроеніи, когда бросилъ Англію и

отправился въ Грецію, увлеченный сочувствіемъ къ маленькой странѣ, изнемогающей подъ оттоманскимъ игомъ. Въ Англіи онъ оставилъ по себѣ весьма дурныя воспоминанія. Его бурныя пререканія съ женой, его независимый нравъ, оскорбленіе, которое онъ нанесъ лорду Эльдону, президенту верхней палаты, отказавшись принять протянутую ему руку, и тысячи другихъ нарушеній британскаго этикета совершенно оттолкнули отъ него англійскую аристократію, всегда отличавшуюся большимъ формализмомъ. За то и доставалось же ей отъ Байрона, въ его произведеніяхъ. Впрочемъ, аристократія дѣлала видъ, что презираетъ поэта, но, тѣмъ не менѣе, распускала про него различныя клеветы, на что Байронъ отвѣчалъ презрѣніемъ. На страницахъ одной книги, которая никогда не покидала его, Байронъ написалъ: «Если все то правда, что про меня говорятъ, то я не достоинъ вновь увидать Англію; если неправда — то она недостойна видѣть меня». Байронъ уѣхалъ въ Италію, жилъ въ Венеціи, Пизѣ, Генуѣ и велъ тамъ расточительный образъ жизни, поражая итальянцевъ своею роскошью, удальствомъ и своими любовными похожденіями, но это не мѣшало ему заниматься поэзіей въ свободные моменты и написать чудныя произведенія въ это время. Байронъ обладалъ слишкомъ безпокойнымъ воображеніемъ, жаждою перемѣнъ и волненій. Если онъ отдавался какому-нибудь дѣлу, то отдавался ему всей душой. Вмѣстѣ съ Шелли онъ основалъ журналъ «The Liberal» для защиты новыхъ идей, но трагическая смерть его друга въ Ливорно лишила его энергіи. Онъ сжегъ трупъ своего товарища по оружію, на кострѣ на берегу моря, согласно древнему обычаю. Въ это время какъ разъ разыгрались событія въ Греціи, нашедшія громкій отзвукъ въ сердцѣ Байрона. Увлеченный классическими воспоминаніями, Байронъ устремился въ Грецію, куда предварительно послалъ крупную сумму денегъ, часть своего состоянія. Нанявъ англійскій бригъ «Геркулесъ», онъ отправился въ Морею, куда прибылъ въ концѣ декабря, прорвалъ линію турецкаго флота, осаждавшаго Миссалонги, и проникъ въ городъ. Можно себѣ представить съ какимъ энтузіазмомъ его встрѣтили въ Греціи. Онъ явился къ нимъ, какъ спаситель, посланецъ самаго Юпитера. Та роль, которую онъ игралъ въ Греціи, нравилась Байрону, но тѣмъ не менѣе онъ мучился предчувствіями, когда уѣзжалъ изъ Генуи, и сказалъ, прощаясь со своимъ другомъ, лэди Блессингтонъ: «Я уѣзжаю въ Грецію, но оттуда не вернусь». Однако, восторженный пріемъ, оказанный ему населеніемъ Миссалонги, подбодрилъ его. Байронъ горячо принялся за дѣло и, получивъ званіе корпуснаго командира, отправился во главѣ войска въ Лепантъ. Тамъ онъ и схватилъ болѣзнь, которая свела его въ могилу.

10-го апрѣля 1824 г. Байронъ промокъ до костей подъ проливнымъ дождемъ. Флехтеръ приготовилъ ему чашку аррарута; но онъ не притронулся къ ней. У него сдѣлалась сильная лихорадка и Флехтеръ привелъ къ нему двухъ городскихъ врачей, которые, послѣ продолжительнаго совѣщанія, рѣшили прибѣгнуть къ кровопусканію, что было тогда самымъ обычнымъ способомъ лѣченія. Однако, эта мѣра и другія, примѣненныя врачами, вызвали такой упадокъ силъ, что у Байрона сдѣлался обморокъ. Это не остановило врачей и они повторили лѣченіе. Байрону становилось все хуже, лихорадка увеличилась и онъ не могъ сомкнуть глазъ всю ночь. Чувствуя, что силы его уходятъ, Байронъ сказалъ своему вѣрному Флехтеру:

— Я боюсь, что эти ослы ничего

не понимаютъ въ моей болѣзни. Я не сплю вотъ уже цѣлую недѣлю, а извѣстно, что человѣкъ долго не можетъ существовать безъ сна. Если я не умру, то сойду съ ума. Я предпочитаю умереть.

15-го апрѣля онъ почувствовалъ приближеніе конца и позвалъ Флехтера.

— Мнѣ надо дать тебѣ кое-какія инструкціи,—прошепталъ онъ.

— Прикажете принести бумагу и перья?—спросилъ Флехтеръ, не будучи въ состояніи сдерживать своихъ слезъ.

— Нѣтъ, время не терпитъ,—отвѣчалъ Байронъ,—слушай же хорошенько. Ты посѣтишь отъ моего имени мою дорогую дочь, мою бѣдную Аду, и передашь ей мое благословеніе. Затѣмъ ты пойдешь къ леди Байронъ и разскажешь ей все... слышишь, Флехтеръ?.. Ты ее попросишь...

Но смерть сомкнула его уста и фраза такъ и осталась недоговоренной. Флехтеръ такъ и не узналъ никогда, о чемъ собственно онъ долженъ былъ просить супругу Байрона.

Его тѣло было перенесено въ церковь, гдѣ погребены остатки Марко Ботцариса. Байронъ покоился въ простомъ деревянномъ гробу, прикрытый черною бархатною мантіей, а сверху мантіи были положены его каска, шпага и лавровый вѣнокъ. Флехтеръ отдалъ ему послѣдній долгъ и тотчасъ же отправился въ Англію, чтобы выполнить хотя бы отчасти возложенную на него миссію.

Байронъ умеръ едва 36 лѣтъ отъ роду, оплакиваемый множествомъ людей. Поэты сочиняли въ честь его стихи, въ которыхъ воспѣвали вмѣстѣ съ нимъ и несчастную Грецію, на помощь которой онъ устремился. И теперь примѣръ Байрона воодушевляетъ пылкую молодежь, присоединяющуюся къ стремленіямъ современной Греціи и увлекающуюся греческими идеями. Не даромъ даже общество въ Англіи, поддерживающее армянъ и грековъ, носитъ названіе «Байроновскаго общества» (Byron society). Однимъ словомъ, имя Байрона не только запечатлѣлось неизгладимыми буквами въ исторіи поэзіи, но оно связано съ исторіей Греціи. И теперь греческая молодежь точно ждетъ появленія новаго Байрона.

Во что обошлась Франціи война 1870 года? Французскій публицистъ Эдмонъ Леруа сообщаетъ въ одной изъ французскихъ газетъ слѣдующія небезъинтересныя данныя относительно того, какою цѣною пришлось заплатить Франціи за войну 1870 года. Прежде всего, конечно, идетъ рѣчь о потерѣ людьми: 80.000 человѣкъ умерли во Франціи отъ ранъ; 36.000 погибли отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и самоубійствъ; 20.000 умерли въ Германіи въ плѣну, въ общемъ 136.000 человѣкъ.

Надо прибавить къ этой гекатомбѣ 138.000 раненыхъ на полѣ битвы; 11.421 раненыхъ во время похода и отъ несчастныхъ случаевъ; 328.000 погибли отъ холода и истощенія; въ общемъ 477.421 человѣкъ.

Цифры эти доставлены докторомъ Жюлемъ Рошаромъ.

Нѣмцы, согласно даннымъ своего генеральнаго штаба, потеряли 40.877 человѣкъ, изъ которыхъ 17.255 погибли на полѣ битвы и 21.025 въ амбулаторіяхъ; 18.543 раненыхъ выздоровѣли.

Матеріальныя потери, понесенныя Франціей, заключаются, согласно вычисленіямъ бывшаго министра финансовъ Боде, въ слѣдующемъ:

Военныя издержки.....	2.386.412.568
Суммы, уплаченныя Германіи.....	5.742.933.814
Займы и преміи.....	1.156.327.955
Общественныя работы, вызванныя войной.....	207.239.800
Вознагражденіе, уплаченное государствомъ департаментамъ и частнымъ лицамъ.....	604.622.425

Потери, понесенныя государствомъ.....	2.033.939.000
Потери, понесенныя общинами и не возмѣщенныя государствомъ....	535.097.000
Итого....	12.666.482.562

Въ эти рубрики, однако, не вошли тѣ потери, которыя понесла страна вслѣдствіе остановки ея производительности, застоя въ дѣлахъ, а также ничего не говорится о неспособныхъ къ труду вслѣдствіе ранъ и болѣзней.

Относительно денежныхъ потерь Германіи до сихъ поръ еще существуетъ разногласіе; одни вычисляютъ ихъ въ пять милліардовъ, другіе—въ восемь.

Но европейская война при современныхъ условіяхъ обошлась бы еще дороже. Численность войскъ возросла значительно и, слѣдовательно, продовольствіе такого огромнаго войска должно требовать большихъ расходовъ, также какъ и вооруженіе и вообще содержаніе. Жакъ Ренье попробовалъ сдѣлать слѣдующій приблизительный разсчетъ. Такъ какъ трудно предвидѣть, сколько времени продлится война, то онъ оставилъ это въ сторонѣ и просто вычислилъ, во что долженъ обойтись *одинъ день* войны каждому изъ государствъ, принимающихъ въ ней участіе. Цифра получилась внушительная: 16 милліоновъ, необходимыхъ ежедневныхъ расходовъ и общія потери приблизительно въ 50 милліоновъ въ день!

Эти цифры должны бы заставить задуматься европейскія государства и поддержать ихъ желаніе сохранять миръ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue Bleue». — «North American Review». — «Review of Reviews».

Извѣстный французскій соціологъ Тардъ готовитъ къ выходу въ свѣтъ новую книгу «Opposition universelle» (Всеобщая оппозиція), извлеченіе изъ которой, относящееся къ войнѣ, напечатано въ «Revue Bleue», въ формѣ отдѣльной статейки.

Все, что касается войны, безспорно представляетъ въ настоящее время особенно большой интересъ. Поэтому и статья Тарда въ высшей степени своевременна, Тардъ высказывается въ ней горячимъ противникомъ войны, которую называетъ «переживаніемъ», какъ и дуэль. «Мы деремся, потому что дрались наши предки,—говоритъ Тардъ,—и потому, что мы видимъ въ войнѣ единственный и неизбѣжный способъ разрѣшенія распри и уничтоженія разногласія. Однако, уже одинъ тотъ фактъ, что война надолго оставляетъ послѣ себя «воинственные дрожжи», долженъ былъ бы заставить насъ убѣдиться въ нелѣпости такого рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Конечно, война была бы невозможна, еслибъ она не была «воспоминаніемъ, превратившимся во всеобщій предразсудокъ», тѣмъ болѣе стойкій, чѣмъ болѣе онъ распространенъ подобно всѣмъ предразсудкамъ, какъ бы нелѣпы они ни были».

Тардъ полагаетъ, что если бы война имѣла съ самаго начала такой совершенно нелѣпый характеръ избіенія, какой она имѣетъ теперь, она не могла бы народиться и удержаться даже во времена самаго варварскаго состоянія. Но война должна была имѣть какой-нибудь «raison d'être», когда появилась на свѣтъ, и поэтому Тардъ стремится отыскать причины ея происхожденія въ далекомъ прошломъ человѣчества. Если война была абсолютно нужна для прогресса человѣчества, то, разумѣется, это оправдываетъ ея существованіе. На этотъ счетъ мнѣнія расходятся. Большая

часть людей умѣреннаго образа мыслей думаютъ, что война была необходима въ теченіе первыхъ стадій человѣческаго прогресса, но теперь войну должны замѣнить другіе способы борьбы и различныя формы союзовъ. Но такіе мыслители, какъ Жозефъ де-Местръ, Прудонъ и Лебонъ, находятъ, что война «всегда была, есть и будетъ абсолютно необходима». Это мнѣніе раздѣляется радикалами и консерваторами, а также мистиками и дарвинистами, однимъ словомъ, людьми самаго противоположнаго образа мыслей. Тардъ не раздѣляетъ ни того, ни другого мнѣнія и открыто заявляетъ, что онъ не считаетъ войну абсолютно необходимой для человѣческаго прогресса, и полагаетъ, что прогрессъ могъ бы совершиться и безъ войны. «Странное дѣло,—говоритъ Тардъ, — гораздо вѣдь легче найти хорошіе популярные аргументы противъ конкурренціи, нежели противъ войны. Печально также, что миролюбивые народы, большею частью, не поднимаются надъ уровнемъ посредственности и не отличаются ровно никакими выдающимися качествами. Ошибочно, однако, думать, что можно посѣять отвращеніе къ милитаризму, развертывая передъ глазами картину ужасовъ войны. Обыкновенно, чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ болѣе восхищенія вызываетъ мужество солдатъ, не отступившихъ, ради любви къ отечеству, передъ перспективою подобныхъ страданій. Первобытный человѣкъ былъ побуждаемъ къ битвѣ самыми условіями своего существованія. Охота предшествовала войнѣ, и, закаливъ свое сердце въ борьбѣ съ дикими звѣрями, человѣкъ, силою обстоятельствъ, былъ приведенъ къ войнѣ. Онъ сражался съ дикими звѣрями и затѣмъ сталъ сражаться съ себѣ подобными, когда явился къ этому поводъ. Мало-по-малу, люди привыкли смотрѣть на войну, какъ на неизбѣжную принадлежность соціальнаго строя. Но если первобытному обществу трудно было устоять на этой наклонной плоскости и не культивировать войну, то, во всякомъ случаѣ, современные европейскіе народы должны были сознать нелѣпость и вредъ этого культа. Никакимъ образомъ европейцы не обязаны войнѣ своимъ прогрессомъ и цивилизаціей. Совершенно наоборотъ! Безуміе и нелѣпость войнъ возрастаютъ пропорціонально ихъ размѣрамъ. Все, чѣмъ могутъ гордиться европейцы, явилось результатомъ мирнаго развитія. Правда, безъ войны не было бы такого рѣзкаго различія національностей, такого развитія патріотизма, національной гордости и т. п. Но можемъ ли мы превозносить эти результаты? Война создала небольшое число отдѣльныхъ государствъ, вѣчно соперничествующихъ другъ съ другомъ, между которыми установились грубыя, безнравственныя и чисто механическія отношенія, именуемыя «европейскимъ равновѣсіемъ». Этотъ чудовищный порядокъ вещей является прямымъ послѣдствіемъ милитаризма, и лучше ли отъ этого людямъ, что создано «европейское равновѣсіе», и стоило ли проливать столько крови, чтобы добиться такихъ печальныхъ результатовъ?

Извѣстный англійскій писатель Эдвинъ Арнольдъ, авторъ прекраснаго произведенія «Свѣтъ Азіи», существующаго въ трехъ переводахъ на русскомъ языкѣ, — посвящаетъ въ «North American Review» большую статью индійской голодовкѣ, представляющую настоящую апологію дѣятельности британскаго правительства въ Индіи. Статья видимо разсчитана на то, чтобы оправдать въ глазахъ американской публики англо-индійскія власти, на которыя не разъ взваливалось обвиненіе, что они своими дѣйствіями и порядками являются главною причиною голодовокъ въ Ин-

дiи. Въ особенности Эдвинъ Арнольдъ возстаетъ противъ обвиненiя въ томъ, что индiйское населенiе обремененo налогами. Налогъ на соль, на которомъ особенно основываютъ свои обвиненiя порицатели англо-индiйскаго правительства, по словамъ автора, вовсе не ложится такимъ уже непосильнымъ бременемъ на населенiе, такъ какъ не превышаетъ семи пенсовъ въ годъ на каждаго туземца. Далѣе Эдвинъ Арнольдъ разбираетъ прочiе налоги, образующiе ежегодный доходъ въ 37 милiоновъ фунт. стер., и доказываетъ, что эта сумма, распредѣляясь среди населенiя, составляется изъ очень мелкихъ налоговъ, въ общей сложности не превышающихъ четырехъ шиллинговъ въ годъ на человѣка. Слѣдовательно, обвиненiе въ обремененiи налогами Индiи, по мнѣнiю Эдвина Арнольда, должно само собою рушиться. Но Эдвинъ Арнольдъ, однако, не старается выяснить, почему голодовки составляютъ такое привычное явленiе въ Индiи, и только говоритъ о томъ, что отъ голода погибаетъ людей не меньше, чѣмъ отъ дурныхъ санитарныхъ условiй, въ которыхъ живутъ туземцы. Общая смертность въ Индiи вообще очень велика: 15 на 1.000 (въ Россiи 33 на 1.000), иногда же она возрастаетъ до 100 на тысячу. Затѣмъ, Эдвинъ Арнольдъ переходитъ къ описанiю сельской жизни и нравовъ туземнаго населенiя. Надо отдать ему справедливость, онъ изображаетъ эту жизнь очень художественно и эта часть статьи, безъ сомнѣнiя, очень интересна и дѣйствительно увлекательно написана. Читатель невольно проникается художественными описанiями Индiи и, пожалуй, готовъ будетъ повѣрить Арнольду, что современные порядки въ Индiи и нравы ея населенiя не оставляютъ желать ничего лучшаго. Относительно послѣдняго можно сомнѣваться, но что эти порядки неизмѣримо лучше, чѣмъ были до прихода англичанъ, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнiя.

Женскiй вопросъ въ Испанiи далеко не сдѣлалъ такихъ успѣховъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Нѣкоторые изъ выдающихся писателей и писательницъ въ Испанiи сдѣлали попытку возбудить общественный интересъ къ женскому движенiю, но огромное большинство испанской публики либо относится недоброжелательно къ этому движенiю, либо совсѣмъ его игнорируетъ. Тѣмъ не менѣе, въ испанскихъ журналахъ постоянно появляются статьи въ пользу расширенiя сферъ женской дѣятельности и женскаго образованiя. Большинство этихъ статей написано женщинами. По словамъ «Review of Reviews», въ журналѣ «Rivista Contemporanea» напечатана очень хорошая статья испанской писательницы Маріи де-Бельмонте, доказывающей, какъ вредно отзываются на воспитанiи испанской женщины и ея нравственныхъ качествахъ тѣ узкiя рамки, въ которыхъ она удерживается насильственно общественными предразсудками. Испанокъ часто обвиняютъ въ легкомыслiи, говоритъ авторъ; но эти легкомыслiе и фривольность культивируются самимъ воспитанiемъ. Съ раннихъ лѣтъ испанка пріучается къ мысли о полномъ подчиненiи и зависимости. Никто не старается развить въ ней стремленiе къ самостоятельности, природныя дарованiя ея, если только онѣ не служатъ къ непосредственному украшенiю ея особы, безжалостно заглушаются. Никто не заботится объ ея умственномъ развитiи, о пробужденiи въ ней высшихъ стремленiй, любознательности, но зато ее заставляютъ заботиться о своей наружности, культивировать въ себѣ по преимуществу такiя качества, которыя дѣлаютъ ее очаровательной въ глазахъ мужчины, смотрящаго на женщину, какъ на хорошенькую игрушку.

Въ Испаніи женское движеніе возбуждаетъ мало интереса, это потому, говоритъ испанская писательница, что наши женщины, также какъ и мужчины отличаются одинаковою безпечностью и очень мало задумываются надъ настоящимъ и будущимъ. Проблема жизни, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, всегда разрѣшается бракомъ. Благородныя стремленія и трудъ женщинъ въ другихъ странахъ не только не вызываютъ сочувствія въ Испаніи, но даже ни разу не привлекли вниманія испанскаго общества. Авторъ, однако, не считаетъ невозможнымъ пробужденіе испанской женщины къ умственной жизни и дѣятельности и приглашаетъ всѣхъ, сочувствующихъ женскому движенію, содѣйствовать всѣми средствами этому пробужденію.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Основныя начала современной бактеріологіи.—Робертъ Кохъ и его новый методъ лѣченія чахотки. — Дѣйствительность этого метода и его несомнѣнная польза.—Чудо-ребенокъ.—«Атлантида».

Въ предыдущей научной хроникѣ («Міръ Божій», апрѣль 1897), я затронулъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ организмъ заболѣваетъ извѣстными болѣзнями, происхожденіе которыхъ приписывается низшимъ организмамъ. Я старался разсмотрѣть тѣ удивительныя приспособленія, которыми животный организмъ владѣетъ для борьбы со всевозможными болѣзнетворными причинами вообще и бактеріями—въ частности.

Въ настоящей хроникѣ мнѣ хочется, по скольку это допускаетъ размѣръ, тронуть вопросъ о бактеріяхъ и бактеріологіи вообще, такъ какъ съ этимъ вопросомъ тѣсно связана огромная часть современной медицины или, лучше сказать, патологіи (науки о болѣзняхъ), терапіи (науки о лѣченіи болѣзней) и, наконецъ, гигіены, которую можно назвать наукою о предупрежденіи болѣзней.

Значеніе бактерій въ заболѣваніяхъ многими болѣзнями вообще, а заразными и эпидемическими — въ особенности, до такой степени всѣмъ извѣстно, что теперь трудно найти сколько-нибудь образованнаго человѣка, который бы въ разговорѣ не упоминалъ бактерій, который бы, выпивая стаканъ воды, съѣдая ту или другую пищу, не соображался съ тѣмъ, сколько бактерій онъ при этомъ поглотилъ и поглотилъ ли онъ бактеріи болѣзнетворныя или безвредныя.

Не смотря на такое, повидимому, общераспространенное знакомство съ бактеріями, очень многіе не имѣютъ даже настоящаго представленія о томъ, что это за наука такая—бактеріологія, какъ производятся бактеріологическія изслѣдованія, какимъ образомъ какую-нибудь тифозную бактерію отличаютъ отъ туберкулезной и т. д. Очень часто приходится слышать и даже читать недоумѣнія по поводу того, какимъ образомъ бактеріологъ можетъ, напримѣръ, сосчитать, сколько бактерій приходится въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ той или другой воды для питья. Какимъ образомъ бактеріологъ можетъ утверждать, что данная вода содержитъ въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ 500 бактерій, а другая вода содержитъ ихъ 147.520? Неужели же, думаютъ многіе, можно пересчитать въ каплѣ

воды всѣхъ бактерій, несмотря на то, что онѣ постоянно перемѣщаются? Какъ можетъ такой счетчикъ быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ одну и ту же бактерію не считаетъ по нѣсколько разъ?

Словомъ, тутъ есть масса недоумѣній, которыя, конечно, разрѣшаются при самомъ даже поверхностномъ знакомствѣ съ дѣломъ.

Въ виду того, что бактеріологія играетъ такую видную роль, въ виду того, что она создала цѣлый рядъ новыхъ пріемовъ лѣченія (разныя прививки, сыворотки и т. д.) и, наконецъ, въ виду того, что въ самое послѣднее время появилась работа знаменитаго бактеріолога, берлинскаго профессора Р. Коха, о способѣ лѣченія чахотки, — работа, слѣдствіемъ которой, быть можетъ, будетъ уменьшеніе смертности отъ туберкулеза, процентовъ на 50, а то и больше, я полагаю, читатели не посѣтуютъ на меня за то, что прежде, нежели изложить сущность послѣдняго изслѣдованія Коха, я удѣлю въ настоящей хроникѣ нѣкоторое мѣсто изложенію самыхъ основныхъ началъ современной бактеріологіи.

Уже болѣе 200 лѣтъ тому назадъ Лёвенгукъ открылъ въ слюнѣ бактеріи; но это открытіе не имѣло существеннаго значенія для развитія бактеріологіи. Когда Каньяръ де-Латуръ и Шваннъ уяснили строеніе дрожжей и ихъ участіе въ процессахъ броженія, то основаніе для современной бактеріологіи было заложено. Но только когда изслѣдованія Пастера, предпринятыя для разбора вопроса о самозарожденіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, доказали, что въ воздухѣ постоянно носятся низшіе организмы и ихъ зародыши, и что эти-то организмы и вызываютъ большинство процессовъ гніенія и броженія, только тогда открылся настоящій путь къ дальнѣйшему развитію бактеріологіи. Главная заслуга Пастера, и вмѣстѣ съ нимъ германскаго ученаго Клебса, въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія бактерій заключалась въ томъ, что оба названные ученые впервые начали примѣнять искусственныя питательныя жидкости для культуры бактерій. Прежде приходилось наблюдать эти организмы въ той средѣ, въ которой онѣ развивались благодаря различнымъ случайностямъ. Пастеръ началъ употреблять такъ-называемые питательные бульоны, въ которыхъ культивировалъ бактерій и такимъ образомъ изучалъ ихъ болѣе обстоятельно.

Но и при этихъ условіяхъ изученіе бактерій представляло огромныя трудности; въ жидкомъ бульонѣ однѣ бактеріи находились въ смѣси съ другими и требовалась огромная настойчивость, огромное терпѣніе, чтобы отдѣлить одни виды отъ другихъ и получить такъ-называемыя чистыя культуры.

Это неудобство было устранено благодаря замѣчательнымъ работамъ Р. Коха, который сталъ культивировать бактеріи не въ жидкихъ бульонахъ, а на веществахъ твердыхъ или студенистыхъ (желатина, агаръ-агаръ, картофель и т. д.). При этихъ условіяхъ изслѣдователь могъ въ точности опредѣлять то мѣсто, гдѣ у него развивается и живетъ данная колонія бактерій; онъ могъ ее переселять съ одного мѣста на другое и т. д.

Сдѣлавши этотъ шагъ, Кохъ сдѣлалъ и другой, не менѣе важный; онъ убѣдился, что различныя бактеріи различно относятся къ нѣкоторымъ краскамъ (преимущественно анилиновымъ); онъ нашелъ, что однѣ бактеріи послѣ извѣстной обработки нѣкоторыми химическими реактивами окрашиваются данной краской, другія при той же обработкѣ не окрашиваются этой краскою, но за то окрашиваются ею при обработкѣ другими реактивами; третьи вообще этой краской не окрашиваются, но окра-

шиваются другою и т. д. Такимъ образомъ явилась возможность различать бактеріи по ихъ отношенію къ различнымъ красящимъ веществамъ.

Съ этого момента бактеріологія уже была поставлена почти на ту ступень совершенства, на которой она стоитъ въ настоящее время. Въ разработкѣ методовъ окрашиванія, кромѣ Коха, видную роль играли также нѣмецкіе ученые Вейгертъ и Эрлихъ.

Что касается до отношенія бактерій къ различнаго рода заболѣваніямъ, главнымъ образомъ, къ эпидемическимъ болѣзнямъ, то эта связь подозрѣвалась уже въ древности. Конечно, тогда о бактеріяхъ не было рѣчи; но и тогда было установлено, что между тѣми причинами, которыя вызываютъ гніеніе, и тѣми, которыя вызываютъ эпидемическія болѣзни, существуетъ какая-то тѣсная связь. Мало того: уже арабскіе врачи XI и XII вѣка прямо указывали, что эпидеміи зависятъ отъ пищи, воды и воздуха; уже они обращали вниманіе на то, что кипяченіемъ воды можно ее сдѣлать безопасною. Затѣмъ еще задолго до знакомства съ бактеріей, врачи стали говорить о какихъ-то міазмахъ, какъ причинахъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней, и съ того времени до сей поры въ обществѣ употребляется слово «міазма», какъ синонимъ чего-то, портящаго воздухъ и содѣйствующаго всевозможнымъ заболѣваніямъ.

Какимъ же образомъ окончательно установился фактъ зависимости нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней отъ того или другого вида бактерій?

Во-первыхъ, при изслѣдованіи больныхъ, страдавшихъ нѣкоторыми болѣзнями, въ ихъ крови, въ нѣкоторыхъ ихъ органахъ, особенно сильно пострадавшихъ, замѣчено было присутствіе какихъ-либо бактерій въ особенномъ изобиліи. Уже это одно могло навести на мысль о томъ, не зависитъ ли данная болѣзнь именно отъ этихъ бактерій. Рѣшить такой вопросъ можно было только однимъ способомъ: ввести эти бактеріи въ организмъ здороваго животнаго; и если это животное заболѣетъ и притомъ именно данною формою болѣзни, то ясно, значитъ, что она производится этими именно бактеріями.

Но для того, чтобы продѣлать такой опытъ, необходимо имѣть способы для полученія болѣе или менѣе значительнаго количества только одного вида бактерій; ибо если мы получимъ нѣсколько ихъ видовъ, между собою смѣшанныхъ, то нельзя будетъ опредѣлить, которыя изъ нихъ вызываютъ данную болѣзнь. Стало быть, необходимо имѣть методы для полученія такъ называемыхъ чистыхъ разводокъ, т. е. полученія такой среды, гдѣ будетъ только одинъ видъ бактерій.

Методъ приготовленія чистыхъ разводокъ или культуръ заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ.

Кровь или органъ, гдѣ найдены въ изобиліи данныя бактеріи, смѣшивается съ водою. Бактеріи переходятъ частью въ воду. Разумѣется, переходятъ въ нее не только одинъ видъ, но и масса другихъ видовъ, ибо почти никогда не удается имѣть такую среду, въ которой не было бы всевозможныхъ видовъ бактерій.

Эту воду, содержащую, стало быть, массу всевозможныхъ видовъ бактерій смѣшиваютъ съ растворомъ желатины (или подобныхъ ей веществъ), приготовленнымъ такимъ образомъ, что она имѣетъ жидкую консистенцію только въ слегка нагрѣтомъ состояніи; если же она остынетъ, то обращается въ довольно плотный студень. Растворъ желатины берется стерилизованный, т. е. лишенный всякихъ микроорганизмовъ (что достигается нагрѣваніемъ этого раствора до извѣстныхъ предѣловъ). Смѣсь воды (содержащей бактеріи) съ стерилизованною желатиною наливаютъ на чистыя стеклянныя пластинки,

предварительно тоже стерилизованныя, и помѣщаютъ подъ колпакъ. Черезъ нѣкоторое время желатина затвердѣетъ и бактеріи, въ нее попавшія, застрянутъ каждая въ опредѣленномъ мѣстѣ, совершенно такъ, какъ, напримѣръ, застреваетъ лодка въ водѣ, если вода вдругъ замерзнетъ. Теперь уже въ этой студенистой средѣ бактеріи не могутъ двигаться.

Пластинку, покрытую желатиною, въ которой «посѣяны» бактеріи, помѣщаютъ въ стерилизованный шкапъ, и здѣсь она подвергается въ теченіи сутокъ, двухъ или трехъ, нагрѣванію до 38—40° Цельсія. При этой температурѣ бактеріи начинаютъ размножаться, при чемъ каждая бактерія, застрявшая въ какой-нибудь точкѣ желатины, черезъ нѣкоторое время дастъ милліоны бактерій; но такъ какъ это размноженіе происходитъ въ полутвердой средѣ, то новыя поколѣнія бактерій, образовавшіяся изъ одной застрявшей бактеріи, никуда уйти не могутъ: онѣ скопляются всѣ около той точки, гдѣ была первоначальная бактерія, и образуютъ такъ называемую *колонію*; но такъ какъ колонія содержитъ милліоны бактерій, скученныхъ на очень ограниченномъ пространствѣ, то теперь уже колонія становится видимою и невооруженному глазу.

Такимъ образомъ, сколько въ первоначальной жидкости было бактерій, столько теперь получится колоній, видимыхъ простымъ глазомъ. Ясно, что мѣтъ ничего легче, какъ сосчитать это число колоній и по немъ судить о числѣ введенныхъ въ желатину бактерій.

Въ числѣ этихъ колоній будутъ однѣ, принадлежащія одному виду бактерій, другія, принадлежащія другому, третьи—третьему и такъ далѣе. И такъ какъ различныя бактеріи даютъ сплошь и рядомъ колоніи, отличающіяся по своему внѣшнему виду, то бактеріологъ часто можетъ безъ всякаго микроскопа, только по внѣшнему виду колоній сказать, сколько видовъ бактерій попало въ желатину. Въ самомъ дѣлѣ, однѣ колоніи имѣютъ видъ бѣлыхъ кружковъ, другія — видъ развѣтвленныхъ деревьевъ, третьи растягиваются въ линію и т. д. Затѣмъ, часто колоніи отличаются и по своему цвѣту — иныя бываютъ бѣлыя, другія желтыя, третьи—зеленыя; есть и красныя, и голубыя и т. д.

Опытный бактеріологъ часто по одному внѣшнему виду колоніи узнаетъ, какими бактеріями она заселена.

Итакъ, на желатинѣ имѣются колоніи различныхъ видовъ бактерій. Теперь вырѣзываютъ одну изъ колоній и переносятъ ее въ чистую стерилизованную воду; желатина распустится въ водѣ, и всѣ бактеріи сдѣлаются свободными; эту воду, содержащую уже только одинъ видъ бактерій, снова смѣшиваютъ съ растворомъ стерилизованной желатины, снова разливаютъ эту желатину на стеклянныя пластинки и ставятъ въ шкапъ при температурѣ 35—40 градусовъ, т. е. продѣлываютъ все то же, что было изложено выше. Теперь уже получается чистая культура одного только вида бактерій. Если бы, однако, оказалось, что и на этотъ разъ попалъ, кромѣ одного вида, еще и другой какой-либо видъ бактерій, то снова съ пластинки берутъ одну изъ колоній и снова продѣлываютъ всю только что упомянутую процедуру. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается чистая культура.

Теперь эту культуру распускаютъ въ водѣ и, впрыснувъ животному или подъ кожу, или въ кровь, или въ какія-либо полости, наблюдаютъ, какою болѣзнью заболѣетъ животное. Отсюда и опредѣляютъ, какую болѣзнь вызываютъ данныя бактеріи. Конечно, не всегда различные виды бактерій даютъ колоніи, которыя могутъ быть отличаемы другъ отъ друга по внѣшнему виду. Тогда приходится прибѣ-

гать къ другому, болѣе сложному изслѣдованію; тогда уже каждая культура подвергается дѣйствію различныхъ химическихъ реактивовъ, дѣйствію красокъ, и вотъ, въ концѣ концовъ, этимъ болѣе уже сложнымъ путемъ удается отличить одни виды бактерій отъ другихъ. Иногда, впрочемъ, не приходится даже прибѣгать къ сложнымъ окрашиваніямъ—достаточно только разсмотрѣть бактеріи подъ микроскопомъ: однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ прямыхъ палочекъ (напримѣръ, туберкулезная бацилла, тифозная бацилла), другія имѣютъ видъ палочекъ нѣсколько изогнутыхъ (напр., холерная запятая), третьи представляются какъ бы спирально завитыми (спирохеты возвратнаго тифа), четвертыя представляются въ видѣ точекъ или кружковъ (микрококки рожистаго воспаленія) и т. д.

Вотъ въ чемъ, въ общихъ чертахъ, состоятъ главнѣйшіе методы современной бактеріологіи

Когда, благодаря этимъ методамъ, была уяснена роль бактерій въ произведеніи различныхъ болѣзней, когда было найдено, что между многочисленными видами этихъ организмовъ есть только небольшое число такихъ, которые поселяясь въ тѣлѣ человѣка или животныхъ, вызываютъ въ немъ заболѣванія, а что большинство бактерій безвредно, тогда всѣ бактеріи были раздѣлены на двѣ группы: въ одну вошли болѣзнетворныя (патогенныя) бактеріи, въ другую — безвредныя (сапрофитныя). Всѣ усилія бактеріологовъ направлены были конечно на изученіе первой группы. Наукою былъ поставлено два капитальныхъ вопроса: какъ бороться съ бактеріями въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ еще не попали въ организмъ, и какъ съ ними бороться, когда онѣ проникли уже внутрь тѣла и вызвали то или другое заболѣваніе?

Первый вопросъ повелъ за собою разработку цѣлой главы изъ гигіены—главы о дезинфекціи. Были изучены всѣ тѣ дѣятели, которые способны уничтожать, убивать бактерій. Оказалось, что наиболѣе могущественными средствами для уничтоженія бактерій является высокая температура (выше точки кипѣнія воды), затѣмъ цѣлый рядъ веществъ, какъ-то: крѣпкія кислоты, щелочи, такъ называемая карболовая кислота, сулема и т. д.

Гораздо труднѣе было рѣшить второй вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ болѣзнетворныя бактеріи пробрались уже въ организмъ, то съ ними нельзя бороться помощью только что названныхъ веществъ, ибо всѣ они, будучи ядовитыми для бактерій, не менѣе ядовиты и для самого организма, такъ какъ ядовитость ихъ по отношенію къ бактеріямъ обусловливается способностью этихъ веществъ убивать всякую протоплазму, а стало быть, и протоплазму клѣточекъ человѣческаго или животнаго тѣла. Очевидно, надо было искать другихъ способовъ.

Вотъ надъ этою задачей долго бились бактеріологія и медицина.

Какіе же принципы были положены въ основу борьбы съ бактеріями, проникшими въ организмъ?

Главнѣйшій изъ нихъ, приведшій къ наиболѣе цѣннымъ результатамъ заключался въ слѣдующемъ:

Извѣстно, что не всѣ животныя одинаково воспріимчивы къ различнымъ заболѣваніямъ, вызываемымъ бактеріями: такъ, человѣкъ очень воспріимчивъ къ дифтеритнымъ бактеріямъ и для него онѣ очень ядовиты, между тѣмъ какъ лошадь гораздо меньше къ нимъ воспріимчива; точно также туберкулезныя бактеріи, пробравшись въ большомъ количествѣ въ организмъ человѣка или обезьяны, влекутъ безусловную смерть, между тѣмъ какъ собаки не заболѣваютъ туберкулезомъ или если заболѣваютъ, то при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Спрашивается, какъ же объяснить себѣ столь различное отношеніе разныхъ животныхъ?

Произведенныя наблюденія показали, что бактеріи, впрыснутыя въ организмъ животнаго, не воспріимчиваго къ зараженію, черезъ самое короткое время погибаютъ въ немъ. Ясно, значитъ, что либо въ этомъ организмѣ есть уже какія-то вещества способныя уничтожать бактерій, либо же эти вещества развиваются въ то время, когда бактеріи начинаютъ обнаруживать свою ядовитую дѣятельность. Слѣдовало, стало быть, поискать, гдѣ эти вещества содержатся или развиваются. Розысканія показали, что онѣ — эти противоядія — содержатся въ кровяной сывороткѣ невоспріимчивыхъ къ заразѣ животныхъ. Отсюда получился выводъ: если человѣкъ заболѣлъ какою-либо болѣзнью, зависящей отъ бактерій, то стоитъ ему впрыснуть кровяную сыворотку того животнаго, которое не воспріимчиво къ данной болѣзни, и этимъ можно будетъ достигнуть уничтоженія тѣхъ бактерій, съ которыми человѣческій организмъ своими средствами управиться не могъ. Но впрыскиванія обыкновенной кровяной сыворотки не привели бы къ желаемому результату, ибо опытъ показалъ, что бактерійныя противоядія не имѣются въ сывороткѣ въ готовомъ состояніи въ достаточномъ количествѣ—онѣ изготовляются и появляются въ сывороткѣ только тогда, когда животное заражено. Когда уяснилось это обстоятельство, то въ лабораторіяхъ стали спеціально заготовлять животныхъ, у которыхъ кровяная сыворотка представляла бы столь драгоцѣнныя для лѣчебныхъ цѣлей качества.

Это изготовленіе для приготовленія напримѣръ противодифтеритной сыворотки ведется въ самыхъ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Лошади впрыскиваютъ чистую культуру дифтеритныхъ бактерій; у лошади появляется черезъ нѣкоторое время лихорадка—явный признакъ того, что бактеріи начали свое дѣйствіе; въ то же время въ ея организмѣ начинаютъ вырабатываться противоядія, которыя въ концѣ концовъ убиваютъ дифтеритныхъ бактерій. Вотъ въ это время, у лошади и берется нѣкоторое количество крови, добывается изъ этой крови сыворотка, и эта-то сыворотка и представляетъ собою основаніе такъ называемой антидифтеритной сыворотки, впрыскиваемой людямъ при дифтеритѣ. Интересно здѣсь обратить вниманіе на то, что хотя мы и говоримъ дифтеритныя бактеріи, тифозныя бактеріи и т. д., но эти бактеріи часто другъ отъ друга рѣзко отличаются своей ядовитостью; иная культура дифтеритныхъ бактерій получается очень ядовитою, другая—гораздо менѣе ядовита. Знаменитыя изслѣдованія Пастера надъ бактеріями сибирской язвы показали, что есть возможность очень ядовитыя культуры путемъ нагрѣванія до извѣстнаго предѣла сдѣлать сравнительно мало ядовитыми, а затѣмъ, прививая эти культуры животнымъ и перенося ихъ съ одного животнаго на другое, весьма значительно усилить ихъ ядовитость.

Поэтому при изготовленіи сыворотокъ стараются, если возможно, заразить животное сначала бактеріями слабой ядовитости, и когда животное съ ними справилось, то въ него вводятъ все болѣе и болѣе ядовитыя культуры того же вида бактерій; при этихъ условіяхъ кровяная сыворотка животнаго становится все богаче и богаче противоядіями и, стало быть, все цѣлебнѣе. Такимъ путемъ изготовляются различныя противодифтеритныя, противочумныя, противохолерныя и друг. сыворотки.

Хотя мнѣ пришлось здѣсь коснуться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ сущности дѣла и опустить нѣкоторыя весьма даже существенныя подробности, однако, я разсчитываю, что принципъ достаточно уяснѣнъ, и напоминаю, что въ мою задачу далеко

не входитъ изложеніе этого предмета съ тою обстоятельностью, которая могла бы удовлетворить не только спеціалиста, но даже читателя, знакомаго съ бактеріологіей вообще. Я имѣю въ виду здѣсь лишь людей, совершенно незнакомыхъ съ самыми основными чертами современной борьбы съ болѣзнетворными организмами.

Приготовленіе всевозможныхъ сыворотокъ оказывается однако дѣломъ далеко не простымъ; вотъ почему мы не имѣемъ сыворотокъ противъ всякихъ болѣзней, вызываемыхъ бактеріями, и хотя въ медицинской прессѣ постоянно появляются сообщенія о новыхъ сывороткахъ, однако дѣло изготовленія сыворотокъ, и притомъ такихъ, которыя бы дѣйствовали, такъ сказать, навѣрняка, подвигается лишь весьма и весьма медленно.

Особенно тяжело было сознаніе, что одна изъ болѣзней, а именно *туберкулезъ*, отъ котораго погибаетъ *одна седьмая* человѣчества и притомъ человѣчества наиболѣе молодою—что эта болѣзнь, не смотря на всѣ попытки, не поддается лѣченію, построенному на такомъ принципѣ, на какомъ удалось построить, напримѣръ, лѣченіе дифтерита или чумы.

Семь лѣтъ тому назадъ, Роберъ Кохъ, на съѣздѣ врачей, сдѣлалъ сообщеніе о томъ, что ему удалось найти, повидимому, жидкость, которая можетъ быть могущественнымъ средствомъ для лѣченія туберкулеза. Онъ сообщилъ, что средство это дѣлаетъ животныхъ [морскихъ свинокъ] невоспріимчивыми къ зараженію туберкулезными бактеріями и что, кромѣ того, у зараженныхъ животныхъ это средство останавливаетъ болѣзненный процессъ, т. е. излѣчиваетъ его. Вскорѣ послѣ этого сообщенія коховское средство стали испытывать на больныхъ людяхъ, и вначалѣ казалось, что, дѣйствительно, результаты получались поразительные.

13-го ноября 1890 г. Кохъ обнародовалъ въ «Deutsche medicinische Wochenschrift» свою главную работу о новомъ средствѣ и о томъ, какъ оно дѣйствуетъ на людей—какъ здоровыхъ, такъ и больныхъ бугорчаткою. Въ этой работѣ, разбирая въ подробностяхъ дѣйствіе новаго средства, Кохъ указалъ, что оно имѣетъ несомнѣнно цѣлебное дѣйствіе на туберкулезъ, въ особенности же на такъ-называемую волчанку (туберкулезное пораженіе кожи). Тутъ же Кохъ обратилъ вниманіе и на то, что если имѣются случаи туберкулеза, еще не принявшіе особенно сильнаго развитія, какъ, напримѣръ, первыя стадіи туберкулеза легкихъ (чахотки), то и они подлежатъ излѣченію.

Появленіе работы Коха было встрѣчено съ такимъ энтузіазмомъ—какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и въ обществѣ, что въ теченіе нѣкотораго времени Кохъ былъ героемъ дня: на него смотрѣли, какъ на великаго благодѣтеля человѣческаго рода, его портреты появились на столбцахъ всѣхъ газетъ и журналовъ. Словомъ, не было того человѣка, который не произносилъ бы имени Коха съ восторгомъ. Тысячи чахоточныхъ больныхъ, тысячи отцовъ, матерей, мужей, женъ благословляли имя германскаго ученаго, явившагося для спасенія столькихъ молодыхъ угасающихъ жизней!..

Но... къ страшному всеобщему огорченію, начали то тамъ, то тутъ появляться голоса, раздававшіеся все громче и громче и утверждавшіе, что, несмотря на примѣненіе коховскаго средства, больные не только не выздоравливаютъ, но, напротивъ, ихъ состояніе рѣзко ухудшается.

Затаивъ дыханіе, прислушивались врачи къ этимъ грознымъ голосамъ. Надежды и азартъ быстро упали. Число голосовъ, возставшихъ противъ коховскаго средства, росло съ каждымъ днемъ, и эти голоса слились, наконецъ, въ одинъ общій хоръ

негодованія. Когда же послѣ вскрытія одного больного, къ которому примѣнялось коховское лѣченіе, обнаружилось, что средство Коха быстро ведетъ къ общему зараженію всего организма туберкулезными бактеріями, и когда по этому поводу знаменитый Вирховъ категорически высказался противъ коховскаго средства, заявивъ, что оно можетъ причинять громадный вредъ, а польза его сомнительна, то врачи сразу бросили это средство, и знаменитый Кохъ, творецъ современныхъ методовъ бактеріологіи, былъ закиданъ грязью, его стали обвинять и въ томъ, что онъ пустился на выгодныя аферы, что онъ измѣнилъ наукѣ... Словомъ, пощады не было!..

Забыты были, казалось, всѣ заслуги Коха; и даже всѣ тѣ замѣчательныя свойства, которыми несомнѣнно обладалъ коховскій *туберкулинъ*—всѣ они были совершенно оставлены безъ вниманія.

А между тѣмъ, свойства эти заслуживали серьезнаго вниманія и изученія; эти свойства заключались въ томъ, что если впрыснуть туберкулинъ здоровому человѣку и впрыснуть даже въ довольно большой дозѣ, то особенно бурныхъ явленій со стороны организма не наблюдается. Такъ, самъ Кохъ впрыснулъ себѣ въ плечо 0,25 куб. сент. туберкулина и часа черезъ 3—4 почувствовалъ общую слабость, потягиваніе въ конечностяхъ, затрудненное дыханіе; за этимъ послѣдовалъ жестокій, потрясающій ознобъ, температура поднялась до 39,6, появилась тошнота и рвота. Черезъ 12 часовъ всѣ эти явленія исчезли, оставивъ лишь на нѣсколько дней чувство общей слабости. При меньшихъ же дозахъ, напр., при впрыскиваніи 0,01 куб. сент. туберкулина чувствовалась лишь слабость, легкія боли въ рукахъ и ногахъ и едва замѣтное повышеніе термературы.

Совсѣмъ не то наблюдалось, когда впрыскиванія дѣлались больнымъ, страдающимъ туберкулезомъ. Достаточно было впрыснуть 0,001—0,002 куб. сент. туберкулина чахоточному больному, чтобы черезъ часа 3 — 4 началась сильнѣйшая реакція; появлялся потрясающій ознобъ, температура поднималась сплошь и рядомъ до 41°, появлялась необыкновенная слабость; тошнота, рвота, и иногда сыпь сопровождали эту бурную реакцію. У больныхъ же, пораженныхъ волчанкою, кромѣ сказаннаго, наблюдалось быстрое покраснѣніе пораженнаго волчанкою мѣста; затѣмъ слѣдовало распуханіе, омертвѣніе распухшей части и на видъ полное излѣченіе. Замѣчательно, что при этомъ здоровая кожа не принимала никакого участія во всемъ этомъ процессѣ, столь бурно протекавшемъ въ мѣстахъ, пораженныхъ волчанкой. Впослѣдствіи оказалось, что подобныя же явленія происходили у чахоточныхъ больныхъ, но только, конечно, не на кожѣ, а въ легкихъ.

Такимъ образомъ, если туберкулинъ и не могъ считаться средствомъ, излѣчивающимъ туберкулезъ, то онъ могъ играть видную роль въ вопросѣ о діагнозѣ этого страданія. Разъ человѣкъ оказывался чрезвычайно чувствительнымъ къ самымъ малымъ дозамъ туберкулина, то это уже служило, по мнѣнію Коха, лучшимъ доказательствомъ въ пользу существующаго у такого человѣка скрытаго туберкулеза. Впрочемъ, необходимо прибавить, что дальнѣйшія наблюденія не вполнѣ подтвердили и это обстоятельство; оказалось, что нѣкоторые вполнѣ здоровые люди очень чувствительны къ туберкулину, а съ другой стороны, завѣдомо туберкулезные больные легко переносили большія дозы его, не обнаруживая особенно сильной реакціи.

Въ такомъ, или почти въ такомъ, положеніи находился вопросъ о туберкулинѣ до самаго послѣдняго времени.

*

Кохъ умолкъ. Но кто зналъ этого настойчиваго изслѣдователя, тотъ былъ убѣжденъ, что первая неудача, всеобщія насмѣшки, даже инсинуаціи, брошенныя ему въ лицо, не лишатъ его мужества, не заставятъ его пасть духомъ. И дѣйствительно, въ апрѣльскомъ нумерѣ газеты «Deutsche Medicinische Wochenschrift» за 1897 годъ появилась снова статья Р. Коха, вызвавшая, конечно, волненіе во всемъ мірѣ, какъ медицинскомъ, такъ и не медицинскомъ.

Отношеніе къ этому новому сообщенію замѣчается двоякое: врачи—въ общемъ—относятся къ Коху и на этотъ разъ съ большимъ недовѣріемъ. Общество же хочетъ вѣрить и вѣритъ въ то, что теперь Кохъ уже не ошибается. Если разобрать сообщеніе Коха, то въ немъ можно усмотрѣть двѣ стороны, изъ которыхъ одна, по моему крайнему разумѣнію, безусловно вѣрна, другая же можетъ подлежать нѣкоторымъ сомнѣніямъ.

Дѣло въ томъ, что прежній туберкулинъ Коха приготовлялся такъ: брались культуры туберкулезныхъ бактерій (бациллъ) и изъ нихъ дѣлалась глицериновая вытяжка. Въ теченіе своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Кохъ убѣдился, что извлечь дѣйствующее начало изъ туберкулезныхъ бациллъ невозможно, такъ какъ каждая бацилла представляется защищенною особой оболочкою, которая не допускаетъ никакія жидкости къ непосредственному соприкосновенію съ самой бациллой; оболочка эта — нѣчто въ родѣ очень прочнаго жирнаго вещества. Вотъ почему бациллы, введенныя, напримѣръ, подъ кожу или въ какую-либо полость организма, не могутъ всасываться, а остаются въ качествѣ инороднаго тѣла. Пребывая въ организмѣ, онѣ выдѣляютъ изъ себя ядовитое вещество, которымъ и отравляютъ организмъ, но къ себѣ не подпускаютъ никакихъ жидкостей. Поэтому, попытки дѣлать предохранительныя прививки ни къ чему не ведутъ. Введенныя бациллы укрѣпляются въ данномъ мѣстѣ, сейчасъ же вызываютъ вокругъ себя воспалительные процессы и затѣмъ, окруженныя продуктами этихъ воспалительныхъ процессовъ, дѣлаются, съ одной стороны, недоступными, а съ другой—постепенно наполняютъ организмъ своими ядовитыми выдѣленіями. Задача Коха опредѣлилась такъ: надо было во что бы то ни стало разрушить эти оболочки и тогда только можно извлечь изъ бациллъ ихъ ядъ, годный для впрыскиваній. Оказалось, что всѣ попытки ни къ чему не приводили, потому что тѣ вещества, которыя разрушали оболочки бациллъ, измѣняли и ту составную часть, которою Кохъ хотѣлъ воспользоваться для сообщенія животнымъ невосприимчивости къ зараженію.

Оставалось одно рѣшительное средство — высушивать культуры туберкулезныхъ бациллъ и затѣмъ механически, путемъ растиранія уничтожить эти упорныя оболочки.

Такъ Кохъ и поступилъ. Онъ приготовлялъ культуры, высушивалъ ихъ при температурѣ 38—40° въ разрѣженномъ воздухѣ и затѣмъ растиралъ въ агатовой ступкѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Операція эта весьма опасна и, какъ пишетъ Кохъ, продѣлывая эту манипуляцію, онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка растирающаго взрывчатое вещество. Въ самомъ дѣлѣ, при растираніи культуръ отъ нихъ поднималась ядовитая пыль, содержавшая массу туберкулезныхъ бациллъ.

Когда растираніе было окончено, то полученный чрезвычайно мелкій порошокъ или, правильнѣе, говоря полученную пыль, Кохъ помѣщалъ въ сосудъ съ водою; сосудъ этотъ помѣщался на быстро вращающуюся вокругъ своей оси машину (центрофугъ) и подвергался продолжительному вращенію. При этомъ оказалось, что

вся жидкость дѣлалась мутноватою, а на стѣнкахъ сосуда получался осадокъ, содержавшій массу бациллъ. Жидкость Кохъ сливалъ, а осѣвшія бациллы снова высушивались, снова растирались въ ступкѣ и снова подвергались центрофугированію. И это Кохъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока, послѣ вращенія, на стѣнкахъ сосуда не оставалось никакого осадка.

Приготовивъ такимъ образомъ цѣлый рядъ жидкостей, Кохъ прежде всего убѣдился въ томъ, что онѣ цѣликомъ всасываются организмомъ—значитъ въ нихъ не осталось цѣлыхъ, не разрушенныхъ бациллъ. Далѣе онъ нашелъ, что первая полученная жидкость существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Вторая же и слѣдующія жидкости по своимъ свойствамъ вполнѣ одинаковы. Первую жидкость Кохъ назвалъ *туберкулиномъ О*, остальныя—*туберкулиномъ R*. Туберкулинъ *О* оказался имѣющимъ почти всѣ свойства прежняго, полученнаго Кохомъ, туберкулина, съ тою лишь разницей, что онъ не вызывалъ образованія нарывовъ. Что же касается туберкулина R, то онъ, по словамъ Коха, дѣйствуетъ безусловно иммунизирующимъ образомъ. Онъ, конечно, вызываетъ у туберкулезныхъ больныхъ при впрыскиваніи нѣкоторую реакцію, если, въ особенности, его взять въ большой дозѣ, но дѣйствіе его совершенно не зависитъ отъ вызываемой имъ реакціи. Такимъ образомъ, если прежній туберкулинъ, чтобы произвести полезное дѣйствіе, долженъ былъ быть впрыскиваемъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не вызывалъ реакціи, то туберкулинъ R нужно было впрыскивать именно такъ, чтобы никакой реакціи (какъ повышеніе температуры, ознобъ, слабость и т. п.) не получалось. Это достигалось постепеннымъ, очень медленнымъ увеличеніемъ дозы впрыскиваемаго туберкулина R.

Въ результатѣ оказалось, что, послѣ извѣстнаго количества впрыскиваній, дозу можно довести до довольно крупныхъ размѣровъ, и организмъ переноситъ ее безъ всякаго съ своей стороны протеста. Когда это достигнуто, т. е. когда организмъ иммунизированъ противъ самаго туберкулина R, то онъ оказывается иммунизированнымъ и противъ туберкулезныхъ бациллъ.

Такимъ образомъ, по словамъ Коха, туберкулинъ О можетъ служить *для діагноза* туберкулезнаго процесса, почему-либо скрытаго, а туберкулинъ R—*для лѣченія*.

Что касается метода лѣченія туберкулиномъ R, то онъ весьма простъ. Впрыскиванія производятся при помощи обыкновеннаго правацовскаго шприца подъ кожу на спинѣ. Начинаютъ впрыскиваніе съ дозы $\frac{1}{500}$ милиграмма. При такой дозѣ только въ исключительныхъ случаяхъ наблюдается какая-либо реакція со стороны организма; если же она обнаружится, то дозу еще уменьшаютъ. Затѣмъ черезъ день производится новое впрыскиваніе при очень медленномъ увеличеніи дозы, причемъ, разъ замѣчается повышеніе температуры, слѣдующее за впрыскиваніемъ, то нужно выжидать, пока температура снова не упадетъ. Поднимая постепенно дозы, Кохъ доходилъ до того, что впрыскивалъ сразу 20 миллиграммовъ. Черезъ 2—3 недѣли послѣ впрыскиванія этой послѣдней дозы наступаетъ, по словамъ Коха, полная иммунизація. Лѣченіе нужно начинать, по возможности, раньше—это одно изъ наиболѣе важныхъ условій успѣха. Въ началѣ, при употребленіи малыхъ дозъ, иммунизація даже незамѣтна—тутъ только организмъ, такъ сказать, привыкаетъ къ туберкулину; иммунизація явнымъ образомъ сказывается лишь съ того момента, какъ дозы достигли 0,5—1 миллиграмма.

Кохъ считаетъ, что у тѣхъ больныхъ, которымъ осталось лишь какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ жизни, впрыскиванія не вызовутъ эффекта;

точно также при тѣхъ формахъ туберкулеза, гдѣ, кромѣ туберкулезныхъ бациллъ въ организмѣ, имѣются такъ называемые стрептококи (гнилостныя бактеріи), и гдѣ уже развились рѣзкіе гнойные процессы, отъ туберкулина ждать особенной помощи едва ли возможно. Вообще, если температура у больного перешла за 38°, то результаты лѣченія туберкулиномъ будутъ сомнительны.

Испытывая свой способъ лѣченія на многихъ больныхъ, какъ чахоточныхъ, такъ и страдающихъ волчанкой, Кохъ убѣдился, что во всѣхъ случаяхъ получалось значительное улучшеніе; онъ не говоритъ «выздоровленіе», потому что полагаетъ, что для того, чтобы говорить о *выздоровленіи*, нужно ждать довольно долго и убѣдиться въ отсутствіи рецидива. Никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ впрыскиваній Кохъ не наблюдалъ ни въ одномъ случаѣ.

Спрашивается, какъ относиться къ этому новому открытію Коха?

Мнѣ кажется, что къ нему слѣдуетъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Кохъ слишкомъ поплатился за свою первую ошибку для того, чтобы и теперь обнаружить какую-либо неосторожность. Кромѣ того Кохъ почти семь лѣтъ работалъ, прежде чѣмъ успѣлъ добиться своихъ новыхъ результатовъ. А кто знаетъ, что за научная сила—Кохъ, тотъ, разумѣется, пойметъ, что, проработавъ 6 лѣтъ, онъ чего-нибудь да могъ добиться. Это—a priori.

Но, кромѣ того, съ чисто теоретической стороны настоящіе результаты Коха представляются въ высшей степени правдоподобными; они вполнѣ совпадаютъ со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно предохранительныхъ прививокъ. Такимъ образомъ, и съ теоретической точки зрѣнія сообщеніе Коха заслуживаетъ полнаго довѣрія. Если же принять во вниманіе, что Кохъ произвелъ цѣлую массу наблюденій надъ людьми и животными и только послѣ всего этого рѣшился опубликовать свою работу, то и съ этой стороны есть всѣ данныя относиться къ сообщенію Коха съ полною вѣрою.

Кохъ говоритъ, что только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ температура больного не перешла 38°, туберкулинъ R можетъ принести существенную пользу. Но можно думать, что здѣсь имъ руководитъ только чрезмѣрная осторожность—онъ, вѣроятно, не желаетъ, чтобы ему впослѣдствіи ставили въ укоръ слишкомъ оптимистическое отношеніе его къ своему собственному открытію. Мы же, напротивъ, полагаемъ, что во всѣхъ случаяхъ туберкулеза слѣдуетъ прибѣгать къ лѣченію туберкулиномъ R, ибо если выздоровленія даже и не послѣдуетъ, то улучшеніе болѣзни несомнѣнно должно послѣдовать. Испытаніе коховскаго способа тѣмъ легче, что онъ опубликованъ только тогда, когда Кохъ выучилъ одну фабрику готовить оба туберкулина—туберкулинъ O и туберкулинъ R—въ большихъ количествахъ.

Такъ какъ для тѣхъ, кто страдаетъ туберкулезомъ, не столько важны всякія теоретическія разсужденія, сколько возможность быстро прибѣгнуть къ коховскому лѣченію, то, я полагаю, будетъ небезъинтереснымъ знать, что въ своей работѣ Кохъ даетъ адресъ той фабрики, которая руководствуясь точными указаніями самого Коха, приготовляетъ оба туберкулина; адресъ этой фабрики:

Meister Lucius und Brüning, Höchst am Main.

Наиболѣе темнымъ вопросомъ является въ данномъ случаѣ все-таки вопросъ о томъ, излѣчимъ ли туберкулезъ по способу Коха, или нѣтъ?

Я думаю, что этотъ вопросъ разрѣшитъ въ скоромъ времени и самъ Кохъ. Разъ, хотя бы на морскихъ свинкахъ, будетъ доказано, что всѣ туберкулезныя бациллы послѣ впры-

скиванія „туберкулина R погибаютъ, тогда нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ излѣчимости туберкулеза вообще. Но будутъ ли погибать и туберкулезныя бациллы, укрѣпившіяся гдѣ-нибудь въ легкихъ человѣка, окружившія себя непроницаемыми оболочками — это, конечно, неизвѣстно. И вѣроятнѣе всего, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ туберкулезъ будетъ радикально излѣчиваться, въ другихъ же туберкулезныя бациллы будутъ оставаться, но впрыскиваемый туберкулинъ, нейтрализуя освобождаемый этими бациллами ядъ, будутъ противодѣйствовать дальнѣйшему прогрессу болѣзни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вся парижская, а за нею и вся европейская печать очень много говорила о нѣкоемъ Жакѣ Иноди, человѣкѣ совершенно необразованномъ, который обнаруживалъ удивительную способность производить чрезвычайно быстро всякія ариѳметическія вычисленія. Иноди производилъ сложеніе, напримѣръ, 5 чиселъ, изъ которыхъ каждое состояло изъ 7 знаковъ, съ такою быстротою, что когда ему произносилось послѣднее изъ этихъ 5 чиселъ, то онъ уже говорилъ, чему равна сумма. Съ неменьшей быстротою онъ производилъ умноженія большихъ чиселъ и, что всего удивительнѣе, извлеченіе корней (преимущественно квадратныхъ). Такая совершенно спеціальная способность къ вычисленіямъ заинтересовала какъ французскихъ математиковъ, такъ и психологовъ, и изслѣдованія, произведенныя ими, уяснили и тѣ пріемы, помощью которыхъ Иноди производилъ свои вычисленія, и, наконецъ, психофизіологическія начала, на которыхъ зиждется эта своеобразная способность Иноди.

И до Иноди были извѣстны удивительные «счетчики». Но у нихъ всѣхъ способность считать была основана большею частью на томъ, что при произношеніи какого-либо числа они представляли себѣ это число написаннымъ на ближайшей стѣнѣ или даже просто въ воздухѣ. Здѣсь дѣло сводилось къ отличной *зрительной* памяти. У Жака Иноди оказалась совершенно иная способность. У него обнаружилась удивительная слуховая память именно къ числамъ. Когда ему, напримѣръ, показывали число, то онъ непремѣнно произносилъ его, и этого было достаточно для того, чтобы число оставалось весьма долго въ его памяти. Такъ, ему прочитывали рядъ чиселъ и затѣмъ на другой день онъ могъ ихъ повторить всѣ.

Такія трудныя ариѳметическія дѣйствія, какъ, напримѣръ, извлеченіе корней, Иноди производилъ оригинальнымъ элементарнымъ способомъ разбиванія числа на первоначальные множители и, такъ сказать, раскладываніемъ этихъ множителей, какъ бы въ два ящика, причемъ множители, содержавшіеся въ каждомъ, и представляли искомый квадратный корень.

Извѣстно, что такіе феноменальные люди съ необычайно развитыми односторонними способностями непонятнаго происхожденія, представляютъ въ большинствѣ случаевъ и нѣкоторые психическіе деффекты — у нихъ взамѣнъ очень развитой одной какой-либо способности является пробѣлъ въ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, у Жака Иноди пробѣловъ особенно рѣзкихъ не обнаружилось. Во всякомъ случаѣ такіе субъекты, какъ Жакъ Иноди, въ большинствѣ, не представляютъ признаковъ геніальности — они, по большей части обладаютъ странно организованными мозговыми механизмами, они — игра природы и больше ничего.

Года два тому назадъ, въ Берлинѣ вниманіе ученыхъ и психологовъ было привлечено ребенкомъ *двухъ лѣтъ*, сыномъ брауншвейгскаго мясника, Отто Пёлеромъ, обнаружившимъ совершенно необычайныя способности.

Ребенокъ, котораго, разумѣется, ничему еще не учили, вдругъ, къ удивленію своихъ родителей, самостоятельно выучился чтенію и притомъ сталъ читать необыкновенно бѣгло какъ латинскій шрифтъ, такъ и готическій.

Ребенокъ былъ представленъ германскому антропологическому обществу, которое подвергло маленькаго Отто тщательному изслѣдованію, и затѣмъ профессоръ философіи берлинскаго университета, извѣстный психологъ Карлъ Штумпфъ, заинтересованный удивительными способностями ребенка, рѣшился удѣлить не мало времени на изученіе его психики. Результаты своего изслѣдованія проф. Штумпфъ помѣстилъ въ «Revue Scientifique» отъ 13 марта 1897 г.

Отто Пелеръ—ребенокъ не особенно крѣпкаго тѣлосложенія, но и тщедушнымъ его назвать нельзя. При взглядѣ на него прежде всего бросается въ глаза форма его головы съ удлиненнымъ черепомъ, сильно выпуклымъ сзади. Его лицо украшается парою живыхъ глазъ, принимающихъ замѣчательно серьезное выраженіе, когда вниманіе ребенка сосредоточивается на какомъ-либо интересующемъ его предметѣ. Вообще маленькій Отто чрезвычайно подвиженъ, если только онъ не занятъ чѣмъ-ни будь такимъ, что требуетъ спокойствія. Въ общемъ, онъ производитъ, впечатлѣніе здороваго, бойкаго мальчугана. Онъ любитъ игры, въ особенности же игры въ солдатики или «въ желѣзную дорогу». Онъ, какъ и большинство дѣтей его возраста, протестуетъ противъ всякихъ систематическихъ занятій; и для того, чтобы наблюдать его, приходится, такъ сказать, «ловить моментъ». Никакихъ слѣдовъ гордости, чванства, напыщенности или чего-либо подобнаго въ немъ не замѣтно.

Наиболѣе страстно мальчикъ увлекается историческими разсказами и біографіями; любитъ очень географію, великолѣпно знаетъ хронологію большинства германскихъ императоровъ, начиная съ Карла Великаго; точно также помнитъ годы рожденія и смерти—и не только годы, но и мѣсяцы и дни,—огромнаго количества полководцевъ, поэтовъ и философовъ. Точно также ему извѣстны главные города различныхъ государствъ и рѣки, на которыхъ эти города стоятъ.

Примѣромъ его историческихъ познаній можетъ служить хотя бы то, что онъ свободно излагаетъ всѣ главныя событія тридцатилѣтней или семилѣтней войнъ; и — что удивительно — онъ все это изучилъ безъ всякой посторонней помощи, путемъ чтенія разныхъ посредственныхъ книжекъ, которыя онъ могъ найти въ домѣ своего отца; такъ, онъ со страстью изучалъ «патріотическій календарь», изъ котораго заимствовалъ массу свѣдѣній по исторіи Германіи. Точно также онъ съ особеннымъ удовольствіемъ перечитываетъ надписи на всякихъ памятникахъ.

Когда проф. Штумпфъ показалъ маленькому Отто портреты Фехнера, Лотце и Гельмгольтца и назвалъ ему ихъ имена, то первымъ его вопросомъ было:

— А когда онъ родился? Гдѣ? Когда умеръ? Гдѣ умеръ?

И получивъ отвѣты на эти вопросы, мальчикъ уже навсегда сохранилъ эти отвѣты въ памяти, такъ что черезъ нѣсколько дней, спрошенный проф. Штумпфомъ, онъ повторилъ до подробностей все, что ему было сказано объ этихъ ученыхъ.

Кромѣ способности запоминать сообщаемые ему факты, этотъ удивительный ребенокъ обладаетъ еще способностью быстро угадывать сокращенныя слова. Такъ, когда ему показали конвертъ съ штемпелемъ «d. Univ. z. Berlin», то онъ безъ малѣйшей запинки прочиталъ «die Universität zu Berlin». Точно также онъ прочиталъ: «F. v. S.» — Ferdinand von Schill. Штумпфъ имѣлъ въ виду «Friedrich von Schiller»

и какъ только сказалъ ребенку имя знаменитаго германскаго поэта, такъ сейчасъ же Отто указалъ число, мѣсяцъ и годъ его рожденія и смерти. Когда Штумпфъ показалъ мальчику слѣдующую надпись: «In d. grossen Schl. L. 18. X. 18. wurde Nap. besiegt», то онъ безъ запинки прочиталъ: In der grossen Schlacht bei *Liegnitz* den 18-ten December, 1813, wurde Napoleon... Затѣмъ остановился и поправился такъ: In der grossen Schlacht bei *Leipzig* den 18-ten December 1813 wurde Napoleon besiegt» и затѣмъ прибавилъ, что «при этомъ тамъ находились фельдмаршалъ Блюхеръ и генералъ - фельдмаршалъ Шварценбергъ».

Сначала Отто прочиталъ Лигницъ, но затѣмъ, замѣтивъ, что это не вяжется съ дальнѣйшимъ, поправился и сказалъ «Лейпцигъ».

Опыты нѣмецкаго психолога Гольдшейера надъ быстротою чтенія показали, что даже при обыкновенномъ чтеніи мысль забѣгаетъ всегда впередъ, такъ что въ то время, какъ читающій произноситъ слова текста, его мысль уже работаетъ надъ тѣми словами, которыя еще не прочитаны. Вотъ это-то свойство особенно рѣзко наблюдается на описываемомъ ребенкѣ. Онъ читаетъ просто съ непонятною быстротою, и если заставить его читать громко, то иногда проглатываетъ не только слоги, но даже и цѣлыя слова. Чтобы составить понятіе объ этой быстротѣ, достаточно сказать, что ребенокъ въ теченіе какихъ-нибудь десяти минутъ пробѣжалъ цѣлую книгу съ картинками и затѣмъ былъ въ состояніи передать нѣкоторые изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ слово въ слово.

Благодаря такой быстротѣ чтенія и стремленію преимущественно слѣдить за смысломъ читаемаго, Отто не обращаетъ вниманія на правописаніе словъ и только въ томъ случаѣ, если, показавъ ему неправильно написанное слово, спросить его: «Вѣрно ли написано?» только тогда онъ замѣчаетъ ошибку. Когда ребенку попадается новое слово, то чтеніе его нѣсколько замедляется, но, тѣмъ не менѣе, такія фразы, какъ «физіологическая оптика» или «военныя метаморфозы», онъ прочитываетъ безъ запинки. За то химическое названіе «ди-метилъ - амидофенилъ - диметилъпропилъ - ацетонъ», маленькій Отто категорически отказался прочесть.

Весьма замѣчательно, что никакой особенно рѣзкой способности къ отличенію незначительныхъ внѣшнихъ различій въ предметахъ или рисункахъ у этого ребенка не наблюдается, такъ что нельзя сказать, чтобы въ немъ были какія-либо особенности въ области зрительныхъ впечатлѣній. За то рѣзкая особенность наблюдается у Отто въ отношеніи звуковъ, преимущественно музыкальныхъ. Каждый разъ, когда проф. Штумпфъ пытался опредѣлить, умѣетъ ли маленькій Отто отличать тоны, ребенокъ обращался съ просьбою, чтобы не играли. Нелюбовь къ музыкальнымъ звукамъ такъ сильна, что Штумпфу пришлось прибѣгнуть къ хитрости, чтобы заставить мальчика вслушаться въ производимые тоны. Штумпфъ взялъ пластинку, которую можно было при помощи зажимовъ заставить произвести 100, 200, 300 и 400 колебаній въ секунду; звукъ, получавшійся отъ 100 колебаній, Штумпфъ назвалъ «Отто»; отъ 200-тъ «Генрихомъ», отъ 300—«Михаиломъ» и отъ 400 — «Маріей»; затѣмъ, произведя тотъ или другой изъ этихъ звуковъ, проф. Штумпфъ спрашивалъ мальчика, что это—Отто, Генрихъ, Михаилъ или Марія; но ребенокъ давалъ неправильные отвѣты. Наконецъ, когда Штумпфъ взялъ два произвольныхъ тона, изъ которыхъ одинъ былъ сильный и низкій, а другой рѣзкій, то маленькій Отто такъ охарактеризовалъ эти тоны: о первомъ онъ сказалъ:

«этотъ вѣситъ 203 фунта», а о второмъ: «этотъ вѣситъ только одинъ фунтъ».

Проф. Штумпфъ полагаетъ, что звуки вызываютъ у маленькаго Отто представленія о вѣсѣ. Это, конечно, довольно странно; вѣроятнѣе всего, что мальчикъ соединяетъ съ звукомъ воспоминаніе о звукахъ, издаваемыхъ падающими предметами, изъ которыхъ тяжелые и объемистые даютъ глухой низкій звукъ, между тѣмъ какъ маленькіе предметы даютъ звукъ рѣзкій и болѣе высокій.

Писать Отто Пёлеръ совсѣмъ не умѣетъ. Онъ даже не можетъ срисовывать буквы и линіи и не имѣетъ къ этому ни малѣйшей склонности. Точно также онъ не умѣетъ и считать, и на вопросъ, что больше 68 или 70 часто ошибается и вообще отвѣчаетъ съ большой неохотой. За то таблицу умноженія онъ знаетъ отлично до 12×12.

Вообще, въ маленькомъ Отто замѣтны такія особенности, которыя даютъ возможность предсказать ему, при благопріятныхъ условіяхъ, блестящую будущность. У него механическая память чрезвычайно развита, но главную роль въ усвоеніи всего играетъ живой умственный интересъ.

Къ сожалѣнію, родители ребенка очень бѣдные люди и не могутъ ему дать настоящаго образованія; отдать же его въ чужія руки они не желаютъ, такъ какъ любятъ своего маленькаго Отто до безумія.

Вотъ почему проф. Штумпфъ обращается къ добрымъ людямъ съ просьбою оказать матеріальную помощь удивительному ребенку, за воспитаніемъ и обученіемъ котораго будетъ слѣдить самъ проф. Штумпфъ. Деньги могутъ быть посылаемы на имя нижеподписавшагося, въ редакцію журнала «Міръ Божій», или же непосредственно проф. Штумпфу (An Herrn Professor D-r Carl Stumpf. Berlin, Nürenberger Strasse, 14).

Въ февральской книжкѣ журнала «Научное Обозрѣніе» помѣщена весьма интересная статья г. А. Н. Корножицкаго подъ заглавіемъ «Атлантида». Въ этой статьѣ нашъ почтенный минералогъ старается разрѣшить вопросъ о томъ, существовавшемъ будто бы въ древнѣйшія времена, материкѣ, поэтическое сказаніе о которомъ передаетъ Платонъ въ своихъ двухъ діалогахъ: «Тимей» и «Критіасъ».

Въ «Тимеѣ» Платонъ разсказываетъ, что когда Солонъ посѣтилъ дельту Нила и лежащій въ ней городъ Саисъ, то одинъ изъ египетскихъ жрецовъ разсказалъ ему, будто въ египетскихъ писаніяхъ разсказывается, какъ греки нѣкогда разбили огромное войско, явившееся изъ-за Атлантическаго океана, отъ столбовъ геркулеса.

«Тогда море это было проходимо и передъ устьемъ его, которое на вашемъ языкѣ называется столбами геркулеса, былъ островъ. Но островъ этотъ былъ больше, чѣмъ Ливія и Азія вмѣстѣ. Съ него можно было пробраться и на остальные острова, а съ послѣднихъ и на всѣ континенты, омываемые этимъ моремъ. На этомъ островѣ именовавшемся Атлантидой, процвѣтало могущественное и удивительное царство...

Но впослѣдствіи, когда начались необыкновенныя землетрясенія и наводненія, въ теченіе одного дня и послѣдовавшей затѣмъ ужасной ночи все ваше могучее войско провалилось въ землю и точно также исчезъ островъ Атлантида, погрузившійся въ море ..

...И вотъ почему теперь въ этомъ мѣстѣ море сдѣлалось непроходимымъ и неизслѣдимымъ и тайна происшествія сокрылась, благодаря глубокому илу, вызванному погруженіемъ острова».

Такъ разсказывалъ жрецъ Солону.

Платоновою Атлантидой занимались многіе изслѣдователи. И если она заслуживаетъ вниманія, то, конечно, только съ одной стороны, а именно: если Атлантида существовала, то гдѣ

всего болѣе возможно допустить ея существованіе?

Въ этомъ вопросѣ, мнѣ думается, нельзя становиться на ту точку зрѣнія, на которую въ самомъ началѣ своей статьи становится почтенный авторъ ея, и именно на точку зрѣнія полнаго довѣрія къ тому, что говоритъ Платонъ. Разумѣется, великій греческій философъ не можетъ быть подозрѣваемъ въ томъ, что онъ выдумалъ нелѣпую исторію объ Атлантидѣ. Но вѣдь Платонъ разсказываетъ, что исторія эта была передана Солону. И этому можно вполнѣ довѣрять. Но Солонъ ее слышалъ отъ какого-то египетскаго жреца, который, въ свою очередь, опирался на свидѣтельство какихъ-то египетскихъ писаній.

Допустимъ даже, что и египетскій жрецъ не выдумалъ всей этой исторіи съ Атлантидой, что онъ ее дѣйствительно почерпнулъ изъ писаній. Но кѣмъ эти писанія были составлены, не легло ли въ нихъ многое такое, что принадлежало фантазіи авторовъ? Не были ли онѣ вызваны тѣмъ, что частыя землетрясенія, повторявшіяся въ различныхъ точкахъ Средиземнаго моря, въ различныхъ мѣстахъ греческаго Архипелага, невдалекѣ отъ устьевъ Нила, могли навести людей на мысль *о возможности* исчезновенія огромнаго острова?

Стало быть, при полномъ довѣріи къ Платону и къ Солону, мы отнюдь не можемъ относиться съ такимъ же довѣріемъ къ египетскому жрецу, тѣмъ болѣе, что намъ хорошо извѣстно, какъ египетскіе жрецы для поднятія своего престижа старались создавать всевозможныя небылицы.

Стало быть, никакіе разсказы Платона въ этомъ отношеніи не могутъ ничего прибавить къ вопросу о дѣйствительномъ существованіи Атлантиды.

Я, напримѣръ, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Плиній питалъ глубочайшее уваженіе къ Платону, а тѣмъ не менѣе онъ говоритъ:

«In totum abstulit terras, primum omnium ubi Atlanticum mare est, *si Platoni credimus*, immenso spatio» (Оно поглощало цѣлые материки; прежде всего, *если вѣрить Платону*, огромное пространство (земли) тамъ, гдѣ Атлантическое море) (C. Plinii secundi Historiarum mundi Liber II. XCII).

Стало быть, на вопросъ приходится смотрѣть такъ: существовала ли Атлантида или нѣтъ—мы не знаемъ и не узнаемъ до тѣхъ поръ, пока изслѣдованіе дна морского не дастъ какихъ-либо ясныхъ указаній. Но она могла существовать и погрузиться подъ воду, ибо намъ извѣстно не мало случаевъ уже совершившихся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, гдѣ вслѣдствіе землетрясенія уходили подъ воду цѣлые острова. Итакъ, если принять, что Атлантида дѣйствительно существовала, то въ какомъ мѣстѣ всего болѣе вѣроятія допустить ея существованіе?

На этотъ вопросъ, конечно, можно дать нѣкоторый, болѣе или менѣе близкій къ правдоподобію отвѣтъ и тутъ можно согласиться съ почтеннымъ авторомъ статьи, что *если Атлантида существовала*, то она, вѣроятно, помѣщалась въ восточномъ углу Средиземнаго моря, тамъ, гдѣ теперь разбросаны острова греческаго архипелага. Дѣйствительно, имѣется не мало геологическихъ основаній въ пользу того взгляда, что еще сравнительно недавно въ восточной части Средиземнаго моря имѣлась суша, быть можетъ, даже въ видѣ обширнаго острова, частью котораго является современный Критъ.

Но, кромѣ геологическихъ основаній, есть еще и другія—именно зоологическія. Г. Карножицкій усматриваетъ ихъ, между прочимъ, въ томъ, что перелетныя птицы при наступленіи холодовъ перелетаютъ въ Африку, двигаясь по тремъ направленіямъ: или черезъ Гибралтарскій проливъ, или черезъ Сицилію и Маль-

ту, или же, наконецъ, черезъ Кипръ и Критъ.

«Спрашивается,—говоритъ г. Карножицкій, — какія же причины вызываютъ столь опасныя путешествія черезъ море, когда безопаснѣе было бы переправляться въ Африку черезъ материкъ; почему, далѣе, перелетъ постоянно происходитъ въ опредѣленныхъ пунктахъ? И невольно является мысль, что подобныя путешествія представляютъ собою наслѣдіе давно минувшихъ эпохъ, *когда въ указанныхъ трехъ пунктахъ существовало еще соединеніе Европы и Африки твердой землей* и когда перелетъ этотъ именно здѣсь еще не былъ сопряженъ съ опасностями. Уже отсюда возможно заключить, что во времена доисторическія Критъ и Кипръ имѣли несравненно большіе размѣры и занимали чуть не всю восточную часть Средиземнаго моря».

Можно, конечно, согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что такіе острова, какъ Кипръ, Критъ и др., представляютъ остатки большого материка, но нельзя не признать, что ссылка на перелетъ птицъ въ указанномъ именно направленіи, какъ на доказательство въ пользу существованія материка едва ли особенно убѣдительны. Птицы перелетаютъ по указаннымъ направленіямъ потому, что иначе имъ перелетѣть невозможно, не дѣлая слишкомъ большого крюка въ сторону. Опыты, сдѣланные надъ птицами (напримѣръ, почтовыми голубями) показали, что птицы выбираютъ всегда возможно-кратчайшій путь. Естественно, что тѣ изъ нихъ, которыя проводятъ лѣто въ Западной Европѣ, станутъ летѣть черезъ Гибралтаръ или Сицилію и Мальту; тѣ, которыя находятся въ восточной части Европы, будутъ перелетать черезъ Кипръ или Критъ; вѣдь, двигаясь въ этомъ направленіи, перелетныя птицы очевидно выбираютъ удобнѣйшій путь, такъ какъ здѣсь онѣ все-таки имѣютъ возможность найти на своемъ пути станцію для отдыха. Другого, болѣе удобнаго пути для того, чтобы попасть въ Африку, нѣтъ. Названные направленія представляются кратчайшими и удобнѣйшими.

Какъ развилась эта способность у перелетныхъ птицъ выбирать удобнѣйшія направленія—объ этомъ говорить не стану. Это болѣе нежели понятно тому, кто знаетъ ученіе Дарвина. Птицы, принимавшія другія, неудобныя направленія, погибали въ большомъ количествѣ и, стало быть выживали тѣ, которыя умѣли выбирать именно опредѣленные пути. А затѣмъ уже путемъ наслѣдственной передачи развился у перелетныхъ птицъ этотъ «инстинктъ». Г. Карножицкій, очевидно, не заглянулъ въ карту Европы и не совсѣмъ ясно представилъ себѣ топографію Южной Европы и Африки, иначе онъ не усмотрѣлъ бы въ направленіи перелета птицъ, не зимующихъ въ Европѣ, какого-либо доказательства въ пользу существованія большого острова или материка въ Средиземномъ морѣ.

Да такія доказательства и не нужны. Ихъ есть не мало уже въ одномъ томъ обстоятельствѣ, что Средиземное море представляется очагомъ дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ, а этого достаточно для того, чтобы допустить, что не одинъ, а быть можетъ много острововъ въ теченіе вѣковъ могло уйти подъ воду, какъ много могло появиться надъ водою.

Что касается другихъ основаній, приводимыхъ почтеннымъ авторомъ названной интересной статьи, напримѣръ, того, что на Критѣ находили остатки гипопотамовъ, то эти факты безспорно имѣютъ немалое значеніе для доказательства существованія сухопутнаго сообщенія между Европою и Африкой.

М. Ю. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Май 1897 г.

Содержаніе. Русскія и переводныя книги: Публицистика. — Русская исторія.—Политическая экономія и финансы. — Медицина и гигіена. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. — Одинъ изъ пророковъ нашего времени. *Ив. Иванова.*—Новости иностранной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Б. Ф. Брандтъ. «Борьба съ пьянствомъ».—*Н. Гумилевскій.* «Сущность питейной реформы».—*Л. А. Камаровскій.* «Восточный вопросъ».—*Н. П. Бѣлоконскій.* «Народное образованіе въ Курской губ.» — *Н. В. Тулуповъ.* «Воскресныя чтенія для рабочихъ».—*А. Ѳ. Кони.* «Судебныя рѣчи».

Б. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ. 1897. Изданіе автора. Цѣна 60 коп. Монографія г. Брандта распадистая на два отдѣла: въ первомъ трактуется о пьянствѣ и его послѣдствіяхъ (главы I—IV), во второмъ (главы V—VIII)— о борьбѣ съ пьянствомъ. Въ первой части авторъ рисуетъ поразительную картину всемірнаго пьянства, иллюстрируя свое изложеніе весьма характерными фактами. Такъ, напр., еще въ VIII вѣкѣ Карлъ Великій вынужденъ былъ воспрещать тяжущимся и свидѣтелямъ являться на судъ пьяными и самимъ судьямъ напоминаетъ, чтобы они засѣдали не иначе, какъ совершенно трезвыми. Докторъ French разсказываетъ, что въ Англіи въ XVII вѣкѣ въ большомъ употребленіи были слѣдующія афиши на кабакахъ: «простое опьяненіе—пенсъ, мертвецкое — два, и солома даромъ». Въ 1787 году Джильбертъ Эліотъ пишетъ женѣ своей: «все общество пьянствуетъ здѣсь возмутительно. Фоксъ пьетъ чрезъ мѣру, Шериданъ соперничаетъ съ нимъ, Грей одолѣваетъ ихъ обоихъ, а Питтъ, великій Питтъ превзошелъ всѣхъ четырехъ» и т. д. Въ настоящее время пьянство распространено въ весьма обширныхъ размѣрахъ, но является соціальнымъ недугомъ преимущественно въ двухъ сѣверныхъ странахъ: въ Англіи и Россіи. Останавливаясь на вопросѣ о степени распространенія пьянства въ той или другой странѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что для сужденія о распространеніи пьянства наиболѣе твердой точкой опоры могутъ служить наблюденія повседневнаго опыта, такъ какъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ потребленія спиртныхъ напитковъ, а равно и косвенныя данныя о числѣ осужденныхъ за пьянство, о числѣ составленныхъ протоколовъ по поводу публичнаго пьянства и т. п., не могутъ принести существенной пользы. Указавъ далѣе на связь, существующую между пьянствомъ съ одной стороны и преступностью, бѣдностью и психическими и нервными болѣзнями—съ другой, авторъ признаетъ борьбу съ пьянствомъ

дѣломъ соціальной необходимости и переходитъ ко второй части своего труда, гдѣ имъ подробно описана организація различныхъ способовъ борьбы съ пьянствомъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ: 1) убѣжища для алкоголиковъ; 2) общества трезвости, существующія въ отдѣльныхъ государствахъ, и международныя; 3) такъ-называемую Готтенборгскую систему, и 4) питейную монополію въ Россіи. Что касается убѣжищъ для алкоголиковъ, то авторъ констатируетъ успѣшное дѣйствіе ихъ только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Англіи или въ кантонѣ С.-Галленъ, разрѣшено закономъ насильственное помѣщеніе алкоголиковъ въ спеціальныя лѣчебницы. Наибольшій интересъ представляютъ послѣднія главы книги г. Брандта, гдѣ весьма детально изложены, во-первыхъ, исторія, сущность и послѣдствія такъ-называемой Готтенборгской системы, а во-вторыхъ, исторія «царскаго кабака» Московскаго государства и финансовыя выгоды, общественное значеніе и практическое примѣненіе вводимой у насъ питейной монополіи. Неудача, которая постигла общества трезвости, принявшія въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ принципъ абсолютнаго воздержанія (teetotalism), заставила прибѣгнуть къ другимъ средствамъ; средства эти стали отыскивать въ такой организаціи производства и продажи питей, которая представляла бы надежный оплотъ противъ пьянства. Такимъ средствомъ и явилась такъ-называемая Готтенборгская система. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: на продажу питей въ данномъ городѣ устанавливается монополія, которую городъ передаетъ акціонерной компаніи, основанной на полукоммерческихъ и полуфилантропическихъ началахъ; компанія, получая доходъ въ размѣрѣ обычнаго процента на вложенный въ дѣло капиталъ, весь доходъ, превышающій обычную прибыль, отдаетъ на общественныя надобности. При питейныхъ заведеніяхъ, торгующихъ распивочно, продаются кушанья, главнымъ образомъ горячія. Сидѣлецъ въ заведеніи все вырученное за водку отдаетъ компаніи, все же вырученное за кушанья получаетъ въ свою личную пользу. Такимъ образомъ, сидѣлецъ заинтересованъ въ томъ, чтобы продать поменьше вина и побольше кушанья. Кромѣ питейныхъ заведеній, устраиваются также столовыя, гдѣ можетъ быть отпущена только рюмочка къ обѣду, а также читальни, гдѣ находятся газеты, журналы, брошюры, а вмѣсто спиртныхъ напитковъ продаются чай, кофе, шеколадъ, зельтерская вода и т. п. Самые кабаки носятъ скорѣе характеръ столовыхъ, имѣющихъ просторныя, чистыя, свѣтлыя и вполнѣ гигіеничныя помѣщенія. Не удивительно, что такая система дала самые благотворные результаты, которые въ будущемъ, вслѣдствіе передачи пивной торговли также въ руки монопольныхъ компаній на началахъ Готтенборгской системы, будутъ еще благопріятнѣе. Послѣ всего изложеннаго г. Брандтомъ, въ высшей степени странно читать на стр. 103 его монографіи такія строки: «казенная питейная монополія есть въ сущности та же Готтенборгская система... по существу своему и своимъ задачамъ реформа эта не отличается отъ Готтенборгской системы»... Если ужъ нужно во что бы то ни стало сравнивать съ чѣмъ-ни-

будь казенную продажу питей, вводимую теперь у насъ, то мы думаемъ, что больше всего она походитъ на существовавшую въ Россіи откупную систему. Далѣе авторъ указываетъ на слѣдующіе недостатки практическаго примѣненія питейной монополіи: 1) новый законъ, установивъ главнымъ типомъ питейнаго заведенія винную лавку на выносъ, оставилъ лазейку, чрезъ которую пьянство въ прежнемъ видѣ можетъ легко пробить себѣ дорогу: авторъ имѣетъ въ виду продажу по вольной цѣнѣ и въ наливъ изъ раскупоренной посуды, при которыхъ трактиръ новѣйшей формаціи ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дореформеннаго трактира; 2) допущеніе продажи казенной водки на коммиссіонныхъ началахъ въ частныхъ заведеніяхъ различнаго рода. Эти «коммиссіонеры» ничѣмъ не стѣснены въ томъ, чтобы отпускать вино въ долгъ и подъ закладъ вещей и прибѣгать ко всякаго рода ростовщическимъ пріемамъ съ цѣлью получить побольше прибыли отъ своей «коммиссіи»; 3) нераспространеніе монополіи на пивную торговлю и пивныя лавки, которыя служатъ такими же притонами пьянства и разгула, какими раньше были кабаки. Говоря о послѣдствіяхъ введенія казенной продажи питей, авторъ указываетъ на слѣдующія явленія: открытое пьянство на улицѣ, превращеніе крестьянами своихъ собственныхъ квартиръ во временные кабаки, лишеніе сельскихъ обществъ права ходатайствовать о закрытіи питейныхъ заведеній въ чертѣ ихъ усадебной осѣдлости и на разстояніи до 100 саж. отъ этой черты. Впрочемъ, авторъ почему-то смотритъ на усиленіе пьянства, какъ на явленіе временное и скоро-преходящее, закономъ же 19 февраля 1896 г. о введеніи питейной монополіи въ юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ сельскимъ обществамъ возвращено ихъ прежнее право.

Поверхностное изложеніе вопроса, странные выводы и взгляды г. Брандта, отмѣченные выше, лишаютъ его брошюру того значенія, какое она могла бы имѣть въ настоящее время, когда вопросъ о пьянствѣ все болѣе и болѣе выдвигается жизнью.

Н. Гумилевскій. Сущность и цѣли питейной реформы въ Россіи. Спб., 1897. Изданіе автора. Ц. 30 коп. Настоящее изданіе предпринято съ цѣлью ознакомленія общества съ реформой питейнаго дѣла. По мнѣнію автора, основная задача вводимой у насъ казенной питейной монополіи — поднятіе умственнаго, нравственнаго, физическаго и матеріальнаго благосостоянія народа (см. стр. 4, 17 и 20). Съ такимъ утвержденіемъ автора врядъ ли возможно согласиться: на организацію питейнаго дѣла въ странѣ можно смотрѣть исключительно, какъ на факторъ, вліяющій, независимо отъ приносимаго имъ казнѣ дохода, на увеличеніе или уменьшеніе пьянства въ народѣ, а слѣдовательно, и какъ на мѣру, направленную на борьбу съ пьянствомъ; поднятіе же народнаго благосостоянія, какъ учили и учатъ экономисты всѣхъ вѣковъ и народовъ, зависитъ отъ другихъ причинъ и достигается мѣрами совершенно иного характера. Далѣе авторъ полагаетъ, что, съ введеніемъ у насъ казенной продажи вина, отмѣнена, будто бы, акцизная система взиманія питейнаго налога (см. стр. 13 и 14). Но это не болѣе, какъ недоразумѣніе, ибо

сущность акцизной системы состоитъ въ томъ, что водка и спиртъ облагаются непосредственнымъ, прямо въ казну взимающимся сборомъ, соотвѣтственно количеству ихъ и качеству. Казенная монополія сохраняетъ въ основѣ своей тотъ же акцизъ, установленіе размѣра котораго всецѣло зависитъ попрежнему отъ правительства, а все то новое, что даетъ реформа, сводится къ тому, что казна оставляетъ за собою исключительное право на продажу спирта, водки и водочныхъ издѣлій.

Заслуживаетъ также удивленія утвержденіе автора, что «однимъ изъ главнѣйшихъ условій упорядоченія потребленія вина представляется устройство питейнаго заведенія съ выносною торговлею. Выносной типъ заведенія будетъ мощнымъ средствомъ противъ разгула и неравномѣрнаго потребленія вина внѣ семейнаго круга». Утверждая это, авторъ, во-первыхъ, совершенно упустилъ изъ виду, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ введена такъ называемая готтенборгская система, признаваемая всѣми вполнѣ цѣлесообразнымъ и наиболѣе могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ, установленъ типъ питейнаго заведенія съ распивочной торговлей и съ продажей кушаньевъ, главнымъ образомъ горячихъ, причемъ все вырученное за кушанья идетъ въ личную пользу сидѣльца въ заведеніи, который, такимъ образомъ заинтересованъ въ томъ, чтобы продавать поменьше вина, выручка съ котораго поступаетъ въ пользу питейной компаніи, и побольше кушаньевъ. Во-вторыхъ, если до 1895 года можно было еще говорить о томъ, что «выносной типъ заведенія *будетъ* мощнымъ средствомъ противъ разгула и т. д.», то этого никакъ нельзя сказать теперь, въ виду тѣхъ непрекращающихся сообщеній изъ мѣстъ казенной продажи вина во всѣ почти повременныя изданія, которыя свидѣтельствуютъ объ усиливающемся пьянствѣ и разгулѣ и, такимъ образомъ, не оправдываютъ оптимизма автора. Остальная часть брошюрки говоритъ объ обществахъ трезвости и попечительствахъ о народной трезвости и заканчивается обращеніемъ «къ женщинамъ и интеллигентамъ». Матеріаломъ для книжки г. Гумилевскаго служили, главнымъ образомъ, оффиціальные источники, какъ-то: циркуляры министра финансовъ и «Вѣстникъ Финансовъ».

Мы думаемъ, что изданіе г. Гумилевскаго совершенно не достигнетъ намѣченной имъ цѣли и врядъ ли сможетъ дать нашему обществу знакомство съ сущностью и цѣлями питейной реформы въ Россіи. Брошюрка его — просто макулатура, разсчитанная на довѣрчивость и незнаніе публики.

Проф. графъ Л. А. Камаровскій. Восточный вопросъ. М. 1897. in-16. Стр. 68. Ц. 25 к. Брошюра гр. Камаровскаго вышла во время, да и сама по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, какъ сжатое и въ достаточной мѣрѣ свободное отъ традиціонныхъ неловкостей изложеніе предмета. Къ тому же, въ нашей литературѣ и не имѣлось до сихъ поръ краткаго научно-популярнаго трактата по вопросу, который теперь именно многихъ интересуетъ, но къ которому еще очень многіе подходятъ съ узко націоналистической или предвзятой точки зрѣнія. Конечно, и авторъ разби-

раемой брошюры не вполнѣ свободенъ отъ нѣсколько кабинетнаго освѣщенія предмета, тѣмъ не менѣе ея нельзя не рекомендовать вниманію читателей преимущественно предъ всѣми другими болѣе пространными разсужденіями. «Восточный вопросъ», насколько онъ затронутъ въ брошюрѣ, означаетъ вопросъ о положеніи и будущности Турціи и всѣхъ подвластныхъ ей племенъ, не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ Азіи и въ Африкѣ. Для правительствъ европейскихъ державъ, «вопросъ» этотъ, по мнѣнію графа Камаровскаго,—обширнѣйшая арена для интригъ и вражды другъ противъ друга; имъ порой возможно пользоваться и для отвлеченія общественнаго вниманія отъ дѣлъ внутренней политики; въ этомъ послѣднемъ заключается особенно злостная сторона «восточнаго вопроса», который, дѣйствительно, требуетъ поэтому возможно скорѣйшаго разрѣшенія, и мы согласны съ авторомъ, что стоитъ и очень стоитъ подумать надъ тѣмъ, какъ убить ядовитый микробъ, который мы зовемъ «восточнымъ вопросомъ», какъ можно рѣшить его «на практикѣ наиболѣе удобно, для всѣхъ справедливо и съ наименьшими потрясеніями для общаго мира». Пересказавъ главные фазисы исторіи и современнаго положенія «восточнаго вопроса» и различные планы замѣщенія Турціи, не разъ проектировавшіеся, авторъ излагаетъ основныя начала возможно справедливаго и мирнаго рѣшенія «восточнаго вопроса» въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Возможно ли вообще дальнѣйшее сохраненіе Турціи? спрашиваетъ авторъ (стр. 11)—«На основаніи всего историческаго опыта,—говоритъ графъ Камаровскій,—отвѣтъ на это ясенъ самъ собою. Существованіе Турціи, разсматриваемое по существу дѣла, есть *зло* и *ложь*. Турки, какъ отдѣльныя личности, представляются, по отзывамъ многихъ изъ знающихъ, и симпатичными, и великодушными, но въ смыслѣ коллективномъ, какъ государство, Турція—совершенная аномалія среди другихъ цивилизованныхъ народовъ». Органическое разложеніе Турціи нѣтъ никакой возможности остановить; она разлагается чуть что не совсѣмъ такъ же, какъ ея предшественница и во многомъ похожая на нее, Византія: и тамъ, и тутъ деспотизмъ, обрядность и застой мысли сыграли громадную роль. Такъ какъ Турція есть, по словамъ графа Л. Камаровскаго, «зло и ложь», то усилія спасти ее не что иное, какъ стремленіе возвести означенныя понятія въ принципъ своей дѣятельности. Мы воздерживаемся отъ выводовъ и, передавая мнѣнія графа Камаровскаго, замѣтимъ, что не раздѣляемъ его взгляда, будто «болѣе всего въ рѣшеніи «восточнаго вопроса» заинтересована Россія». Послѣдняя поддерживаетъ догматъ о цѣлости Турціи; авторъ признаетъ этотъ догматъ фальшивымъ и говоритъ, что онъ «въ цѣломъ толкаетъ Россію на ложный путь» (стр. 17), что «отъ этого благосостояніе Россіи только несетъ громадныя потери». Все это такъ, но авторъ забываетъ, что Европѣ совсѣмъ не легко разстаться съ Турціей: развѣ паденіе Турціи не будетъ новымъ, не подлежащимъ опроверженію доказательствомъ того, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ дикая азіатчина въ лицѣ деспотизма, мертвой обрядности и застоя мысли? Правда, графъ Камаровскій спѣшитъ увѣрить своихъ читателей въ томъ, что «ко

благу человѣчества начала свободы торжествуютъ надъ деспотизмомъ, высшая культура подчиняетъ себѣ низшую», но это литературное утѣшеніе дѣйствительность обставила изумительными картинами равнодушнаго отношенія къ рѣзнѣ армянъ, обстрѣливанія христіанъ и потопленія ихъ судовъ у береговъ Крита въ защиту ислама; можно было бы придти въ совершенное отчаяніе отъ этихъ картинъ *нынѣшней* фламандской школы, еслибъ до читателя брошюры графа Камаровскаго не доходили протесты общественнаго мнѣнія лучшей части Европы противъ открытой поддержки ислама въ интересахъ дипломатическихъ кабинетовъ, которымъ чудится, что совсѣмъ не будетъ дѣла съ упраздненіемъ Турціи. А сложеніе новыхъ политическихъ тѣлъ на развалинахъ Турціи, зарожденіе политической жизни славянъ?!

Существованіе Турціи есть «зло и ложь», по словамъ графа Камаровскаго, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ (стр. 36), по его словамъ, «позоръ для всего цивилизованнаго міра». Приведенная характеристика вводитъ автора въ рѣшеніе «восточнаго вопроса», для котораго необходима *международная организація*.

Державы должны прежде всего выработать, среди мира, возможно полную и справедливую программу своихъ будущихъ совмѣстныхъ дѣйствій относительно Турціи и населяющихъ ея народовъ, предоставить Турціи распасться на намѣчающіяся уже самою жизнью политическія тѣла и затѣмъ на основаніи выработанной программы помочь послѣднимъ устроиться на началахъ свободы и справедливости. Константинополь долженъ стать столицей будущаго Всеславянскаго Союза (тутъ авторъ напрасно увлекается пустыми бреднями Н. Я. Данилевскаго), Греція должна получить острова Архипелага, Критъ, Кипръ и др., Франція — Египетъ и пр. Тутъ мы ставимъ точку и предоставляемъ читателю самому ознакомиться съ комбинаціями, которыя представляются возможными нашему автору. Основная его идея, т. е. международная организація въ рѣшеніи «восточнаго вопроса» должна быть принята, нужно столковаться и относительно программы дѣйствій, но прежде всего Европа должна предоставить Балканскій полуостровъ его собственному жребію и вмѣшаться лишь тогда, когда полуостровъ окончательно намѣтитъ самъ и безъ всякаго посторонняго давленія тѣ политическія тѣла, на которыя онъ можетъ распасться... Тогда-то, въ противовѣсъ деморализаціи, унаслѣдованной полуостровомъ отъ турецкаго деспотизма, въ противовѣсъ безцѣльнымъ воспоминаніямъ (стр. 25, 39 и 61) о минувшей славѣ Сербіи, Болгаріи, Византіи и т. д. Европа должна насадить на полуостровѣ начала свободы и справедливости, если самъ онъ начнетъ съ крупныхъ грѣховъ по адресу этихъ послѣднихъ; доминирующая роль должна и можетъ принадлежать, конечно, не Россіи: во-первыхъ, у нея и своего дѣла по горло, а во-вторыхъ, очень трудно разбираться въ ссорахъ родственниковъ на глазахъ всей Европы, которая не освободится же отъ своихъ подозрѣній на счетъ нашей искренности и намековъ на тему: «врачу исцѣлися самъ». Всякія же комбинаціи a priori и надежды на ломку существа человѣческой природы, которыя сквозятъ у ав-

тора, надо отложить въ сторону, равно какъ нѣкоторыя метафизическія и кабинетныя мечтанія (срв. стр. 1, 35, 53; 38, 42—45). Жизнь сама сдѣлаетъ свое дѣло: ее нужно не насиловать, а лишь идти къ ней на встрѣчу.

Народное начальное образованіе въ Курской губерніи. Составилъ И. П. Бѣлоконскій. Курскъ. 1897 г. (съ діаграммами и картограммой).— Трудъ г. Бѣлоконскаго выходитъ далеко за предѣлы своего скромнаго заглавія. Значительная часть его посвящена разсмотрѣнію дѣла народнаго образованія вообще по всей Россіи. Уже въ предисловіи, отмѣчая въ земской жизни два все болѣе развивающіяся теченія, именно: 1) принятіе участія въ дѣлѣ народнаго образованія со стороны губернскихъ земствъ, и 2) возбужденіе въ земствахъ вопроса о всеобщемъ обученіи,—онъ ставитъ интересующій его вопросъ не на исключительно мѣстную, а на общую для всей нашей родины почву. Вообще, въ его трудѣ ясно проглядываетъ стремленіе, кромѣ интересныхъ фактическихъ данныхъ, дать и матеріалъ для общихъ выводовъ. Интересно въ этомъ послѣднемъ отношеніи, обоснованное обширнымъ цифровымъ матеріаломъ, заключеніе автора, что въ изданіи и организаціи современнаго народнаго просвѣщенія земству принадлежала не только главная, но и единственная почти роль. Еще большій жизненный интересъ представляетъ выводъ изъ многочисленныхъ свѣдѣній о современномъ взглядѣ деревни на школу, доставленныхъ людьми, близко стоящими къ народу. Этотъ выводъ гласитъ, что «теперь значительная часть населенія не насильно и не враждебно относится къ школѣ, а наоборотъ, спросъ деревни на образованіе далеко не удовлетворяется предложеніемъ». Въ положительномъ смыслѣ рѣшенъ деревней и вопросъ объ обученіи дѣвочекъ.

Г. Бѣлоконскій, между прочимъ, ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о томъ, «какія суммы могли бы пойти на удовлетвореніе нуждъ народнаго образованія»?. Указывая на общеизвѣстный фактъ, что выплата взноса различныхъ уѣздныхъ земствъ весьма колеблется, онъ говоритъ, что «если бы состоялось постановленіе, въ силу котораго ни одинъ уѣздъ не могъ бы участвовать въ дѣлѣ народнаго образованія взносомъ ниже средняго погубернскаго обложенія, то явилась бы возможность содержать громадное количество новыхъ школъ. Число ихъ можно было бы еще значительно увеличить, если бы на нужды народнаго образованія могли быть обращены средства, предназначавшіяся ранѣе на содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія, а нынѣ обращенныя на улучшеніе дорожныхъ сооруженій. Какъ справедливо указала Курская губ. зем. управа, помимо улучшенія сообщеній, у земства имѣются и другія нужды первостепенной важности, причемъ на первомъ планѣ среди нихъ надлежитъ поставить народное образованіе».

Въ главѣ о «народныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ» г. Бѣлоконскій отмѣчаетъ, что «наши народныя чтенія въ громадномъ большинствѣ случаевъ преслѣдуютъ не просвѣтительныя, а почти исключительно религіозныя цѣли». Небезъинтересны данныя о томъ, что читаетъ, или, вѣрнѣе, что приходится читать учительскому персоналу въ деревнѣ въ силу почти полнаго отсутствія какихъ-

*

либо библіотекъ. На 30 экз. такихъ періодическихъ органовъ, какъ «Рус. Вѣд.», «Р. Мысль», «Р. Богат.», «Нов. Сл.», «Вѣстн. Восп. и Образов.», «Недѣля», выписывается 97 экземпляровъ «Нивы», «Свѣта» и «Родины», и это не удивительно, такъ какъ народнымъ учителямъ поневолѣ приходится отдавать предпочтеніе дешевизнѣ предъ качествомъ.

На вопросъ, «что *любитъ* читать народъ», г. Бѣлоконскій считаетъ невозможнымъ отвѣтить при настоящемъ положеніи дѣла. Теперь населеніе читаетъ только то, что можетъ добыть, что ему даютъ, причемъ несомнѣнно, что оно стремится читать. Удовлетворить его потребность въ здоровомъ чтеніи можетъ и должно земство путемъ организаціи книжныхъ складовъ, потому что безъ книгъ народная школа не можетъ дать ожидаемыхъ отъ нея результатовъ.

Мимоходомъ г. Бѣлоконскій разбиваетъ взглядъ, что, получивъ образованіе, населеніе бросаетъ деревню и землю. При помощи наглядныхъ цифровыхъ данныхъ онъ доказываетъ, что 80,7% мужч. и 87,5% женщ. на самомъ дѣлѣ вовсе не бросаютъ ни земли, ни сельскаго хозяйства и остаются въ деревнѣ. Вообще трудъ г. Бѣлоконскаго богатъ не только жизненными практическими обобщеніями, но и отвѣтами на многіе изъ вопросовъ, поднимавшихся за послѣднее время въ періодической печати и литературной полемикѣ на тему о просвѣщеніи народа.

Н. Тулуповъ. Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тиль и К° въ Москвѣ. М. 1897. in-8. Стр. 18. Ц. 10 коп. Докладъ г. Тулупова (въ прошломъ году имъ же была издана брошюра «Народныя библіотеки и читальни». М. 1896. in 16. Стр. 46. Ц 20 коп), читанный въ «Постоянной Коммиссіи по техническому образованію», интересенъ и самъ по себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ. Авторъ разсказываетъ несложную исторію устройства публичныхъ чтеній для рабочихъ на одной изъ московскихъ фабрикъ. Теперь всѣ уже согласились съ тѣмъ, что чтенія на фабрикахъ и заводахъ должны устраиваться возможно широко, что ни одно учрежденіе подобнаго рода не должно функціонировать безъ воскресныхъ чтеній. Мало-по-малу, чтенія устраиваются на фабрикахъ и заводахъ, и докладъ г. Тулупова имѣетъ цѣлью не доказывать давно доказанную необходимость и пользу чтеній, а лишь сообщить рядъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ возникли и развились чтенія и бесѣды на означенномъ заводѣ и какихъ результатовъ достигли они при наличности тѣхъ или иныхъ условій. Авторъ доказываетъ, что наиболѣе сильнымъ факторомъ, вліявшимъ на количество посѣтителей, въ данномъ случаѣ являлось содержаніе чтеній. Рабочіе всегда имѣютъ возможность узнать, что будетъ читаться въ ближайшее воскресенье черезъ объявленія, которыя за нѣсколько дней вывѣшиваются въ разныхъ мѣстахъ завода; бывали случаи, что они еще наканунѣ рѣшали вопросъ, стоитъ ли идти завтра на чтеніе или нѣтъ. Оказывается, что историческія чтенія нравятся болѣе, чѣмъ научныя и даже многія изъ беллетристическихъ; любимымъ героемъ является Петръ Первый. Произведенія Гоголя, говоритъ

авторъ, хотя привлекаютъ значительное количество слушателей, но шумнаго успѣха въ аудиторіи не имѣютъ; такъ, въ «Тарасѣ Бульбѣ» слушателямъ не понравилась сцена встрѣчи Тараса съ сыновьями по возвращеніи ихъ изъ бурсы. «Развѣ хорошо,—говорили потомъ слушатели,—что сынъ бьетъ отца?» По прочтеніи «Страшной мести», многіе замѣчали: «то учатъ насъ, что всякіе домовые и лѣшіе — вздоръ, то читаютъ намъ о привидѣніяхъ». «Лѣкарь по неволѣ» Мольера привелъ слушателей въ неописуемый восторгъ, аудиторія потрясалась отъ смѣха; но на другой день нѣкоторые высказывали: «хорошо-то, хорошо, только чтожъ намъ пустяки-то слушать, намъ бы что-нибудь подѣльнѣе». Совершенно неожиданно окончилось чтеніе Тургеневскихъ «Пѣвцовъ». Съ художественной стороны оно было безукоризненно; при началѣ чтенія аудиторія притихла, но въ общемъ чувствовалось, что слушателями овладѣло какое-то недоумѣніе; затѣмъ, когда было прочитано двѣ-три страницы, больше чѣмъ половина слушателей съ шумомъ и недовольствомъ оставила аудиторію, затѣмъ стали уходить еще и еще, такъ что въ концѣ концовъ осталось десятка три-четыре слушателей. «Намъ кабакъ-то и такъ надоѣлъ, а тутъ еще про него читаютъ», слышалось въ толпѣ, оставлявшей аудиторію.

Подобнаго рода данныя слѣдуетъ опубликовывать возможно чаще и, насколько намъ извѣстно, г. Тулуповъ могъ бы быть на нихъ менѣе скупымъ (срв. брошюры Н. И. Борисова *Волшебный фонарь въ народной школѣ*. Херсонъ. 1896. «Отчетъ» совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ. 1896, статью В. Н. Сторожева *Голосъ провинціи въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ* и др.). Отмѣтивъ благотворные результаты чтеній на фабрикѣ К. Тиль, г. Тулуповъ говоритъ: «Москва—крупнѣйшій фабричный центръ. Рабочее населеніе столицы считается, вѣроятно, десятками тысячъ. Гдѣ же отдыхаютъ и чему учатся эти десятки тысячъ въ свой праздничный досугъ? Какія учрежденія предоставлены въ ихъ распоряженіе?» Въ отвѣтъ—молчаніе. Московская коммиссія народныхъ чтеній—совершенно жалкое учрежденіе, заглохшее и дошедшее до того, что въ аудиторіяхъ коммиссіи народъ стукомъ и свистомъ привѣтствуетъ такъ называемыя «бесѣды»; коммиссія дѣйствуетъ безъ секретаря и занялась недавно просто вспомоществованіями своимъ же членамъ; годами не представляетъ отчетовъ, не созываетъ общихъ собраній. Въ брошюрѣ г. Тулупова напечатаны, между прочимъ, замѣчанія В. П. Вахтерова, который, раздѣляя высказанную сейчасъ точку зрѣнія, заявилъ: «Я думаю, что въ виду того, что въ Москвѣ народныхъ чтеній до отчаянія мало, что она поразительно отстала отъ глухой московской деревушки, что въ Москвѣ чтенія не сопровождаются ни опытами, ни какими-нибудь другими аксессуарами, что, наконецъ, вопросъ о томъ, какъ приноровить эти чтенія къ разнымъ уровнямъ развитія слушателей остается нерѣшеннымъ,—«Постоянная Коммиссія по техническому образованію» должна взять это дѣло подъ свое покровительство и дать ему какую-нибудь организацію». Изъ заключенія брошюры

видно, что предложенія гг. Тулупова и Вахтерова были приняты, и организована спеціальная коммиссія по устройству школъ, курсовъ, чтеній и лекцій на фабрикахъ и заводахъ.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи (1868—1888 гг.). Изданіе третье. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к. Настоящій сборникъ рѣчей извѣстнаго судебнаго оратора и бывшаго оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, А. Ѳ. Кони, въ отношеніи внушаемаго имъ интереса говоритъ самъ за себя, выходя третьимъ изданіемъ. Заключая въ себѣ до 17 обвинительныхъ рѣчей, три руководящія напутствія присяжнымъ по наиболѣе сложнымъ дѣламъ и до восьми кассаціонныхъ заключеній, разсматриваемый сборникъ отличается тою же содержательностью и поучительностью, въ особенности для юристовъ практиковъ, какими отмѣчены и позднѣйшія рѣчи А. Кони, собранныя имъ въ недавно вышедшей книгѣ «За послѣдніе годы». Передъ нами проходитъ рядъ процессовъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму, привлекавшихъ общее вниманіе,—процессовъ, на которыхъ вырабатывалась судейская практика. Таковы дѣла о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ и въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ, дѣло К. Юханцева, обвиняемаго въ растратѣ суммъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, дѣло Гулакъ-Артемовской и Богданова о подлогѣ векселей, о злоупотребленіяхъ на таганрогской таможнѣ, дѣло бывшаго нотаріуса Назарова и другія. Въ этихъ процессахъ раскрывается передъ всякимъ, знакомящимся съ ними, характерныя черты нашей общественной жизни, нравы и понятія современной эпохи. Не меньшій интересъ представляютъ дѣла, въ которыхъ ярко раскрывается талантъ А. Ѳ. Кони, какъ тонкаго психолога, глубоко проникающаго во всѣ тайники преступнаго сознанія, какъ-то: дѣло объ убійствѣ Чихачева, объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ и пр.

Для юристовъ, обращающихся къ этой книгѣ, важно помѣщеніе въ концѣ ея алфавитнаго указателя толкованій и объясненій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ судебныхъ рѣчахъ, а также указатель статей закона, на которыя сдѣланы въ нихъ ссылки.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Александръ I».

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб. 1896. (Русскій біографическій словарь. Томъ I). Двадцатаго апрѣля 1813-го года союзная армія русскихъ и пруссаковъ на глазахъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма неожиданно аттаковала подъ Люценомъ разбросанныя силы наполеоновской арміи. Успѣхъ аттаки былъ таковъ, что къ вечеру русскій императоръ долженъ былъ тратить свое краснорѣчіе предъ прусскимъ королемъ, убѣждая его въ необходимости отступить за Эльбу, на ея правый бе-

регъ. «Это мнѣ знакомо,—запальчиво возражалъ огорченный король (стр. 269),—если только мы начнемъ отступать, то не остановимся на Эльбѣ, но перейдемъ также за Вислу; дѣйствуя такимъ образомъ, я вижу себя снова въ Мемелѣ». Какъ ни чинятился прученный Наполеономъ король, однако, долженъ былъ внять голосу Александра и, соглашаясь на отступленіе, сохранить союзъ съ послѣднимъ. На другой день императоръ и его свита проскакали въ Пенигъ «во весь опоръ въ колясках» мимо А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, бродившаго по полямъ въ поискахъ то неизвѣстно гдѣ находящагося главнокомандующаго союзной арміей графа П. Х. Витгенштейна, то М. А. Милорадовича, волей-неволей бездѣйствовавшаго наканунѣ, а теперь получившаго приказаніе командовать аріергардомъ и прикрывать быстрое отступленіе арміи за Эльбу. Сидѣвшій въ одной изъ «во весь опоръ» скакавшихъ колясокъ князь П. М. Волконскій, увидавъ Данилевскаго, на мгновеніе остановился, закричалъ ему: «напиши въ реляціи, что мы идемъ фланговымъ маршемъ», и понесся дальше... «Какова должна быть исторія, основанная на подобныхъ матеріалахъ,—записалъ по этому поводу Михайловскій-Данилевскій,—а къ сожалѣнію, большая часть исторій не имѣетъ лучшихъ источниковъ».

Приведенный разсказъ о бѣгствѣ, превращенномъ реляціей въ походъ фланговымъ маршемъ, поучителенъ вдвойнѣ.

Во-первыхъ, въ немъ заключается руководящая нить для раскрытія внутренняго смысла Александровской эпохи, которая современному изслѣдователю представляется въ формѣ безконечной реляціи съ претензіями на красоту слога и глубину чувства. Во-вторыхъ, разсказъ этотъ — прекрасная популярная иллюстрація законности и необходимости того переворота во взглядѣ на исторію, который произошелъ въ послѣднее время и стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ нарожденіемъ великой *соціальной проблемы*, которая равно сбила съ позиціи и старыя реляціи съ ихъ творцами, и старыхъ историковъ съ ихъ преклоненіемъ и почти исключительнымъ вниманіемъ къ ярко разукрашеннымъ, но вовсе не составляющимъ сути дѣла обложкамъ истинной исторіи народовъ.

На русской почвѣ переворотъ, совершившійся въ западно-европейской исторической наукѣ, уже замѣченъ и оцѣненъ по достоинству; правда, новые взгляды у насъ еще не слишкомъ распространились въ ширину, за то тѣмъ глубже ими проникнуты немногіе представители науки въ собственномъ смыслѣ этого слова; иные какъ бы безсознательно подчиняются новой точкѣ зрѣнія, выбирая для своихъ изслѣдованій вопросы вполнѣ дружественные соціологическому пониманію исторіи и оказываясь, такимъ образомъ, курьезными исповѣдниками старыхъ теорій въ работахъ новаго по темамъ образца. Прошлый взглядъ на исторію народовъ, какъ на рядъ дипломатическихъ, законодательныхъ и военныхъ дѣйствій даже у насъ теряетъ свой кредитъ, если вѣрить искренности интереса, съ какимъ отнеслись въ русской періодической прессѣ къ доктринѣ діалектическаго развитія исторіи. Однако, общій ходъ нашей исторической литературы, не подчинившись оконча-

тельно новому взгляду, не выработавъ сообразно съ нимъ иного метода изслѣдованія, ставитъ въ очень странное положеніе историческую критику: ея требованія переросли міровоззрѣніе подавляющаго большинства работниковъ въ области русской исторіи, она интересуется совсѣмъ другими вопросами, преслѣдуетъ совсѣмъ другія цѣли и часто невольно принуждена относиться съ суровымъ выговоромъ по адресу работъ, авторы которыхъ трудились и много, и добросовѣстно, но для которыхъ новое направленіе въ исторіи есть нѣчто неслыханное и недоступное. Случилось, что поколѣніе историковъ стараго направленія чуть ли не во всей своей цѣлости пережило самихъ себя гораздо раньше, чѣмъ оно достигло зенита своей литературной дѣятельности; для него исторія продолжала быть пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ» въ то время, когда на очередь стало соціологическое объясненіе прошлаго.

Предъ нами прелюбопытная работа по исторіи Россіи XIX вѣка, автору которой нельзя отказать въ извѣстной ученой выправкѣ, историческомъ интересѣ и значительномъ трудолюбіи, но къ которой даже при современныхъ условіяхъ русской дѣйствительности критика можетъ отнестись и не вполнѣ снисходительно. Н. К. Шильдеръ не годъ и не два занимается изученіемъ эпохи императора Александра I, занимается при условіяхъ, едва ли доступныхъ для обычныхъ изслѣдователей русскаго прошлаго, какъ по широкой возможности пользоваться матеріаломъ Государственнаго Архива, такъ и по удобствамъ его опубликованія; встрѣчая въ историческихъ журналахъ его статьи, публика привыкла къ мысли, что г. Шильдеръ подаритъ нашу литературу обширной исторіей Александровской эпохи, полной научнаго интереса и новизны впервые пущеннаго въ оборотъ архивнаго капитала. Ожиданіе это оказалось имѣвшимъ нѣкоторыя основанія: почти одновременно публика читала въ I-мъ томѣ *Русскаго Біографическаго Словаря* (Спб. 1896. in 8-vo maiore. Стр. 892. Ц. 10 руб.) обширную біографію императора Александра I (стр. 141 — 384), написанную г. Шильдеромъ, а въ одномъ изъ историческихъ журналовъ извѣщеніе, что фирмой А. С. Суворина предпринято иллюстрированное изданіе исторіи императора Александра I въ обработкѣ того же автора. То, что мы имѣемъ получить въ иллюстрированномъ изданіи, предназначается для большой публики, будетъ отличаться такъ или иначе популярнымъ характеромъ; то, что мы уже получили, имѣетъ въ виду если не исключительно, то прежде всего ученаго читателя и появилось въ ученомъ изданіи «Императорскаго русскаго историческаго общества». Стало быть, общія точки зрѣнія, пріемы изслѣдованія, освѣщеніе фактовъ и вкусы изслѣдователя вполнѣ обозначились; въ иллюстрированномъ изданіи прибавятся подробности, внесутся нѣкоторыя поясненія, расширится анекдотическая сторона, но теоретическая подкладка и настроеніе авторскихъ взглядовъ останутся такими же, какими мы ихъ изучаемъ сейчасъ. Стало быть, цѣннѣйшая часть работы г. Шильдера всецѣло въ нашемъ распоряженіи. Ея широкій общественный интересъ не подлежитъ сомнѣнію; намъ, болѣе чѣмъ

кому-либо, настоятельно необходимо разобраться въ нашемъ существованіи въ XIX вѣкѣ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что г. Шильдеръ, печатая свой трудъ, преслѣдовалъ совсѣмъ не тѣ цѣли, которыя мы хотимъ ему навязать, руководствовался иными теоретическими взглядами, чѣмъ тѣ, которыя признаетъ единственно законными современная историческая наука и которыя въ русской литературѣ нашли наиболѣе блестящее выраженіе въ извѣстномъ трудѣ проф. П. Н. Милюкова «*Очерки по исторіи русской культуры* (Спб. 1896)». Это обстоятельство не заставляетъ насъ, однако, безнадежно сложить руки и съ грустью поставить книгу г. Шильдера на полку, разрѣзавъ лишь ея первыя страницы, какъ это сдѣлалъ когда-то М. П. Погодинъ, получивъ въ 1851 году первый томъ «*Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*» С. М. Соловьева, осмѣлившагося послѣ Н. М. Карамзина писать русскую исторію и получившаго свыше выговоръ за поднесеніе своего труда. Работа г. Шильдера, несмотря на теоретическіе промахи, все-таки — шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія русской исторіи XIX вѣка. Несмотря на всю сдержанность и осторожность какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ эксплуатаціи архивныхъ матеріаловъ, несмотря на явныя потуги сгладить производимое текстомъ впечатлѣніе, авторъ, можетъ быть, самъ того не сознавая, произвелъ настоящій разгромъ ходячихъ представленій объ Александровской эпохѣ, и выразилъ отрицательное отношеніе даже къ первой ея половинѣ. Это отнюдь не потому, что онъ тенденціозно отнесся къ либеральнымъ *идеямъ* императора Александра, а просто въ силу логической необходимости, вытекавшей изъ наблюденія словъ и дѣлъ упомянутаго историческаго момента. Изъ труда г. Шильдера совсѣмъ не видно, какъ онъ относится къ либерализму, какъ абстрактному понятію, видитъ ли въ немъ зло или совсѣмъ обратное, т. е. заслугу какъ Александра, такъ и первыхъ его сотрудниковъ,—въ предѣлахъ работы, напечатанной авторомъ въ Словарѣ, его поведеніе по адресу либеральныхъ *идей* вполнѣ безгрѣшно; авторъ, сохраняя объективное спокойствіе, вообще воздерживается отъ сужденій принципіальнаго характера, старается говорить фактами, которые сами за себя постоятъ, и не его вина, если эти факты говорятъ намъ гораздо больше и иначе, чѣмъ предполагалось. Тутъ возникаетъ предварительное разногласіе между авторомъ и критикой, которому вторитъ въ иномъ, правда, отношеніи, читатель ex officio. На пространствѣ всего труда г. Шильдера видна какая-то борьба съ незримыми чудовищами мистическихъ представленій о границахъ дозволеннаго и недозволеннаго для научнаго изслѣдованія въ современной русской дѣйствительности; г. Шильдеръ уподобившись мужу, скрывшему свой талантъ въ землю, насколько позволительно судить читателю его труда, сравнительно мало воспользовался архивными капиталами. Къ пріемамъ біографіи Александра I г. Шильдера можно примѣнить приведенныя имъ слова Гнейзенау по поводу Люценской битвы (стр. 268): «Основная идея боя была хороша, а распоряженія плохи. Потеряно время на медленное развертываніе войскъ вмѣсто

внезапнаго нападенія на застигнутаго врасплохъ непріятеля». Воздержаніе отъ принципіальныхъ сужденій, разъ нѣтъ тенденціозной подтасовки фактовъ, можно простить; пріемъ говорить фактами, не вдаваясь въ ихъ толкованіе, вполнѣ возможно допустить, но при условіи равномѣрнаго и обильнаго ихъ приведенія. Разъ это послѣднее условіе не соблюдено, возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній, часто діаметрально противоположныхъ. Г. Шильдеръ сказалъ недостаточно о внутренней исторіи Россіи времени Александра I, что ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть оправдано въ исторической работѣ, выпускаемой въ ученомъ изданіи конца XIX вѣка. Пусть авторъ не исповѣдуетъ современныхъ принциповъ *научной* исторіи, пусть для него, какъ это ни странно, не играютъ ни малѣйшей роли вопросы соціальные,—все-таки его біографія Александра I, благодаря игнорированію внутренней исторіи, является далеко не полной. Чтобы вполнѣ понять и сдѣлать обстоятельную оцѣнку такого лица, какъ Александръ I, необходимо самое широкое и разностороннее изученіе его времени. Если г. Шильдеръ и не далъ или даже и не намѣренъ былъ давать обстоятельной характеристики императора Александра I, то, какъ біографъ, долженъ былъ выполнить элементарное требованіе полноты въ подборѣ матеріала.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ отмѣченныхъ недостаткахъ, отчасти не зависящихъ отъ автора, трудъ его долженъ занять особое мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Его мы смѣло рекомендуемъ читателямъ, въ увѣренности, что они сами съумѣютъ сдѣлать надлежащіе выводы, пользуясь фактами, приведенными г. Шильдеромъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

«Роспись доходовъ и расходовъ В. К. Финляндскаго.—*Г. фонъ-Шульце-Геверницъ.* «Крупное производство». — *Ж. Симондъ-де-Сисмонди.* «Новыя начала политической экономіи».

Роспись доходовъ и расходовъ Великаго Княжества Финляндскаго на 1897 годъ. Недавно, въ №№ 6 и 8 «Сборника постановленій Великаго Княжества Финляндскаго» за текущій годъ обнародована роспись доходовъ и расходовъ Финляндіи. Общая сумма всѣхъ поступленій выражается цифрой 40.713.158 фин. марокъ и 27 пенни; расходы составляютъ сумму въ 39.088.622 м. 06 п. Такимъ образомъ, избытокъ равняется 1.624.496 м. 21 п. Наиболѣе крупныя статьи доходовъ слѣдующія: 1) Таможенныя пошлины со включеніемъ мореходнаго сбора—18.500.000 м. 2) Почтовый сборъ—2.300.000 м. 3) Доходы съ казенныхъ лѣсовъ—2.200.000 м. 4) Ординарные оброки—1.600.000 м.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на расходахъ, которые сведемъ къ девяти группамъ по ихъ назначеніямъ и сравнимъ ихъ съ соотвѣтствующими группами расходовъ въ главнѣйшихъ государствахъ Европы.

Расходы Великаго Княжества Финляндскаго можно распредѣлить по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Расходы на *общее управленіе* (сюда входятъ расходы на сеймъ, органы правительства, сенатъ, центральные и мѣстные органы администраціи, пенсіи, оффиціальныя газеты Финляндіи и т. п.) составляютъ 12.996.555 м. 66 п. II. Расходы на *внутреннюю безопасность* (сюда входятъ расходы на юстицію, тюремную часть, охраненіе народнаго здравія, призрѣніе бѣдныхъ, благотворительность, полицію и т. д.)—5.835.621 м. 24 п. III. Расходы на *церковь* равняются 465.677 м. 59 п. IV. Расходы на *образованіе, науки и искусства* опредѣляются крупной цифрой въ 6.220.799 м. 92 п. V. Расходы на *средства сообщенія* (сюда входятъ расходы только на шоссейные и водяные пути) составляютъ 771.402 м. 71 п. VI. Расходы на *воспособленіе промысламъ* равняются 248.650 м. VII. *Фискальные* расходы составляютъ сумму, равную 4.170.737 м. 67 п. VIII. Расходы на *государственный долгъ* опредѣляются незначительной суммой въ 313.000 м. и IX. Расходы на *оборону страны* достигаютъ почтенной цифры въ 8.066.217 м. 27 п.

Если мы возьмемъ по каждой группѣ абсолютныя цифры расходовъ и опредѣлимъ ихъ отношеніе къ общей суммѣ расходовъ, то получимъ слѣдующую таблицу, выражающую процентное отношеніе каждой группы къ общей суммѣ расходовъ:

	РАЗЛИЧНЫЯ ГРУППЫ РАСХОДОВЪ.	Процентное отношеніе къ общему количеству расходовъ.
1.	Общее управленіе	33,25
2.	Внутренняя безопасность	14,93
3.	Церковь	1,19
4.	Образованіе, науки и искусства	15,91
5.	Средства сообщенія	2,00
6.	Воспособленія промысламъ	0,63
7.	Финансовые расходы	10,66
8.	Государственный долгъ	0,80
9.	Оборона страны	20,63
	Итого	100,00

Для сравненія заимствуемъ изъ сочиненія Р. фонъ-Кауфмана «Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ» данныя о расходахъ на предметы, указанные въ вышеприведенной таблицѣ, въ главнѣйшихъ государствахъ Европы. Эти данныя могутъ служить только приблизительно для цѣлей сравненія, такъ какъ всюду они показаны въ общемъ итогѣ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ. Во всякомъ случаѣ, матеріаломъ для сравненія они послужатъ, и въ результатѣ окажется, что небольшая по числу жителей, незначительная по пространству своей территоріи Финляндія, бюджетъ которой едва лишь превышаетъ 40 милл. марокъ, далеко оставляетъ за собою многія изъ культурныхъ европейскихъ государствъ.

Мы заимствуемъ слѣдующую таблицу:

	РАСХОДЫ НА:	Пруссія.	Австрія.	Италія.	Франція.	Велико-британія.	Россія.
		Проценты.					
1.	Общее управленіе	6,90	9,28	6,87	4,65	3.21	13,36
2.	Внутренняя безопасность . .	8,44	7,65	8,91	5,37	15,32	6,56
3.	Церковь	0,98	0,91	—	1,45	—	1,34
4.	Образованіе, науки и искусства	8,34	6,32	5,13	7,01	7,62	3,99
5.	Средства сообщенія	4,35	4,82	9,82	8,42	5,06	2,95
6.	Воспособленія промысламъ . .	1,66	3,82	0,55	1,18	1,02	1,62
7.	Государственный долгъ . . .	10,90	18,31	31,09	23,34	17,98	21,37
8.	Оборону страны	14,82	13,59	16,16	21,22	20,24	31,58

Платя дань современному милитаризму и затрачивая на оборону страны свыше 8 милл. марокъ, Финляндія свободна, однако, отъ колоссальныхъ долговъ, ложащихся тяжкимъ бременемъ на подданныхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и поглощающихъ отъ $^1/_{10}$—$^1/_5$ бюджета. Далѣе, поставленная въ остальной части бюджета въ болѣе самостоятельное положеніе, небольшая страна имѣетъ возможность тратить на образованіе, науки и искусства свыше 6 милл. марокъ, что, какъ мы видѣли, составляетъ почти 16% всѣхъ расходовъ. Такой суммы, относительно общаго итога всѣхъ расходовъ, не затрачиваетъ на указанную статью ни одно изъ наиболѣе культурныхъ государствъ Западной Европы. Отмѣтимъ еще и то, что на внутреннюю безопасность (куда входятъ, помимо расходовъ на юстицію, тюремную часть и полицію, также траты на охраненіе народнаго здравія, призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность) изъ европейскихъ государствъ больше Финляндіи тратитъ одна только Англія.

Получаемая такимъ путемъ картина внутренней жизни страны служитъ наилучшимъ опроверженіемъ противъ всѣхъ нападокъ, столь щедро сыплющихся отовсюду на государственныхъ дѣятелей Финляндіи въ частности и на «угрюмыхъ пасынковъ» суроваго сосѣдняго края вообще.

Гергардтъ фонъ-Шульце-Гевернитцъ. Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Этюдъ изъ области хлопчатобумажной промышленности. Пер. съ нѣмец. Л. Б. Красина, подъ ред. и съ предислов. П. Б. Струве. Въ прилож. лекція проф. Е. фонъ-Филипповича: Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1897 г. Спб. Ц. 1 р. 75 к. Въ экономической литературѣ монографія Шульце-Гевернитца, профессора политической экономіи въ Фрейбургѣ, должна занять почетное мѣсто, какъ по темѣ и ея развитію, такъ и по блестящему, увлекательному изложенію. Экономическія сочиненія читаются, вообще, далеко не легко, требуя большого вниманія и необходимой предварительной подготовки. Трудъ фрейбургскаго профессора выгодно отличается именно своей доступностью для всякаго, даже мало подготовленнаго читателя, не смотря на всю глубину трактуемаго предмета. Въ предисловіи редакторъ перевода, г. Струве, указы-

ваетъ на односторонность изслѣдованія Гевернитца, который разработалъ одну лишь сторону картины, посвятивъ все вниманіе *успѣхамъ*, какъ экономическимъ, такъ и соціальнымъ, достигнутымъ Англіей благодаря развитію крупнаго производства. Но другая сторона, неизбѣжно присущая каждому крупному перевороту въ общественной жизни, и не входила въ задачу изслѣдователя. Его цѣль была—доказать на основаніи огромнаго имѣющагося матеріала, какъ, по мѣрѣ роста крупнаго производства, росло экономическое благосостояніе рабочаго класса Англіи, который изъ положенія «бѣлыхъ рабовъ» въ началѣ текущаго столѣтія поднялся до уровня «средняго» сословія, ставъ аристократомъ среди рабочихъ другихъ мелкихъ отраслей промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гевернитцъ приходитъ къ выводу, что тотъ же ростъ крупной индустріи привелъ къ другому, чрезвычайно важному положенію, которое онъ называетъ «соціальнымъ миромъ». Слова эти не вполнѣ точно опредѣляютъ содержаніе выражаемаго ими понятія, какъ справедливо замѣчаетъ г. Струве. И въ Англіи, какъ вездѣ на континентѣ, идетъ борьба общественныхъ классовъ и происходитъ ожесточенная индивидуальная конкурренція. «Но тѣ культурныя формы, въ которыхъ совершается эта борьба, та равноправность, которою пользуются обѣ стороны, создаютъ дѣйствительно отношенія, рѣзко отличающіяся отъ господствующихъ на континентѣ. Современная наука международнаго права говоритъ намъ, что при веденіи войны между цивилизованными народами соблюдаются извѣстныя нормы, которыя въ своей совокупности образуютъ такъ называемое «право войны» и которыхъ не знали менѣе культурныя времена и народы. Англійскій «соціальный миръ», желательность котораго Шульце-Гевернитцъ и другіе ученики Брентано съ такимъ похвальнымъ упорствомъ доказываютъ нѣмецкимъ предпринимателямъ и нѣмецкой бюрократіи, есть тоже своего рода «право войны». И оно-то является, безспорно, огромнымъ культурнымъ завоеваніемъ, которымъ современная Англія можетъ справедливо гордиться».

Авторъ выбралъ хлопчатобумажную промышленность, въ развитіи которой съ особенной яркостью выразился общій законъ зависимости между экономическими и общественными отношеніями. Въ книгѣ Гевернитца, при всей указанной выше односторонности ея, ясно прослѣжена связь между измѣненіемъ научныхъ идей и экономической дѣйствительностью. Именно въ этой отрасли промышленности яснѣе всего видно, какъ «изъ цѣлой системы независимыхъ единичныхъ *хозяйствъ*, стоявшихъ подъ властью обычая и авторитета, возникло, съ развитіемъ конкурренціи, міровое хозяйство, связанное въ одно цѣлое обмѣномъ и раздѣленіемъ труда. Эта перемѣна произвела, съ одной стороны, перемѣну въ формахъ производства — на мѣсто ремесла стала современная крупная промышленность, съ другой — извѣстный психологическій переворотъ: появляется новый образъ мыслей, а вмѣстѣ съ ними и новые люди, новые типы предпринимателя и рабочаго». По мѣрѣ того, какъ измѣняется схема экономическихъ отношеній, происходятъ коренныя измѣненія и во взглядахъ, что получаетъ свое завершеніе въ перемѣнахъ теоріи. «Въ области

отношеній, покоящихся на обычаѣ, господствуетъ всюду старое ученіе; по мѣрѣ же того, какъ отношенія теряютъ свой обычно-патріархальный характеръ и вовлекаются въ міровое хозяйство, старая теорія начинаетъ колебаться. И лишь постольку, поскольку этотъ переворотъ уже совершился, вмѣстѣ съ побѣдой крупной формы промышленности надъ всѣми другими формами, получаетъ признаніе и новое ученіе, сперва—у теоретиковъ, а потомъ и у практиковъ странъ, въ которыхъ хозяйственный переворотъ уже законченъ. Въ странахъ съ переходными экономическими формами многіе практики упорно остаются при старомъ ученіи».

Тѣмъ важнѣе для такихъ «практиковъ», а также и «теоретиковъ»—ближайшее ознакомленіе съ экономическимъ переворотомъ уже завершившимся и съ его послѣдствіями. Книга Гевернитца даетъ яркую картину такого переворота въ области хлопчатобумажной промышленности, имѣющей за собой самую длинную исторію, на которой можно выяснить лучше всего поставленныя выше положенія автора. Рекомендуя ее нашимъ читателямъ, считаемъ необходимымъ еще разъ отмѣтить слишкомъ оптимистическій взглядъ Гевернитца, не замѣчающаго, что далеко не все обстоитъ благополучно и въ этой области, что достигнутые результаты стоили массы жертвъ, а кризисы, повторяющіеся отъ времени до времени, указываютъ на неустойчивость описываемаго имъ благополучія. Но общая точка зрѣнія автора вѣрна и проведена имъ вездѣ съ блестящей доказательностью.

Ж. Симондъ-де-Сисмонди. Новыя начала политической экономіи. Перев. Б. О. Эфруси «Библіотека экономистовъ» Изд. К. Т. Солдатенкова, вып. VIII. М. 1897 г. Ц. 1 руб. Жанъ Симондъ-де-Сисмонди (1773 — 1842 гг.), историкъ и экономистъ, родомъ изъ Женевы, былъ современникомъ великихъ революцій, политической и промышленной, ознаменовавшихъ конецъ прошлаго вѣка и начало настоящаго. И та, и другая своими результатами поселила въ наблюдательномъ и отзывчивомъ писателѣ глубокое разочарованіе. Вынужденный со всей семьею удалиться изъ Женевы во время революціонныхъ бурь 1792—1793 гг., Сисмонди 18 мѣсяцевъ прожилъ въ Англіи, знакомясь съ англійской литературою и общественными учрежденіями, наблюдая крупныя измѣненія, совершавшіяся, благодаря примѣненію новыхъ изобрѣтеній въ промышленной жизни этой передовой страны. Позднѣе, возвратившись на родину, онъ издаетъ трудъ подъ названіемъ «Торговое богатство», въ которомъ, вполнѣ слѣдуя принципамъ Адама Смита, онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ и популяризаторомъ его теоріи свободной конкурренціи и государственнаго невмѣшательства въ область экономической жизни. Черезъ 15 лѣтъ Сисмонди вновь посѣтилъ Англію. Въ то время, какъ Франція послѣ всѣхъ политическихъ испытаній приведена была къ реставраціи, въ Англіи ясно раскрылись всѣ печальныя послѣдствія новаго промышленнаго порядка, особенно гибельно отразившагося на интересахъ населенія въ этотъ первый періодъ своего торжества. Для Сисмонди, который цѣлью соціальной науки, или науки объ управленіи, ставилъ счастье людей, соединенныхъ въ общество, положеніе рабочихъ классовъ, найденное имъ въ

Англіи, должно было показать всю несостоятельность надеждъ, возлагаемыхъ на благодѣтельное вліяніе свободной конкурренціи. Съ этого времени обнаруживается рѣзкій поворотъ въ соціально экономическихъ воззрѣніяхъ Сисмонди. Онъ рѣшилъ указать человѣчеству и своимъ соотечественникамъ «на опасность того пути, по которому слѣдуетъ эта нація (Англія), и подтвердить на ея примѣрѣ, что основывать всю политическую экономію на принципѣ неограниченной конкурренціи, значитъ дать каждому право поступать противъ общества и приносить интересы человѣчества въ жертву алчности отдѣльныхъ личностей» (244). Въ 1819 г. онъ издаетъ свои «Новыя начала политической экономіи», въ которыхъ рѣшительно расходится въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ съ авторитетами тогдашней экономической науки. Съ Адамомъ Смитомъ его раздѣляетъ принципіальное отрицаніе теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь; въ противоположность Рикардо въ Англіи и Сэ на континентѣ, онъ утверждалъ, что экономиста долженъ занимать не столько вопросъ о производствѣ богатствъ, сколько о болѣе справедливомъ и равномѣрномъ распредѣленіи ихъ между всѣми классами общества, не увеличеніе богатства, а увеличеніе спроса на трудъ или заработной платы, вознаграждающей этотъ трудъ. Съ Мальтусомъ его раздѣляло убѣжденіе, что никогда количество съѣстныхъ припасовъ, какое въ состояніи производить земля, не служило и не служитъ препятствіемъ росту и благоденствію населенію, а исключительно вліяніе общественной организазіи, условій, искусственно создаваемыхъ законодательствомъ. Вглядываясь въ современныя явленіи промышленной жизни Англіи, Сисмонди съ ужасомъ отворачивается отъ результатовъ, къ которымъ привело неограниченное господство свободной конкурренціи и рядъ новыхъ изобрѣтеній, измѣнившихъ условія производства. «Несмотря на всѣ благодѣянія соціальнаго строя,—пишетъ онъ,—несмотря на выгоды, доставляемыя искусствами, иной разъ проклинаешь раздѣленіе труда и всѣ фабричныя изобрѣтенія, когда видишь, до чего доведены, благодаря имъ, наши ближніе» (196). Онъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Англіи во время промышленнаго кризиса. «Нѣтъ болѣе удивительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе ужаснаго зрѣлища, чѣмъ то, какое представляетъ собою въ настоящее время Англія посреди ослѣпительной роскоши, бросающейся въ глаза... По большимъ дорогамъ проходятъ то толпы нищихъ, изгнанныхъ изъ фабрикъ, то толпы оборванныхъ ирландцевъ... Въ городахъ, въ столицѣ вокругъ Гайдъ-парка, гдѣ великолѣпнѣйшіе экипажи слѣдуютъ другъ за другомъ съ быстротою молніи, группы въ 10 или 20 фабричныхъ, изнуренныхъ лихорадкой, сидящихъ неподвижно съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ, составляютъ такое обычное явленіе, что оно даже ни на одинъ моментъ не останавливаетъ на себѣ вниманія. Треть всѣхъ фабрикъ уже закрыта, другая треть скоро закроется, а магазины завалены товарами» (213). Эти бѣдствія, испытываемыя рабочими классами, неувѣренность въ существованіи, которая ихъ угнетаетъ, Сисмонди объяснялъ ложнымъ направленіемъ, проникнувшимъ въ экономическую политику, стремящуюся совершенно отдѣлить собственность

отъ труда, поощрять концентрацію имуществъ, увеличивать производство не въ соотвѣтствіи съ потребленіемъ. Въ противоположность этому направленію онъ рекомендуетъ по отношенію къ сельскому населенію поощреніе системы мелкой земельной собственности и обработки земли, названной имъ патріархальной, по отношенію же къ городскому рабочему классу, если не возстановленіе имѣвшей, по его мнѣнію, свои достоинства, организаціи цеховъ и корпорацій, то увеличеніе числа мелкихъ самостоятельныхъ мастерскихъ, установленіе участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія и проч. Впрочемъ, самъ Сисмонди чувствуетъ недостаточность предлагаемыхъ имъ мѣръ къ облегченію положенія рабочихъ классовъ. «Сознаюсь,—говоритъ онъ,—послѣ того, какъ я указалъ, въ чемъ, на мой взглядъ, заключается справедливость, я чувствую себя совершенно не въ силахъ указать средства для ея осуществленія. Существующее распредѣленіе продуковъ труда между содѣйствующими производству этихъ продуктовъ представляется мнѣ несправедливымъ; но мнѣ кажется выше человѣческихъ силъ придумать такую форму собственности, которая совершенно отличалась бы отъ формы, извѣстной намъ по опыту» (240).

Ж. Симондъ-де-Сисмонди, какъ экономиста теоретика нельзя, конечно, ставить на одну доску съ его знаменитыми современниками, Адамомъ Смитомъ, Рикардо и Мальтусомъ. Но было бы несправедливостью при оцѣнкѣ его значенія ограничиваться указаніемъ на недостаточно ясное и точное разграниченіе имъ основныхъ экономическихъ понятій о доходѣ, капиталѣ и его разныхъ видахъ и проч. Давно сказано, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ выйти изъ смѣшенія понятій, и Сисмонди нельзя ставить въ упрекъ тѣ ошибки, отъ которыхъ далеко не освободилась наука и по настоящее время. Главная заслуга Сисмонди заключается въ томъ искреннемъ отношеніи къ современной ему экономической дѣйствительности, которое, исходя изъ его глубокихъ симпатій къ трудящейся массѣ, освѣтило для него темныя стороны господствующихъ научнаго и практическаго теченій экономической мысли. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто закладывалъ первыя основанія будущей критики современнаго экономическаго строя, такъ какъ критика эта всегда исходила изъ тѣхъ же побужденій, которыми руководствовался онъ,—требованій общаго блага.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

«Городъ С.-Петербургъ съ точки зрѣнія медицинской полиціи».—*М. Н. Покровская.* «Санитарный надзоръ надъ жилищами». — «Седьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей».

Городъ С.-Петербургъ съ точки зрѣнія медицинской полиціи. Составлено по распоряженію г. с.-петербургскаго градоначальника, генералъ-маіора Н. В. Клейгельса врачами петербургской столичной полиціи при участіи и подъ редакціей старшаго врача И. Еремѣева. Спб. 1897 г. Ни для кого не тайна, что Петербургъ, первый нашъ городъ, съ милліоннымъ населеніемъ, съ болѣе чѣмъ 10-ти-милліоннымъ бюджетомъ, представляется крайне неблагоустроеннымъ

съ точки зрѣнія санитарной. Высокій процентъ смертности населенія, обиліе всякаго рода заразныхъ и незаразныхъ болѣзней съ очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что столица безусловно нуждается въ оздоровленіи. Много разъ уже высказывалась эта мысль, много разъ указывались тѣ мѣры, которыя должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ въ дѣлѣ благоустройства Петербурга, а между тѣмъ дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ очень мало, принимаемыя мѣры носятъ характеръ палліативовъ, а радикальное лѣченіе все откладывается и откладывается. Было бы несправедливо всю вину въ нашихъ непорядкахъ взваливать на людей, многое здѣсь падаетъ на долю крайне неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, трудно или вовсе не подчиняющихся человѣческой волѣ.

Наше «окно въ Европу» прорублено, какъ извѣстно, въ мѣстности болотистой, крайне сырой, съ короткимъ лѣтомъ, съ продолжительной холодной зимой и отвратительной осенью. Солнце въ теченіе бо́льшей части года—рѣдкое явленіе, которымъ спѣшитъ воспользоваться незначительная, болѣе зажиточная часть населенія. А огромное большинство жителей ютится въ сырыхъ холодныхъ «углахъ», размѣщенныхъ въ подвальныхъ и чердачныхъ квартирахъ. А давно извѣстно, что куда не заглядываетъ солнце, туда является болѣзнь.

Чѣмъ болѣе неудовлетворительными представляются климатическія и почвенныя условія мѣстности, тѣмъ напряженнѣе, энергичнѣе должна бы быть дѣятельность тѣхъ, кому вручены заботы о судьбахъ города. Къ сожалѣнію, санитарное дѣло, совсѣмъ еще у насъ молодое, не находитъ надлежащей поддержки со стороны общества. Масса населенія такъ еще не культурна, что смотритъ на всякаго рода санитарныя улучшенія какъ на праздную выдумку досужихъ людей. Достаточно сказать, что безплатно производимая послѣ заразныхъ заболѣваній дезинфекція квартиры и имущества больного вызываетъ нерѣдко большое неудовольствіе со стороны окружающихъ больного... У насъ и интеллигенція скорѣе понимаетъ и больше сочувствуетъ большому расходу на устройство или расширеніе какой-либо больницы, чѣмъ единовременной затратѣ на какое-нибудь, правда, не эффектное, но имѣющее огромную важность санитарное предпріятіе. Красивое большое больничное зданіе всякій видитъ и понимаетъ, а какія-то подземныя трубы, дренажирующія почву—не интересны! У насъ еще не понимаютъ того, что увеличеніе расходовъ на больничное дѣло ясно показываетъ, что городъ боленъ и, поэтому, такое обиліе и богатство больницъ ничего отраднаго не представляетъ.

Вышеназванный сборникъ поставилъ задачей еще разъ напомнить о вопіющихъ нуждахъ Петербурга. Всякій, конечно, согласится съ редакторомъ сборника, д-ромъ Еремѣевымъ, слѣдующимъ образомъ резюмирующимъ причины неудовлетворительнаго состоянія города: «1) почва улицъ и площадей, издавна загрязненныя нечистотами, просачивающимися изъ проницаемыхъ городскихъ водосточныхъ колодцевъ и трубъ. 2) Чрезмѣрное загрязненіе воды въ рѣкахъ и каналахъ, куда непосредственно спускаются нечистоты со всѣхъ дворовъ столицы. 3) Отсутствіе раціональ-

ной канализаціи, предохранющей почву и рѣки отъ загрязненія. 4) Чрезмѣрное переполненіе въ 1895—1896 годахъ столицы и отсутствіе свободныхъ квартиръ. 5) Недостаточное питаніе низшаго класса населенія въ связи съ его нечистоплотностью. 6) Отсутствіе достаточныхъ средствъ для вывозки нечистотъ и полное несовершенство орудій вывозки, при усиленномъ стремленіи домовой администраціи спускать какъ можно больше нечистотъ, черезъ городскія сточныя трубы въ рѣки, каналы и почву. 7) Недостаточность мѣстъ въ дѣтскихъ больницахъ, слѣдствіемъ чего является полная невозможность своевременной изоляціи заразно-больныхъ дѣтей и именно—изъ той обстановки, гдѣ въ этомъ болѣе всего встрѣчается необходимость».

Мы нарочно сдѣлали эту выписку изъ предисловія редактора сборника, такъ какъ помѣщенныя въ сборникѣ описанія каждой полицейской части Петербурга только подтверждаютъ эти общія положенія. Описанія частей сдѣланы по одному опредѣленному и довольно подробному плану. Если въ разныхъ частяхъ города мѣняется характеръ населенія, показана разная степень его зажиточности или бѣдности, то красной нитью всюду проходитъ—загрязненіе почвы, плохое водоснабженіе и неудовлетворительное удаленіе нечистотъ. Коренной законъ Россійской Имперіи безусловно запрещаетъ загрязненіе рѣкъ и каналовъ какими бы то ни было нечистотами, а обязательное постановленіе по санитарной части, изданное городской думой, находитъ почему-то возможнымъ разрѣшить спускъ въ городскія воды жидкихъ нечистотъ изъ ватерклозетныхъ выгребовъ. А экономные обыватели, не желающіе тратить напрасно деньги на вывозъ нечистотъ, даютъ распространительное толкованіе обязательному постановленію и сплавляютъ въ городскія рѣки и каналы нечистоты изъ выгребовъ и простыхъ отхожихъ мѣстъ... По словамъ проф. Эрисмана, если бы были срыты всѣ дома въ Москвѣ и кому-нибудь было бы сдѣлано предложеніе вновь воздвигнуть здѣсь жилище, то всякій отказался бы отъ такого лестнаго предложенія—до того загрязнена почва подъ жилыми домами въ Москвѣ. Слова проф. Эрисмана примѣнимы въ полной мѣрѣ и къ Петербургу.

Отсылая интересующихся крайне важнымъ вопросомъ о нашемъ санитарномъ неустройствѣ къ самому сборнику, не можемъ здѣсь не отмѣтить, что не всѣмъ частямъ отведено одинаково большое мѣсто въ сборникѣ. Въ то время, какъ нѣкоторыя части описаны чрезвычайно подробно, даже, быть можетъ, слишкомъ подробно, другимъ отведено нѣсколько всего страницъ, такъ описаніе Казанской части занимаетъ въ сборникѣ 191 стр., а описаніе Рождественской — всего 13, а между тѣмъ, эта окраинная часть, населенная бѣднѣйшимъ населеніемъ, сильно отставшая въ санитарномъ благоустройствѣ, заслуживаетъ особаго вниманія. Къ излишнимъ подробностямъ, о которыхъ мы упомянули выше, надо отнести очень уже детальное описаніе какой-нибудь первоклассной парикмахерской или гостинницы. Врядъ ли эти подробности имѣютъ какой-нибудь интересъ съ точки зрѣнія санитарной. Авторъ одного изъ такихъ описаній нѣсколько разъ указываетъ на то, что въ общихъ залахъ одной гостинницы и въ чи-

тальномъ залѣ ея положены толстые ковры. Если уже описываются такія мелочи, то, пожалуй, слѣдовало бы сказать, что именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ собирается разнообразная публика всякаго рода, ковры представляются нежелательными.

Въ каждой части описаны всѣ торгово-промышленныя заведенія, особенно подробно-торгующія и изготовляющія съѣстные припасы. Заслуживаетъ вниманія прекрасное описаніе Сѣнного рынка—этого «чрева Петербурга».

Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Женщины-врача М. И. Покровской. Цѣна 1 руб. Спб. 1897. Книжка г-жи Покровской является недурнымъ дополненіемъ къ сборнику гг. полицейскихъ врачей. Авторъ обращаетъ главное вниманіе на чрезвычайно важный съ санитарной точки зрѣнія вопросъ о жилищахъ и излагаетъ, не подвергая никакой критикѣ, санитарныя постановленія по этой части во Франціи, Бельгіи, Пруссіи, Швеціи, Англіи, Нью-Іоркѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Финляндіи. У насъ въ Петербургѣ санитарное состояніе огромнаго большинства жилищъ представляется далеко неудовлетворительнымъ. Даже крайне снисходительныя требованія обязательнаго постановленія по санитарной части оказываются чрезвычайно высокими и мало можно указать такихъ домовъ и квартиръ, которые удовлетворяли бы хотя существующимъ постановленіямъ. Для квартиръ, подлежащихъ вѣдѣнію общественной власти, какъ, напр., для артельныхъ, дворницкихъ, для ночлежныхъ пріютовъ и т. д. обязательное постановленіе требуетъ $^3/_4$ куб. сажени воздуха на человѣка. Такое количество воздуха, при идеальномъ устройствѣ вентиляціи въ квартирахъ, является крайне недостаточнымъ. А если вспомнить, что въ большинствѣ упомянутыхъ квартиръ никакихъ приспособленій для искусственной вентиляціи нѣтъ, а пользованіе не всегда существующими форточками считается излишней роскошью, то станетъ понятно, при какихъ условіяхъ приходится жить бѣднѣйшей и, слѣдовательно, огромнѣйшей части населенія. Во многихъ англійскихъ городахъ прибѣгаютъ къ экспропріаціи частныхъ владѣній, когда таковыя признаются неудовлетворительными въ санитарномъ отношеніи. Съ 1885 по 1890 въ Эдинбургѣ болѣе 2.000 жилищъ были признаны непригодными для человѣческаго жилья и болѣе половины изъ нихъ совсѣмъ закрыто, остальные передѣланы въ амбары и кладовыя. Въ Ливерпулѣ уничтожено было около 3.700 домовъ, причемъ это предпріятіе обошлось городу въ 226.000 фунтовъ.

Городъ Гласго къ концу 1895 года располагалъ собственностью, пріобрѣтенной съ санитарными цѣлями, на сумму 9.705.413 ф. Въ городѣ выстроено нѣсколько образцовыхъ многоквартирныхъ и семь ночлежныхъ домовъ, устроено 29 новыхъ улицъ, улучшены 25 старыхъ, устроена канализація и т. д.

Такая заботливость города принесла свои плоды: въ 1871 г. смертность была 32 на 1.000 жителей, а въ 1893 г,—22,8.

Книжка г-жи Покровской принесетъ свою долю пользы лицамъ, интересующимся санитарными вопросами.

Намъ показалось нѣсколько высокой цѣна книжки.

*

Седьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей С.-Петербургской губерніи. Спб 1896 г. Изъ докладовъ, заслушанныхъ на седьмомъ санитарномъ съѣздѣ земскихъ врачей Петербургской губ., нѣкоторыя имѣютъ общій интересъ.

Докладъ д-ра Н. И. Григорьева, что можетъ сдѣлать с.-петербургское земство для борьбы съ пьянствомъ въ своей губерніи, затрогиваетъ одинъ изъ больныхъ и тяжелыхъ вопросовъ нашего времени—вопросъ объ алкоголизмѣ. Статистическія данныя показываютъ, что потребленіе алкоголя въ губерніи растетъ. Въ 1889 г. въ губерніи было выпито 84.955 ведеръ безводнаго алкоколя, а въ 1893 г.—316.300 ведеръ! Борьба со все пожирающимъ зломъ—съ пьянствомъ ведется до сихъ поръ, къ сожалѣнію, безъ большаго успѣха. Даже наблюдаемое въ народѣ движеніе къ отрезвленію встрѣчаетъ нерѣдко большія препятствія. Д-ръ Григорьевъ разсказываетъ, что крестьяне одного села составили приговоръ, по случаю серебряной свадьбы покойнаго Государя, о закрытіи у нихъ кабака. Приговоръ былъ утвержденъ и одобренъ, а акцизное вѣдомство упорно настаивало на открытіи кабака; по счастью, усердіе это не имѣло успѣха—кабака не открыли. Въ заключеніе своего доклада д-ръ Григорьевъ излагаетъ тѣ мѣры, какія, по его мнѣнію, должно принять земство въ борьбѣ съ возростающимъ пьянствомъ. Открытіе читаленъ и библіотекъ, дешевыхъ книжныхъ складовъ, обиліе школъ, проповѣдь сельскаго духовенства, доставленіе народу разумныхъ развлеченій, сокращеніе времени для торговли спиртными напитками въ праздничные дни и т. д.—вотъ мѣры, рекомендуемыя д-ромъ Григорьевымъ.

Вопросу о пьянствѣ посвященъ также докладъ приватъ-доцента д-ра С. Н. Данилло. Справедливо считая хроническихъ алкоголиковъ людьми больными, нуждающимися въ спеціальномъ лѣченіи, д-ръ Данилло совѣтуетъ возбудить ходатайство объ устройствѣ спеціальныхъ лѣчебницъ для хроническихъ алкоголиковъ, причемъ на лѣчебницы такія слѣдуетъ смотрѣть не какъ на видъ частной благотворительности, а какъ на такую же общегосударственную потребность, какъ лѣчебницы для душевно-больныхъ. Далѣе д-ръ Данилло предлагаетъ возбудить ходатайство объ ограниченіи личныхъ и имущественныхъ правъ хроническихъ алкоголиковъ, противъ чего будетъ рѣзко, и вполнѣ справедливо, протестовать самое скромное требованіе общественной безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, во что превратилась бы жизнь и дѣятельность массы людей, лишенныхъ священнѣйшихъ правъ личности и необходимѣйшихъ правъ собственности, только потому, что они *кому-то* могутъ казаться, *кѣмъ-то* могутъ быть признаны за «хроническихъ алкоголиковъ!» Только зарапортовавшійся до нелѣпѣйшей выходки спеціалистъ могъ придумать такой общественный абсурдъ. Въ 13 полицейскихъ участкахъ Петербурга въ теченіе 10 лѣтъ задержано для протрезвленія 393.454 пьяницы. Скоропостижно отъ оной умираетъ въ Петербургѣ ежегодно не менѣе 300 человѣкъ.

Изъ докладовъ, представляющихъ общій интересъ, заслуживаетъ еще вниманія обширный докладъ д-ра Н. А. Золотавина «Санитарное состояніе сельскихъ школъ С.-Петербургской губерніи и мѣры къ его улучшенію».

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го марта по 15-е апрѣля 1897 года.

Бутми. Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. Изд. Клюкина. «Общеполезная библіотека». Москва. 1897. Ц. 60 к.

Э. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Изд. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

А. Прэнсъ. Организація свободы. Изд. Павленкова. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Е. Орловъ. Сократъ. Біографическая библіотека Павленкова. Спб. 1897. Ц. 25 к.

Я. Абрамовъ. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Изд. Павленкова «Популярно-юридическая библіотека». Спб. 1897. Ц. 25 к.

Басни И. А. Крылова съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, примѣчаній и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова. Спб. 1897.

Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Изд. О. Поповой, вып. 2-й. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Робертъ Борнсъ. Стихотворенія. Изд. Клюкина. Москва. 1897. Ц. 40 к.

Е. Литвинова. Правители и мыслители. Изд. Павленкова съ 16-ю портретами. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Бакуринскій. О ремонтѣ шоссе. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1897. Ц. 1 руб. 25 к.

Джонъ Леббокъ. Какъ надо жить. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1897. Ц. 75 к.

Отчетъ Общества вспомоществованія студентамъ Спб. университета за 1896. Спб. 1897.

А. Неболсинъ. Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ. Изд. журн. «Техническое Образованіе». Спб. 1897.

Н. Николаевъ. Театрально-критическіе наброски. Кіевъ. 1897. Ц. 1 р.

Отчетъ Воронежской библіотеки имени А. В. Кольцова за 1896 г. Воронежъ. 1897.

Андреевъ. Марто-Ивановское народное училище въ 1892—1895 г. Изд. Херс губ. зем. управы. Херсонъ. 1897.

Домбровскій. Карманная книжка для служащихъ по казенной продажѣ питей. Одесса. 1897. Ц. 2 р. съ пересылкой.

В. Михайловъ. Данныя о заболѣваемости сельскаго населенія въ Новгородскомъ уѣздѣ. Полтава. 1894.

Гадзяцкій. Борьба съ голодомъ въ періодѣ XI—XIII в. русской исторіи. Спб. 1897.

Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1894—1895. Москва. 1897.

Мижуевъ. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи въ Англіи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Тулуповъ. Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ Тиль и К°. Москва. Ц. 40 к.

Отчетъ завѣдующаго статистическимъ бюро ярославскаго губернскаго земства за 1896 г. Ярославль. 1897.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжн. повѣр. при московскомъ мировомъ съѣздѣ съ 1-го янв. 1896 по 1-е янв. 1897 г.

Даниловъ. Волшебный фонарь (съ 75 рис. въ текстѣ). Москва. 1897. Ц. 75 к.

К. Тавастшернъ. Мать и сынъ. Пер. В. Фирсова. Изд. Т-ва «Общественная Польза». Спб. 1897. Ц. 80 к.

В. Немировичъ-Данченко. Проснѣтъ (4 разсказа). Изд. Ледерле. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Разсказы Псковича. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 1 р.

В. Алексѣевъ. Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи. Вып. II. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1896. Ц. 5 выпусковъ 2 руб. по подпискѣ.

Шохоръ-Троцкій. Сборникъ упражненій по ариѳметикѣ. Спб. 1896. Ц. 55 к.

Гусевъ. Уставъ строительный. Изд. 2-е, неофиц. Іогансена. Кіевъ. 1897. Ц. 1 р.

Указатель книгъ, допущенныхъ Министерствомъ Нар. Просв. для публичныхъ народныхъ чтеній. Изд. Южно-Рус. Об-ва Печ. Дѣла. Вып. 1-й и 2-й. Одесса. 1897. Ц. кажд. вып. 10 к.

Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Изд. Іогансона. «Всеобщая библіотека». Кіевъ. 1897. Ц. 15 к.

Эберштейнъ. Честь и ложныя понятія о чести. Изд. Іогансона. «Всеобщая библ.». Кіевъ. 1897. Ц. 15 к.

В. Фирсовъ. Двѣ сестры. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Трайль. Общественная жизнь Англіи. Изд. Солдатенкова. Москва. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Лансонъ. Исторія французской литературы. Изд. Солдатенкова. Т. I. Москва. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Вальдо. Современная метеорологія съ 112 рис. Изд. Девріена. Спб. 1897. Ц. 2 р. 75 к.

Пружанскій. Новый Моисей. Изд. Наумова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Баронъ Эльснеръ. Сатана. Тифлисъ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Вюильменъ. Біологія растеній. Изд. кн. скл. Муриновой. Москва. 1897. Ц. 50 к.

Проф. Казанскій. Всемірный телеграфный союзъ. Одесса. 1897.

Его же. Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Одесса. 1897.

Его же. Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897.

Селивановскій. Самопрялочникъ. Разсказъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1897. Ц. 20 к.

Его же. Изобрѣтатель берестяныхъ тростей. Изд. Тихомірова. Москва. 1897. Ц. 10 к.

Его же. Опытный крупеникъ-толоконникъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1897. Ц. 6 к.

Его же. Изъ деревни. Изд. Тихомірова. Спб. 1897. Ц. 4 к.

Потѣхинъ. Пчелы и уходъ за ними. Изд. 2-е, Девріена. Спб. 1896. Ц. 10 к.

Его же. Учебникъ пчеловодства. Изд. 2-е, Девріена. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Его же. Переходъ къ рамочнымъ ульямъ. Изд. Девріена. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Flechsig. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Изд. Южно-Рус. Об-ва Печ. дѣла. Одесса. 1897. Ц. 40 к.

Цвѣтникъ. Изд. 4-е, маг. «Дѣтское воспитаніе». Москва. 1897. Ц. 35 к.

Д-ръ Бекъ и д-ръ Бранъ. Еврейская исторія. Т. II. Одесса. 1897. Ц. 2-хъ томовъ 3 р. 50 к.

Винная регалія и монопольная система. Витебскъ. 1897. Ц. 1 р.

Петровъ. Фельдшерскій вопросъ. Изд. журн. «Фельдшеръ». Спб. 1897.

М. И. Покровская. Санитарный надзоръ надъ жилищами. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Давидсонъ. Начало эмансипаціи евреевъ. Изд. кн. маг. Шермана. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Осадчій. Крестьянское товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губ. Одесса. 1897. Ц. 25 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Одинъ изъ пророковъ нашего времени.

Georges Weill. *Saint Simon et son oeuvre.*—Sebastien Charcety *Histoire du Saint-Simonisme.*

I.

Даже среди русской интеллигентной публики, не особенно сильной въ историческихъ свѣдѣніяхъ, трудно найти человѣка, не слыхавшаго выраженія *сенъ-симонизмъ*. Нѣкоторые, помимо слова, имѣютъ извѣстныя представленія и о самомъ фактѣ, т. е. объ идеяхъ, выражаемыхъ когда-то необыкновенно популярнымъ и отчасти грознымъ терминомъ.

Въ настоящее время всякая гроза исчезла по очень простой причинѣ: сенъ-симонизмъ—совершенно закончившееся историческое явленіе, дѣла если и не особенно давно минувшихъ дней и отнюдь не глубокой старины, во всякомъ случаѣ, ихъ жгучій жизненный интересъ—предметъ прошлаго и исторіи, а не переживаемой современности.

Но интересъ этотъ очень великъ и такимъ останется навсегда, съ какой угодно точки зрѣнія—психологической, культурной, пожалуй, даже художественной.

Ни одно умственное теченіе такъ полно и такъ оригинально не отразило многообразную смуту идей и чувствъ начала нашего столѣтія, какъ ученіе Сенъ-Симона. Никто съ такой чуткостью и, можно сказать, цѣломудренной непосредственностью не отозвался на изумительно рѣшительные и въ то же время часто непримиримые запросы послѣреволюціонной эпохи, какъ этотъ самый странный и во многихъ отношеніяхъ самый курьезный изо всѣхъ «пророковъ».

Въ настоящее время мы можемъ слово «пророкъ» произносить иронически и ставить опредѣленіе «курьезный» вполнѣ основательно. Но не такъ было семьдесятъ лѣтъ тому назадъ и много позже.

Всѣ курьезы въ идеяхъ и въ дѣятельности Сенъ-Симона совершенно исчезали предъ истинно-учительскимъ обаяніемъ философа, и самыя странности получали въ высшей степени пространный и безусловно положительный смыслъ въ глазахъ учениковъ.

Очевидно, было нѣчто въ личности и въ міросозерцаніи Сенъ-Симона, что могло сторицею искупить не совсѣмъ строгую и нравственно-ясную біографію, не вполнѣ логическія и здравыя мысли.

Это нѣчто до сихъ поръ остается въ высшей степени любопытнымъ и поучительнымъ. Не даромъ, даже при сравнительномъ равнодушіи новѣйшихъ французовъ къ идейному прошлому, Сенъ-Симонъ, повидимому, попалъ въ привилегированное положеніе. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ появилось нѣсколько спеціальныхъ работъ о Сенъ-Симонѣ и его школѣ.

Всѣ онѣ написаны съ большой тщательностью, и главное, съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ предмету.

Авторы, конечно, не сенъ-симонисты, и всѣ они далеки отъ мысли каждое изреченіе Сенъ-Симона считать откровеніемъ, но для нихъ ясна серьезная сторона и въ личности, и въ произведеніяхъ самого основателя школы.

Трудно, конечно, современному критику удержаться отъ улыбки и иронiи на пространствѣ всей жизни Сенъ-Симона, еще труднѣе сохранить солидный тонъ при изложеніи всѣхъ его идей. Но заслуга историковъ именно и заключается въ искреннемъ желаніи отдѣлить плевелы отъ пшеницы, смѣшное отъ важнаго.

Какъ разъ относительно Сенъ-Симона это крайне трудная задача.

Онъ, дѣйствительно, оказался въ положеніи легендарнаго мудреца, въ родѣ Пиѳагора, или какого-нибудь основателя религіи.

Сенъ-симонисты превосходно изучены, извѣстна внѣшняя дѣятельность главнѣйшихъ представителей школы, точно опредѣленъ философскій капиталъ каждаго изъ нихъ. Но самъ Сенъ-Симонъ, глава «апостоловъ», до сихъ поръ остается лицомъ болѣе или менѣе загадочнымъ, и, что особенно характерно, собственно *его* идеи почти невозможно выдѣлить изъ общаго достоянія школы.

Это—результатъ многихъ причинъ.

Основная изъ нихъ—совершенно исключительная личная психологія Сенъ-Симона. Можно смѣло поручиться, художественная литература, будь это даже трагедія Шекспира, не создавала болѣе сложнаго характера. Онъ подчасъ прямо могъ бы показаться едва вѣроятнымъ, если бы наличность фактовъ не была засвидѣтельствована совершенно достовѣрными данными.

Въ настоящее время мы не намѣрены говорить собственно о школѣ Сенъ-Симона, хотя самая свѣжая научная литература и даетъ намъ для этого вполнѣ достаточно поводовъ.

Мы ограничимся личной характеристикой Сенъ-Симона.

Предъ нами, помимо двухъ послѣднихъ работъ французскихъ авторовъ, собственныя записки философа.

Онѣ очень кратки, но ровно на столько же краснорѣчивы и оригинальны. Цѣль наша—не изображеніе Сенъ-Симона, какъ основателя секты, а просто какъ человѣка, какъ извѣстнаго нравственнаго типа.

На границѣ двухъ столѣтій, въ самомъ очагѣ культурной борьбы критической, такъ называемой философской мысли восемнадцатаго вѣка, и положительными стремленіями позднѣйшихъ поколѣній, среди пламенныхъ исканій какого-нибудь прочнаго идеала, настоящей религіозно-нравственной основы человѣческой жизни, и «позитивистскихъ» притязаній, путемъ опытной науки

рѣшить всѣ вопросы и удовлетворить всякую духовную жажду, сталъ питомецъ просвѣтителей и пророкъ новаго времени.

Въ одномъ лицѣ нашли удивительно яркое воплощеніе двѣ по существу непримиримыя эпохи, и уже это сліяніе должно было до послѣдней степени запутать и усложнить психологію Сенъ-Симона.

Въ результатѣ, предъ нами живое олицетвореніе одной изъ самыхъ напряженныхъ переходныхъ эпохъ европейской цивилизаціи. Представьте, вамъ предложили бы рѣшить задачу—энциклопедію Дидро и брошюры Вольтера примирить съ таинственнымъ экстазомъ и пророческими ясновидѣніями. Теоретически подобная задача кажется невыполнимой, но въ дѣйствительности она достигла своего разрѣшенія, лишній разъ доказавъ неизмѣримо ближе обширные творческіе таланты *жизни* сравнительно съ *поэзіей*.

II.

Сенъ-Симонъ—потомокъ Карла Великаго... На сколько это справедливо, трудно опредѣлить, да и не стоило бы вообще заниматься геральдической миѳологіей, но фактъ самъ по себѣ имѣетъ большое значеніе. Въ подлинность его вѣрилъ философъ и эта вѣра играла роль въ его пророческомъ назначеніи.

Карлъ Валикій—первостепенный воинъ и политикъ, та же фамилія должна произвести и мудреца такихъ же способностей и съ такой же славой въ потомствѣ.

Въ эпоху Вольтера было бы зазорно стремиться къ міровому блеску путемъ крови и воинскихъ подвиговъ. Время указало другія средства—разумъ, мысль, науку. И потомокъ великаго императора долженъ проникнуться духомъ своего вѣка и стать первымъ среди философовъ и ученыхъ.

Это для Сенъ-Симона совершенно серьезный процессъ мысли, никѣмъ не внушенный, сопровождающій его, кажется, съ первой минуты сознанія.

«Я долженъ быть непремѣнно знаменитымъ и великимъ — это законъ природы и въ то же время мой нравственный долгъ, и отнюдь не вульгарное честолюбіе.»

Такъ разсуждаетъ будущій учитель, и впослѣдствіи, нисколько не смущаясь, будетъ разсказывать о своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ Карломъ Великимъ,—конечно, во снѣ, но это безразлично: для Сенъ-Симона неразрывная духовная связь съ предкомъ—вполнѣ реальный мотивъ умственной и практической дѣятельности въ теченіе всей жизни.

Естественно, облекшись въ такое величіе, нельзя смѣшиваться съ толпой. Герой волей-неволей долженъ быть существомъ исключительнымъ, оригинальнымъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Это принципъ *noblesse oblige*, доведенный до мучительной маніи — *не быть какъ всѣ*.

Для Сенъ-Симона цѣль не особенно достижимая.

Даже если онъ и не наслѣдникъ Карла Великаго, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ первѣйшихъ дворянъ Франціи, не менѣе знатный по происхожденію, чѣмъ любой принцъ крови.

А это означаетъ какъ разъ обязательство *ничѣмъ не отличаться*, бѣжать всего эксцентричнаго и своеобразнаго, какъ общественнаго преступленія и бунта.

Карьера и личное поведеніе заранѣе опредѣлены для всякаго благороднаго подданнаго бурбонской монархіи.

Если онъ старшій сынъ, онъ служитъ королю, точнѣе, носитъ военый мундиръ и ведетъ себя паркетнымъ марсомъ; если онъ имѣлъ несчастіе родиться младшимъ — онъ такой же служитель церкви, т. е. носитъ сутану, изучаетъ emploi будуарнаго сплетника, повѣреннаго дамскихъ тайнъ и участника дамскихъ грѣховъ почти противъ всѣхъ заповѣдей.

Сенъ-Симону грозятъ подвиги военнаго жанра.

Онъ не прочь, но только не ради мундира, не ради даже храбрости и отличій, а непремѣнно идейной миссіи, во имя разума и свободы.

Сенъ-Симонъ еще юноша, почти мальчикъ, а слуга уже обязанъ будить его ежедневно величественной фразой: «Вставайте, графъ, помните, что вамъ предстоитъ совершить великія дѣла».

Это фактъ, и, дѣйствительно, довольно оригинальный. Надо было въ самомъ дѣлѣ проникнуться сознаніемъ *миссіи*, чтобы серьезно внушить слугѣ подобное привѣтствіе и относиться къ этимъ словамъ съ достодолжной важностью.

Какая собственно миссія предстояла графу, никто пока въ точности не зналъ, и онъ самъ не больше другихъ. Но все дѣло въ твердо принятомъ рѣшеніи, въ инстинктѣ величія, и юный графъ при первомъ же случаѣ докажетъ, что онъ отнюдь не шутитъ съ своими притязаніями на оригинальность и подвижничество.

Первая исторія разыгрывается по поводу перваго причастія: будущій основатель своей религіи отказывается выполнить обрядъ, подвергается со стороны отца заточенію, но настаиваетъ на своемъ.

Это въ нѣкоторомъ родѣ предзнаменованіе.

Юноша всѣми силами ищетъ достойнаго поприща для своихъ силъ и дѣлъ. Ни одно изъ обычныхъ, конечно, его не удовлетворяетъ, и онъ бросается въ Америку, только что возставшую за національную свободу и новый государственный строй.

Ему всего шестнадцать лѣтъ, но онъ будто пережилъ цѣлую жизнь.

Его, конечно, старались учить разнымъ общепринятымъ наукамъ и по обычнымъ методамъ, въ изобиліи снабжали учителями. Но юношу только раздражала эта родительская заботливость объ его умственномъ развитіи.

Впослѣдствіи онъ съ презрѣніемъ разсказываетъ, какъ его «заваливали учителями», не давая самому подумать надъ своими знаніями и мыслями.

И путешествіе въ Америку могло быть отчасти результатомъ недовольства слишкомъ школьнической жизнью въ родительскомъ домѣ.

Во всякомъ случаѣ, шестнадцатилѣтній подпоручикъ съ при-

мѣрнымъ усердіемъ воспользовался своей ранней свободой, принималъ участіе въ осадахъ, въ сраженіяхъ, былъ жестоко раненъ, попалъ въ плѣнъ, вообще прошелъ, кажется, всѣ перипетіи войны.

Но этого оказалось мало.

Сенъ-Симонъ не обнаружилъ благородной склонности къ военному ремеслу и спѣшилъ воспользоваться пребываніемъ въ Америкѣ не ради геройской славы, а иныхъ, болѣе культурныхъ цѣлей.

Онъ внимательно присматривался къ новому народу, къ порядкамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ французскимъ строемъ, видѣлъ на каждомъ шагу полное пренебреженіе къ сословнымъ предразсудкамъ и былъ свидѣтелемъ необыкновенно быстрыхъ духовныхъ и матеріальныхъ успѣховъ молодой націи.

И самого наблюдателя не миновали нѣкоторыя терніи демократическаго равенства. Ему пришлось подвергнуться многочисленнымъ лишеніямъ военной службы въ чужой странѣ, видѣть бѣдствія низшаго класса, часто раздѣлять ихъ съ послѣдними бѣдняками. Встрѣча и бесѣда съ Франклиномъ произвела на Сенъ Симона глубокое впечатлѣніе, совершенно отличное отъ чувствъ французскаго двора.

Здѣсь американскаго республиканца и писателя созерцали, какъ диковинку, своего рода античнаго выходца съ того свѣта или курьезную варіацію на тему «естественнаго человѣка» Руссо. Сенъ-Симонъ увидѣлъ въ Франклинѣ олицетвореніе народнаго труда, свободнаго личнаго генія и неукротимой нравственной энергіи.

Можетъ быть, всѣ эти впечатлѣнія пробудили въ Сенъ-Симонѣ страсть къ всевозможнымъ грандіознымъ предпріятіямъ въ духѣ американской изобрѣтательности и азартнаго риска. Будто душа старинныхъ паладиновъ, искателей приключеній на поприщѣ рыцарскихъ подвиговъ, переродилась у послѣдняго потомка въ не менѣе стремительный духъ спекуляціи и промышленной предпріимчивости.

Съ этихъ поръ Сенъ-Симона начинаютъ, будто кошмаръ, преслѣдовать самыя неожиданныя и необыкновенныя идеи. Но замѣчательно, въ каждой изъ нихъ есть непремѣнно зерно фактической цѣлесообразности, и впослѣдствіи, даже въ недалекомъ будущемъ, многіе изъ фантастическихъ, повидимому, плановъ мечтателя попадутъ въ руки серьезныхъ практическихъ дѣятелей и получатъ осуществленіе.

Странствуя по Америкѣ, Сенъ-Симонъ напалъ на идею Панамскаго канала, и предложилъ проектъ мексиканскому правительству.

Замыселъ показался слишкомъ мечтательнымъ, проектъ былъ отвергнутъ, но идея, какъ мы знаемъ, не умерла.

Она у Сенъ-Симона только одно изъ звеньевъ длинной цѣпи всевозможныхъ плановъ облагодѣтельствовать человѣческій родъ. Графъ задумалъ во что бы то ни стало оправдать девизъ своей ранней молодости, и въ одно утро дѣйствительно проснуться виновникомъ великихъ дѣлъ.

Въ двадцать три года онъ весь поглощенъ реформаторскими комбинаціями, поглощенъ вполнѣ серьезно, не взирая ни на какія современныя политическія условія, ни на какую среду своихъ будущихъ дѣйствій. Онъ вполнѣ сознательно ставитъ себя въ положеніе давно желаннаго спасителя человѣчества.

И это чувство растетъ какъ-то необычайно просто, безъ участія какой бы то ни было маніи величія, развивается вполнѣ естественно, не безъ громкихъ фразъ и не безъ театральныхъ выходокъ, но въ общемъ съ умилительной наивностью и непосредственностью.

«Если бы я могъ быть совершенно спокоенъ,—писалъ Сенъ-Симонъ отцу,—я бы уяснилъ свои идеи; онѣ еще очень запутанны, но я увѣренъ, когда онѣ созрѣютъ, я буду въ состояніи совершить работу, полезную для человѣчества: въ этомъ заключается главнѣйшая цѣль моей жизни».

Откуда истекало безпокойство для Сенъ-Симона—отвѣтъ самый прозаическій и, кажется, менѣе всего умѣстный при столь благородныхъ стремленіяхъ. Молодой графъ рѣшительно не умѣлъ жить, металъ деньги съ невѣроятной легкостью, не придавая имъ ни малѣйшаго значенія и не считая бережливость сколько-нибудь сноснымъ качествомъ благороднаго юноши.

Такъ будетъ продолжаться всю жизнь.

Спекулятивная лихорадка, вѣчная возня съ грандіозными финансовыми предпріятіями уживается рядомъ съ самымъ поэтическимъ бросаніемъ денегъ на удовольствія, на благотворительность, на фантастическія затѣи отнюдь не въ интересахъ мірового счастья.

Сенъ-Симонъ возвращается во Францію.

Всего пять лѣтъ отдѣляютъ философовъ и старое общество отъ грознаго переворота. Первое дыханіе революціи носится въ воздухѣ, но только немногіе предчувствуютъ всю силу грядущихъ потрясеній.

Философы большею частью мечтаютъ о мирномъ идиллическомъ переходѣ отъ всѣхъ золъ и неправдъ прямо въ золотой вѣкъ, ихъ салонные ученики играютъ либеральными идеями, будто вновь изобрѣтенными средствами разгонятъ тоску и скуку. Сенъ-Симонъ всюду оказывается одинокимъ, и болѣе всего среди аристократическаго общества и своихъ товарищей по службѣ.

Для него лѣтніе маневры и зимнія ухаживанія за женщинами—обычное времяпрепровожденіе благороднаго французскаго офицера—своего рода удручающій недугъ. Столь же мало онъ приспособленъ и къ философскимъ разговорамъ.

Не смотря на прирожденную наклонность къ азартнымъ спекуляціямъ, въ области отвлеченной мысли, Сенъ-Симонъ совсѣмъ не сынъ своей восторженно-идеалистической эпохи. Здѣсь онъ *положительно* стремится быть научнымъ, теоріи замѣнить точно изслѣдованными выводами опытнаго знанія, общественные идеалы построить на почвѣ строгихъ историческихъ данныхъ.

Его не прельститъ какой-угодно поэтическій образъ философскаго творчества, въ родѣ античнаго гражданина или естествен-

наго человѣка. Онъ знаетъ, даже безъ горькихъ опытовъ революціи, что прошлое трудно безслѣдно смести съ лица земли и создать на почвѣ вѣковыхъ порядковъ невиданную новую жизнь.

Графъ, при всей своей молодости и героической самоувѣренности, не вѣритъ чисто-теоретическому воздѣйствію идеаловъ на дѣйствительность. У него въ натурѣ есть въ высшей степени прочное зерно консерватизма, не въ аристократическомъ смыслѣ, а въ философскомъ, точнѣе—въ смыслѣ политической мудрости.

Да, къ Сенъ-Симону примѣнимо и это опредѣленіе, если нашего реформатора сравнить съ большинствомъ его современниковъ, съ закваской маркиза Позы и съ «геніальностью» Карла Мора.

И замѣчательно, при самыхъ разсудительныхъ соображеніяхъ насчетъ историческаго хода человѣческихъ дѣлъ, графа не покидаетъ демонъ чудовищной предпріимчивости. Сенъ-Симонъ выходитъ въ отставку, погружается въ чтеніе научныхъ сочиненій, пускается въ путешествія по Голландіи, Германіи, попадаетъ, наконецъ, въ Испанію, въ промежуткахъ, не смотря на свой полковничій чинъ и высшія военныя отличія, посѣщаетъ аудиторіи учебныхъ заведеній.

Въ Испаніи Сенъ-Симонъ заинтересовывается вопросомъ объ экономическомъ подъемѣ страны и въ результатѣ предлагаетъ устроить каналъ отъ Мадрида до моря. Работать должны были солдаты. Проектъ произвелъ на испанское правительство впечатлѣніе галлюцинаціи и Сенъ-Симонъ принужденъ оставить страну не по своей волѣ.

Невольно припоминается карьера другого искателя головоломныхъ приключеній и сильныхъ ощущеній — Бомарше, также подвизавшагося въ Испаніи и горѣвшаго такой же жгучей жаждой дѣлать дѣла и наживать деньги.

Разница только въ одномъ: Фигаро, какъ истинный представитель буржуазнаго, искони промышленнаго класса, дѣйствительно съумѣлъ нажить капиталъ и вовсе не тревожилъ себя заботами о судьбахъ человѣчества. Напротивъ. Есть полное основаніе думать, что либеральныя рѣчи Фигаро комедіи въ глазахъ автора не влекли ни къ какимъ практическимъ слѣдствіямъ.

Совершенно иначе чувствуетъ и дѣйствуетъ Сенъ-Симонъ.

Въ эпоху революціи онъ развиваетъ въ высшей степени странную дѣятельность, на первый взглядъ ничѣмъ не напоминающую его возвышенныхъ стремленій. Но въ дѣйствительности, и здѣсь Сенъ-Симонъ остается самимъ собой — *положительнымъ политикомъ* и *соціальнымъ мечтателемъ*.

III.

Положительность, доходящая до финансовыхъ спекуляцій въ самый разгаръ общей идейной борьбы и за счетъ этой борьбы мечтательность, граничащая съ галлюцинаціями—таковъ Сенъ-Симонъ наканунѣ рѣшительнаго приступа къ своей *миссіи*.

До сихъ поръ графа заѣдала безъисходная скука, если его не поглощалъ какой-нибудь потрясающій проектъ и предъ нимъ не

развертывалась перспектива громкаго мірового дѣла... И вотъ разражается небывалая политическая буря, чего же естественнѣе именно Сенъ-Симону броситься въ бурный потокъ?

Оказывается, именно среди бури онъ и сохранитъ философское спокойствіе, отнюдь не по мотивамъ филистерскаго эгоизма и безучастья.

Графъ не можетъ пристать ни къ какой партіи. Къ аристократамъ и реакціонерамъ онъ чувствуетъ полное равнодушіе, потому что, по его глубокому убѣжденію, старый порядокъ долженъ погибнуть. Демократическая,т. е. чисто-революціонная партія внушаетъ ему отвращеніе, какъ партія разрушенія.

Сенъ-Симонъ не примкнулъ ни къ двору, такъ какъ не хотѣлъ народныхъ бѣдствій, ни къ народу, такъ какъ по природѣ не могъ допустить насильственныхъ мѣръ противъ кого бы то ни было и во имя какихъ бы то ни было принциповъ.

Если что безусловно не входитъ въ сложную нравственную натуру Сенъ-Симона, это — революціонная стихія. Онъ до конца остается непоколебимымъ сторонникомъ мирныхъ реформъ и ради нихъ готовъ воспользоваться какой угодно политической формой— республикой, имперіей Бонапарта, монархіей Бурбоновъ.

Въ политическомъ отношеніи это — идеальный консерваторъ. На его взглядъ, съ одинаковымъ удобствомъ можно приспособить къ широкимъ общественнымъ преобразованіямъ и цезаря, и конституціоннаго монарха, и республиканскій парламентъ. Весь вопросъ, на какія стороны государственной и общественной жизни направить политику.

При самой либеральной формѣ, при республикѣ, народъ можетъ рѣшительно ничего не выиграть, если парламентскія партіи будутъ забавляться ораторскимъ спортомъ чисто партійнаго краснорѣчія, если политическая трибуна превратится въ сцену для политиканствующихъ позёровъ, срывающихъ дешевые лавры путемъ сверженій и созданій эфемерныхъ министерскихъ комбинацій.

Впослѣдствіи Сенъ-Симонъ жестоко обрушится на дѣйствительно основную язву французской внутренней политики, не устраненную окончательно и до нашихъ дней—на безплодные поединки и генеральныя сраженія политическихъ теоретиковъ и тонкихъ парламентскихъ тактиковъ, своего рода чистыхъ художниковъ либеральныхъ фразъ и оппозиціонныхъ кампаній.

Сенъ-Симонъ уже во время революціи видѣлъ первыя сѣмена этого недуга, и нѣтъ предѣловъ его негодованію на ораторовъ всѣхъ представительныхъ собраній, отъ національнаго до конвента.

Ни одно изъ нихъ не приняло въ разсчетъ единственной безусловно-необходимой основы національнаго прогресса—развитія народнаго труда, промышленности и сліянія ея съ положительной наукой, только организація промышленныхъ силъ страны и возможное совершенствованіе всей системы знанія, а не хартіи съ самыми хитроумными параграфами могутъ обезпечить культуру и благоденствіе страны.

И все равно, какъ Сенъ-Симонъ прямолинейнымъ теоріямъ просвѣтителей противопоставлялъ исторически-научное воззрѣніе на

судьбы человѣчества, такъ фанатическому политиканству новоявленныхъ римскихъ гражданъ онъ противопоставилъ идею соціальныхъ и экономическихъ преобразованій.

Оставивъ въ сторонѣ революціонную политику, Сенъ-Симонъ вошелъ въ компанію съ нѣмецкимъ графомъ и принялся скупать національныя имущества.

Это не значило, будто Сенъ-Симонъ, вообще, былъ равнодушенъ къ движенію. Напротивъ, на сколько оно касалось именно соціальныхъ перемѣнъ, онъ принялъ въ революціи самое яркое участіе.

Ему не пришлось быть депутатомъ въ учредительномъ собраніи и, слѣдовательно, съ безпримѣрнымъ эффектомъ, въ ночь четвертаго августа, отречься отъ своихъ аристократическихъ привилегій. Но онъ былъ избранъ президентомъ избирательнаго собранія своей общины. Онъ принялъ избраніе и немедленно оговорился, что онъ не считаетъ эту честь своимъ сеньёріальнымъ правомъ.

«Нѣтъ больше сеньёровъ, господа», обратился онъ къ избирателямъ, «и я отказываюсь отъ своего графскаго титула и требую, чтобы этотъ отказъ былъ внесенъ въ протоколъ».

Годъ спустя онъ редактировалъ адресъ въ собраніе, требующій отмѣны «нечестивыхъ отличій рожденія».

Наконецъ, онъ выказалъ и практическое самоотверженіе — отказался отъ должности мэра и совѣтовалъ, вообще, на первое время новыхъ порядковъ, не избирать на какія бы то ни было общественныя мѣста дворянъ и священниковъ, чтобы они какънибудь не попытались вернуться къ старымъ привилегіямъ.

А между тѣмъ, революція нанесла рѣшительный ударъ лично самому Сенъ-Симону, окончательно разорила его семью и превратила потомка Карла Великаго въ пролетарія, принужденнаго добывать трудовой хлѣбъ.

Сенъ-Симонъ ни на минуту не смутился.

Едва ли не единственный человѣкъ изъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ современныхъ событій не впалъ ни въ раздраженіе, ни въ восторгъ, ни въ декламацію. Онъ созерцаетъ революцію будто спектакль, внимательно наблюдаетъ и доходитъ до вполнѣ основательной идеи.

Разрушеніе велико, оно не оставитъ камня на камнѣ отъ стараго зданія, но оно совершится и непремѣнно потребуется созидательная работа. На расчищенной почвѣ обязательно должно вырости новое сооруженіе.

Кто явится строителемъ и изъ какого матеріала возникнетъ его работа?

Эти вопросы всецѣло поглощаютъ Сенъ-Симона. Точно отвѣтить на нихъ никто не въ состояніи. Но несомнѣнно одно: власть останется за матеріальной силой, за капиталомъ, какъ это и раньше было.

Слѣдовательно, надо запастись деньгами въ интересахъ будущаго, не личнаго, а общественнаго.

«Я,—пишетъ Сенъ Симонъ въ автобіографіи,—желалъ богат-

ства только какъ средства организовать великое промышленное учрежденіе, основать научную школу прогресса, однимъ словомъ, способствовать развитію просвѣщенія и улучшенію судьбы человѣчества. Таковы были истинные предметы моего честолюбія».

Операціи пошли удачно. Множество конфискованныхъ имѣній продавалось за безцѣнокъ. Сенъ-Симонъ, дѣйствовавшій съ капиталомъ компаньона, преуспѣвалъ изумительно быстро, что, впрочемъ, по свойству самыхъ операцій, и не требовало особенныхъ практическихъ талантовъ.

Но терроръ не минуетъ и нашего героя. Сенъ-Симонъ попадаетъ въ тюрьму. Это его отнюдь не смущаетъ. Напротивъ. Вѣра въ миссію еще глубже внѣдряется въ его умъ, и именно въ тюрьмѣ, въ виду совершенно невѣдомаго исхода, онъ имѣетъ свиданіе съ Карломъ Великимъ.

Представьте настроеніе человѣка, одновременно мечтающаго о прогрессѣ положительныхъ наукъ и совершенно серьезно разсказывающаго о ночныхъ видѣніяхъ!

Сенъ-Симонъ не вѣритъ въ рѣшительныя революціонныя теоріи; онъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ понимаетъ, что жизнь, какъ бы она ни была переполнена всевозможныхъ золъ, не передѣлывается въ мгновеніе ока, по одной блестящей эффектной рѣчи, или даже цѣлому ряду подобныхъ рѣчей. Но тотъ же Сенъ-Симонъ способенъ переживать какой-то длящійся мистическій экстазъ и безъ малѣйшаго смущенія передавать своимъ читателямъ извѣстія о своихъ сношеніяхъ съ другимъ міромъ.

Это сліяніе самой резонной, положительной мысли съ какими-то туманными предчувствіями, чуть не ясновидѣніями, у Сенъ-Симона обнаруживается особенно рѣзко.

Но не чужды были такихъ же настроеній и другіе, вполнѣ здоровые люди. Повидимому, сама эпоха таила мотивы всевозможныхъ противорѣчій.

Нельзя было послѣ Вольтера и Энциклопедіи вѣровать съ первобытной наивностью въ римское католичество и оставаться покорными овцами папскихъ пастырей, и въ то же время еще было труднѣе дышать въ атмосферѣ чистаго равсудка, строгихъ логическихъ холодныхъ силлогизмовъ, многое съ большимъ успѣхомъ развѣнчавшихъ изъ стараго достоянія, но, въ сущности, не удовлетворившихъ ни одному жизненному запросу человѣческой природы.

Жизненному, не въ смыслѣ политической свободы и личнаго достоинства, а высшихъ философскихъ стремленій искони тоскующаго духа. Поприще для всѣхъ по прежнему оставалось обширное и ничѣмъ не занятое.

Въ *Запискахъ* герцога Брольи разсказывается любопытнѣйшій эпизодъ, касающійся нашего вопроса.

Дѣло идетъ вовсе не о мечтателяхъ и пророкахъ; напротивъ, о людяхъ самыхъ прозаическихъ и относительно мечтаній вполнѣ уравновѣшенныхъ.

Однажды ночью съ дачи возвращалась компанія близкихъ

между собою людей. Компанія состояла изъ самого разсказчика, герцога Брольи, сына г-жи Сталь и Бенжамэна Констана.

Ночь была темная, насыщенная электричествомъ, на далекомъ горизонтѣ поминутно сверкала молнія и гремѣлъ громъ. Путники молчали и въ окрестной темнотѣ гулко раздавался скрипъ экипажей.

Въ эти-то минуты Констанъ вдругъ завелъ самый странный и неожиданный разговоръ.

Онъ сталъ разсказывать, какъ онъ старался вступить въ сношенія съ міромъ таинственныхъ силъ, ища путей къ сердцу г-жи Рекамье.

Мотивъ вовсе не выспренняго характера, и Констанъ пытается сообщить своей повѣсти ироническій оттѣнокъ. Но попытка рѣшительно не удается.

Блѣдное лицо, злобно-горькая улыбка говорили о глубокихъ, безусловно реальныхъ страданіяхъ разсказчика. Тонъ постепенно становился мрачнымъ и настроеніе сообщалось и слушателямъ.

Никто не издалъ насмѣшливаго восклицанія, всѣ продолжали путь въ какой-то тяжелой безысходной думѣ не о г-жѣ Рекамье, а о поискахъ своего друга таинственнаго свѣта и внѣземного утѣшенія.

Впослѣдствіи герцогъ Брольи прочелъ одну изъ блестящихъ страницъ въ сочиненіи Констана о религіяхъ. Авторъ въ необычайно страстной, стремительной формѣ объяснялъ, какъ въ римскомъ интеллигентнѣйшемъ обществѣ, среди повальнаго скептицизма, зарождались суевѣрія и отчаянныя усилія найти предметъ вѣры...

Герцогу казалось, Констанъ въ этой картинѣ представлялъ личную исповѣдь, страдальческую повѣсть своего мятущагося духа.

Не своего только, а своей эпохи вообще, можетъ быть, всего нашего девятнадцатаго вѣка.

И мы не должны останавливаться въ недоумѣніи, какъ предъ чѣмъ-то исключительно-болѣзненнымъ — предъ видѣніями и впослѣдствіи пророческими рѣчами Сенъ-Симона. И то, и другое находило отголосокъ въ сердцахъ вполнѣ здоровыхъ и просвѣщенныхъ людей, превосходно знакомыхъ съ произведеніями Вольтера.

IV.

Явленіе Карла Великаго и его ободряющая рѣчь въ послѣдній разъ подтвердили міровое призваніе нашего философа.

Гильотина его миновала и онъ по выходѣ изъ тюрьмы принялся готовиться къ практическому осуществленію миссіи.

Задача предстояла сложная и трудная, даже пути къ ней надлежало еще открыть.

Сенъ-Симонъ не испугался трудностей.

Чтобы разумно вмѣшаться въ жизнь человѣческаго общества, слѣдуетъ близко познакомиться съ этой жизнью во всѣхъ слояхъ и во всѣхъ формахъ. Надо лично извѣдать пороки и страсти, управляющія міромъ.

Это—одно.

Другое—какъ воспользоваться всѣми этими свѣдѣніями? Какъ открыть идеалъ будущаго и провести его въ практику?

Путь—единственный—*наука*. Она должна стать на мѣсто ниспровергнутаго католичества и обанкротившейся философіи. Всѣ отдѣльныя отрасли знанія должны быть приведены въ стройную цѣльную систему, извлечь изъ нея ясно и точно доказанные принципы и на нихъ построить новое общество.

Идея не новая. Еще Кондорсе мечталъ о превращеніи политики въ точную науку, но Сенъ-Симонъ не мечтатель, а дѣятель. Онъ на себѣ самомъ хочетъ доказать осуществимость своего идеала.

Въ тридцать семь лѣтъ онъ превращается въ усерднѣйшаго ученика всевозможныхъ наукъ и оригинальнѣйшаго наблюдателя жизни.

Онъ посѣщаетъ лекціи въ политехнической школѣ для изученія неорганической природы, потомъ переходитъ въ медицинскую—для изученія организмовъ. А такъ какъ ученые должны впослѣдствіи стать во главѣ общества, то и они сами должны подлежать тщательному изслѣдованію.

Съ этой цѣлью Сенъ-Симонъ женится, заводитъ салонъ, устраиваетъ лукулловскія пиршества, приглашаетъ къ себѣ знаменитѣйшихъ представителей современнаго знанія, въ собственномъ роскошномъ отелѣ поселяетъ молодыхъ ученыхъ, поощряетъ совѣтами и деньгами научные труды, самъ даже навязываетъ денежную помощь—всегда съ истиннымъ джентльментствомъ прирожденнаго рыцаря.

Рядомъ идутъ опыты менѣе общепринятаго направленія. Сенъ-Симонъ будто задается мыслью выполнить изумительный совѣтъ Платона, какъ закалять юношей противъ пороковъ: ни болѣе, ни менѣе, какъ давая имъ полную свободу брать жизненныя наслажденія полной рукой.

Такъ Сенъ-Симонъ поступаетъ съ самимъ собой, опять съ завиднѣйшей самоувѣренностью и наивностью.

Философу не особенно къ лицу устраивать оргіи и хозяйками на нихъ показывать ученымъ гостямъ своихъ подругъ; мало свойственно также соціальному реформатору разыскивать знаменитыхъ поваровъ и метръ-д'отелей... Но у Сенъ-Симона все это—пути къ цѣли. Его салонъ и другія не столь удобно называемыя мѣста веселыхъ собраній—сцены человѣческой комедіи и драмы.

И онъ, дѣйствительно, присутствуетъ при этихъ зрѣлищахъ, не теряя разсудка и ни на минуту не упуская изъ виду своего плана.

Семейная жизнь продолжается не долго. Сенъ-Симонъ узнаетъ, что г-жа Сталь овдовѣла. Это—женщина-философъ, понимаетъ общія идеи, знаетъ, что̀ такое прогрессъ. Хорошо бы вступить съ ней въ союзъ: человѣчество отъ этого, несомнѣнно, выиграло бы.

Долго не думая, Сенъ-Симонъ разводится съ своей женой и адресуется къ писательницѣ съ такимъ объясненіемъ:

«Сударыня! Вы самая необыкновенная женщина въ мірѣ,

я — самый необыкновенный мужчина: у насъ, безъ сомнѣнія, должны родиться еще болѣе необыкновенныя дѣти».

Такъ гласитъ преданіе, можетъ быть, нарочно измышленное насмѣшниками. Но въ устахъ Сенъ-Симона допустима и такая рѣчь. Г-жа Сталь осталась къ ней совершенно равнодушной.

Это сравнительно ничтожное разочарованіе. Вскорѣ философа постигъ настоящій ударъ.

Нѣмецкій графъ не питалъ никакого сочувствія къ реформаторскимъ затѣямъ Сенъ-Симона и рѣшилъ порвать съ нимъ всѣ отношенія, боясь за участь своего состоянія.

Сенъ-Симонъ поступилъ, по обыкновенію, съ рыцарскимъ самоотверженіемъ: предложилъ компаньону произвести дѣлежъ какъ ему угодно. Тотъ и произвелъ такъ искусно, что Сенъ-Симонъ оказался съ весьма скромнымъ капиталомъ.

Это не измѣнило его образа жизни, и деньги скоро окончательно растаяли: Сенъ-Симонъ очутился въ рукахъ самой настоящей нищеты. Начались опыты, на этотъ разъ уже невольные и несравненно болѣе дѣйствительные, чѣмъ раньше, т. е. просто голодъ.

Одно время Сенъ-Симонъ служитъ переписчикомъ при благотворительномъ учрежденіи за тысячу франковъ въ годъ при ежедневной девятичасовой работѣ. Потомъ встрѣчается ему нѣкто Діаръ, когда-то обогатившійся на службѣ у него, беретъ бывшаго господина къ себѣ, и Сенъ-Симонъ въ теченіе четырехъ лѣтъ живетъ спокойно и дѣятельно работаетъ надъ своими идеями.

Діаръ умираетъ и голодовка снова начинается. Напрасно Сенъ-Симонъ обращается за помощью къ своему компаньону, котораго, въ сущности, онъ же обогатилъ. Напрасно онъ взываетъ къ ихъ нравственному единенію, дѣлаетъ это совершенно искренно и простодушно: въ результатѣ подачка въ 500 франковъ...

Дальше слѣдуетъ обращеніе къ ученымъ. Имъ разсылается *Мемуаръ о познаніи человѣка* съ воззваніемъ: «будьте моимъ спасителемъ, я умираю съ голоду!»

Результаты на этотъ разъ неизвѣстны. Сенъ-Симонъ, очевидно, разсчитывалъ, что всѣ такъ же естественно могли раздавать деньги, какъ дѣлалъ онъ самъ во дни изобилія.

Бывали періоды совершеннаго бѣдствія. Въ одномъ изъ автобіографическихъ отрывковъ читаются слѣдующія истинно драматическія строки:

«Ужъ двѣ недѣли я ѣмъ только хлѣбъ и пью воду. Я работаю безъ огня и продалъ даже свое платье, чтобы заплатить за переписку моихъ рукописей. Страсть къ знанію и общественному благу, желаніе открыть средство прекратить мирнымъ путемъ ужасный кризисъ, въ которомъ находится европейское общество, заставили меня снизойти до такого состоянія, поэтому я, не краснѣя, могу признаться въ своей бѣдности и просить помощи, необходимой для продолженія работы».

Это извѣстіе относится къ 1812 году. Года два спустя дѣла философа, повидимому, поправились. У него секретаремъ является

сначала Огюстэнъ Тьерри, потомъ Огюстъ Контъ и этому онъ платитъ по триста франковъ въ мѣсяцъ.

Но благоденствіе было непродолжительно. Оно зависѣло отъ успѣха одной брошюры Сенъ-Симона, его сотрудничества въ печати и временной должности при одной изъ парижскихъ библіотекъ.

Бѣдность вернулась, снова послѣдовали подачки, причемъ раньше облагодѣтельствованные люди поспѣшили доказать своему благодѣтелю исключительное безсердечіе. Наконецъ, отчаяніе охватило философа и онъ рѣшилъ покончить съ собой выстрѣломъ изъ пистолета.

Но и здѣсь не удалось довести дѣло до конца: Сенъ-Симонъ потерялъ глазъ, но остался живъ.

Послѣдніе два года прошли въ усиленной работѣ. Сенъ-Симонъ будто воспрянулъ духомъ послѣ кризиса и, не уставая, написалъ свои главнѣйшія сочиненія. Не менѣе важно было завербовать передъ смертью талантливыхъ и энергичныхъ учениковъ и имъ оставить свое идейное наслѣдство.

Сенъ-Симонъ нашелъ ихъ въ небольшомъ количествѣ, всего человѣкъ пять. Но всѣ они благоговѣли предъ учителемъ, несомнѣнно обладавшимъ способностью привлекать сердца, особенно молодежи.

Философъ скончался на рукахъ учениковъ, исполненный непоколебимой вѣры въ успѣхъ своихъ идей.

«Плодъ созрѣлъ, вамъ остается сорвать его... Помните, чтобы совершить великое дѣло, надо проникнуться воодушевленіемъ».

Эти слова были завѣщаніемъ Сенъ-Симона, для присутствовавшихъ — незабвенной святыней, лозунгомъ новаго евангелія.

V.

Смутно и часто неразрѣшимо-странно это евангеліе въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ «пророка».

Впослѣдствіи «апостолы» постарались все уяснить, дополнить и съ чисто французскимъ талантомъ привести въ стройную систему. Но это—ихъ дѣло.

Самъ учитель до конца дней не могъ разобраться въ идеяхъ и совершенно невѣроятныхъ фантасмагоріяхъ. Все шло рядомъ и въ результатѣ представило одну изъ самыхъ удивительныхъ путаницъ политическаго, нравственнаго, философскаго содержанія.

Требуется часто много доброй воли, чтобы дочитать до конца иной трактатъ Сенъ-Симона и за одну-двѣ блестящихъ мысли, внушенныхъ автору будто нѣкіимъ свѣтлымъ геніемъ, простить сильнѣйшій лиризмъ и хотя вполнѣ простодушные, но по формѣ крайне притязательные эффекты на мотивъ пророчества и учительства.

Напримѣръ, одно изъ раннихъ произведеній—*Письма женевскаго обывателя*. Начало—превосходно. Никто проницательнѣе не оцѣнилъ ученыхъ, состоящихъ на откупу у внѣшней матеріальной силы, не заклеймилъ такой безпощадной насмѣшкой академическій педантизмъ и цеховое рабство мысли.

Не менѣе цѣлесообразны насмѣшки надъ метафизиками и всякимъ другимъ тунеядным направленіемъ формальной учености. Цѣнна также защита жизненнаго, практически-плодотворнаго знанія и объясненіе научнаго метода, какимъ впослѣдствіи воспользуется Тэнъ, по обыкновенію, изорудовавъ чужую идею и не указавъ на источникъ.

Все это читается съ большимъ интересомъ и пользой. Но дальше начинается истинное испытаніе здраваго смысла читателя, ни болѣе, ни менѣе, какъ *откровеніе*, длинный разговоръ о новомъ ньютоновскомъ культѣ, объ обществѣ вѣрующихъ подъ эгидой англійскаго математика и его закона тяготѣнія.

Въ основѣ опять почтенная мысль—знаніе, талантъ и личный трудъ должны лечь въ основу общественнаго порядка и человѣческаго счастья. Но вмѣсто логическаго раскрытія этой идеи, предъ нами пророческое ясновидѣніе и отрывочные лирическіе вскрики,

То же самое повторяется во всѣхъ позднѣйшихъ трактатахъ Сенъ-Симона.

Они изобилуютъ возвышенными стремленіями, обнаруживаютъ въ авторѣ дѣйствительно основательное познаніе современныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ, часто поразительный критическій талантъ на почвѣ исторіи и политики, но все это будто проблески молній, кругомъ бродятъ туманы романтическихъ мечтаній и мистическаго лиризма.

Что, напримѣръ, можетъ быть основательнѣе доказательства, что исторія не должна быть предметомъ кабинетныхъ упражненій, а настоящей учительницей жизни, что только въ ней политикъ и моралистъ могутъ черпать цѣлесообразныя указанія для своей общественной дѣятельности и для вѣрнаго представленія о задачахъ народнаго развитія?

Исторія не романъ и не сатира, а положительная наука. Такъ выражается Сенъ-Симонъ, несомнѣнно въ порывѣ увлеченія, но оно, разумѣется, несравненно выше и, пожалуй, даже *научнѣе*, чѣмъ темныя ремесленническія операціи ненавистныхъ автору «метафизиковъ» и «философовъ».

То же самое и основная политическая идея Сенъ-Симона: развитіе мирнаго труда и мирныхъ сношеній между націями взамѣнъ борьбы классовъ и народовъ.

Сенъ-Симонъ сочиняетъ цѣлые гимны «промышленности» и «положительному знанію»: это—киты его идеальнаго государства, отъ ихъ совершеннаго единенія, по мнѣнію Сенъ-Симона, зависитъ весь прогрессъ цивилизаціи.

Впослѣдствіи эти идеи принесутъ свои плоды. Именно изъ школы Сенъ-Симона выйдутъ дѣятельнѣйшіе предприниматели въ самыхъ характерныхъ областяхъ промышленнаго девятнадцатаго вѣка: основатели банковъ, строители желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, создатели грандіозныхъ коммерческихъ учрежденій, даже колонизаторы.

Не всѣ предпріятія окажутся удачными, но важно упорное преслѣдованіе идеи мирнаго международнаго труда въ противовѣсъ

нескончаемымъ счётамъ дипломатовъ и воиновъ за человѣческую кровь. Здѣсь сенъ-симонизмъ явился самымъ послѣдовательнымъ выразителемъ мира и культуры.

Такому направленію въ международной политикѣ соотвѣтствовали идеалы учениковъ Сенъ-Симона и во внутренней. Отрицаніе войны стоитъ рядомъ съ отрицаніемъ революцій, вообще насильственныхъ переворотовъ. Идея *органическаго* національнаго развитія сама собой враждебна какимъ бы то ни было взрывамъ личныхъ или сословныхъ страстей. Эта идея выросла на почвѣ *научнаго* воззрѣнія на жизнь человѣческихъ обществъ, на завѣтномъ стремленіи Сенъ-Симона открыть столь же строгіе законы въ исторіи, какіе существуютъ въ другихъ наукахъ.

Вездѣ, конечно, много лишняго энтузіазма и еще больше чистой мечтательности поэта и ясновидца. Но не мало также идей, воспринятыхъ позднѣйшими поколѣніями.

Если нашъ вѣкъ по преимуществу эпоха промышленнаго труда, техническихъ изобрѣтеній, усовершенствованныхъ международныхъ сношеній, и въ то же время вѣкъ строгой науки и знанія, какъ дѣйствительно практической силы, тогда Сенъ-Симонъ истинный сынъ своего времени.

Но нашъ странный мечтатель близокъ своему времени и своими странностями. Окиньте мысленнымъ взоромъ вѣковое движеніе новой философіи, остановитесь даже на самыхъ послѣднихъ плодахъ умственнаго и художественнаго генія нашего времени, вы невольно взглянете снисходительнѣе на самую прихотливую игру сенъ-симоновскаго воображенія. Имъ вѣдь только начинался нашъ пестрый вѣкъ, мы его доживаемъ, а у насъ на рукахъ сколько угодно и мистицизма, и символизма, и всякихъ другихъ рѣдкостей конца вѣка, и при этомъ, пожалуй, даже меньше вѣры въ науку и человѣческія нравственныя силы, чѣмъ было у романтическаго родоначальника позитивизма.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*L'Evolution de l'esclavage dans les diverses races humaines*» *par Ch. Letourneau (Bibliothèque anthropologique). Paris. 1897. (Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ).* Продолжая свои соціологическія изслѣдованія, французскій ученый въ новомъ трудѣ собралъ многочисленные документы, касающіеся развитія рабства, доказывающіе, что рабство является въ самыхъ разнообразныхъ формахъ вездѣ, не только въ человѣческихъ обществахъ, но и у животныхъ, и даже въ наиболѣе цивилизованномъ современномъ обществѣ, гдѣ оно принимаетъ, конечно, иную, болѣе смягченную форму. «Въ самомъ дѣлѣ, — замѣчаетъ Летурно, — чтобы найти въ исторіи человѣческаго рода такую эпоху, въ которой не было рабства, надо вернуться къ самымъ первобытнымъ временамъ соціальнаго строя, къ первобытному классу, когда потребности были очень ограничены, промышленность находилась въ самомъ рудиментарномъ состояніи и между членами маленькой соціальной группы господствовала полная солидарность; не было ни господъ, ни рабовъ. Однако, и въ такихъ кланахъ, напримѣръ, австралійскихъ, замѣчалось уже стремленіе къ порабощенію слабѣйшихъ, и дѣйствительно, мы видимъ, что въ большинствѣ первобытныхъ обществъ прирожденными рабами являлись женщины, дѣлавшія излишнимъ учрежденіе рабства». Летурно изучаетъ эволюцію рабства въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ въ различныя историческія эпохи, стараясь вывести отсюда заключеніе о будущемъ рабства. Онъ спрашиваетъ себя, не могутъ-ли въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ наступить такія условія, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ существованіе рабства, даже въ той замаскированной и смягченной формѣ, въ какой оно существуетъ теперь. Въ заключеніе авторъ рисуетъ схему такого идеальнаго общества, въ которомъ уже не будетъ мѣста рабскому труду.

(Revue Scientifique).

«*Chapters of Medical Life and Work*» *by B. W. Richardson (Longmans). (Черты изъ жизни и работы врача).* Очень интересная автобіографія англійскаго ученаго врача, преданнаго наукѣ. Количество его трудовъ указываетъ на необычайное трудолюбіе и способности, далеко превосходящія обыкновенный уровень. Дѣятельность Ричардсона можно разсматривать съ трехъ сторонъ: какъ врача, какъ санитарнаго реформатора и проповѣдника идей трезвости. Ричардсонъ ставилъ цѣлью устраненіе болѣзней и болѣе всего стремился къ улучшенію санитарныхъ условій. Въ то время, когда онъ изучалъ медицину, ни употребленіе хлороформа, ни антисептика еще не были извѣстны, поэтому его автобіографія имѣетъ большой интересъ, такъ какъ въ ней отражается исторія современной медицины и прогрессъ медицинской науки. Книга написана очень живо и увлекательно и можетъ заинтересовать большой кругъ читателей.

(Review of Reviews).

«*England's Wealth, Ireland's Poverty*» *by T. Lough Fishes Unwin). (Богатство Англіи, бѣдность Ирландіи).* Авторъ подробно обсуждаетъ положеніе Ирландіи и приходитъ къ заключенію, что оно во всѣхъ отношеніяхъ очень печально. Статистика, которую авторъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, производитъ гнетущее впечатлѣніе. Смертность въ Ирландіи все возрастаетъ, рождаемость же уменьшается съ каждымъ годомъ. Авторъ указываетъ на экономическія причины этого прискорбнаго явле-

нія и на контрастъ, представляемый Англіей въ этомъ отношеніи.

(Literary World).

«*Education; An Introduction to its Principlis and their Psycholagical Foundations*» *by H. Holman* (*Isbistes and C°*). (*Воспитаніе; его принципы и психологическія основы*). Въ предисловіе къ своей книгѣ авторъ говоритъ, что его единственная цѣль—служить подспорьемъ для начинающихъ педагогическую дѣятельность, указавъ имъ главныя основныя черты научнаго воспитанія и обративъ ихъ вниманіе на болѣе глубокое философское значеніе такого воспитанія. Авторъ хорошо сознаетъ несостоятельность нашихъ современныхъ педагогическихъ методовъ и поэтому стремится выработать планъ научнаго воспитанія, наиболѣе приближающагося къ идеалу. Взгляды автора на воспитаніе отличаются глубиной. Онъ подробно изслѣдуетъ всѣ современныя педагогическія системы и прежніе взгляды на воспитаніе, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, заслуживаютъ полнаго вниманія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу воспитанія.

(Literary World).

«*Moral Pathology*» *by A. E. Giles* (*Swan Sonnenschein*). (*Нравственная патологія*). Въ высшей степени интересная книга, представляющая систематическій обзоръ душевныхъ разстройствъ. Обсуждая различныя причины такихъ разстройствъ и борьбу съ ними, авторъ въ особенности возстаетъ противъ ходячихъ воззрѣній о роковомъ вліяніи наслѣдственности и врожденныхъ пороковъ души. Онъ придаетъ громадное значеніе силѣ воли и развитію сознанія въ человѣкѣ. «Человѣкъ есть человѣкъ и господинъ своей судьбы», говоритъ авторъ. Поэтому онъ находитъ, что во всѣхъ душевныхъ разстройствахъ надо не только лѣчить болѣзнь, но и человѣка, т.-е. въ особенности обращать вниманіе на нравственные изъяны его души и примѣнять къ нимъ нравственное лѣченіе. (Literary World).

«*Parts of the Pacific*» *by a Peripatetic Parson*». (*Swan Sonnenschein*). (*Очерки Тихаго океана*). Живое и занимательное описаніе Тихоокеанскихъ острововъ, нравовъ, обычаевъ и жизни островитянъ. Къ тексту приложены недурные рисунки. (Literary World).

«*Doybreak: a Romance of an Old World*» *by James Cowan* (*Richmond and C°*). *New-York*. (*Разсвѣтъ*). Желая познакомить читателя со своими соціальными воззрѣніями и нарисовать картину идеальнаго соціальнаго строя въ будущемъ, авторъ увлекаетъ своего читателя на Марсъ, гдѣ онъ находитъ полное осуществленіе всѣхъ своихъ соціальныхъ идеаловъ.

(Literary World).

«*Bohemia; an historical Sketch*» *by Francis Count Lützow* (*Chapman and Hall*). (*Богемія; историческій очеркъ*). Исторія Богеміи очень трагична. Несмотря, однако, на разрушительныя послѣдствія религіознаго движенія, охватившаго страну въ XVII вѣкѣ, все-таки она, и по сіе время, сохраняетъ болѣе другихъ европейскихъ странъ свои характерныя особенности, особенную одежду, необыкновенно живописные средневѣковые замки и старинные города и крайне любопытныя черты характера народа. Вотъ почему исторія Богеміи представляетъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, что европейской читающей публикѣ, вообще, исторія этой страны извѣстна довольно мало.

(Daily News).

«*Contes populaires des Basoutos*» *Recueillis et traduits par E. Jacottot* (*Paris, Leroux*). (*Народныя сказки басутосовъ*). Книга представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу фольклора Южной Африки. Авторъ долго прожилъ тамъ и записалъ легенды и сказки со словъ самихъ же басутосовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ хорошо изучилъ языкъ басутосовъ въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія въ южноафриканскихъ владѣніяхъ.

(Daily News).

«*La Jeune Amérique, Chili et Bolivie*» *par André Bellessort. (Молодая Америка*). Авторъ провелъ полтора года въ Южной Америкѣ, въ Чили и Боливіи, и изучилъ эти страны, какъ поэтъ и безпристрастный наблюдатель. Впечатлѣніе онъ вынесъ грустное, быть можетъ, потому, что при свѣтѣ яркихъ лучей тропическаго солнца темныя пятна выдѣляются рѣзче. Книга сообщаетъ много интересныхъ подробностей о промышленной жизни и объ яростной погонѣ за богатствомъ, главнымъ образомъ бросающейся въ глаза каждому, кто впервые посѣщаетъ эту мѣстность.

(Revue de Paris).

«*Modern Civilisation in some of its Economic Aspects*» *by W. Cunningham* (*Social Questions of to day Series*). (*Современная цивилизація съ экономической точки зрѣнія*). Книга входитъ въ со-

ставъ соціологической библіотеки, посвященной обсужденію современныхъ соціальныхъ вопросовъ. Авторъ съ замѣчательною ясностью излагаетъ сущность такъ-называемыхъ законовъ политической экономіи и разъясняетъ вліяніе разнообразныхъ условій на примѣненіе этихъ законовъ въ народной жизни и вызываемыя этимъ экономическія перемѣны. (Literary World).

«*A Naturalist in Mid-Africa*» *Being an account of a Journey to the Mountains of the Moon and Tanganyika. By G. F. Scott Elliott.* (*Innes and C°*). (*Натуралистъ въ Средней Африкѣ*). Несмотря на свой научный характеръ, книга представляетъ и общій интересъ. Особенно интересны главы, посвященныя описанію миссіонерской дѣятельности въ центрѣ Африки, жизни африканскихъ племенъ и негроторговлѣ, которая продолжаетъ существовать, несмотря на всѣ старанія европейцевъ искоренить ее. (Literary World).

«*Introduction to Political Science*». *Two Series of Lectures by Sir I. R. Sceley, Professor of Modern History in the University of Cambridge (Macmillan and C°). (Введеніе въ политическую науку).* Эти лекціи, служащія введеніемъ къ изученію политической науки, отличаются чрезвычайною ясностью и простотою изложенія. Всѣ эти лекціи касаются только одного предмета: классификаціи государствъ, но онѣ указываютъ замѣчательно ясно, какъ превосходны были методы изслѣдованія покойнаго автора этой книги. Во второй части авторъ изслѣдуетъ англійское конституціонное развитіе въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ. Эту часть можно назвать особенно блестящей, но вообще достоинства книги такъ велики, что ее можно смѣло рекомендовать всѣмъ изучающимъ исторію. (University Extension Journal).

«*Open-air Studies*». *An Introduction to Geology. Out of doors by Grenville A. I. Cale Professor of Geology in the Royal College of Science for Ireland. Illustratio. (Charles Griffin and C°) (Занятія на открытомъ воздухѣ).* Эту книгу можно рекомендовать не только начинающимъ изучать геологію, но и тѣмъ, кто уже достаточно знакомъ съ нею. Авторъ поставилъ цѣлью доказать, что геологія, подобно истинной зоологіи и истинной ботаникѣ, должна считаться «наукой открытаго воздуха». Живой литературный слогъ, которымъ написана книга, указываетъ, что авторъ ея не только серьезный ученый, но и стилистъ. Книга можетъ считаться прекраснымъ введеніемъ въ геологію. (University Extension Journal).

«*Trough the sub-arctic forest*» *A record of 4.000 Miles Exploation in British Columbia and Alaska by Warburton Tike. Illustration and Maps (Edward Arnolds).* (*Черезъ субарктическіе лѣса*). Интересное описаніе путешествія и изслѣдованій по британской Колумбіи и Аляскѣ. Авторъ знакомитъ съ условіями жизни въ этихъ суровыхъ областяхъ. Къ тексту приложены прекрасныя иллюстраціи, сдѣланныя съ фотографій. (Athaeneum).

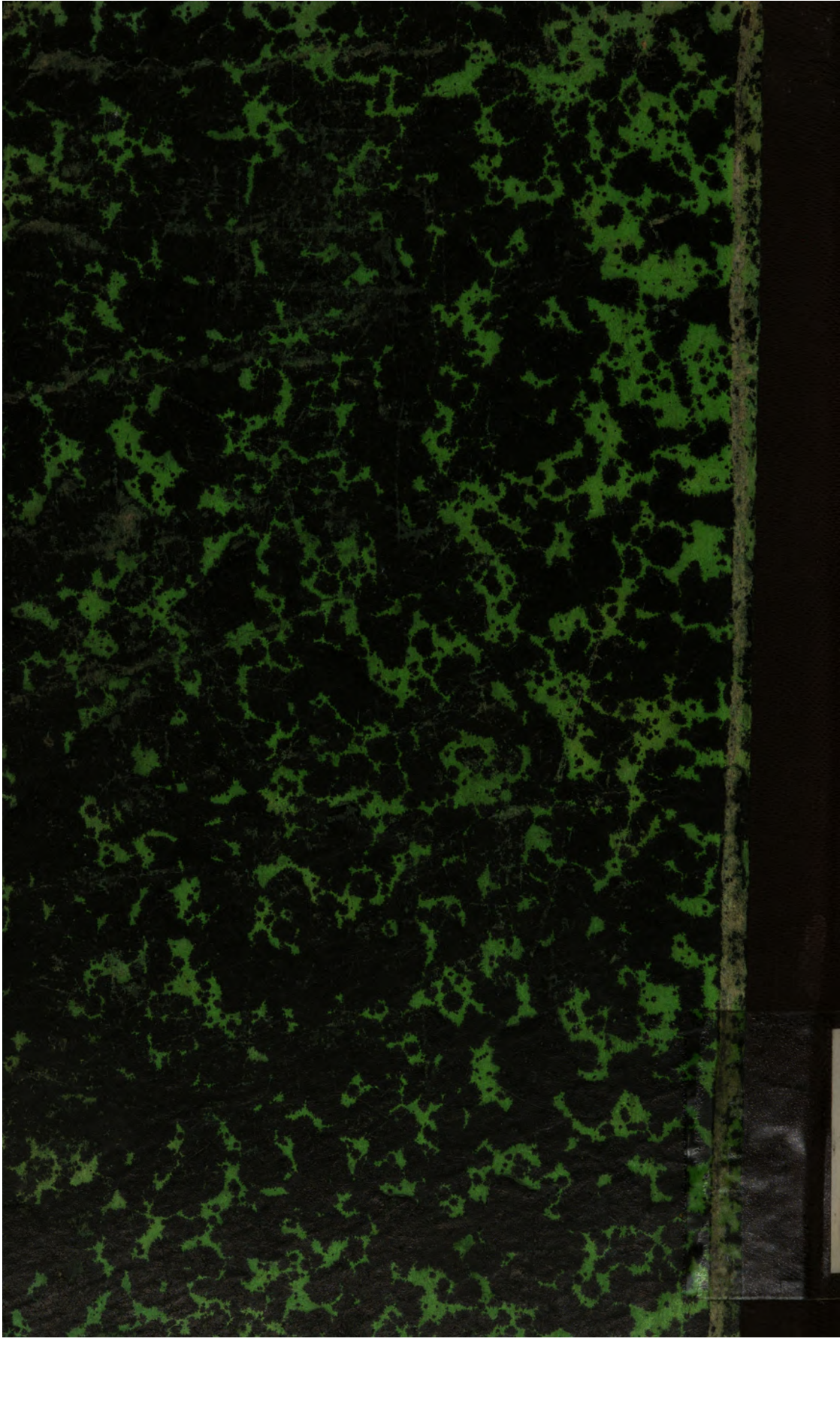
«*Histoire Economique de la Propriété, des Salaires, des Denreés et de tous les prix en général, depuis l'an 1.200 jusqu'à l'an 1.800*» *par le Vicomte G. d'Avenel* (*Paris, Imprimerie nationale*). (*Экономическая исторія Франціи*). Огромный трудъ, представляющій очень подробное и документальное изложеніе экономической исторіи Франціи, развитія земельной собственности, фабричнаго труда. торговли и проч. Во всякомъ случаѣ это—первая попытка написать экономическую исторію и попытка эта должна быть названа удачной. Авторъ вездѣ высказывается въ пользу свободы торговли. (Athaeneum).

«*La Nature et la vie*» (*Régénération de l'homme par le végétal*) *par G. Viaud C. Ch. Mendel* (*Природа и жизнь*). Авторъ—горячій сторонникъ вегетаріанской доктрины, которую онъ излагаетъ въ своей книгѣ съ большимъ энтузіазмомъ, стараясь убѣдить читателя, что люди избавились бы отъ многихъ страданій, еслибъ отказались отъ «некрофагіи», какъ выражается авторъ. Людямъ, интересующимся вегетаріанскимъ ученіемъ, можно рекомендовать книгу для прочтенія, хотя, безъ сомнѣнія, авторъ черезчуръ увлекается вегетаріанскими теоріями. (Revue des Revues).

«*The mystic Flomery Land*» *by Charles S. Halcombe* (*Luzac and C°*). *London.* (*Мистическая цвѣтущая страна*). Авторъ, сотрудникъ шанхайской газеты «North China Daily News», описываетъ свою жизнь и свои приключенія въ Китаѣ. Такъ какъ онъ самъ женатъ на китаянкѣ, то ему очень хорошо знакома семейная интимная жизнь китайцевъ, и онъ сообщаетъ о ней много любопытныхъ подробностей. (Daily News).

«*The Relation of Litérature to life*» *by Charles Dudleby Warner* (*Harpes and Bros*). (*Отношенія литературы къ жизни*). Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои статьи, появлявшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ разное время. Всѣ статьи написаны на одну и ту же тему и имѣютъ цѣлью прослѣдить до мельчайшихъ подробностей связь, существующую между литературою и жизнью. (Daily News).

«*The Pioneers of Evolution fram Thales to Huxlèy. With an intermediate chapter on the causes of the arrest of the movement*». *By Edward Clodd* (*Grant Richards*). (*Піонеры эволюціи*). Очень многіе лишь по названію знакомы съ эволюціонною теоріей и смѣшиваютъ ее обыкновенно съ дарвиновскимъ ученіемъ. Вообще, Дарвинъ является отцомъ весьма различныхъ теорій, касающихся органическаго развитія, и всѣ эти теоріи приписываются ему только по причинѣ весьма смутныхъ понятій, господствующихъ въ обществѣ насчетъ разницы, существующей между его теоріей и эволюціонной доктриной. Авторъ названной книги стремится ознакомить читателей съ эволюціонною доктриной въ очень популярномъ изложеніи и даетъ, кромѣ того, очень интересный историческій очеркъ развитія этой доктрины. Съ этою цѣлью онъ раздѣляетъ свою книгу на четыре части: въ первой онъ говоритъ о греческихъ и римскихъ философахъ и указываетъ, насколько близко они подошли къ современнымъ теоріямъ. Въ слѣдующихъ частяхъ онъ изучаетъ вліяніе христіанской доктрины и различныя фазы развитія человѣческой мысли, освобожденной отъ цѣпей, налагаемыхъ на нее предразсудками. (Literary World).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636668